

Елена КРЮКОВА

СОЛДАТЪ И ЦАРЬ

Переводъ въ до-реформенную орфографію исполнилъ Вячеславъ Мясниковъ

Томъ первый

ПРЕЛЮДИЯ. ВСЕ РАВНО

Чѣмъ больше я живу, тѣмъ яснѣе вижу: земля пульсируетъ кровью, какъ человѣчье тѣло. Если она долго живетъ безъ войны или революціи – она сама себя дѣлаетъ кровопусканіе, будто эта грубо, щедро льющаяся кровь можетъ ее очистить отъ грязи. Выливаясь изъ ея чернаго разрубленнаго тѣла, омыть все, что гніетъ и смердитъ.

Но это иллюзія. Такъ мы говоримъ, чтобы себя утѣшить.

Въ смерти нѣтъ ничего высокаго. Она ждетъ всѣхъ, и меня тоже. Говорятъ: революція прекрасна, она вдыхаетъ въ народъ новыя силы! И онъ бѣжитъ къ яркому свѣту будущаго!

...На свѣтъ полыхающаго страшнаго зарева бѣжитъ онъ, народъ.

...Моя бабушка, Наталья Павловна Еремина, была пятой дочерью моихъ прабабки и прадѣда, а всего дѣтей родилось одиннадцать. Я ловила, какъ котенокъ, клубокъ изъ ея корзины, у ея толстыхъ мощныхъ ногъ, когда она вязала. Или шила – на старой ножной швейной машинкѣ. Нога бабушки ритмично двигалась, ткань ползла изъ-подъ руки.

...Сейчасъ думаю: это ползло, падало на полъ – время.

Баба Наташа держала въ зубахъ нитки, иголки. Когда вязала – и спицы, какъ собака палку. Я смѣялась. Она вынимала спицу изо рта, беззубо и морщинисто улыбалась мнѣ и говорила. Разсказъ будто не прерывался. Я вздыхала и слушала. Вертѣла въ пальцахъ перламутровую пуговицу отъ стараго бабушкинаго сарафана.

Бабушка разсказывала о прадѣдѣ Павлѣ, а потомъ еще объ одномъ человѣкѣ, его другѣ. Звучало это примѣрно такъ, не берусь воссоздать все точнехонько:

– Твой прадѣдушка Павелъ намъ этотъ домъ построилъ. Вѣрнѣй, перестроилъ, изъ ветхаго старья. Плотникъ былъ отмѣнный. Топоръ танцовалъ въ его рукахъ. А ужъ настрадался онъ въ жизни! Гдѣ только ни мучили его. Въ особомъ лагерѣ на Новой-Землѣ – отсидѣлъ пятнадцать лѣтъ. До этого – Соловки. До Соловковъ – Уссурийскъ. До Уссурийска – поселеніе, Минусинская котловина. Тамъ у него и женщина была! Мать знала, сильно плакала. А до Минусинска...

Баба Наташа опять зажимала въ губахъ спицу. Металлъ тонко блестѣлъ, я торопила разсказъ: а дальше?

– До Минусинска... былъ Омскъ... а до Омска – Екатеринбургъ, теперь Свердловскъ... тамъ онъ горячаго хлебнулъ... а до Свердловска – Тобольскъ... А въ Тобольскѣ отецъ прямо съ войны попалъ, изъ окоповъ... А на войну – изъ Новаго нашего Буяна взяли...

Я отматывала, вмѣстѣ съ бабушкой, клубокъ времени назадъ. Разматывала время.

...Только сейчасъ разматала – а вѣтеръ уже разметалъ клочья шерсти, порванные нити.

И вотъ наступило странное и важное время – связать всѣ эти гнилыя, истлѣвшія, летающія по сѣрному вѣтру нити. Нѣчто важное, вѣрное разсказать. Для кого важное? Для меня самой? Или для тѣхъ, кто будетъ это читать и думать надъ этимъ?

Время – вѣтеръ, оно выдуваетъ непрошенныя мысли. Люди привыкають не думать въ тишинѣ, а только работать, дѣлать. Имъ кажется – важныя дѣла. Или отдыхать, наслаждаться.

Почему «хлебнулъ горячаго» въ Свердловскѣ? Почему у этого города два имени? Горячее – это страшное, я догадалась тогда.

Много позже я узнала, уже со словъ моей матери: прадѣдъ Павелъ Еоимычъ, красно-

армеець, служилъ въ отрядѣ, который сторожилъ послѣднюю царскую семью въ Ипатьевскомъ домѣ въ Екатеринбургѣ.

Уже нѣтъ того дома: сломалъ товарищъ Ельцинъ. Или господинъ Ельцинъ, какъ угодно. Нашъ первый президентъ. Я съ замираніемъ сердца спрашивала маму: а правда, прадѣдушка Павелъ разстрѣлялъ царя? Мать прижимала палець къ губамъ. Такъ же, какъ бабушка, она всегда шила – на ручной швейной машинкѣ «Подольская», черной, чугунной, съ золотой вязью по гладкимъ женскимъ бокамъ. И все такъ же ползла изъ-подъ руки, со стола на полъ, разнообразная ткань.

Палець, прижатый къ губамъ, говорилъ безъ словъ: говорить нельзя. Запрещено.

Мама, глазной врачъ, рано надѣла очки. Сапожникъ безъ сапогъ. Толстыя стекла непомѣрно увеличивали глаза. Мы, дѣвчонки, такихъ лупоглазыхъ царицъ рисовали чернилами на школьныхъ промокашкахъ. Она стала портнихой по наслѣдству, домашней, только для семьи. Шить она умѣла все – отъ пальто и шубы до дѣтской распашонки. Все семейство обшивала. Ночами.

Однажды ночью я услышала, какъ она плачетъ. Осторожно ступая босыми ногами, вышла въ большую комнату – мама называла ее «зала». Большими красивыми руками мать вцѣпилась въ чугунную плаху «Подольской», лобъ лежалъ на рукахъ, она всхлипывала. Толстыя очки валялись на полу. Я подошла и погладила ее по плечу. Подняла очки.

«Мама, что ты плачешь?» – спросила я тогда робко. Я не умѣла утѣшать, стѣснялась. Меня ласкали и любили, а я не умѣла ласкать. Боялась. Мать утерла лицо ладонями. Потомъ погладила мнѣ шершавой, будто наждачной ладонью заспанное лицо.

«Дѣда вспомнила. Какъ онъ насъ всѣхъ, сестеръ, любилъ. Меня звалъ Нинусикъ. Точку – Тамочка. Валю – Валеночекъ. А ты знаешь, доченька, вѣдь онъ царскую семью разстрѣлялъ. И на всю жизнь это запомнилъ. А все равно его по лагерямъ затаскали. Не помиловали. Хотя видишь, ради совѣтской власти онъ невинныхъ людей убилъ».

Какъ это невинныхъ, думала я смятенно, вѣдь проклятые цари мучили народъ, стрѣляли въ него, издѣвались надъ нимъ! Надо было обязательно ихъ убить!

Насъ такъ учили въ школѣ. Я не знала другой правды, да и не было ея.

Я стояла, слушала мать, водила пальцемъ по золотымъ вензелямъ на черномъ чугунномъ боку швейной машинки. Машинка напоминала мнѣ черную тяжелую корову. А на корову кто-то накинулъ попону съ золотыми, царскими узорами.

«А когда его увозили на подводѣ изъ Буяна на поселеніе – онъ такъ всѣхъ насъ обнималъ! И плакалъ, и кричалъ: я еще вернусь, вернусь!»

Мать крѣпко вытерла лицо падающей на полъ матеріей. Потомъ она начала, среди ночи, шопотомъ рассказывать мнѣ про молодого прадѣда Павла. «Остались снимки... тамъ онъ такой красивый... и дѣтокъ красивыхъ нарожалъ отъ Насти, да и она была хороша, полька... А про царей онъ намъ рассказывалъ, сажалъ насъ на колѣни и губы мнѣ къ уху прижималъ, – губами щекоталъ... Говорилъ: цари были такіе тихіе. Смирные... Дочери – хорошенькія. Особенно ему нравилась Марія... Онъ всѣ ихъ имена помнилъ, а мы – путали... А потомъ обнималъ насъ и плакалъ. Мы его спрашиваемъ: ты что, дѣда, плачешь? Тогда онъ смѣялся черезъ силу и кивалъ: правильно, солдаты не плачутъ!»

Солдаты. Такъ я и представляла прадѣда Павла – то плотника съ топоромъ въ рукахъ, то солдата – съ винтовкой за спиной.

Онъ стоитъ, винтовка за плечомъ, закуриваетъ махорку, а его окружаютъ солдаты, друзья, толпятся.

...Потомъ всѣ эти солдаты стали приходиться ко мнѣ во снѣ.

Именно солдаты, а не цари, хотя правильнѣй было бы, если бы дѣвчкѣ, по дѣвчачьему чину, снилась царская семья, гордая царица и царевны въ кружевныхъ платьицахъ. И бородатый важный царь.

Я потомъ увидела въ книгахъ фотографіи царя – въ военной формѣ; онъ тоже былъ солдатъ. Для меня тогда не было разницы между офицеромъ и солдатомъ. Всѣ они въ гимнастеркахъ, и у всѣхъ суровыя военные лица. Брови хмурятся. Только одни солдаты дѣлаютъ революцію, а другіе на нихъ нападаютъ, чтобы красную, прекрасную революцію убить.

А потомъ тѣ и другіе объединяются и однажды защищаютъ нашу Родину отъ страшнаго чужого врага.

Когда Гитлеръ напалъ на Совѣтскій Союзъ, прадѣдъ Павелъ отбывалъ срокъ въ особомъ тайномъ лагерѣ на Новой-Землѣ. Сейчасъ есть мнѣніе, что никакихъ такихъ лагерей на Новой-Землѣ не было, ни на островѣ Вайгачъ, ни на островѣ Колгуевъ. И что все это сочиненія досужихъ репрессированныхъ, желающихъ, чтобы какъ можно больше было въ прошломъ секретнаго дикаго страданія. Однако мой прадѣдъ Павелъ тамъ, въ новоземельскомъ лагерѣ, доподлинно сидѣлъ.

Всю войну съ фашистомъ они просидѣли тамъ, на мертвомъ Сѣверѣ, гдѣ бѣлые льды и

красные жуткіе закаты. Гдѣ медленно колыхается, варится сѣрое ледяное олово моря. Они шили для Совѣтской Арміи тулупы и валяли валенки. Валеночки...

И убили Павла Еөимыча, прадѣда моего, при попыткѣ побѣга. Бѣжалъ вмѣстѣ съ другомъ. Сухарей тайкомъ насушили, хранили подѣ старой лодкой. Этому самому другу бѣжать удалось, а Павла подстрѣлили. Часовой, съ вышки, стрѣлялъ мѣтко. Другъ снялъ у Павла съ груди темный, позеленѣлый крестъ. На себя надѣлъ. Съ двумя крестами шелъ. Добрался до Волги, до Костромы. На баржѣ плыль, милости ради. Донесъ до Самары. Отдалъ дочкѣ, Натальѣ Павловнѣ.

Я смутно вспоминала бормотанье бабушки: «Сидѣлъ на кухнѣ... столы газетами покрыли... какъ разъ постъ, пирожки съ картошкой матушка испекла... Крестъ у меня на ладони лежалъ, я его слезами обливала... А этотъ человекъ, царствіе ему небесное, до насъ добрался, какъ хорошо, послѣднюю вѣсточку принесъ...»

И хорошо, ясно помнила я – на шеѣ у бабы Наташи, на груди, чуть ниже яремной ямки, тяжелый мѣдный крестъ, слишкомъ тяжелый и большой, неженскій. Такіе натѣльные кресты носили служилые и торговые люди, солдаты, крестьяне. Мужики. Я залѣзала къ бабушкѣ на колѣни и трогала этотъ крестъ пальцемъ. Онъ не охлаждалъ палецъ, а странно обжигалъ.

Сейчасъ думаю: вотъ онъ носилъ крестъ, Павелъ Еөимычъ. Въ Бога – вѣрилъ. Тогда всѣ вѣрили. Нельзя было иначе. И все же поднйль руку на царей. На своихъ царей.

...нѣтъ, не поднйль... не стрѣляль...

...сейчасъ ужъ не встанеть изъ могилы и не расскажетъ, какъ оно все было.

...Да тогда они уже не своими были, цари-то. Они уже были чужаками въ помѣнявшей одежду странѣ.

Новое платье Россіи сшили, красное.

Стрекотала швейная машинка.

Текла красная ткань изъ-подѣ грубыхъ родныхъ рукъ.

Кровь родная, люди родные, – а цари чужіе.

Нѣмцы. Нѣмчура. Чужіе. Нѣмые. Иные.

Представляла, какъ прадѣдъ Павелъ стоитъ, солдатъ, съ ружьемъ наперевѣсь, и ружейный стволъ – на царя наставляеть. Можетъ, это онъ и убилъ послѣдняго царя?

Честь убить царя пытались присвоить многіе. Цареубійца, это же навсегда въ исторіи! Называютъ разныя фамиліи. Разные люди пишутъ на эту тему мемуары. Такъ до сихъ поръ никто и не знаетъ, кто это сдѣлалъ.

Когда начинается революція или война, нѣтъ правыхъ и виноватыхъ. У каждого своя правда, и онъ борется за нее.

Бабушка рассказывала не только о человекѣ, донесшемъ до семьи Павла Еремина его натѣльный крестъ; а еще объ одномъ другѣ. Съ нимъ Павелъ Еөимычъ вмѣстѣ служилъ въ красномъ отрядѣ въ Екатеринбургѣ.

Этотъ другъ былъ не только прадѣда другъ. Но и бабы Наташи другъ, такъ я понимала.

Потому что она такъ ласково и въ то же время сердито называла его, будто обзывала: «Мишка Ляминъ». Скажетъ: «А, Мишка Ляминъ...» – и рукой махнетъ, будто муху отгоняеть.

То ли презрительно, а то ли озорно.

Будто самого этого загадочнаго Мишку – смѣясь, по рукѣ бьетъ.

Значить, знала она его, этого Мишку.

Въ ящикѣ стариннаго письменнаго стола краснаго дерева у бабушки, среди разныхъ фотографій, лежала и такая: два солдата стоятъ передѣ камерой, глядятъ въ объективъ осовѣло. Слишкомъ долго, видно, держалъ двухъ мужчинъ нерасторопный фотографъ передѣ волшебной коробкой: никакъ не могъ зажечь магній. Я рылась въ ящикѣ, когда бабушка уходила въ молочный магазинъ – за кефиромъ, молокомъ и творогомъ, – доставала изъ ящика пожелтѣлый снимокъ. Кто слѣва, кто справа? Прадѣда Павла я уже узнавала: онъ и правда былъ красивъ. Степной и дикою красотой. Брови вразлетъ, фуражка надвинута на лобъ, узкіе калмыцкіе глаза. Рядомъ пялился въ камеру другой солдатъ. Ростомъ выше Павла Еөимыча. Длинный и нескладный. Шинель мала, чуть выше колѣнъ. Не шинель, а казачій тулупъ. На башкѣ будѣновка. Глаза таращить. Въ отодвинутой вбокъ рукѣ сжимаетъ винтовку, крѣпко упирая ее прикладомъ въ дощатый полъ.

Я глядѣла на снимокъ и со сладкимъ страхомъ думала: а можетъ, это онъ убилъ?

«Мишка Ляминъ, – тихо говорила бабушка, разложивъ на столѣ кефиръ и творогъ, и бѣлая, будто мраморныя, яйца, и мясной горячій пирогъ въ промасленной бумагѣ, глядя изъ-подѣ очковъ на желтый, коричневый, какъ въ печкѣ запеченный, снимокъ въ моихъ ру-

кахъ, – Мишка, рыжий, безстыжий, онъ нашъ, буянскій, онъ же ко мнѣ сватался. А я ему от-казала. Охъ и рыжий! Ажъ красный былъ! Вотъ какой рыжий! Идетъ по Буяну – какъ фонарь горитъ! Издалека видно! И послѣ гражданской войны тоже прїѣзжалъ въ Буянь. Тоже свататься хотѣлъ. Мнѣ сказали. Да я уже вышла за дѣда твоего, Степана. А Мишка – до нашей избы такъ и не дошелъ. Застѣснялся. Ну что жь... Судьба такая».

А что съ нимъ потомъ стало, съ этимъ Мишкой, спрашивала я.

«До генерала дослужился», – съ тяжелымъ длиннымъ, какъ жизнь, вздохомъ отвѣчала бабушка.

...Дѣтей интересуеъ смерть. Можетъ, потому, что они о ней ничего не знаютъ, зато вѣрно и жгуче ее чувствуютъ. Имъ не надо говорить, что всѣ мы умремъ. Имъ на эту тему сняты сны. Иногда снится, какъ ихъ убиваютъ; во снѣ они бѣгутъ, убѣгаютъ, а за ними топотъ ногъ, ихъ настигаютъ и стрѣляютъ въ нихъ. И дѣти вскидываютъ руки и падаютъ животомъ на заборъ. Или на кирпичную стѣну. Или на колючую проволоку. Или просто на землю.

У меня такой сонъ былъ. Онъ приходилъ ко мнѣ нѣсколько разъ. Адская боль, когда вѣтло входитъ пуля. Я ощущала, какъ изъ меня льется горячее, льется кровь. Руки хватались за заборъ – я пыталась, уже умирая, черезъ него перелѣзть. Перелѣзть изъ смерти въ жизнь. Я дѣлала надъ собой страшное усиліе и просыпалась. Кровь, громыхая, толкалась въ уши, разрывая барабанные перепонки. Меня убили, думала я дико и быстро, но вотъ же я проснулась, и все это понарошку.

Кровь толкалась въ сердце, въ губы, въ глаза. Я неистово радовалась, что я жива. Я живу, и это такое счастье! Неужели я когда-то умру? Или меня убьютъ, какъ во снѣ?

Или – убьютъ не во снѣ?

Я запомнила, какъ зовутъ того солдата, съ желтаго снимка. Быть-можетъ, это онъ меня во снѣ убивалъ. А можетъ, кто другой. Это уже неважно.

Когда бабушка Наталья умерла, всѣ ея вещи достались дочерямъ Валентинѣ и Тamarѣ. Нина, моя мать, не получила изъ ереминскаго дома ничего, ни вещицы, ни иконки, ни фотографіи, ни вышитой бабушкиными руками подушки. Хотя очень просила: «Отдайте мнѣ корзинку съ послѣднимъ вязаньемъ и спицами».

...Бабушка сидитъ. Вяжетъ. Во рту держитъ двѣ спицы съ янтарными шишечками-нако-нечниками. На столѣ наперстокъ, серебряный, съ такой же янтарной головкой въ дыркахъ. Ножная финская машинка укрыта холстиной. «Ты знаешь, Леночка, они, отецъ

и Мишка, очень дружили. Переписывались. Отецъ вернулся съ Урала въ Новый-Буянь – ему то-и-дѣло отъ Мишки почту приносили. А отецъ не умѣлъ особо писать, хотя грамотный былъ. Однако Мишкѣ – отвѣчалъ. Карандашомъ царапалъ. Въ Буянь Павелъ Еоимычъ сталъ церковнымъ старостой. Маслобойку завелъ... мельничошку... А потомъ письма перестали приходять. Насъ раскулачили... мельничошку отняли, маслобойку покарѣчили... сломали... Все сломали, все».

...Все сломали, все. Но мы же нашъ, мы же новый міръ построили!

Построили – а потомъ опять разрушили.

А потомъ опять построили.

А потомъ...

И такъ всегда.

Значить, нѣтъ выхода изъ круга?

Я жила и не думала объ этомъ другѣ. О солдатѣ этомъ. Рыжемъ и безстыжемъ. А въ послѣдніе годы вдругъ стала думать и думать о немъ. И видѣть его. Почему-то его, а не прадеда Павла, – ярче, четче.

Что такое смерть? Это когда забываютъ до конца. Напрочь. А жизнь, навѣрное, это то, когда тебя видятъ и помнятъ.

У насъ сейчасъ многіе молодые хотятъ революціи. Мы озираемся по сторонамъ, смотримъ на тѣ земли, гдѣ революціи эти произошли, и хорошо видимъ: да, опять кровь, разруха и смерть. Ничего, кромѣ смерти. Но смерть проходитъ, и приходитъ жизнь. Только она уже совсѣмъ другая.

И изъ смерти, изъ войны или революціи, надо выкарабкаться страшно долго.

Страшно и долго.

Сколько усилій для того, чтобы построить новое!

А что такое новое? Можетъ-быть, это опять время?

А оно старымъ или новымъ не бываетъ. Оно всегда одно.

Его шьютъ и рѣжутъ. Прострачиваютъ очередями. Сшиваютъ петлями висѣлицъ. Ставятъ на немъ огненные заплаты. А оно такое текучее, скользкое. Льется и ускользаетъ.

Недавно мнѣ приснилось, что въ меня опять стрѣляютъ. Но я не убѣгаю. Я стою ровно и тихо. И смотрю убійцѣ прямо въ лицо.

Я хорошо знаю его.

Помню по желтой фотографіи.

Вотъ здѣсь у него морщинка подь глазомъ. Вотъ здѣсь, возлѣ уха, родинка.

Онъ мнѣ какъ братъ. Родной.

...И онъ не опускаетъ винтовку. Онъ стрѣляетъ все равно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*«Да, безконечно много значитъ **видѣть**. Не видѣвшій, не пережившій войны никогда въ ней ничего не пойметъ, это значитъ – не откажется отъ пониманія, объясненія и оправданія ея.*

Полуживая, мы прошли въ оперативную штаба. Тамъ сидѣло нѣсколько офицеровъ: каждый за своимъ столомъ при своей лампѣ и въ ворохѣ своихъ бумагъ. За спиной у каждаго карты, съ синими и красными изображеніями линій нашихъ и нѣмецкихъ окоповъ. Во всемъ бросающаяся въ глаза вытравленность всякой реальности – все: схема, цифра, сводка, исходящая, входящая, телефонограмма, радиограмма... но совсѣмъ не ночь, дождь, глина, мокрыя ноги и горячій затылокъ, лихорадочная, бредовая тоска о прошедшемъ и сладкая мечта о грядущемъ, проклятіе безответнаго повиненія и проклятіе безответственнаго приказанія, развратная ругань, «мордобитіе» передъ атакой, отчаянный страхъ смерти, боль, крики, ненависть, одинокое умираніе, помѣшательство, самоубійство, изступленье неразрѣшимыхъ вопрошаній, почему, зачѣмъ, во имя чего? А кругомъ гулъ снарядовъ, адскія озаренія краснымъ огнемъ... О Господи, развѣ кому-нибудь передать это.

Помнишь наши споры? Я всегда утверждалъ, что пониманіе есть по существу отождествленіе. Война есть безуміе, смерть и разрушеніе, потому она можетъ быть дѣйствительно понятна лишь окончательно разрушеннымъ душевно или тѣлесно – сумасшедшимъ и мертвецамъ.

Все же, что можемъ сказать о ней мы, оставшіеся въ живыхъ въ здоровомъ разумѣ, если и не абсолютно невѣрно, то глубоко недостаточно.

Писать дальше не могу. Сейчасъ пріѣхалъ командиръ изъ лазарета и прислалъ за мной своего денщика, который утверждаетъ, что будто есть свѣдѣнія, что въ Петроградѣ революція...

О если бы это оказалось правдой!»

Федоръ Августовичъ Степунъ.

«Изъ писемъ прапорщика-артиллериста», 1917 годъ

Иней, радужно смѣясь, блестя въ угрюмыми фонарями Николаевского вокзала славнаго города Петрограда, тысячу мелкихъ, лилипутскихъ ножей до крови рѣзали зрачки.

Темно и потно клубился народъ, заталкивая себя, многоглаваго, многоглазаго, кричащаго, въ понуро и мрачно стоящій у перрона длинный эшелонъ. Теплушки и зеленые вагоны – вперемѣшку.

«Дыры теплушекъ досками забьютъ. Надо бы въ вагонъ втиснуться», – темно и бѣшено думалъ Михаилъ Ляминъ, пока толпа вертѣла его, сминала и качала.

Красноармейцы, штыки торчатъ надъ головами, бесполезно, бессмысленно сдерживали напирających людей. Глаза выпучены. Языки межъ зубовъ дрожатъ. Пахнетъ потомъ, будто кислыми щами.

«Потъ челоуѣчій и морозъ не беретъ. Вареву. Ложку кто въ немъ крутитъ?»

Михаилъ хитрился вздохнуть, чуть развелъ локти, они упирались въ людское темное, грязное тѣсто.

Ихъ отрядъ, разнопестрый, вотъ онъ весь тутъ; эти лица онъ уже хорошо знаетъ. Зачѣмъ ихъ большевики направляютъ въ Сибирь? Холодно тамъ. Съ кѣмъ бороться? Въ Томскѣ, сказали, ужъ собрали Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

«Депутатъ. Слово какое... закомуристое».

Да не надо себѣ-то врать; всегда есть въ кого стрѣлять. Казаки по всей Сибири встаютъ противъ новой власти, а ужъ они вооружены, будто на охоту волчью: и ружья, и наганы, и ножи.

А они? Кто они?

Михаилъ, проталкиваясь ближе къ вагону, озирался: рабочіе съ Путиловскаго, рожи буд-

то дегтемъ перемазаны, такъ прочернѣли отъ станковъ; крестьяне изъ Тосно и Гатчины, бороды мочалами торчатъ, желтые, какъ у котовъ, глаза шныряютъ изъ-подъ свалывшихся отъ старости бровей по лбамъ, по верхамъ шапокъ; юнцы въ нескладно сидящихъ шинеляхъ – можетъ, только съ войны явились, и дивятся, что живые остались, а можетъ, вчерашніе юнкера, подъ красное одѣяло подстелились; Михаилъ озирался, раскрывъ ротъ, тяжело, хрипло дышалъ – и вдругъ разомъ, будто сверху, увидѣлъ всю умалишенную толпу и въ ней – себя.

Чьи-то, не Михаила, глаза, а будто бы подъ его лбомъ, жадно схватывали: вотъ они всѣ, давятъ другъ друга, – воры съ Лиговки, часовщики съ Карповки, балтійскіе рыбаки, архангельскіе лодочники, да, богатѣи здѣсь тоже, вонъ жирныя рожи, – бабы съ корзинами и узлами, пищаютъ какъ цыплята, вздымаютъ поклажу надъ головами, чтобы не раздавили, – евреи въ ермолкахъ, еврейки въ дорогихъ серьгахъ, и какъ еще не вырвали изъ ушей съ мясомъ, бандерши и шлюхи, ихъ сразу видать по раскраскѣ, – плотники, матросы, грузчики, у матросни фыксы во ртахъ вспыхиваютъ, пуговицы съ бушлатовъ отлетаютъ, хрустятъ подъ ногами толпы, – медички, курсистки, мѣшанки, торговли солью и козьими платками съ Гостиного двора, пѣвчички изъ сгорѣвшихъ кафе-шантановъ, сестры милосердія въ бѣлыхъ, монашскихъ платкахъ, старухи – кто попугая въ клѣткѣ тащить, кто деревянный саквояжъ, а одна, щеки чернѣй земли, прижимаетъ къ груди ребенка и плачетъ, а ребенокъ слѣпой, ямы глазъ нѣжной страшной кожей заросли, – и солдаты, ихъ тутъ больше всѣхъ, и съ фронтовъ, и изъ самого Питера, и Богъ знаетъ откуда понаѣхали, а теперь вотъ дальше ѣхать хотятъ – если не въ Сибирь, какъ онъ и его отрядъ, такъ въ Нижній, въ Вятку, въ Казань, въ Самару, въ Екатеринбургъ, въ Челябинскъ, въ Уфу: на Востокъ.

Шинели старыя, тертыя, собакой воняющія, новыя, съ торчащими грозно плечами, съ раструбами широченныхъ рукавовъ – въ такой рукавъ, если въ рѣку окунуть вмѣсто бредня, сома можно поймать, – въ дырахъ отъ пуль, въ неловкихъ смѣшныхъ заплаткахъ, съ засохшей кашей подъ воротомъ, съ засохшей кровью на спинахъ и локтяхъ. Коричневыя, мутныя пятна ничѣмъ не отстирать.

«Мѣченые. Какъ и я же».

Михаилъ поехалъ – не отъ мороза: отъ воспоминанія.

Шрамъ черезъ всю грудь. Раненіе въ легкое. Подъ Бродами.

Тогда его и еще двѣсти тяжелораненыхъ погрузили въ санитарный поѣздъ, и поѣздъ постучалъ колесами ажъ до самаго Питера.

Мелькнули странные, давніе бѣлые руки и пальцы, бѣлыя простыни, бѣлые платки съ красными крестами; мелькнули въ сознаниі, дико загорѣлись, вмигъ сожглись и пропали. Толпа напирала, плющила.

«А шинелька-то моя тоже... того... съ пятномъ».

Да, эта его кровь такъ навѣкъ и осталась у него на спинѣ, странной тускло-кирпичной картой дикаго острова посреди болотного шерстяного океана; ничѣмъ не выведешь, да и новье у командира не попросишь, да надо ли?

Теперь глядѣлъ на толпу не сверху – снизу.

Мельтешили ноги. Сапоги, валенки, разношенные боты. Подбитые кожей катанки, сапожки на шнуровкѣ, перепачканныя мазутомъ бурки, лаковыя галоши, высокіе, подъ колѣно, ботинки на кучерявомъ бараньемъ мѣху; и лапти, лапти, много ихъ, такъ и шлепаютъ по грязи, по снѣгу, по крошеву вокзального, битаго дворницкимъ ломомъ льда, и опять сапоги – хромовые купецкіе, свинные солдатскіе, съ подошвами-гирями, со сбитыми носами, рваными голенищами. За однимъ голенищемъ рукоять ножа торчитъ.

Михаилъ тряханулъ головой и обругалъ себя. «Вижу чортъ знаетъ что, брежу».

Вагонъ былъ совсѣмъ рядомъ, и въ него, матерясь, лѣзли люди.

Солдатъ рядомъ съ нимъ сопѣлъ какъ паровозъ. Ну да, ремнемъ утянулся, какъ снопъ, вонъ какъ грудь выпятилъ. Слѣва наваливался грузный казакъ. Михаила по ногамъ била его шашка.

– Э-э-эй! Ну же! Что вазякается! Живѣй! Залѣзай!

На Лямина надавали сзади, и онъ чуть не клюнулъ носомъ по шапкѣ того, что маячилъ впереди, – увѣшаннаго оружіемъ отъ ушей до пятокъ не пойми кого, солдата или разбойника: на боку револьверъ, на другомъ – пистолеть, весь обкрученъ, какъ елка новогодняя, патронной лентой, и еще странныя темныя бутылки на поясѣ висятъ.

«Бомбы. Эка вооружился! Тотъ, кто оружіемъ обвѣсился, точ – но смерти боится».

– Граждане! Граждане! Ну вы мнѣ щасъ ребры сломаети!

– И сломаемъ! И сломаемъ! Недорого возьмемъ!

– Давай, давай! Нажми еще! Мѣсто-то тамъ есь ищо!

– Да никакихъ мѣстовъ нѣтъ ужъ давно! Только на башки ложиться если!

– Навались, ребята!

Бабы визжали. Мужики кряхтѣли и орали.

Ляминъ сам не понялъ, не помнилъ, какъ оказался на вагонной подножкѣ. Рядомъ съ нимъ, впереди и сбоку, моталось знакомое лицо.

– Сашка! – крикнулъ Ляминъ. – Люкинъ!

– Держись, братецъ!

Сашка Люкинъ, бѣлобрысый и дико, какъ кочерга, худой, слѣпо и хулигански подмигнулъ Михаилу.

Казакъ грубо наступилъ Михаилу на ногу. Онъ скрипнулъ зубами. Ткнулъ казака локтемъ въ грудь. Казакъ его – кулакомъ въ спину. Толкаясь и переругиваясь, они оказались внутри вагона. Духота давила хуже людской плоти. Солдатъ Люкинъ хваталъ воздухъ ртомъ.

– Братцы! Выбивайте окна!

– Чортъ! Въ декабрь-то! Какъ двинемся – полегше будетъ!

Ляминъ ощупалъ револьверъ на боку. Кобура не разстегнута;

ремень не срѣзанъ. Не украли, и слава Богу.

– Эй! – крикнулъ Люкинъ. – Отрядъ! Всѣ здѣсь?!

Нестройно, тамъ и сямъ, отзывались, взлетали голоса.

– А командиръ нашъ?!

– Здѣсь командиръ! – кричали изъ набитаго людьми тамбура. – Слушай мою команду! Всѣмъ свободныя полки – занять!

Громкій хохотъ былъ этому голосу отвѣтомъ.

– Да! Займешь, держи карманъ шире!

– Такъ всѣ и растопырились, намъ мѣста уступать!

– А ты, саблей, саблей взмахни! И прогони! Испужаются!

– Обдѣлаются...

– Га-га-а-а-а!

Бабы сидѣли, глядя мрачно, исподлобья, крѣпко прижимая къ себѣ корзины, что-то тамъ внутри корзины мягко, скупое оглаживая. «Кто живой тамъ у нихъ, что ли? Да что не клекочать, не хрюкаеть?»

Каждый свое сокровище съ собой везетъ. Скарбъ на дорогахъ войны растеряется, сгоритъ. А тутъ еще революція. Все вмѣстѣ, одинъ огонь съ одной стороны, другой – съ другой.

Михаилъ толкъся между полокъ, на нихъ уже сидѣли, свѣшивая ноги, и лежали люди.

– Мишка! – заполошно кричалъ Люкинъ. – Греби сюды! Лѣзь, быстро!

Биль кулакомъ рядомъ съ собой по самой верхней, подъ потолкомъ вагона, багажной деревянной полкѣ.

– Вонъ кака широкенька! Умѣстимся обое! А я бы, честно, не тебя бы предпочель, а вонъ ее!

Указалъ пальцемъ внизъ. Михаилъ перевелъ глаза. Напротивъ него странно, въ гущѣ чловѣчьего дорожнаго ада, мерцало лицо. Широкія скулы раздвигаютъ воздухъ. Сильный, торчащимъ кулакомъ, подбородокъ; плотно, въ нить сжаты губы. Прозрачныя сѣрые глаза ожгли льдинами. Онъ только спустя время догадался, что лицо-то женское: слишкомъ нѣжное для парня, для мужика слишкомъ гладкое.

– Эй! – надсаживался Сашка. – Лѣзь сюды, дѣвка!

Женщина, оперевъ ладони въ колѣни, быстро встала, взвилась. И Мишка, и Сашка увидели за ея спиной остріе штыка. А на боку – кобуру. И что она въ сѣрой, грубаго сукна, шинели, тоже увидели. И плечи ея широкія, мужскія – увидели.

– Это ты слѣзай, – сказала она просто и грозно.

Голосъ у нея оказался такой, какъ солдату надо: грубый, хриплый, съ потаенными звонкими нотами.

– Сестренка... – Люкинъ утеръ носъ кулакомъ. – Ну ты чо, сестренка... А то я спрыгну, а ты – кладись...

– Шуруй! – крикнулъ Михаилъ и махнулъ рукой.

Люкинъ спрыгнулъ мигомъ.

Они оба подсадили бабу-солдата на багажную полку. Женщина сладко вытянулась, стащила съ плеча ремень винтовки; Ляминъ пристально смотрѣлъ на ея сапоги. Комья заледевшей грязи оттаивали въ вагонномъ теплѣ. Грязь становилась потеками, темными слезами стекала по сапогамъ.

«Воевала. Гдѣ?»

Онъ чувствовалъ исходившій отъ нея запахъ недавняго пороха.

Такимъ ужъ, слишкомъ твердымъ, было ея голодное лицо. А щеки около губъ – нѣжными, какъ у ребенка.

Его голова торчала аккуратно напротивъ ея блѣдной, медленно розовѣвшей щеки.

Женщина повернула голову и беззастѣнчиво разсматривала его. Тщательно, вниматель-

но, будто хотѣла навѣкъ запомнить. Ему показалось, у нея между рѣсницъ вспыхиваетъ слезный огонь.

– Вы это, – Ляминъ сглотнулъ, – ѣсть хотите?

Она молча смотрѣла.

– А то, это, у меня ржаной коровой. И... селедка. Сказали – норвежская!

Женщина закрыла глаза и такъ, съ закрытыми глазами, перевернулась на-бокъ, лицомъ къ винтовкѣ. Обхватила ее обѣими руками и прижала къ себѣ, какъ мужика. Люди въ вагонѣ орала, стонали, вскрикивали, и Ляминъ съ трудомъ услышалъ въ мѣсивѣ голосовъ женское бормотанье.

– Ты не думай, я не сплю.

Въ полутьмѣ поблескивалъ штыкъ.

«Уснетъ, и запросто винтовку у ней отымуть. Это лучше я буду не спать».

Подумалъ такъ – и съ изумленіемъ наблюдалъ, какъ Сашка Люкинъ укладывается на полъ вагона, между грязныхъ чужихъ ногъ, и уже спитъ, и уже храпитъ. Михаилъ сѣлъ рядомъ съ Сашкой на полъ, взявъ его тяжелую, какъ кузнечный молотъ, башку и положилъ къ себѣ на колѣни, чтобъ ему помягче было спать.

И самъ дремалъ; засыпая, думалъ: «А вѣдь она сказала мнѣ – „ты“».

Колеса клокотали, били въ желѣзные бубны, встряхивали вагонъ. Они уже ѣхали, а имъ казалось, что все еще стоятъ.

...Командиръ отряда, Иванъ Подосокорь, надъ людскими головами, надъ чужими жизнями, стронутыми съ мѣста, кричалъ имъ, краснымъ солдатамъ:

– Молодцы мои! Вы молодцы! Дорогая дальняя, а вы бодрѣй, бодрѣе! Хорошее дѣло затѣяли мы. Всѣ мы! А кто противъ народа – тотъ противъ себя же и будетъ! Поняли?!

– Поняли! – кричали съ другого конца вагона. – А гдѣ ѣдемъ-то, товарищъ командиръ?

– Да Вятку ужъ проѣхали. Балезино скоро!

– Эхъ, она и Сибирь, значить, скоренько...

– Да што языкомъ во рту возишь, како скоренько, ишо недѣли двѣ, три тащиться... глаза всѣ на снѣга проглядимъ...

Много народу сошло въ Нижнемъ. Мѣста внизу освободились; баба-солдатъ слѣзла, встряхнулась, какъ собака, вылѣзшая изъ рѣки, дернула плечами, пригладила коротко стриженные волосы. Михаилъ уже ломалъ на-двое темный, чуть зачерствѣлый коровой, тянулъ половину женщинѣ.

– Протвѣдайте, прошу.

Она усмѣхнулась, опять плечами передернула. Онъ вообразилъ ея голыя плечи, вотъ если бы гимнастерку стащить.

Протянула руку и не весь кусъ схватила, а пальцами – нѣжно и бережно – отломила. Въ ротъ сунула, жевала. Глаза прикрыла отъ блаженства.

– Спасибо, – сказала съ набитымъ ртомъ.

– Да вы берите, берите все.

– Ты добрый.

Взяла у него изъ рукъ и обѣими руками отломила отъ половины еще половину. Ыла быстро, жадно, но не противно. Ротъ ладонью утерла.

Глаза, сѣрые, холодно-ясные, въ Михаила воткнулись.

О чемъ-то надо было говорить. Колеса стучали.

– А вы... на фронтѣ... на какомъ воевали?

– Въ арміи Самсонова.

– Ахъ, вотъ что.

– А ты гдѣ?

– А я у Брусилова. Ранило меня подъ Бродами. Тамъ наступали мы.

– Наступали, – усмѣхнулась. – Себѣ на судьбу сапогомъ наступили.

– А вы считаете, что революція – неправда?

– Я? Считаю? – ему показалось, она сейчасъ размахнется и въ лицо ударить его. – Я съ тобой – въ одномъ отрядѣ ѣду!

– Въ какомъ отрядѣ? Въ нашемъ? Въ Подосокоря?

– Дай еще хлѣба, – попросила.

Онъ протянулъ ржаной. Она ломала и ѣла еще. Ыла, пока зубы не устали жевать.

– А пить у тебя нѣтъ?

Михаилъ смотрѣлъ ей прямо въ глаза.

«Глаза бы эти губами выпить. Ужъ больно холодны. Свѣжи».

– Нѣтъ, – развелъ руками. – Ни водки, ни самогонки. Ни барскихъ коньяковъ.

Она засмѣялась и тихо, долго хохотала, закинувъ голову. Рѣзко хохотъ оборвала.

Люкинъ лежалъ у нихъ подь ногами, храпѣлъ.

Составъ дернулся и всталъ. Люди вываливались, а вваливались другіе.

– Ты глянь-ка, дивися, на крышахъ даже сидятъ!

– Это што. Отъ самага Питера волоклись – такъ на приступкахъ вагонныхъ народъ ка-
тился.

– Кого-то, глядишь, и вѣтерокъ сшибъ...

– Щасъ-то оно посвободнѣй!

– Да, дышать можно. А то духъ тяжелый!

Бодрый, нарочито веселый, съ воровской хрипотцой, голосъ Подосокоря разносился по вагону.

– Товарищи солдаты! Мы – красные солдаты, помните это! На фронтѣ тяжело, а на нашемъ, красномъ, фронтѣ еще тяжелѣй! Но не опустимъ рукъ! И – не опустимъ оружья! Всѣ наши муки, товарищи, лишь для того, чтобы мы защитили нашу родную революцію! И установили на всей нашей землѣ пролетарскую, вѣрную власть! Долой царя, товарищи! Ёдемъ бить враговъ Красной Гвардіи... враговъ нашего Ленина, вождя! Всѣ жертвы...

Крикъ захлебнулся, потонулъ въ чужихъ крикахъ.

Женщина покривила губы.

– Про жертвы ореть, ишь. Мало мы жертвъ видали, такъ выходитъ.

Ляминъ глядѣлъ на ржаную крошку, приставшую къ ея верхней губѣ.

Она учуяла направление его взгляда, смахнула крошку, какъ кошка лапой.

– Можетъ, мы и не вернемся никто изъ этихъ новыхъ боевъ! – весело кричалъ Подосокорь. – Но это правильно! Кто-то долженъ лечь въ землю... за свѣтлое будущее время! За счастье дѣтей нашихъ, внуковъ нашихъ!

– Счастье дѣтей, – сказала женщина вдругъ твердо и ясно, – это онъ вѣрно говорить.

– Вы, бабы, о дѣтяхъ больше мыслите, чѣмъ мы, мужики, – сказала Ляминъ какъ можно вѣжливѣй. А получилось все равно грубо.

– А у тебя дѣти есть?

Опять глядѣла слишкомъ прямо, зрачками нашла и проткнула его зрачки.

– Нѣтъ, – сказалъ Михайлъ и лизнулъ и прикусилъ губу.

Женщина улыбулась.

– Этого ни одинъ мужикъ не знаетъ, есть у него дѣти или нѣтъ. А иногда, бываетъ, и узнаётъ.

– Будемъ сильны духомъ! – звенѣлъ голосъ командира. – Увѣрены въ побѣдѣ! Побѣдимъ навязанную намъ войну! Побѣдимъ богатыхъ тварей! Побѣдимъ враговъ революции, ура, товарищи!

Весь вагонъ гудѣлъ, пѣлъ:

– Ура-а-а-а!

– Гладко командиръ нашъ кричить, точно лекцію читаетъ, – передернула плечами женщина, – да до Сибирюшки еще долго, приустанетъ вопить. Смѣна ему нужна. Можетъ, ты покричишь?

Ляминъ самъ не зналъ, какъ вырвались изъ него эти злыя слова.

– Я къ тебѣ съ заботой, дура, а ты смѣешься надо мной!

Ноздри женщины раздулись, она вродѣ какъ перевела духъ. Будто долго бѣжала, и вотъ устала, и тяжело, какъ лошадь, дышитъ.

– Слава Богу, живой ты человѣкъ. И ко мнѣ какъ къ живому человѣку наконецъ обратился. А то я словно бы въ господской рестораціи весь путь сижу. Только вѣра мнѣ не хватаетъ! Обмахиваться!

Уже смѣялась, но хорошо, тепло, и онъ смѣялся.

– А тебя какъ звать-то?

– Наконецъ-то спросилъ! Прасковьей. А тебя?

– Михайломъ. А тебя можно какъ? Параша?

– Пашка.

– Паша, можетъ?

– Пашка, слышалъ!

Онъ положилъ руку на ея руку.

– Пашка... ну чего ты такая...

Опустилъ глаза: черезъ всю ея ладонь, черезъ запястье бѣжалъ, вился рваный, страшный синій шрамъ. Плохо, на-спѣхъ зашивалъ рану военный хирургъ.

– Что глядишь. Зажило все давно, какъ на собакѣ, – сказала Пашка и выдернула изъ-подъ его горячей, какъ раскаленный самоваръ, руки свою большую, распаханную швомъ крѣпкую руку.

* * *

Залпы нашихъ батарей рвали плотный, гаревой вѣтеръ въ клочки, и Михаилъ дышалъ обрывками этого вѣтра, его сѣрыми влажными лоскутами – хваталъ ртомъ одинъ лоскутъ, другой, а плотная сѣрая небесная ткань снова тянулась, и снова залпъ, и снова трескъ грубо и страшно разрываемаго воздуха.

«Будто мѣшковину на-двое рвутъ. И ею же уши затыкаютъ».

Глохъ и опять слышалъ. Ихъ полкъ держался противъ двухъ германскихъ. Слышно было – австрияки оралы дико; потомъ видно, какъ рты разѣваютъ, а криковъ не слышать.

Орудія жажали мѣрно и обреченно, въ ритмѣ гигантскаго адскаго маятника, будто эти оглушительныя аханья, рвущія нищій земной воздухъ, издавала невидимая огромная машина.

Ляминъ тоскливо глядѣлъ на мосты черезъ грязную темную, тускло блестящую на перекатахъ мятой фольгой рѣку.

«Мосты крѣпкіе. И никто ихъ теперь-то не взорветъ. И подмогу – по мостамъ – они, гаденьши, пришлютъ. Пришлютъ!»

Ахнуло опять. Подъ черепомъ у Михаила вмѣсто мыслей на мигъ взбурлилась обжигающая каша, и хлюпала, и булькала. Показалось, каша эта сейчасъ вытечетъ въ кривой разломъ треснувшей отъ грохота кости.

...снова стали слышать. Въ дымномъ небѣ висѣлъ, качался аэропланъ. Рота, что укрылась въ кустахъ у рѣки, стрѣляла по авіатору, по стрекозино растопыреннымъ дощатымъ крыльямъ.

«Ушель, дрянъ. Спась свою шкуру».

Хилый лѣсокъ устилалъ всхолмія. Лѣсокъ такой: не спрячешься отъ снарядовъ, но и растеряешься среди юныхъ березокъ, кривыхъ молодыхъ буковъ и крѣпенькихъ дубковъ.

«Лѣсъ. Лечь бы въ траву подъ дерево. Рожу въ траву... окунуть... объ траву вытереть...»

Онъ нагнулъ лицо къ рукѣ, мертво вцѣпившейся въ винтовку, и выгибомъ запястья зло отеръ потъ со лба и щеки.

Рядомъ съ нимъ широко шагаль солдатъ Егорьевъ, хрипло выплевывалъ изъ глотки не слова – опять шматки сѣрой холстины:

– За всякимъ!.. кустомъ!.. здѣсь!.. звѣрь! Сидить!

И, самъ звѣрски оскалившись, умалишенно хохоталъ, то ли себя и солдатъ подбадривая, то ли вправду сходя съ ума.

Грохотъ раздался впереди, шагахъ въ ста отъ нихъ.

Солдаты присѣли. Кое-кто на землю легъ.

Егорьевъ сплонулъ и зло глянулъ на продолжавшаго медленно, будто по минному полю, итти Лямина.

– О! Вотъ оно и хрѣнь-то!

Всѣ солдаты смотрѣли на огромную, чернымъ котломъ, воронку, вырытую снарядомъ по склону лѣсистаго холма.

– По насъ щасъ вдарить...

Офицеръ Дурасовъ, ѣхавшій поблизости на хиломъ, сѣромъ въ яблокахъ конѣ, спрыгнулъ съ коня и передалъ ординарцу поводья. Обернулъ къ солдатамъ лицо. И Ляминъ вздрогнулъ. Никогда онъ не видалъ у челоуѣка такого лица. Ни у тѣхъ, кто умиралъ на его глазахъ; ни у тѣхъ, кто сильно и неудержно радовался передъ нимъ.

Изъ лица Дурасова исходилъ яркій, мощный нездѣшній свѣтъ.

– Полкъ! – заоралъ Дурасовъ натужно. – Полкъ, впередъ!

Лютый морозъ зацарапалъ Лямину потную, подъ соленой гимнастеркой, спину. Полы шинели били по облѣпленнымъ грязью сапогамъ. Онъ бѣжалъ, и вокругъ него солдаты тоже бѣжали. Этотъ бѣгъ былъ направленъ, онъ такъ понималъ, не отъ снарядовъ, а именно къ нимъ, это значить, на смерть, – но въ этотъ мигъ онъ странно и прекрасно пересталъ бояться смерти; и, какъ только это чувство его посѣтило, тутъ же справа и сбоку ударили передъ ними еще три снаряда: сначала одинъ, потомъ – сдвоеннымъ аккордомъ – два другихъ. Сильно запахло гарью и свѣжей землей, и вывороченными изъ земли древесными корнями.

– Полкъ! Бѣгомъ! – кричалъ Дурасовъ.

И они бѣжали; и Ляминъ глядѣлъ – а кто-то уже лежалъ, такъ и остался посреди этого молодого дубняка съ разлитыми по землѣ мозгами, съ вывернутыми на молодую траву потрохами; они, живые, бѣжали, и скатки шинелей давили на спины, и саперныя лопатки втыкались подъ ребра, и котелки объ эти лопатки стучали, грохотали, – и люди оралы, чтобы заглушить, забить живыми криками ледяное и царское молчанье смерти:

– А-а-а-а-а! Ура-а-а-а-а!

Дурасовъ опять вскочилъ на коня и вмѣстѣ со всѣми оралъ «ура-а-а-а!» Солдаты выбѣжали на поляну, опять скрылись въ дубравѣ. И снова справа ударило.

«Шестидюймовый... должно...»

Всѣ упали наземь. Ляминъ повернулъ голову. Разлѣпилъ засыпанные шматками земли глаза. Товарищи лежали рядомъ, стонали. Уже подбѣгали санитары, съ черными, сажевыми лицами; укладывали раненыхъ на носилки. Снова въ небѣ мотался аэропланъ. Авиаторъ высматривалъ позиціи врага.

«Это мы – врагъ. А они – нашъ врагъ».

Мелькнула дикая мысль: а эта война, она-то людямъ на кой лядъ?! – но времени ее думать не было. Солдаты поднялись съ земли и вновь побѣжали навстрѣчу огню. Дурасовъ скакалъ на своемъ сѣромъ хиломъ конькѣ, и лицо у него тоже было черное, страшное, – безпрерывно орущее.

– По-о-о-олкъ! Впере-о-о-одь!

Опять жакнуло, и вверхъ вѣеромъ полетѣла, развернулась земля, попадали молодые дубки, и люди повалились на землю – и лежали, къ ней прижавшись, ища у нея послѣдней защиты, а Дурасову нужно было, чтобы полкъ шелъ впередъ. Валились подъ осколками снарядовъ лошади подъ офицерами, и офицеры, раненые, откинувшись назадъ, медленно сползали съ сѣделъ, и ноги офицеровъ путались въ стремяхъ, и лошади падали наземь и тяжестью своей придавливали офицерскія тѣла, а раненые солдаты беспомощно раскидывали руки, царапая землю, беззвучно крича отъ боли, и земля набивалась имъ подъ ногти, подъ тонкую, какъ рыба чешуя, жизнь.

Солдаты лежали, а снаряды свистѣли, падали и разрывались, и Ляминъ утыкался лицомъ въ землю, остро и глубоко нюхая, вдыхая всю ее, какъ вдыхаетъ мужикъ въ постели бабій острый потъ, и странно, зло и весело, думалъ о себѣ: а вотъ я еще живой.

Гремѣло и грохотало, и уши уже отказывались слышать. Глаза еще видѣли. Глаза Лямина схватывали все, какъ напоследокъ, – какъ медленно, будто нехотя, съ закопченными лицами поднимаются съ земли солдаты, и старые и молодые, они теперь всѣ сравнялись, возраста не было, времени тоже: была смерть и была жизнь, а еще – земля подъ ногами, развороченная взрывами, такая теплая, выбрасывающая изъ себя вверхъ, къ небу, стволы и листья, будто желающая деревьями и листьями обнять и расцѣловать вѣчно недосягаемое, холодное небо.

И тутъ Ляминъ самъ не помнилъ, какъ все это у него получилось. Какъ все это взяло да случилось: будто само по себѣ, будто и не онъ тутъ все это содѣялъ, а кто-то другой, а онъ, какъ въ синема, наблюдалъ.

Онъ всталъ сначала на колѣни, быстро оглядѣлъ передъ собою землю, лежащія недвижно и ворочающіяся въ тяжкой боли, въ предсмертьѣ, тѣла, потомъ быстро, уткнувъ кулаки въ землю, вскочилъ, обернулся къ солдатамъ и офицерамъ, что еще на живыхъ, еще не подстрѣленныхъ коняхъ скакали поблизости, крѣпче зажалъ въ рукъ винтовку, поднялъ ее надъ головой и крѣпко, дико потрясъ ею, а потомъ разинулъ ротъ шире варежки и крикнулъ такъ зычно, какъ никогда въ жизни еще не вопилъ:

– По-о-о-олкъ! За мно-о-о-о-ой!

Побѣжалъ. Сапоги тянули къ землѣ, гирями висѣли. Ноги заплетались. Онъ старался ихъ ставить крѣпко, мощно, утюгами.

– За вѣру-у-у-у! За Царя-а-а-а-а! За Отечество-о-о-о-о!

Бѣжалъ, на бѣгу прицѣлился и выстрѣлилъ изъ винтовки.

И рядомъ съ нимъ свистѣли пули.

И онъ не зналъ, вражескія это пули или свои по врагу стрѣляютъ. Бѣжалъ, и все.

Бѣжалъ впереди, а полкъ, топоча, давая сырые листья и влажную пахучую землю, бѣжалъ за нимъ, и дубовыя вѣтви били ихъ по лицамъ, и лѣсъ то разступался, то густѣлъ, и падали люди, и оставались лежать, и бѣжали рядомъ, и просвистѣло слишкомъ близко, Ляминъ скосилъ глаза и увидалъ, какъ подламываются ноги сѣраго въ яблокахъ офицерскаго конька и вываливается изъ сѣдла офицеръ Дурасовъ, какъ ватная рождественская игрушка, и тяжело падаетъ головой въ траву; фуражка откатилась, конь дернулъ ногами и затихъ, а Дурасовъ глядѣлъ бѣлыми ледяными глазами въ небо, будто жадно раскрытымъ мертвымъ ртомъ – выпить до дна все небо хотѣлъ.

– Ура-а-а-а-а! За Царя-а-а-а-а-а! – вопили рядомъ.

Всѣ бѣжали, и онъ тоже. Его обогнали, онъ уже не бѣжалъ первымъ. Свѣжо и ласково пахло близкой рѣкой.

Они, кто живые, подбѣжали къ окопамъ у рѣки, а вдали уже виднѣлись крыши деревни, и Ляминъ, попрежнему сжимая въ кулакъ винтовку такъ, что бѣлѣли пальцы – не разогнуть, видѣлъ – высовываются изъ окоповъ головы, освѣщаются измученныя лица улыбками:

– Братцы! Братцы! Неужели!

– Ужели, ужели... – бормоталъ Ляминъ.

Онъ присѣлъ и сползъ на задѣ въ сырой, отчего-то пахнувшей свѣжей рыбой окопѣ. Окопѣ былъ узкій, неглубокій, заваленный мусоромъ, съ плывущей подъ сапогами грязью.

– Братцы! Солнышки! Да неужто прорвались!

Обнимались.

Кто-то плакалъ, судорожно двигая кадыкомъ. Кто-то беспощадно матерился.

Надъ окопомъ стояли спрыгнувшіе съ коней офицеры. Ляминъ видѣлъ передъ глазами чьи-то мощные, какъ бычачьи морды, сапоги. Черный блескъ ваксы, будто поверхность озера, просвѣчивалъ сквозь слои грязи и глины.

– Кто полкъ поднялъ въ атаку? Ты? Имя?

Михаилъ сглотнулъ. Ему ли говорятъ?

– Ты, слышь, на тебя офицера глядятъ...

– Чего молчишь, въ ротъ воды набралъ? Аль не тебѣ бають?

– Ляминъ. Михаилъ. Еёимовъ сынъ!

Ему показалось, громко крикнулъ, а ротъ едва шевелился, и голосъ меркъ.

– Къ награждѣ тебя приставимъ! Къ Георгію!

Его тыкали кулаками въ бока, стучали по плечамъ, подносили курево.

– Слышь... Георгія дадутъ...

– Дыкъ ето онъ, што ли, васъ сюда привель?.. Охъ, братцы-и-и-и...

Въ пальцахъ, невѣсть какъ, оказалась, уже дымила сигарка. Онъ курилъ и ни о чемъ не думалъ. Сырая мягкая окопная глина плыла подъ сапогами, и онъ качался, какъ пьяный.

Гармошка деревенской свадьбы вдругъ заплѣла подо лбомъ.

Онъ отмахнулся отъ музыки, какъ отъ мухи.

– Милый... да милый же ты человекъ...

– Вотъ, ребята, и смертушка яво пощадила... не укусила...

– Молитесь всѣ, ищо бои главные впереди...

Ляминъ курилъ, и дымъ вился вокругъ пустой, безъ единой мысли, головы.

Онъ и правда плохо сталъ слышать.

«Контузило, видать».

Вдругъ рядомъ заорали бѣшено:

– А-а-а-а! Кровища изъ няво хлещетъ! Она, изъ боку!

Онъ выронилъ сигарку и изумленно скосилъ глаза. Ни удивиться, ни додумать не успѣлъ.

Повалился въ окопную грязь.

...его били по щекамъ, поливали водой изъ фляги.

Онъ открылъ глаза и ловилъ струю ртомъ. Грязную и теплую.

...потомъ полили спиртомъ, у офицера Лаврищева во флягѣ нашелся; перевязали чѣмъ могли. Крови потерялъ толику, да вокругъ рѣзво, рѣзко смѣялись, скаля зубы:

– Царапина! Повезло!

Подбадривали.

Онъ смѣялся тоже, такъ же хищно и весело скалился.

Странно чувствовалъ колючесть, небритость и даже блѣдность своихъ впалыхъ щекъ.

* * *

Германцы прорвали фронтъ на ширину въ десять верстъ.

Германцы торжествовали. Они бѣжали по полямъ, по пригоркамъ, даже и особенно не таясь, не пригибаясь, – наперевѣсь держа винтовки, съ перемазанными грязью и пылью рожами, перекошенными въ почти побѣдномъ, торжествующемъ крикѣ. Кричали взахлѣбъ и бѣжали, и Михаилу казалось – подъ ихъ ногами гудитъ земля.

Бѣлый день, и ясное солнце, и при такомъ чистомъ, ясномъ свѣтѣ видны до морщины всѣ лица – изломанныя воплемъ и искаженныя болью. Русскіе солдаты выскакивали изъ окоповъ какъ ошпаренные. Враги не набѣгали – наваливались. Шли сѣрой волной.

А передъ волной шинелей моталась и рвалась волна огня.

Ляминъ, сморщившись отъ боли въ недавней ранѣ, перескочилъ черезъ убитого, черезъ другого, запнулся, повалился на колѣно, вскочилъ.

– Австріяки-и-и-и-и! – какъ рѣзаное пороса, вопили солдаты.

Кромѣ штыкового боя, ихъ не ждало ничто; и штыковой бой начался быстро и обреченно.

Ляминъ бессмысленно оглянулся. Губы его вылѣпили:

– Батарей... гдѣ же... пулеметы... ребята...

Германцы катились огромной сѣросиней, почти морской волной. Живое цунами осѣдало. Спины горбились. Штыки вонзались въ шеи и подъ ребра. Вопли русскихъ и вопли врага

слѣпились въ единый комъ краснаго, горячаго дикаго крика.

И тутъ заработали пулеметы. Ляминъ размахнулся, всадишь штыкъ въ идущаго на него грудью австрияка – и рухнулъ на колѣни, и шлепнулся животомъ въ грязь.

«Еще не хватало... чтобы свои же... подстрѣлили... какъ зайца...»

Орѣ взвивался до небесъ. Небеса глядѣли пусто, голо, бѣло.

Слишкомъ ясныя, безучастныя плыли надъ криками небеса.

Германцы бѣжали и бѣжали, и рубили воздухъ и русскія тѣла штыками, и остро и солено пахло; Михаилъ раздувалъ ноздри, скользко плыла вокругъ рукъ и живота земля, и солью шибало въ носъ все сильнѣе, солью и сладостью, и вдругъ онъ осозналъ – такъ пахнетъ кровь.

Ея было уже много вокругъ, крови. Въ ней скользили сапоги. Ее жадно впитывала, пила земля.

Земля сырѣла отъ крови. Михаилъ скосилъ глаза: рядомъ стоялъ офицеръ Лаврищевъ, онъ палилъ изъ револьвера куда попадетъ – въ бѣлый свѣтъ, какъ въ копеечку.

Лаврищевъ стрѣлялъ зажмурившись. Плотно, въ нитку сжавъ губы. Лаврищевъ не видѣлъ, какъ на него тучей подъ вѣтромъ несется австриякъ. Широкий, какъ таежная лыжа, штыкъ уже рвалъ гимнастерку и вспарывалъ тѣло. Ляминъ воткнулъ австрияку штыкъ въ животъ. Врагъ повалился, онъ падалъ слишкомъ медленно, и медленно, смѣшно падала его винтовка. Упали вмѣстѣ. Лаврищевъ разлѣпилъ бѣлые пустые глаза.

– Что... кровь?... – невнятно сказалъ Михаилъ и протянулъ руку къ подбородку офицера. Лаврищевъ зубами прокусилъ себѣ обѣ губы.

По губамъ Лаврищева, по подбородку текла кровь и стекала по шеѣ за глухо застегнутый воротникъ гимнастерки.

– Ваше благородіе... – прохрипѣлъ Михаилъ и непонятно какъ и зачѣмъ, нагло, глупо, ладонью вытеръ офицеру кровь съ губы.

И тутъ раздалась трещотка выстрѣловъ – сзади ли, спереди; колѣни Лаврищева подкосились, и онъ повалился въ грязь рядомъ съ убитымъ Ляминимъ германцемъ.

Онъ и мертвый продолжалъ дико, желѣзно стискивать въ кулакѣ револьверъ.

Солдаты выскакивали изъ окоповъ и опять валились туда. Кто: наши, враги, – уже было все равно. Изъ окопныхъ ямъ доносились крики и хрипы. Ляминъ увернулся отъ летящаго ему прямо подъ ребра штыка, самъ быстро и мощно развернулся и ударилъ. Штыкъ вошелъ въ плоть, Ляминъ рѣзко дернулъ винтовку назадъ и выдернулъ штыкъ изъ тѣла врага. Подъ ноги ему валился мальчишкѣ. Ляминъ ошалѣлъ. Отшагнулъ. Ловилъ глазами ускользящія глаза подростка-солдата. Юный австриякъ, выронивъ винтовку, шарилъ скрюченными пальцами по воздуху.

«Ахъ-ха... какой... молоденькій...»

Мальчишкѣ на видъ сравнялось не больше четырнадцати.

«Брось... нѣтъ... не можеть быть того... такихъ въ армію-то не берутъ цыплятъ... украдкой, что ли, убѣгъ...»

Мысли порвались въ клочья и улетѣли по свѣжему вѣтру; люди обступали людей, люди убивали, нападая, и защищались, убивая. Ляминъ спиной почуялъ: сзади – смерть, – повернулся, взмахнулъ прикладомъ и раскроилъ черепъ бѣгущему на него, громко топчущему по землѣ гололобому австрияку. Австриякъ осѣлъ на землю. Ротъ его еще кричалъ, а глаза застыли, и изъ разбитаго черепа на жадно дымящуюся землю текло страшное безымянное мѣсиво, похожее на снятое утрешнее молоко.

Артиллерія старалась, пулеметы били и рокотали, то-и-дѣло захлебываясь, и съ той, и съ другой стороны. Ляминъ слышалъ русскую ругань, нѣмецкія проклятья.

«Боже... сколько жѣ насъ тутъ... а чортъ его знаетъ... тысячи тысячъ...»

Вдругъ онъ какъ-то странно, разомъ, увидаль это жуткое поле, гдѣ въ рукопашномъ боѣ схватились два полка – русскій и германскій, – летѣлъ надъ землей и видѣлъ головы, затылки, узкій блескъ штыковъ, – изъ поднебесья они глядѣлись узкими, уже кухонныхъ ножей, – мѣсилось бѣшеное тѣсто голубо-сѣрыхъ австрийскихъ шинелей и болотное – русскихъ, и чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ плотнѣе смѣшались эти слои – голубой и болотный; еще выше онъ забралъ, и цвѣта шинелей окончательно смѣшались, образовалось одно вспучивающееся, сѣрое, цвѣта голубиныхъ крыльевъ, тѣсто, и на него ложились тѣни облаковъ, облака оголтѣло мчались и то-и-дѣло заслоняли солнце, воздухъ рвался на черныя, бѣлыя, сѣрыя, голубыя, грязныя тряпки, рвалась и летѣла вверхъ вырванная съ корнемъ взрывами трава, рвалась и плакала земля. Онъ все выше забиралъ въ небо, и ему совсѣмъ не страннымъ это сначала казалось, а потомъ онъ словно опомнился – и какъ только опомнился, опять оказался въ гущѣ несчастныхъ людей, пытавшихся убить другъ друга, въ отвратительномъ чловѣчьемъ варевѣ. И тогда понялъ – раненъ; и понялъ – въ спину; и понялъ – не убить. Еще не убить.

Еще – не умерь.

– Еще... не...

Штыки лязгали другъ о друга. Рвались гранаты. Ляминь лежалъ на землѣ, а земля вокругъ плыла и раздвигалась, и онъ непонятно, мягко и сильно вминался въ нее, проваливался, и понималъ: это кто-то наступаетъ сапогами ему на спину, – и рядомъ валялась винтовка, чужая винтовка, германская, и онъ тянулся къ ней, пальцы превратились въ огромные когти, онъ пытался дотянуться и схватить, и не получалось.

Чей-то тяжелый, какъ цирковая гирия, сапогъ наступилъ ему на руку; и запястье хрустнуло.

«Раздавилъ... сволочь...»

Ляминь хотѣлъ завопить, но губы только трудно разлѣпились и бессильно, беззвучно захлопали другъ о дружку, какъ сырая крылья вымокшей въ грязной лужѣ птицы.

Люди рычали, клокотали, какъ котлы съ кипяткомъ, валились, ползли и куда-то бѣжали; сцѣплялись и, соединенные въ страшномъ послѣднемъ объятіи, падали на землю и катались по ней, стремясь зубами дотянуться до чужой глотки, чтобы – подобно звѣрю – перегрызть.

– Мишка! Ты?!

Пальцы Лямина сгибались и разгибались, кровь пропитала подкладку и верхъ шинели. Темнокрасное, грязное пятно расплзлось по спинѣ, и онъ этого уже не видѣлъ: онъ уже не летѣлъ надъ битвой. Онъ былъ просто тяжелораненымъ солдатомъ, и онъ лежалъ въ грязи.

– Бѣгутъ! Бѣгу-у-у-уть!

Край сознания, какъ лезвиемъ, рѣзанула счастливая мысль.

«Наши... переломили...»

Въ тепломъ соленомъ воздухѣ пахло спиртнымъ.

Сладкій, приторный запахъ. Коньякъ ли, ромъ.

Звонъ стекла: кто-то штыкомъ отбилъ горлышко бутылки.

И прямо рядомъ съ нимъ, лежащимъ, уже, можетъ, умирающимъ, – пиль; и Ляминь слышалъ, какъ громко, жадно глотаетъ, чуть не чавкаетъ человекъ; солдатъ? офицеръ? – все равно. Булькаетъ питье. Живое питье. Живой человекъ пьетъ.

«А я что, умерь развѣ?»

Пальцы, скрюченные, воткнулись въ грязь и процарапали ее, какъ сползающую, сторѣвшую вонючую кожу.

– Дай... мнѣ...

Человекъ услышалъ. Спиртнымъ запахло плотнѣе, острѣе.

Рука поднесла къ его губамъ пахнущее господскимъ напиткомъ стекло.

Онъ сталъ глотать и обрѣзалъ сколомъ губы.

Кровь текла изъ спины, коньякъ текъ кровью, губы пачкала кровь, щеконала шею.

– Ты лежи... Щасъ тебя наши... подберутъ... живь!..

«Живь, живь, живь», – пьяно, свѣтло билось подъ набухшими кровью надбровными дугами.

Налетали клубы плотнаго чернаго дыма; это были не газы, слава Богу, не они; такъ смрадно чадилы ручныя гранаты австріяковъ.

Воздухъ пахъ ромомъ, коньякомъ, кровью, грязью и вывороченными изъ земли корнями деревьевъ и травъ.

Ляминь заплакалъ, лежа на землѣ, и изъ глазъ у него вытекали пьяная кровь и горячій коньякъ.

А можетъ, ромъ, чортъ ихъ разберетъ, иноземныя зелья.

...И германцы, и русскіе спѣшили, до захода солнца, прибрать своихъ раненыхъ.

Не до убитыхъ ужъ было.

Выстрѣлы понемногу стихали. Ночь опускалась – чернымъ платкомъ на безумную канарейку.

Наконецъ настала такая тишина, что въ окопахъ стало слышно, какъ поютъ птицы.

Полковой хирургъ вытащилъ пулю изъ спины Лямина, изъ-подъ ребра. И опять ему повезло: хребетъ не задѣтъ, заживетъ – будетъ ходить, и бѣгать будетъ. И – бабъ любить.

Вытаскивалъ безъ наркоза: чтобы утишить боль, далъ глотнуть Лямину изъ своей фляги.

Потомъ вставилъ ему межъ зубовъ палку.

Ляминь пьянѣлъ и трезвѣлъ, и грызъ палку, и стоналъ, и хорошо, что не оралъ, – онъ развѣ дите, орать? Боль, когда рѣзали и пулю изъ него тащили, казалась страннымъ огромнымъ чудищемъ, зубастымъ, чернымъ какъ уголь, съ дымной пастью, – изъ бабкиныхъ сказокъ.

– Ты... ты... тишей... тишей...

Косноязычіе вытекло изъ взнуданнаго рта пьяно, шепеляво.

– Да я и такъ уже осторожно съ тобой, пріятель... осторожнѣй-то некуда...

Называлъ хирурга на «ты», – то ли въ бреду, то ли запанибрата.

Когда рану зашивали – скрежеталъ зубами. Когда зашили – выдохнулъ, захохоталъ безъ звука, затрясся; и самъ вдругъ понялъ, что не смѣется, а плачетъ.

– Отъ радости? Что все кончилось? – спросилъ хирургъ, гремя рукомойникомъ, вытирая дрожащіе пальцы объ окровавленный фартукъ.

Палку вытащили у него изо рта. На языкѣ остался винный вкусъ зеленой, свѣжесодранной коры.

Ляминъ уже не слышалъ. Въ ухахъ вдругъ поднялась волной, встала на дыбы и обрушилась на затылокъ канонада, оглушила, придавила, погребла подъ собой, и онъ, распластавшись лягушкой, раскинувъ руки-ноги, будто парилъ въ ночи летучей мышью, животомъ ощущая подъ собой не доски хирургическаго военнаго стола, а пухъ ненужныхъ нѣжныхъ облаковъ, падалъ и падалъ на близкую, такую теплую, желанную землю, все падалъ и никакъ не могъ упасть.

* * *

...Пашка видѣла противогазъ не въ первый разъ. Однако онъ, какъ живой, выскальзывалъ изъ ея рукъ и странно, страшно блестялъ круглыми стеклами, – въ нихъ должны смотрѣть человѣчи глаза. Ея глаза.

– Ты давай... напяливай...

Она раздувала ноздри, и голову кружило, будто она одна выпила четверть водки. Глаза слезились.

Натаскивала противогазъ на голову, резина больно рвала, вырывала волосы.

«Я похожа въ немъ на индійскаго слона».

– По окопамъ!

Солдаты прыгали въ окопы, валились черными мѣшками: ночь красила все черной краской. Пулеметный грохотъ то стихалъ, то взрывался опять. По траншеѣ солдаты осторожно стали перемѣщаться ближе къ передовой; Пашка оглядывалась – у многихъ на рукавахъ, на шеяхъ, поверхъ штанинъ бѣлѣли на-спѣхъ обмотанные бинты.

«Раненые... и тоже – въ атаку хотятъ...»

Солдаты встали въ рядъ. Плечо вжималось въ плечо. Многорукій, многоногій, многоглавый змѣй. Сейчасъ змѣя будутъ терзать; поджигать; протыкать; колоть и рѣзать. А онъ, несмотря на отмирающіе члены, все будетъ живъ. Живъ.

Пашка слышала свистъ пуль. И все шептала себѣ подъ носъ: не впервой, не впервой, – будто этимъ «не впервой», опытнымъ и насмѣшливымъ, пыталась себя успокоить. Свистъ снаряда звучалъ страшнѣе. Онъ разрывалъ уши. Вотъ опять! Они всѣ повалились на дно траншеи. Пашку и солдатъ, стоявшихъ съ ней плечо къ плечу, обдало кровью и грязью. Коричневое, черное, красное сладко, жутко ползло по кривымъ лицамъ, затекало въ разодранные криками рты.

Ночь шла, но не проходила. Она просто не могла сдвинуться съ мѣста. Она застыла, и застыла грязь, и застыли звѣзды, и стыли на вѣтру, подъ вонючими газами брызги и лужи крови.

Сапоги командира застыли на краю траншеи. Пашка застыло глядѣла на нихъ. Носы сапогъ странно, дико блестяли сквозь грязь и ужась.

– Братцы! Наверхъ! Живѣй!

Стыло блеснулъ подъ Луной штыкъ винтовки, что вздернула вверхъ рука командира.

Всѣ полѣзли изъ траншеи, молясь, шепча, матерясь, тихо вскрикивая: «Мама, мама...»

Офицеры стояли, всѣ до одного, съ нагими саблями. Сабли ледяно застыли, отражая мертвый лунный синій свѣтъ.

Человѣкъ думаетъ всегда, да; но тутъ и мысли застыли; онъ больше не шевелились въ убитой страхомъ и безсловесной молитвой головѣ. Пашка не пряталась за спины солдатъ. Они всѣ уже стояли надъ траншеей. Поверхъ ямы. Поверхъ земли; поверхъ смерти.

Вражій пулеметъ строчилъ усердно и горячо. Солдаты около Пашки, справа и слѣва, падали. Она – не падала.

«Кто это придумалъ?! Къ отвѣту – за это – кого?!»

Стонъ разрѣзалъ, вскрылъ ей грудь. Вотъ сейчасъ она перестала быть солдатомъ Бочаровой.

Смертельно раненый солдатъ стоналъ, какъ обгорѣвшій на пожарѣ ребенокъ.

Стонъ разрѣзалъ ее, а спину хлестнулъ длинной, съ потягомъ, плеткой дикій крикъ:

– Впере-о-о-о-одъ! Братцы-ы-ы-ы-ы!

Тѣ, кто были еще живы, сначала медленно, потомъ все живѣй передвигали ноги по застылой, скованной ночнымъ морозцемъ землѣ; шли еще быстрѣй, еще; вотъ уже бѣжали.

Небо вспыхнуло и раскололось.

«И небеса... совьются въ свитокъ...»

Края рваныхъ мыслей не слѣплялись, какъ края сырого пельменя или пирога. Они бѣжали впередъ, все впередъ и впередъ, такъ было приказано, и даже не командиромъ – кѣмъ-то сильнѣйшимъ, лучшимъ и высшимъ; тѣмъ, кого надо было безпрекословно слушаться, и они слушались, бѣжали и стрѣляли, на бѣгу неуклюже передергивая винтовочные затворы.

– Ребята-а-а-а! Проволока-а-а!

Они, слѣпые отъ страха и огня и ненависти, не видѣли, что добѣжали до вражескихъ заграждений.

Остановились. Тарасились на проволочные ржавые мотки. Пашка подхватила подъ локоть раненаго солдата.

– Петюшка... слышь... ты только не упади... продержись...

– Мы сейчасъ, – хрипѣлъ солдатъ Петюшка, – щась всѣ тутъ... на проволоку этой... на вѣки вѣчные повиснемъ...

Дикій вопль приказа вспоролъ суконный стылый воздухъ. Ночь не двигалась ни туда, ни сюда. Смерть, ея черный ледъ невозможно было разбить ни пешней, ни топоромъ, ни штыкомъ.

Живой ли человекъ отдалъ приказъ? А можетъ, это задушенно крикнуло черное дупло коряваго зимняго дуба?

– От-сту-па-емъ!

И тутъ стылый воздухъ внезапно и страшно сталъ таять, огонь вспыхнулъ по всѣмъ сторонамъ, куда глазъ ни кинь, вездѣ до неба вставалъ огненный, смертный трескъ. Люди пытались бѣжать, итти, ползти обратно, но они потеряли направление; голось командира больше не гремѣлъ надъ ночнымъ полемъ; солдаты безжалостно наступали слѣпо бѣгущими сапогами на раненыхъ, раненые у нихъ подъ ногами вскрикивали, молили о чемъ-то – вѣрно, забрать съ собой, спасти, – но человекъ спасалъ лишь себя, себя лишь несъ въ блаженное укрытие. Пашка бѣжала и оборачивалась на бѣгу и видѣла глаза, что блестѣли въ ночи на землѣ, и руки, что, корчась, съ земли тянулись. Страшнѣ этого она не видала ничего.

Рушились въ траншею, подламывая ноги, выбрасывая впередъ локти, падая на животы, на бокъ. Сползали на задъ. Кто безъ крови, а кто въ крови. То не раны, то смѣхъ одинъ. Раненые тамъ, во полѣ, валяются. Она себя ощупала. Да вродѣ все хорошо съ ней.

– Богородица Пресвятая, – бормотала слѣпо-глухо, – спасибо, Матушка... пошадилъ на сей разокъ...

– Пашка, – ткнулъ ее солдатъ въ бокъ, – у тебя, милаха, хошь какой кусокъ въ карманѣ-тъ завалился?.. а?.. жрать хочу, не смѣйся...

Она зажмурилась. Въ уши все ввинчивались огненные стоны тѣхъ, лежащихъ на землѣ, тѣхъ, что топтали сапогами, равняя съ землей.

Она обернула вымазанное землей лицо къ просящему солдату.

– Хоть бы одинъ, Лука, – губы ея опять мерзли, не шевелились. – Хоть бы... кроха...

Солдатъ вдругъ наклонился, будто собрался падать, и припалъ лбомъ къ ея плечу.

– Пашечка!.. мы-то живы...

Изъ-подъ прижмуренныхъ ея глазъ сочились слезы, прочерчивали по грязнымъ щекамъ двѣ блестѣвшія подъ Луной узкія дорожки.

– Лукашка... брось...

Солдатъ тряся всей спиной, всѣмъ тѣломъ. Кажется, хотѣлъ Пашку обнять. Она этого испугалась.

Присѣла, прислонившись спиной къ глинистой стѣнѣ траншеи. Земля одновременно отдавала ей и свой холодъ, и свое тепло. Подъ закрытыми вѣками вспыхивали и гасли красныя воронки.

Потомъ ея вѣки проткнули насквозь лица, маленькія, меньше спичечной головки, и ярко горящія. Лица глядѣли изъ набѣгающей тьмы, родныя. Пашка шептала имена. Силуанъ. Митя. Севка. Юрій. Агаонъ. Евлампій. Глѣбъ. Игнатъ. Ванечка.

– Ванечка... – прошептала.

У солдата Ванечки, молоденькаго совѣмъ, картаваго, родомъ изъ костромскаго Паренъ-тѣва-Посада, веснушки на веселой рожѣ странно складывались въ рисунокъ птицы, взмахнувшей крыльями.

Ея солдаты. Ея друзья.

Горящія въ ночи лица надвинулись, расширились, надавили на вѣки горячей, молчаливой просьбой, крикомъ о спасеніи.

– Милые... иду къ вамъ...

Пашка сама не понимала, что и зачѣмъ дѣлаетъ. За нее это понимало ея мощно, крѣпко бьющееся въ ребра сердце; оно расширилось, заняло все внутри нея, разрывало ее – на

слезы, на нелѣпые взмахи рукъ, на вздрогѣ неуклюже ползущихъ ногъ. Она выползла изъ окопа и уже подползала по кофейной, шоколадной грязи къ проволочнымъ загражденіямъ русскихъ войскъ, когда сзади раздался хриплый волчій вопль:

– Пашка!.. Куда!..

Она не слыхала. Ползла. Изрѣдка тамъ, сямъ рвали ночь выстрѣлы. Пашка ложилась лицомъ въ грязь и замирала. Она, какъ лиса, притворялась убитой. Когда утихало, ползла снова. Въ перваго раненаго уткнулась голой башкой. Боднула его, какъ баранъ. Замерла. Слушала воздухъ. Ночь текла чернымъ горячимъ грибнымъ отваромъ. Пашка, не вставая съ земли, закинула руку раненаго себѣ за загривокъ, подлѣзла подъ него, ощутила его грудь на своей спинѣ, на лопаткахъ. Поползла обратно.

Солдатъ тяжело давилъ на нее – увѣсистый, рослый. Пашка подъ нимъ себя жукомъ чувствовала, копошащимся въ чьемъ-то жестокомъ кулакѣ. Вотъ окопъ. И солдаты лѣзутъ, раненаго подхватываютъ, волокутъ. Она даже отдышаться не успѣла: не хотѣла. Ея тѣломъ двигала сила, гораздо болѣе могучая, нежели желанье спастись.

«Спасти. Ихъ – спасти!»

Второго волокла. Третьяго. Дышала съ натугой. вмѣсто легкихъ въ груди играла старая дырявая батькина хромка. Она опять отползала отъ родной траншеи и ползла впередъ, ползла туда, на нейтральную полосу, и тамъ вокругъ нея то-и-дѣло рвалась тьма: стрѣляли, и не попадали.

«А заговоренная я».

Прижаться къ землѣ. Вжаться въ нее. Еще плотнѣе. Еще крѣпче, безусловнѣе.

Такъ прижаться, чтобы ни одна чортова пуля не царапнула тебя, не сразила.

Ночь, ты что, и вправду застыла кускомъ черной пахучей смолы? Когда ты, мать твою въ Бога душу, растаешь?

Она уже ловко подползала подъ раненаго; уже ловчѣй ползла съ нимъ на спинѣ. Возила щекой по землѣ, отирая землей и грязью липкій, какъ медь, потъ. Сбрасывала спасеннаго въ окопъ, и его тутъ же подхватывали на руки; и кто-то снизу крикнулъ пронзительно:

– Пашка! Господь не забудетъ тебя!

Настала мигъ, когда она, ловя воздухъ ртомъ, больше не могла ползти за ранеными: тѣло уже не слушалось. Ноги и руки люто ныли. Она столкнула въ траншею послѣдняго, спасеннаго ею солдата и растянулась на землѣ безъ силъ. Все куда-то провалилось: и земля, и небо, и выстрѣлы, и стоны. Остались только боль, и мокрое ея лицо, и стыдъ – почему силы покинули тебя, сильная ты вѣдь, Пашка, а что сплеховала, такъ тебя и растакъ.

А потомъ и стыдъ улетѣлъ. Зато прилетѣлъ разсвѣтъ, наконецъ-то.

И сизый голубиный тусклый свѣтъ нѣжно, пуховой деревенской шалью, укрывалъ Пашку, мертво лежащую на краю окопа: куда рука, куда нога, пластается по землѣ звѣремъ, землю обнимаетъ, а земля ее несетъ на черномъ блюдѣ, – всю ее, гордую перелетную, подбитую птицу, со вѣсьм ея пухомъ, костями и потрохами, перемазанное сильное, жилистое бабье тѣло, тяжелую простоволосую голову, и волосы ужъ отросли, стричь пора, и земля подъ ногтями, и на землѣ – отпечатки ладоней, и полосы крови прочерчиваютъ землю, колкій утренній снѣгъ.

...Раненыхъ на пунктѣ сбора спросили, кто жъ такой смѣлый ихъ вынесъ съ поля боя. Раненые въ одинъ голосъ повторяли: «Пашка, Пашка Бочарова».

Пашку къ вечеру вызвали къ командиру. Глаза ея потеряннo выхватывали изъ сумерекъ мѣдныя пуговицы на командирскомъ кителѣ, серебряныя лопасти креста, морщинистые пальцы, виски офицера, будто усыпанные жесткой холодной порошей, – а шевелюра темная, – блескъ вставнаго серебрянаго зуба, тусклую красную ягоду лампадки у иконы, надъ головами людей, въ красномъ углу. У нея занималось дыханіе, вдохъ и выдохъ давались съ трудомъ. Она стѣснялась этого простуднаго, хриплаго сопѣнія. Старалась тише дышать. Опустила глаза и глядѣла себѣ подъ ноги, на носки грязныхъ сапогъ.

«Грязная я... И сапоги не почистила... кляча водовозная...»

– Солдатъ Бочарова, ближе подойди.

И командира глотка странно, съ дрожью, хрипѣла.

Пашка шагнула впередъ и чуть не наступила сапогомъ на сапогъ командира. Вплотную, носъ къ носу, стояли сапоги – начищенный командирскій и грязный Пашкинъ.

– Солдатъ Бочарова! Награждается орденомъ святого Георгія четвертой степени... за исключительную доблесть, проявленную при спасеніи множества жизней русскихъ солдатъ подъ огнемъ... непріятеля...

Пашка закрыла глаза, потомъ опять открыла ихъ. Смотрѣла въ лицо командиру.

По щекамъ командира катились слезы, а ротъ улыбался, и желѣзный зубъ звѣздой блеснѣлъ.

Пальцы командира смущенно зашарили по Пашкиной груди, прикрѣпляя къ гимнастер-

къ орденъ, и Пашка скосила глаза и видѣла, какъ въ центрѣ серебрянаго креста съ тяжелыми, какъ у мельницы, лопастями скачетъ всадникъ на бѣломъ эмалевомъ конѣ, и въ рукѣ у всадника крохотное копье, и имъ онъ разить змѣя. Голова у нея закружилась, она подняла взглядъ, сцѣпила зубы и выпрямилась, а командиръ, кряхтя, все возился съ орденомъ, не могъ прикрѣпить, и крестъ все падалъ ему въ ладонь.

Наконецъ получилось.

Слишкомъ близко моталось лицо командира. Глаза въ глаза воткнулись.

– Служу Царю и Отечеству! – громко выкрикнула Пашка, и щеки ея, отъ взбѣжавшей въ лицо ярой густой крови, стали краснѣе лампы.

И случилось странное. Ей казалось – все колышется, плыветъ во снѣ. Командиръ обнял ея, какъ отецъ – дочь, и вытеръ мокрую отъ слезъ щеку объ ея погонь, о болотную траву гимнастерки. И, отнявъ лицо, ея ладонью утирался.

– Спасибо тебѣ, Пашенька. Спасибо. Спасибо, родная, – только и повторялъ, тихо и сбивчиво, еле слышно, стискивая руками ея плечи, и сквозь рукава поджигалъ Пашкину кожу огонь командирскихъ ладоней, и Пашка, оборачиваясь, оторопѣло видѣла: всѣ вокругъ, въ ставкѣ, стояли навтыжку, молча, и у всѣхъ глаза солено блестѣли.

* * *

Война катилась, война варила свое варево, а люди – свое, и война ревновала людей къ людской пищѣ, она злобно и торжествующе разбила вражьи снарядами полевую кухню, и голодь заползъ въ желудки солдатъ длинными черными червями. Очумѣло трещали пулеметы. Новобранцы кричали и громко молились. Отдали приказъ о наступленіи. Солдаты выбирались изъ окоповъ и бѣжали впередъ, и падали, и проклинали міръ, себя и Бога. А потомъ, лежа на землѣ, умирая, просили у Бога прощенья, но Онъ не слышалъ ихъ. Дымъ налеталъ и скручивалъ грязной тряпкой, выжималъ легкія, люди кашляли и падали, крючась, прижимая руки къ животу, ихъ рвало прямо на сохлую траву, на наледь, на липкую, какъ черный клей, землю. Солдаты выдвинули штыки впередъ, бѣжали, не видя и не слыша ничего – еще живые, уже безумные. Германцы отбивались. Русскіе напирали. Всѣмъ казалось: еще немного, и это будетъ послѣдній бой!

Пашка стояла на краю вражескаго окопа, когда ея нога вдругъ налилась горячей горечью и желѣзно онѣмѣла. Она падала, не вѣря, что падаетъ, и не вѣря, что именно такая бываетъ смерть. Рядомъ съ ней орали: «Ребята! Неприятель бѣжить! Мы гонимъ его! Гонимъ!» Съ винтовками наперевѣсь бѣжали солдаты, съ лицами злыми и радостными. Пашка лежала, такъ смиренно лежитъ на землѣ лишь срѣзанный серпомъ колось, и рядомъ съ ней такъ же тихо, покорно лежали раненые солдаты. Самый ближній плелъ языкомъ:

– Боженька... Божечка... молю Тебя... умоляю... дай мнѣ жить... дай...

Нога все горячѣла и твердѣла, и сапогъ наливался кровью, какъ бокалъ виномъ. Пашка глядѣла въ небо: тамъ сквозь лоскутья тучъ робко вспыхивали и гасли звѣзды. Она не хотѣла смотрѣть въ небо. Слишкомъ далекое, чужое было оно.

Она закрыла глаза.

«Умирать буду... да наплевать... когда-то – надо...»

Появились санитары съ носилками. Взвалили ея на носилки. Несли, и тутъ она опять глаза открыла и міръ видѣла – бѣшено ревущей, а потомъ опять тихій, безъ шороха и свиста, бѣдный, подорванный сумасшедшими людьми міръ, и на пунктѣ первой помощи ей промывали и перевязывали рану, и она не издала ни крика, ни стона, ни звука. До санитарнаго поѣзда ея, вмѣстѣ съ другими ранеными, везли въ кузовѣ тряскаго грузовика, и она лежала и видѣла другихъ людей, что рядомъ съ ней лежали, не поворачивая головы, – будто сама стала зрячимъ дощатымъ кузовомъ машины, зрячимъ солнцемъ, зрячимъ равнодушнымъ небомъ.

Ихъ доставили въ санитарномъ поѣздѣ въ Кіевъ, и на вокзалѣ, что кишѣлъ ранеными и калѣками, стоналъ однимъ попрошайнымъ, длиннымъ липкимъ стономъ, ихъ снова закинули, какъ безсловесныя дрова, въ новый грузовикъ, и долго везли, и тряслись раненые бѣдныя тѣlesa по булыжнымъ кіевскимъ мостовымъ; а въ Евгеньевской больницѣ такъ же грубо сгрузили и разнесли на носилкахъ по палатамъ, и уложили каждого на койку, и Пашка озиралась – кругомъ мужики, она одна тутъ баба, а какъ же подъ себя тутъ въ судно медицинское ходить, вѣдь стыдоба одна!

«Значитъ, придется въ нужникъ пѣшкомъ шастать. Некогда разлеживаться».

Поглядѣла на свою забинтованную ногу. Ногу ея санитары положили поверхъ одѣяла, какъ замерзшее въ зимнемъ сараѣ бревно. Пришелъ одинъ докторъ, затѣмъ другой, послѣ и третій; ногу мяли, ощупывали, тыкали въ плотные бинты жесткими пальцами, подымали и опускали, провѣряя подвижность тазобедреннаго сустава. Доктора говорили межъ собой на

красивомъ птичьемъ языкѣ, и Пашка ловила ухомъ лишь отдѣльные слова: инъекціи... боль... морфинъ... спиртовые компрессы... стрептоцидъ, іодоформъ... изсѣченіе омертвѣвшихъ тканей... загрязненіе земель... хирургическое вмѣшательство... и еще много чего ловило ухо, ловило и упускало, и съ внезапной жалкой мольбой она глядѣла въ лица докторовъ, на ихъ умные лбы, на бѣлые снѣговья шапочки: ну помогите! помогите! я не умру? не умру?.. – а потомъ стыдно лицо отвернула, глядѣла пусто, холодно въ закрашенную масляной краской больничную голую стѣну.

«Да и пускай къ чертямъ умру!»

Шли дни и мѣсяцы, она дней не считала, календаря въ больницѣ не водилось, лишь сестру милосердія можно было попытать тихонько: скажи, моль, милушка, какое нынче число? И годъ какой, забыла. Ей сообщали и число, и мѣсяць, и годъ. На вопросъ: идетъ ли война? – ей отвѣчали: а какъ же, идетъ, куда она денется, – и темнымъ заволакивало подо лбомъ, и жаромъ полыхали безслезныя вѣки.

* * *

Руки, ноги, головы, туловища. Оторванныя ступни. Безпризорныя, навѣкъ брошенныя и людьми, и птицами, и небесами тѣла.

Не приберуть. Не похоронять. Не споютъ литію.

Полкъ сидѣлъ въ захваченныхъ давеча германскихъ траншеяхъ. Лямину безумно хотѣлось ѣсть и курить. Онъ не зналъ, чего больше хотѣлось. Ему все равно было, какое тутъ рядомъ село или городъ какой, а завтра, видать по всему, ихъ всѣхъ ждало большое сраженіе; и уже давно всѣ, и онъ въ томъ числѣ, перестали думать, послѣднее оно въ этой войнѣ или будетъ еще сто, тысяча такихъ сраженій, и еще сотни тысячъ живыхъ людей станутъ мертвецами.

Мысль притупилась. Казалось: война шла всегда и будетъ итти всегда.

Ляминъ пытался пронизать темень взглядомъ.

– Не видать ничего, братцы...

– А вонь-то, вонь-то какая...

– Да, смердятъ.

– Трупы воняютъ... не могу больше терпѣть, братцы...

Для тепла солдаты садились на мертвецовъ, чтобы не сидѣть на холодной землѣ. Михайль вытянулъ ноги. Онѣ гудѣли. Онъ положилъ сначала одну ногу, потомъ другую на валявшійся передъ нимъ въ траншейной грязи трупъ. Ногамъ стало мягче, привольнѣй. Михайль бросилъ руку вбокъ – и пальцы ощутили мертвое лицо, мертвые чьи-то губы, носъ. Онъ отдернулъ руку и выматерился.

Солдаты рядомъ съ нимъ вздохнули: пожевать бы чего! – кто-то дрожалъ и стучалъ зубами такъ громко, что всѣ этотъ костяной стукъ слышали. Ляминъ сидѣлъ на трупѣ и самъ себя дивился.

«Вотъ сижу на мертвякѣ, и меня не тошнить, и даже не блюю, и даже... улыбаюсь...»

Онъ и правда попытался тихо, дико улыбнуться. Губы раздвинулись.

– Ты чо скалился, Мишка?

Онъ опять стиснулъ губы.

Его мертвецъ спросилъ? Или онъ самъ себя спросилъ? Или другъ, еще живой?

«Всѣ мы тутъ чертямъ друзья. И за то, что человѣковъ убиваемъ, – точно въ аду поджаримся, всѣ до одинаго».

Думалъ страшно и холодно: вотъ сижу на трупѣ, а почему такъ тепло, онъ что, не мертвый подо мной? Вытянулъ руку, чтобы пощупать трупъ, и рука вдругъ попала во что-то скользкое, и вправду теплое, плывущее, расплзающееся подъ слѣпыми пальцами.

Тьма не давала разглядѣть, но Михайль и безъ того понялъ: подъ пальцами, ладонью – развороченный, взрѣзанный животъ.

Тьма поднялась изнутри, дошла до глазныхъ впадинъ и застлала, смяла обрывки мыслей.

Онъ еще мигъ, другой сидѣлъ на еще не остывшемъ трупѣ; еще держалъ руку въ чьемъ-то разорванномъ брюхѣ, еще пальцы щупали скользкость кишокъ; и не помнилъ, какъ руку вынулъ, и не чуялъ, какъ, мягко заваливаясь набокъ, упалъ.

...очнулся въ блиндажѣ. Въ лицо ему остро свѣтилъ электрической фонарь.

– Очухался. Солдатъ! Эй!

Михайль щурился на свѣтъ.

– Фамилія!

– Ляминъ.

– Състь можешь?

Ляминъ, кряхтя, сълъ.

– Чай сейчас дадут. Удержишь?

Онъ протянулъ обѣ руки къ подстаканнику. Обжегъ ладони, но руки не отдернулъ. Поднесъ чай къ носу. Въ граненомъ толстомъ стаканѣ коричнево, густо колыхался щедро заваренный чай – заварку добрая рука мощно сыпанула въ стаканъ, она разбухла и заняла полстакана.

– Не обезсудь, безъ сахарку.

Онъ уже хлебаль чай, обжигая ротъ, дуя въ стаканъ, грѣя руки, пилъ и пилъ, вглатываль коричневый огонь, стараясь забыть, а можетъ, запомнить.

Вотъ сейчасъ захотѣлось кричать.

Онъ съ трудомъ подавилъ крикъ, загналъ внутрь себя, какъ березовымъ швыркомъ.

Вокругъ него, сзади и сверху пахло землей, кровью, снѣгомъ и горячимъ чаемъ.

Тутъ подоспѣла атака неприятеля. Снаряды лупили сначала мимо, потомъ все болѣе точной становилась наводка. Прямо надъ блиндажомъ разорвался снарядъ, и голосъ рядомъ тихо сказалъ:

– Выходъ бревнами завалило. А можетъ, и землей.

«Все, это все, кончено».

Ляминъ все еще держаль въ рукахъ горячій подстаканникъ, когда ахнуло такъ мощно, что уши пронзила толстая спица рѣзкой, яркой боли. Онъ прижалъ стаканъ къ груди. Чай выплеснулся ему на портки. Жажнуло еще, снарядъ пробилъ крышу блиндажа, и на Лямина стали валиться люди. Чужой спиной ему придавило лицо. Чужой рукой – горло. Фонарь погасъ. Онъ валялся въ углу блиндажа, засыпанный землей, заваленный бревнами и людьми. Убиты они или ранены, онъ не зналъ. Онъ могъ еще думать; они уже не могли.

Снаряды выли и падали, выли и разрывались – то надъ блиндажомъ, то вблизи, то поодаль. Обстрѣлъ шелъ плотный и частый. Германцы не жалѣли боевыхъ запасовъ. Ляминъ пошевелился, выпросталь голову изъ-подъ мертвой спины. Убитый офицеръ. Минуту назадъ онъ угощаль его чаемъ.

Рукавъ гимнастерки промокъ отъ крови.

Онъ вывернулъ руку, пытаясь рассмотреть, куда ранило.

Это осколки стакана врѣзались ему въ локоть, въ плечо.

...Приказъ итти въ атаку онъ уже воспринималь такъ, какъ автомобиль воспринимаетъ поворотъ руля. Повернули – ѣдетъ. Затормазили – встаетъ. Они всѣ и правда стали уже немного не людьми. Что-то желѣзное, шестереночное появилось въ нихъ.

Перебрались черезъ ничейную полосу. Ляминъ оглянулся: лица у солдатъ тяжелыя, жестко-квадратныя, скулы выпираютъ надъ воротниками шинелей; идутъ ровно, размѣренно, неуклонно. Идутъ и знаютъ: вотъ сейчасъ убьютъ.

Смерти боялись все такъ же. Но она такъ пропитывала собой все сущее, какъ причастное вино – причастный хлѣбъ, что страхъ этотъ былъ уже не страхъ, а такъ, баловство ребячье. Надъ нимъ смѣялись; надъ собой – смѣялись.

Проволочныя загражденія германцевъ стояли цѣленькя. Огонь русской артиллеріи не тронулъ ихъ. Солдатъ Рындыкъ, Мишкинъ пріятель, сплюнулъ досадливо.

– Ишь. Будто щасъ натянули. Не проберемся мы черезъ эти колючки! И мечтать нечего!

Пятились.

Всѣ пятились, а Ляминъ повернулся къ германскимъ окопамъ спиной.

Рындыкъ ощерился.

– Ты, гли-ко, молчать, не пуляютъ...

И только сказалъ – вокругъ Мишки земля встала черными вѣрами.

Всѣ скопомъ побѣжали, грязь подъ ногами свински чавкала. Молча бѣжали. Врагъ стрѣляль имъ въ спины. Вотъ одинъ упаль. Вотъ другой. Ляминъ сильнѣе сжалъ стволъ взятой наперевѣсъ винтовки.

«Сейчасъ... въ меня...»

Не ошибся. Пуля, пропѣвъ, вошла подъ колѣно. Еще пронзительнѣе пропѣла другая – и раздробила локтевой суставъ. Третья просвистѣла – воткнулась въ бокъ; стало невыносимо дышать. Тьму ртомъ ловилъ, откусываль, воздухъ грызъ.

«Мѣтко стрѣляетъ нѣмецъ... на мушку – почему-то – подлецъ – меня... взять...»

Ляминъ еще немного пробѣжалъ, подволакивая раненую ногу. Потомъ боль скрутила рѣзкой, мгновенной судорогой, и онъ упаль.

...сколько такъ лѣжалъ, не могъ бы сказать. Часъ? День? Два?

Рядомъ съ нимъ умирали люди. Они просили не о жизни – о смерти.

– Боже... Господи... возьми меня скорѣй къ Себѣ... не мучь Ты меня больше...

– А-а-а!.. Умереть... сдохнуть хочу...

Солнце вошло. Наползли тучи. Укрыли его – такъ немощную старуху укрываютъ те-

плою шалью. Тучи бѣжали и летѣли, и рвались, и снова кто-то громадный, молчащій сшивал ихъ и размахивалъ ими надъ бездной.

«А если возьмутъ въ плѣнъ?.. да, въ плѣнъ...»

Мысль о плѣнѣ не казалась позорной. Это была мысль о жизни.

А боль все росла, мощнѣла и становилась сильнѣе жизни.

...онъ слышалъ голоса. Голоса возникали то справа, то слѣва, то поднимались, росли изъ-подъ земли, и тогда онъ пугался – это не могли быть голоса людей, онъ понималъ: это голоса подземныхъ, адовыхъ существъ, и вотъ оно, наказанье за многогрѣшную жизнь, за эту войну, гдѣ погрязли они, потонули въ крови и проклятыяхъ.

«Адъ, онъ настоящій... онъ – близко...»

Голоса исчезали, и онъ думалъ обнаженно и открыто, словно у него былъ голый мозгъ, безъ черепа, нагло подставленный всѣмъ вѣтрамъ: а вѣдь вотъ онъ, настоящій-то адъ! Вотъ – онъ въ самой его сердцевинѣ! И не надо далеко ходить, и въ старыхъ пожелтѣлыхъ Библияхъ его искать. Они – въ аду, они сами – кровеносные сосуды ада, его сухожилия и кости, его черное нищее сердце, и оно брызгаетъ черной кровью, и подкатывается къ горлу міра, къ ангельскимъ небесамъ.

«Мы – и есть адъ! А ангеловъ – нѣтъ! Есть только адъ, а Бога – нѣтъ!»

Вспомнилъ чай, что началъ пить намедни въ блиндажѣ. Вспомнилъ бѣднаго офицера. Вспомнилъ много чего, и нужнаго и ненужнаго; солнце стояло въ зенитѣ, потомъ катилось внизъ, въ сѣтчатую лузу прибрежныхъ кустовъ, господскимъ, слоновой кости, бильярднымъ шаромъ.

Стрѣляли рѣдко. Четко.

«Можетъ, снайперы...»

Хотѣлось чаю. Хотѣлось горячаго супу. Воображалъ миску съ супомъ, и косточка дымитъ мозговая.

Поворачивалъ голову. Его рвало на занесенную снѣгомъ ржавую сухую траву.

Давно сгибли подъ лобной костью всякія жалкія мыслишки о санитаряхъ, о госпиталяхъ, о спасеніи, о непонятной будущей жизни, – давно ужъ мыслила не голова, а все израненное тѣло – сочащіяся кровью руки, ноги. Бокъ тоже мыслилъ; бокъ говорилъ ему: вмѣсто меня у тебя тутъ уже мѣсиво изъ обломковъ костей и крови, а можетъ, и селезенка пулей проткнута, а почему же ты все еще живешь, скажи?

...вдали лязгали желѣзомъ о желѣзо. Желѣзный брякъ раздавался, и плыли запахи.

Пахло супомъ.

Германцы ѣли супъ. Гремѣли котелками.

...возникла великая тьма, а потомъ истаивала, и вмѣсто нея надъ головой, слишкомъ близко, появлялись огромныя птицы. Птицы дикой величины снижались, хлопали адскими черными крыльями, и тѣло понимало – это черные ангелы ада, и сейчасъ они у него выключаютъ глаза. Тогда онъ изъ послѣднихъ силъ сжималъ вѣки и скалилъ зубы.

...день умиралъ, рождалась ночь, и выстрѣловъ не слышно было. Ляминъ лежалъ въ полѣ средь мертвыхъ; вѣрнѣе, лежало то, что осталось еще на свѣтѣ вмѣсто Лямина.

Когда появились люди, у нихъ за спинами дрожали и бились на вѣтру бѣлыя простыни небесныхъ крыльевъ. Ротъ Лямина давно утерьялъ и рѣчь, и шопотъ. Губы лишь вздрагивали. По этимъ дрожащимъ губамъ санитары и опредѣлили: этотъ – живой.

– Клади, ребята, на носилки! Разъ-два-взяли! Потацили!

Ангелы неба взвалили его на носилки и побѣжали, низко пригибаясь къ землѣ, и рѣдкія одиночныя пули вспахивали утренній молочный, стылый туманъ.

...онъ обрѣлъ способность слышать. Ангелы говорили межъ собой. Они говорили на русскомъ языкѣ. Онъ былъ не въ плѣну. Онъ это понималъ.

Промыть рану. Перевяжутъ на пунктѣ. Глотокъ спирта? Расширить сосуды. Потеря крови. Много потерялъ? Переливаніе въ госпиталь. Когда везти? Куда? Поѣздъ на Москву санитарный. Поѣздъ на Петроградъ? Лучше. Доставить на вокзалъ. Какой дорогой? Въ объѣздъ?

...эхо звенѣло, расходилось кругами тумана: въ объѣздъ, въ объѣздъ, въ объѣздъ...

Разумъ не помнилъ ни вагона, ни поѣзда. Тѣло – помнило все: и питье, теплую, со вкусомъ желѣза, воду изъ кружки, что подносили ко рту, и скудную ѣду на станціяхъ – супъ рататуй изъ жестяной миски, черствую ржаную горбушку, и онъ здоровой рукой размачивалъ ее въ супѣ; и жесткую вагонную полку, и одѣяло, что то-и-дѣло сваливалось на вагонный полъ, и его подтыкали то-и-дѣло; и сквознякъ, и обстрѣлы, и вопли матерей надъ убитыми въ поѣздѣ дѣтьми, и карканье зимнихъ воронъ, и сбивчивую, тонкую какъ слеза, задыхающуюся въ духотѣ и ужасѣ нѣжную молитву – чужой тонкій голосъ вель ее за собой, какъ гуся, вывязывалъ на невидимыхъ коклюшкахъ, кололъ иглами словъ истончившуюся, бѣдную, ветхую ткань бытія.

Михаила Лямина привезли съ театра военныхъ дѣйствій въ Петроградъ, въ Дворцовый госпиталь, и положили, какъ особо тяжело раненаго, въ горячечномъ бреду, съ его опасными и уже, за время долгаго пути, воспаленными раненіями въ ногу, плечо и спину, въ Александровскій залъ Зимняго дворца.

* * *

...Онъ старался, старался и все-таки разлѣпилъ присохшія другъ къ дружкѣ вѣки. Ему надоѣла тьма подо лбомъ. Тьма выѣдала его изнутри. Сгрызла всю радость и надежду; и онъ сталъ одной бѣлой, нищей, обглоданной костью. Уже не человѣкомъ.

Глаза робко ощупывали глубину пространства и тонули въ ней. Опять выныривали.

Сознаніе то включалось, то выключалось электрической диковинной лампочкой; когда загоралось – хотѣлось кричать отъ боли и стыда.

Когда гасло – дышаль громко, глубоко, облегченно.

Снова зажигался подъ черепомъ свѣтъ. Свѣтъ билъ откуда-то сбоку, вродѣ какъ изъ-подъ длинной, прозрачно и безсильно висящей гардины, изъ-подъ завихренья снящейся метели. Свѣтъ помогаль разсмотрѣть то, чему сознаніе отказывалось вѣрить.

Анфилады. Лѣпнина и позолота. Новогоднее сверканіе хрусталя.

Стонъ, длинный, полный близкой смертной муки, съ сосѣдней койки.

Ляминъ пошевелилъ пальцами. Пальцы – двигались.

Почему все вокругъ бѣлое? Бѣлое, зимнее?

«Зима? Сколько жъ я тутъ провалялся?»

Гдѣ – тутъ, а самъ толкомъ не понималъ. Опять голова поплыла, поѣхала.

...Бѣлымъ коленкоромъ затянуты стѣны. Чисто выбѣленъ потолокъ. Лѣпнина громоздитъ ледяныя гроздыя. Станный стукъ. Онъ думаль, это идутъ часы, а это стучали каблуки врачей и сестеръ милосердія по мрамору пола и лѣстницъ.

Далеко разносился въ бѣломъ воздухѣ ледяной, молоточковый стукъ.

Тонко, нѣжно тянуло съѣстнымъ: нитка запаха то рвалась, то опять передъ носомъ крутилась.

«Гдѣ-то рядомъ ѣду стряпаютъ. Я въ лазаретѣ, это вѣрно. Вотъ и на койкахъ люди кряхтятъ. Почему лазаретъ похожъ на дворецъ?»

Туманно плыли, свѣтло вспыхивали и умирали голоса. Иногда перекрещивались. Нельзя было понять, кто говорить и что. Ни одного знакомаго слова.

«А можетъ, я въ плѣну. И это госпиталь австріяцкій».

Порывался встать. Изъ всѣхъ силъ уперся локтями въ матраць. Боль прошла руку насквозь, а потомъ туго стянула ее – и кровь перестала ходить въ ней туда-сюда.

Шире распахнулъ глаза: прямо надъ его головой съ потолока, изукрашеннаго виноградной лѣпниной, свѣшивалась тяжеленная, какъ германскій танкъ, массивная люстра.

Онъ прижмурился.

«Чего добраго, рухнетъ... Ринется внизъ... Аккуратъ мнѣ на лобешникъ...»

Прислушался: тихо, зимняя тишина, и снаряды не рвутся.

«А можетъ, возьмутъ да подорвутъ все это великолѣпье сейчасъ. Какъ ахнеть...»

Повернулъ на подушкѣ увѣсистую, какъ грузчицкая гиря, голову.

Въ зимнемъ бѣломъ маревѣ моталась ширма, за нею кто-то тяжело, долго опять стоналъ.

Донесся заполошный крикъ:

– Сестричка!.. Мамочки! Мамочки! Ма...

Крикъ сорвался въ бѣлизну, треснулъ и раскололся безстрастнымъ льдомъ. Каблуки опять стучали. Кто-то спѣшилъ, бѣжалъ.

«Опоздали... можетъ, онъ уже...»

– Докторъ! Докторъ! – голосъ сестры взвился чисто и ярко, будто не въ госпиталь она стояла – на морскомъ побережѣ, и чайки въ выси отвратительно, пронзительно вопили. – Пожалуйста! Подойдите! Скорѣе!

Куда она кричала, въ какую бѣлую пропасть?

Кто-то шель, тяжело переваливаясь; чуть слышный, доносился легкій древесный хрустъ паркета.

– Ахъ ты Боже ты мой...

– Докторъ! Что принести? Вы командуйте! Я мигомъ!

– Дѣточка... тащите изъ Петровскаго зала шприцы... они тамъ кипяченые стоятъ... въ желѣзномъ кювезѣ... прямо у входа столикъ, увидите... быстро!

Каблуки стучали быстро и часто, и погась, исчезъ дробный стукъ.

Ширма качалась, вздымалась и скрывала за собой то, что никому видѣть нельзя было; если на поляхъ сраженій они всѣ умирали на виду, на глазахъ другъ у друга, у желѣзныхъ

широколобыхъ адскихъ машинъ, у командировъ и неба, то здѣсь, въ лазаретѣ, все должно быть шито-крыто.

– Бѣдный ты... – вслухъ прохрипѣлъ Ляминъ.

И не понять, кому вышепталь: то ли ему, за ширмой, то ли себѣ.

Стукъ опять появился и нарасталъ. Превратился въ легкой частый звонъ.

«Словно кобылка мѣдными, бѣдными подковами подкована. Пьянымъ кузнецомъ...»

Изъ-за ширмы доносились рѣзкіе вскрики, они кромсали и протыкали насквозь бѣлый воздухъ; потомъ снова полоумные стоны, будто кто-то то ли пѣлъ, то ли длинно, смертно плакалъ. Бормотанья, увѣщеванья, куриный клекоть, звѣрій рыкъ, голоса звенѣли и спотыкались, сыпали черное зерно безплодныхъ словъ. Люстра надъ головой не качалась – висѣла ровно, тяжело. Не горѣла: темнѣла, она одна, мертвая, а вокругъ нея медленно, странно загорались другія люстры – одна, другая, третья, четвертая, пятая. Горящія танцовали, хороводомъ ходили вокругъ мертвой, почернѣлой.

«Лампы въ ней перегорѣли... вотъ какое дѣло-то...»

И вдругъ ширма замерла. Больше не качалась. Встала прямо, какъ солдатъ во фрунтъ.

Высокая, складки крупныя, ткань оранжевая, солнечная.

«Китайскій шелкъ... дорожущій...»

Изъ-за мертвой ширмы вышелъ живой человекъ. Докторъ былъ облаченъ въ мятый бѣлый халатъ; малорослый, онъ то-и-дѣло привставалъ на цыпочки передъ высоконожкой дѣвушкой въ бѣлой косынкѣ сестры милосердія. Ляминъ видѣлъ доктора въ лицо, а дѣвушку съ затылка. Докторъ сталъ что-то говорить, мелкое и жалкое, сбился, махнулъ рукой въ резиновой перчаткѣ; перчатку пятнала кровь, будто вино или варенье; сталъ другой рукой, голой, резиновую перчатку стаскивать, не смогъ, резина рулетомъ закрутилась, – и заплакалъ, и резиновыми пальцами растиралъ слезы по щекамъ, по серебряной, съ прожилками темной стали, твердой бородкѣ.

Докторъ шевелился, а дѣвушка застыла. Зимняя дѣвушка, снѣжный мраморъ. Укрыть бы ее досками, садовую статую, завалить старыми подушками и матрацами.

До ушей Лямина доносилось:

– Анатолій Карловичъ... Анатолій... Карловичъ... ну Анатолій же Карловичъ...

Сестра что-то важное силилась втолковать доктору, а онъ ее не слышалъ.

Стянулъ наконецъ перчатку, швырнулъ на паркетъ. Сестра наклонилась и безропотно подняла. И къ сердцу прижала, какъ дорогое письмо.

Такъ шли межъ коекъ, къ выходу изъ блага, ледяного дворцоваго зала, превращеннаго въ военный лазаретъ: впереди плачущій, какъ дитя, сѣдобородый недорослый докторъ, за нимъ длинноногая дѣвушка въ сѣрой монастырской холщовой юбкѣ и въ бѣлой косынкѣ, тугой посмертной метелью обнимающей лицо.

Онъ окунулся въ тяжкую вязкую тьму сна.

Долго барахтался въ ней.

Сознаніе опять уплыло куда-то вдаль большой, съ толстой спиной и огромной головой, бѣлоглазой рыбой.

Долго ли спалъ, не зналъ. Зачѣмъ тутъ было что-то знать? Онъ ощущалъ: повсюду на немъ – бинты, и весь онъ, перевязанный, охваченный ими, ихъ вьюжными витками, – плотный, будто дощатый, гдѣ плоскій, какъ настеленный въ банѣ сосновый полъ, а гдѣ выпуклый, бревенчатый.

Тѣло обратилось въ дерево. Если тихо лежать – не чувствуешь ничего.

И онъ лежалъ тихо.

И деревянныя губы сами надъ собой смѣялись: экое я полѣно, истопить мною печь.

...выплылъ на поверхность зимняго міра. Ледяной міръ все высиль, угрюмо вздымалъ вокругъ обтянутыя бѣлымъ коленкоромъ стѣны. Ледяной вѣкъ отсчитывалъ удары чужими женскими каблуками. Дрожалъ. Мерзъ. Уже колотился весь подъ одѣяломъ, и не грѣло ни шута.

Колѣнки звенѣли чашка объ чашку, и инеемъ изнутри покрывались кости.

Крючился. Спина выгибалась сама собою. Съ койки рядомъ донеслось напуганное:

– Эй, братецъ, чо, судорга скрутила?

И, будто изъ-подъ земли, изъ-подъ гладкихъ медовыхъ плашекъ паркета пробилось:

– А може, этта, у няво столбнякъ... грязь въ рану забила, и конченъ балъ...

...и вдругъ колотунъ этотъ кончился разомъ, – оборвался.

Лежалъ пластомъ. Тяжелѣло тѣло. Задъ все глубже вдавливался въ панцирную сѣтку и тощій матрацъ.

Все наливался, мигъ за мигомъ, расплавленнымъ чугуномъ, все увеличивался въ размѣрахъ. Стало страшно. Захотѣлъ позвать кого живого – глотка не отозвалась ни единымъ

хрипомъ. Чугунныя губы мерзли: по дворцовому ледяному залу гулялъ вѣтеръ, шелъ стѣной балтійскій сквознякъ изъ-подъ раскинутыхъ метельныхъ шторъ.

Тяжесть давила, раздавливала внутри слѣпыми птенцами бьющіеся, горячіе потроха.

Мишка напрягъ послѣднія силенки и выдавилъ – въ бѣлую зимнюю ночь, въ бѣлую тьму:

– Сестра... воды...

Слушала тишину. Коленкоръ мерцалъ искрами вьюги.

Огромныя, до потолка, окна свѣтились, сіяли вѣчными, торжественными, до-военными фонарями.

Тихо. Все тихо умирало. И онъ тихо и вѣрно, могильно тяжелѣлъ. И это, могло такъ быть запросто, подбиралась къ его койкѣ его смертушка и тяжело, поганой любовницей, ложилась на него поверхъ колючаго лазаретнаго одѣяла, вминалась въ него.

Въ тишинѣ застучали часы. Тукъ-тукъ, тикъ-тикъ. Онъ поздно понял, что это – не часы, каблукъ.

Туфли на каблукахъ. А можетъ, сапожки на шнуровкѣ, выше щиколотки.

Пахло сиренью. Зима спряталась за гардину. Метель забила въ уголъ. Раненые стояли, жили, умирали. Надъ его койкой стояла сестра милосердія. Совсѣмъ молоденькая. Щечки румяныя. Ручки-игрушечки. Она вертѣла въ пальцахъ карандашъ. Осторожно положила карандашъ на табуретъ. Шагнула ближе и наклонилась надъ Ляминимъ.

Близко онъ увидѣлъ ея лицо. Лицо ея было слишкомъ нѣжнымъ, такимъ нѣжнымъ бываетъ тѣсто на опарѣ, когда съ него снимешь марлю и ткнешь его пальцемъ, проверяя на живость.

– Вы звали?

Ощутила на лбу ползанье сонной зимней бабочки.

Это ея рука водила ему по лбу, нѣжно, осторожно.

Онъ устыдился своего мокраго, липкаго лба.

Глотка хрипѣла:

– Я... худо мнѣ... сестрица...

Видѣлъ, какъ поднялась подъ сѣрымъ штапелемъ, подъ бѣлымъ холоднымъ сестринскимъ фартукомъ ея грудь. Она выпрямилась и вольно развела въ стороны плечи, странно мощныя, будто не дѣвичьи, а бабьи, – такъ бабы распрямляются, уставъ махать косой, на жаркомъ сѣнокошѣ.

– Лежите спокойно, солдатъ. Я сейчасъ.

Зацокали каблукъ. Онъ умалишенно считалъ про-себя этотъ дальній, бальный цокотъ: разъ, два, три, четыре, пять.

Приблизилась. Въ рукѣ держала кружку за желѣзное ухо.

Легко, невѣсомо присѣла на край его койки. И по нему полился потъ, по всему тѣлу, и терялъ чувство тѣла отъ слабости, стыда, блаженства.

Сестра поднесла кружку къ его рту.

– Пейте... – такъ нѣжно сказала, будто бы губами – ржавую иголку изъ его губы вынула.

Подвела другую руку ему подъ затылокъ. Онъ чуялъ жаръ дѣвичьей ладони. Кровь его дико и гулко стучала въ обласканномъ затылкѣ. Дышалъ, какъ загнанный конь. Сестринская ладонь чуть приподняла отъ подушки его желѣзную, тяжкую голову, и онъ могъ раскрыть ротъ и пить. Глотать – могъ.

И глоталъ. Вода отдавала желѣзомъ и желѣзнодорожной гарью, была сначала чуть теплая, а на днѣ кружки, когда допивалъ, – ледяная.

Застоналъ, надавилъ затылкомъ ей на ладонь. Она такъ же осторожно уложила его голову на подушку. Всмотривалась въ него. Столько жалости и нѣжности онъ никогда не видалъ ни на чьемъ живомъ лицѣ.

– Полегче вамъ?

Онъ ловилъ глазами ея глаза.

Вотъ сейчасъ уйдетъ. Встанетъ и уйдетъ.

– Да... благодарствую... водичка...

Она не разслышала, наклонилась къ нему опять.

– Что?

– Знатная...

Два ихъ лица изливали тепло другъ на друга: онъ на нее – сумасшедшее, она на него – спокойное, ясное. Приблизилась еще. Ляминъ увидалъ хорошо, ясно: у нея синіе глаза. Не голубые, какъ небо въ ясный день, а именно что синіе: густая синева, мощная, почти грозоявая. И такіе большіе, какъ два чайныхъ блюдца. А рѣсницы страннымъ, старымъ золотомъ поблескиваютъ. Ну точно чайники.

«Китай... Востокъ... дворянка, знать... блюдца, мать ихъ, синій фарфоръ дулевскій...»

Мысли въ желѣзной чашкѣ черепа кто-то громадный, насмѣшливый размѣшиваль золоченой ложечкой.

Поймалъ ея улыбку губами. Слишкомъ близко вспорхнула, легко изловить.

Оба одновременно усмѣхнулись. Она – радостно: раненому полегчало! Онъ – ядовито: надъ собой, немощнымъ, безумнымъ.

– Ну вотъ и хорошо!

Вотъ сейчасъ встала, одернула фартукъ. Зачѣмъ-то разгладила бѣлые обшлага штапельнаго форменнаго платья.

Бѣлый милосердный платъ, какъ монашескій апостольникъ, туго, крѣпко обтягиваль ея лобъ, щеки и подбородокъ. Щеки, и безъ того румяныя, заалѣли ярче осенней калины.

Дотянулась до карандаша. Сунула его въ карманъ фартука.

– Температуру измѣримъ...

– Не надо. Хорошо ужъ мнѣ.

Потъ лился у него по лбу, стекаль на подушку.

– Да вы же весь мокрый, солдатъ!

Опять провела рукой ему по лбу, по лицу. Сняла со спинки койки полотенце, отерла лобъ. Опять улыбнулась. И стала серьезной. И больше уже не улыбалась.

– Это... пройдетъ...

– Лежите спокойно.

– Сейчасъ... ночь?

– Да. Ночь. Четыре часа утра.

– А почему орудія непріятеля... не стрѣляютъ?

– Потому что вы не на фронтѣ, солдатъ. Вы въ госпиталѣ.

– А карандашъ... вамъ зачѣмъ?

– Я письмо пишу. Солдатъ мнѣ диктуеть, а я ему пишу. Ему домой. Онъ безъ руки.

Онъ закрыль глаза и открыль, такъ онъ сказалъ: да, я все поняль, – говорить не могъ, опять пропаль голосъ. Видѣль красный крестъ, вышитый краснымъ шелкомъ, у нея на груди, на холщовомъ фартукѣ. Бѣлый снѣгъ, и красная кровь, растеклась крестомъ. Да развѣ такъ бываетъ?

Красный крестъ поднимался и опускался – это она такъ дышала.

И это ровное частое дыханіе вдругъ успокоило, усыпило его. Онъ услышалъ далекую пѣсню, потомъ далекій звонъ, будто церковный, а можетъ, это звенѣли золотые фонарики на господской елкѣ, куда пригласили накормить и одарить бѣдныхъ дѣтей; а можетъ, это звенѣли хрустальные рюмки въ холеныхъ рукахъ офицеровъ и граненые стаканы въ грубыхъ пальцахъ солдатъ – такъ они праздновали побѣду. Побѣда будетъ, сказалъ онъ себѣ, и вѣра и не вѣра, побѣда обязательно будетъ, мы побѣдимъ врага. Мы русскіе, насъ еще въ жизни не билъ никто! А гдѣ врагъ? Онъ оглядывался туда и сюда, глядѣль и впередъ, и назадъ, и не было нигдѣ врага, и онъ растерялся, но это было уже во снѣ.

И во снѣ ушла отъ его госпитальной жесткой койки синеглазая румяная дѣвушка; се-стринскій платъ у нея подъ подбородкомъ, подъ горломъ обратился въ крестьянскій, она шла въ рубахѣ, и солнце палило ей широкія сильныя плечи и голую, покрытую каплями пота шею; она отирала потъ ладонью съ шеи, со лба и весело смѣялась, и онъ видѣль, какой у нея красивый ротъ и красивые зубы. И далеко пѣли косцы яркую и развеселую, мощную пѣсню, какія обычно поютъ мужики на сѣнокосѣ; и блестѣли лезвія тяжелыхъ литовокъ; и съ легкимъ шорохомъ валилась на истомленную жарой землю скошенная трава, и онъ, Мишка, тоже косиль, размахиваясь косою широко, свободно, отъ плеча, – и румяной юной дѣвушки уже было рядомъ не видать, но онъ чувствовалъ: она незамѣтно вошла куда-то внутрь него, подъ ребра, какъ дѣтская тайная обида, какъ легкій солнечный запахъ свѣжескошенной нѣжной травы.

* * *

Онъ выздоровѣль. Выправился. Налился новой силой.

Пока молодъ – смерть не возьметъ, самъ надъ собой смѣялся и надъ смертью тоже.

Подлѣчили. Зашили. Гдѣ надо, срослось. Гдѣ не надо, побаливало. Плевать онъ на это хотѣль.

Снова попросился на фронтъ: а куда еще было возвращаться солдату?

Думаль о домѣ. Ночью передъ глазами вставала огромная родная рѣка, широкіе перека-ты и больно блестѣвшіе на забытомъ мирномъ солнцѣ плесы. Плынешь на лодкѣ, ладишь удилице, руку въ воду окунешь – рука какъ подлещикъ, а водичка желтенькая, насквозь солнцемъ просвѣченная. И дно видно; и рыбы ходять медленно, важно.

«Волга, Волженька...»

Просьбу его исполнили. На фронтъ отправили.

Онъ себя спрашивалъ: Мишка, вотъ ты смерть понюхалъ, а сейчасъ ты смерти-то боишься или нѣтъ? – и ничего не могъ самъ себя на это отвѣтить.

Война была все такая же. Отвратительная.

Его бы воля – онъ превратилъ бы ее въ черную гадкую козявку и раздавилъ бы сапогомъ.

«Сказочникъ ты, Мишка. Что плетешь. Чѣмъ прельщаешься».

...Они тутъ бились, а въ тылу солдаты митинги затѣвали. Заморское слово – митингъ! Означаетъ по-русски: буча, буза. Послѣ очередного сраженія сутулились въ окопахъ, вертѣли самокрутки, перевязывали раненыхъ – все какъ обычно, тоска, кровь и хмарь, – какъ вдругъ тяжело прыгнуло въ окопъ чье-то грузное, великое тѣло, одинъ солдатъ упалъ, другой выругался, третій крикнулъ:

– Стой, кто идетъ!

На перемазанной рожѣ великана отражался лютый, звѣрій восторгъ.

Онъ завопилъ, вздергивая кулаки надъ головой:

– Ребята! Солдаты! Кончай воевать! Кончилась война, въ бога ея душеньку мать! Кончилась!

Вдали грохотали выстрѣлы, а въ окопахъ грохотали солдатскіе надсадные крики.

– Иди ты врать!

– Все! Толкую вамъ! Миръ!

– Откуда знаешь?!

– Да Ленинъ въ Петроградѣ ужъ почти всю власть забралъ! Только что Зимній дворецъ съ царями не взялъ! А такъ – все взялъ!

– Да насъ тутъ офицеры разстрѣляютъ всѣхъ до одинаго, если мы въ одночасье винтовки побросаемъ!

– Не бось! Не убьютъ!

– Миръ! Миръ! Ну наконецъ-то!

– Бросай фронтъ! Бросай къ чертямъ это все! Домой! Домой!

– Слышите, солдаты?! А ну какъ онъ вретъ все?!

– Домой! Домой!

– Землю намъ! Хлѣбъ намъ! Все – намъ! Во гдѣ уже господа сидятъ! Нахлебались!

– Хлѣба! Мира! Ленинъ нашъ спаситель!

– Троцкому ура-а-а-а!

– Пошелъ къ лѣшаку твой Троцкій!

– Ленину ура-а-а-а!

– Домо-о-о-ой!

Ляминъ вопилъ вмѣстѣ со всѣми: домо-о-о-ой! Пересталъ кричать. Слушалъ чужіе крики. Топалъ рядомъ съ чужими сапогами. Командиръ попытался остановить бѣгущихъ. Стрѣлялъ въ воздухъ.

– Куда! Не смѣть! Всѣхъ положу!

– Кончай командира! – орали солдаты. – Кончай всѣхъ, кто противъ мира! Миръ у насъ!

Миръ!

Ляминъ видѣлъ и слышалъ – и глаза его не закрылись, и уши его никто не залѣпилъ воскомъ, – какъ рубятъ и колнотъ командира и другихъ офицеровъ ихъ же саблями и винтовочными штыками, какъ разрываютъ ихъ на куски, – такъ волки рвутъ свою добычу; какъ топчутъ ногами уже мертвые, изуродованные тѣла.

– Распускай роту! Солдаты, кидай оружіе!

Комъ боли подкатилъ къ горлу Лямина.

«За что сражались... за что же, чортъ, умирали?..»

Отвернулся отъ растерзанныхъ тѣлъ. Тошнота подкатила.

«Какъ барышня... сейчасъ сблую...»

– Сдавай оружіе, ну!

Одни кричали одно, другіе – другое. Кто-то уже приказывалъ: командовалъ.

«Свято командирское мѣсто пусто не бываетъ, ха. Быстро его... занимаютъ...»

Ноздри раздувались, запахъ крови лишалъ ума.

Жалкая горстка солдатъ, вѣрныхъ идеѣ войны до побѣднаго конца, императору и присягѣ, скупилась возлѣ долговязаго офицера. Молодой, а волосы бѣлые. Посѣдѣлъ отъ ужаса вразъ?

– Сдавайся, господское рыло, слышь! Мы – уже власть!

– Вы не власть, – выцѣдилъ долговязый офицеръ. – Вы – мои подчиненные.

А у самого ротъ отъ страха дрожалъ; и къ верхней губѣ прилипъ табакъ – послѣ сраженія самокрутку курить, какъ простой солдатъ.

– Ахъ, подчиненные?! Три минуты тебѣ даемъ!

«Мы отнимаемъ оружiе. А сами-то стоимъ съ оружіемъ. Противъ кого? Противъ – своихъ же? Русскихъ людей? Противъ своей же, родной родовой – вотъ такъ же встанемъ?»

Далеко стрѣляли.

«Сейчасъ и этимъ упрямамъ не жить. Но они же русскіе! Русскіе!»

– Они же... русскіе... наши...

Великанъ, тотъ, что поднялъ возстаніе въ окопѣ, передернулъ затворъ винтовки и волкомъ зыркнулъ на Лямина.

– Наши?! Они враги наши! Они хотятъ, чтобы мы – тутъ сдохли, на войнѣ!

– Что мелешь... какъ это – сдать оружіе безъ боя...

Бѣловолосый долговязый офицеръ внезапно выпрямился, сталъ похожъ на сухую осиновую жердь, и не своимъ, а какимъ-то подземнымъ, утробнымъ голосомъ крикнулъ, обернувшись къ солдатамъ, его обступившимъ:

– Огонь!

Солдаты выстрѣлили.

Свои солдаты – въ своихъ же солдатъ.

Русскіе – въ русскихъ.

Раненые и убитые упали на землю. Хрипѣли. Царапали землю ногтями. Возставшихъ было больше, чѣмъ вѣрныхъ. Ошетинился частоколь штыковъ, сухо и зло затрещали выстрѣлы. Трещали до тѣхъ поръ, пока всѣ они, вѣрные царю и отечеству, не легли въ грязь – и больше не шевелились.

– Ну что? Всѣ патроны израсходовали, голуби?!

Солдаты стояли и глядѣли на дѣло рукъ своихъ.

И тутъ Ляминъ, самъ отъ себя этого не ожидая, задиристо и жестко крикнулъ:

– Ребята! Айда всѣ на Петроградъ!

Глотки обрадованно, счастливо подхватили безумный Мишкинъ крикъ.

– Да! Да! На Петроградъ!

– На вокзалъ, айдате на вокзалъ! Да любой поѣздъ возьмемъ! Прикажемъ повернуть стрѣлку!

– На Питеръ! На Питеръ!

– Пять минутъ на сборы!

– А этихъ куда?!

– Русскіе люди вѣдь... христiане... похоронить бы...

– Хоронить враговъ народа хочешь?! Не выйдеть! Я лучше – тебя щасъ застрѣлю!

– Брось! Брось! Шучу!

– Шутки въ сторону!

– Готовься шибчѣй, ребята, иначе въ Питерѣ все безъ насъ произойдетъ!

– А можетъ, уже произошло!

– Тѣмъ лучше! Поддержимъ революцію!

– Собирай котомки!

– Чо на этихъ подлецовъ зыришь?! Жалость взяла?! Враги они наши, говорятъ тебѣ!

– Правильно мы ихъ ухряпали! Неча жалѣть! Не баба!

– Они насъ тутъ всѣхъ готовы были положить! Въ поляхъ чужихъ... на чужой землѣ...

Ляминъ бодро, злымъ и широкимъ шагомъ пошлепалъ вмѣстѣ со всѣми прочь отъ мѣста, гдѣ свои убили своихъ; и, пройдя немного шаговъ, воровато оглянулся. Сѣдой долговязый офицеръ лежалъ навзничъ, лицомъ вверхъ, пули пробили ему грудь и шею, и Ляминъ видѣлъ, какъ купается, плаваетъ въ крови убитого вынырнувшій изъ-подъ сорочки крохотный, какъ воробьиная лапка, зелено-мѣдный натѣльный крестъ.

* * *

– Стрѣляютъ?

– Да, бахнули!

– Все, пора...

...Фигуры желѣзныя и фигуры живыя сгрудились вокругъ дворца. Какъ отличить неживое отъ живого? Броневикъ молчитъ, какъ сонный быкъ, орудіе на вечернемъ крейсерѣ, отдавъ воздуху ядро, вздыхаетъ медленно, какъ звѣрь, идущій на зимній тяжелый покой въ бѣлый лѣсъ. Ружья и пулеметы стрѣляютъ исправно. Внутри Зимняго дворца, то-и-дѣло прилипающая носомъ къ холодному густо-синему, уже налитому пьяной ночью стеклу, человѣкъ благороднаго, барскаго вида строчитъ тусклымъ грифелемъ у себя въ записной книжкѣ: «Атака отбита. Никогда имъ не взять насъ. Никогда имъ насъ не побѣдитъ! Не сломитъ Великую и Славную Россію!»

Его трусливое карандашное царапанье никто не видитъ, не слышитъ. Только Господь

Богъ. Но и въ Его существованіи теперь многіе усомнились; если кто вдругъ побожится, какъ раньше, его одернуть: тише ты, не смѣши, бога-то никакого нѣтъ на самомъ дѣлѣ!

...Богъ – онъ въ фонарѣ живетъ. Онъ льетъ свѣтъ изнутри фонаря; и фонарь въ холодной ночи – нѣжный, горячій. Жаль, высоко виситъ, а то бы руки погрѣть. Но ужъ если сильно замерзнуть, тогда можно и костры на площади разжечь. Пламя заганцуетъ! Грѣйся не хочу!

...Толпа то приникала къ воротамъ, то откатывалась. Опять накатывала чернымъ прибоемъ. Матросы гоготали, обнажая желтые волчьи клыки. Ляминъ терся межъ душной многоглавой кучи солдатъ въ истрепанныхъ шинеляхъ.

«У насъ у всѣхъ шинелишки какъ у братьевъ родныхъ. Какъ одна мама родила. Потертая, съ дырами отъ пуль, въ засохшей крови. И пахнуть...»

Онъ не подобралъ слова, чѣмъ пахнутъ. Разсмѣялся. Фонарь выхватилъ изъ тьмы близкое лицо, небритое, синяя щетина торчала чуть не подъ глазами. Солдатъ что-то крикнулъ Лямину, да всѣ гомонили будь здоровъ, онъ не разслышалъ. Качались взадъ-впередъ. Отбѣгали; закуривали, чиркая толстыми спичками въ погибельномъ фонарномъ свѣтѣ. Сердце прыгало, на него давила тьма близкой ночи и то, что должно было случиться въ ночи.

Женскіе голоса сбивчиво кричали поодаль. Плакали, визжали, квохтали. Ему сказали – дворецъ защищаетъ какой-то женскій батальонъ; издали онъ видѣлъ, какъ возставшіе солдаты закручиваютъ несчастнымъ бабамъ руки за спину. «Подѣломъ вамъ; кого защищали? Царя, царишку!» Не думалъ о томъ, что недавно, идя на войну ополченцемъ, самъ этому царишкѣ присягалъ; думалъ о бабахъ, напялившихъ шинели, гадко, плохо.

«Курвы, и куда подались? Дѣтей вѣдь инья побросали! Стервы!»

Рядомъ кричали:

– Ананьина поймать и на фонарь!

Забабало съ Петропавловки.

Орудія палили, Ляминъ вздрагивалъ. Онъ стоялъ внутри людского плотнаго мѣсива, онъ самъ былъ комкомъ непромѣшаннаго, потнаго тѣста. Выстрѣлъ за выстрѣломъ, онъ не считалъ. Мазилы! Не попадаютъ. Если бь мѣтко стрѣляли – этотъ дворецъ къ едренѣ матери давно бы въ кирпичи разнесли.

«А вѣдь я тутъ лежалъ. Въ лазаретѣ. Тутъ! Это цари намъ, солдатамъ раненымъ, свои бальные залы да кабинеты уступили!»

Желваки подъ скулами перекатились сухимъ горохомъ. Тотъ, съ синей щетиной, оралъ радостно:

– Да крейсера съ нами! На катерахъ – съ нами! Да всѣ въ Гавани – съ нами!

– Да всѣ – съ нами! – отвѣчали ему разногласно, отовсюду.

– Они, братцы... только фасадъ охраняютъ! Тамъ, сзадъ... дверьки-то отворены!

Толпа качнулась назадъ и влѣво, потомъ вправо. Вдругъ повернула, люди побѣжали нестройно, махая бѣшеными руками, кто смѣясь, кто плюясь.

Нева черно, лаково блестя подъ жуткимъ, дикимъ свѣтомъ позднихъ фонарей.

Накатывала наводненіемъ полночь.

Они добѣжали до дверей, двери и точно были открыты. Вродѣ даже гостепріимно распахнуты.

– А нѣтъ ли тутъ подвоха?!

– Взойдемъ, а тамъ гранатами насъ ка-акъ закидаютъ!

– Да не, тамъ подъ лѣстницей – юнкера сидятъ, въ душу мать...

...На лѣстницѣ стояли люди. Ихъ встрѣчали. Но люди не двигались, молчали; и страшно было это молчаніе, и безвыходно. Ляминъ подумалъ: а что, если они всѣ отсюда и правда не выйдутъ? – а въ это время отъ толпы отдѣлилась странная кучка людей, будто кучка пчелъ, отжужжавшихъ прочь отъ могучаго роя. Люди-пчелы летѣли вверхъ по лѣстницѣ, въ рукахъ у нихъ шуршали бумаги. Этими бумагами они тыкали въ носъ тѣмъ, кто стоялъ и молчалъ. И о чемъ-то молчащихъ просили: страстно, довѣрительно, по-хорошему.

Молчали еще суше, еще злѣе.

И тутъ за спиной Лямина возникъ гулъ. Онъ еще не понялъ, что это за гулъ такой, а толпа поняла – и дико, восторженно закричала, радостно летѣли вверхъ безкозырки, папахи, ушанки, фуражки.

– Братцы! Братцы! Народъ здѣсь!

– Народъ нашъ! Вотъ царскій дворецъ, ядрена корень! Вотъ! Онъ теперь – твой!

Цѣловались. Сквернословили. Подымали кулаки. Тузили другъ друга по плечамъ, по спинѣ. Молодые парни съ красными лентами въ петлицахъ, старые сѣдые мужики въ разношерстныхъ сапогахъ – въ нихъ воевали, въ нихъ же и сѣяли-косили, – не стыдятся, плакали.

А потомъ всѣ вразъ опять орали.

Потекли по лѣстницамъ и коридорамъ, втекали въ залы, стремились наверхъ, рушились въ подвалы, здѣсь, во дворцѣ, не было ни огня, ни штыковъ, ни крови, – а рано радоваться

было, откуда ни возмись вывалились безусые юнцы, и винтовки прикладомъ къ плечу, а лица блѣдныя, и дрожать.

«Юнкера, мать ихъ! Мы ихъ... сейчасъ... какъ червей лопатой, перешибемъ...»

Юнкера успѣли дать только одинъ залпъ. Толпа навалилась, подмяла юнцовъ подъ себя, скрутила, смяла, повалила, разбивала мальчикамъ лица сапогами, колѣнями, рѣзала ножами, колола штыками.

– Царя защищали?!

– Гдѣ онъ теперь, вашъ царь?!

Ляминъ отгаскивалъ отъ трупа юнкера того, съ синей щетиной: въ сумасшествіи синешекій плясалъ на погибшемъ, давилъ ногами его лицо, кровь брызгала на сапоги, носъ вминался въ черепъ.

– Тихо, тихо... ну что ты бушуешь... охолонь...

Синешекій солдатъ обернулся, ощерясь.

– Не могу! – Билъ себя кулакомъ въ суконную грудь. – Ну ты понимаешь, другъ, не могу! Всю-то жизнешку мы кланялись! Всю-то судьбишку – горбились! А тутъ! Головы подняли! Хребты разогнули! Видѣть стали... чуютъ! Что къ чему, чуютъ! Гдѣ – правда!

– Правда – да, – бормоталъ Ляминъ, таща синешекаго за рукавъ, – но не надо такъ... Плясать-то на мертвой рождѣ – зачѣмъ...

Поодаль вопили:

– Бомбу! Взрывавай бомбу!

Ташили бомбу; Ляминъ видѣлъ, какъ ее, чуть присѣдая, несутъ четверо.

– Взрывавай царей! Взрывавай министровъ!

– Гдѣ они прячутся?! Показывай!

Вели новыхъ юнкеровъ, еще живыхъ. Они не стояли, а вздрагивали, будто на вѣтвяхъ свинцовымъ морозомъ схваченные: синицы, сойки, снигири. Воробышки, часъ послѣдній. У нихъ были уже мертвыя лица, а живые глаза плакали.

– Гдѣ владыки?! Подорвемъ ихъ зады къ ядренѣ матери!

– Быстро говори!

Били кулаками въ блѣдныя лица. Били по щекамъ. Одному юнкеру выстрѣлили въ лобъ, и онъ не упалъ – его крѣпко держалъ синешекій. Мертвая кукла болталась въ рукахъ живой куклы, а живую куклу за нитки свѣта держала и дергала громадная люстра – тамъ, въ неизмовѣрной выси.

– Вы! Суслики! Ваши начальники сдались! Что ждете?! Конфетокъ?!

Пахло кровью, мастикой навощенного паркета и порохомъ.

То тамъ, то сямъ внутри толпы рождался глухой вой. Вой взмывалъ, поднималъ на голову волосы запоздалымъ ужасомъ, веселился, зажигалъ голодное нутро. Вой былъ и разбойный, и святой, и его нельзя было унять. Онъ такъ же быстро гасъ, какъ возникалъ.

Разстрѣливая, ударяя, хохоча, воя, толпа ринулась впередъ, разсыпалась, разваливалась кусками ржаного волглаго хлѣба и слѣплялась опять, шарилась въ шкафахъ, сдергивала со стѣнъ полотна, наклонялась надъ холстами и выкалывала ножами глаза у старинныхъ людей на блестящихъ медомъ и перламутромъ портретахъ; скалила зубы передъ зеркалами, а потомъ срывала ихъ съ гвоздей и волокла за собой; засовывала за пазухи царское столовое серебро; закручивала въ рулоны простыни и пододеяльники, обшитые тончайшимъ кружевомъ; разсовывала по карманамъ часы и брегеты; сначала била вазы мейсенскаго фарфора, чашки Гарднера и Кузнецова, а потомъ, любуясь, цокая языками, – подъ мышку, за пазуху, въ карман, въ суму.

Толпа плохо понимала, что дѣлаетъ: она жадно срывала и срѣзала драгоценную телячью кожу съ сидѣній креселъ, со спинокъ дивановъ, колола штыками живопись, что везли изъ Амстердама, Рима и Венеціи; она топтала иконы и рвала книги, разбрасывая страницы по цвѣтному паркету, и, если бы захотѣла вдругъ остановиться, она бы не смогла. Штыки разбивали вдребезги ящики съ пасхальными яйцами француза Фаберже. Штыки выламывали плашки изъ паркета. Надъ штыками горѣли лица – у толпы было одно лицо со многими глазами и многими ртами, и изо ртовъ рвался лишь одинъ крикъ.

А штыки, это были всего лишь зубы толпы. Ея острые и справедливые зубы.

– Взорва-а-а-а-ать!

Ляминъ не хотѣлъ глядѣть, какъ убьютъ министровъ. «А все равно убьютъ, какъ ни крути. Все равно». Толпа раздѣлилась. Онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ людьми внизъ. Все внизъ и внизъ.

– Въ подвалъ мы, что ли?!

Ему не отвѣчали: хохотали.

Дивный невѣдомый аромат ударилъ въ носъ. Онъ видѣлъ передъ собой комнаты подъ сводами, двери распахнуты, внутри бочонки и бутылки, очень много: ряды, роты, батальоны бутылкокъ. На иныхъ бочонкахъ – краны. Ляминъ впервые въ жизни наблюдалъ винный

погребѣ. Солдаты, разстрѣлявъ охрану погреба, уже радостно высасывали вино изъ горла, подбрасывали пустыя бутылки въ ладоняхъ. Съ лязгомъ, похожимъ на женскій визгъ, разби-вали ихъ объ полъ – съ размаху.

– Будьте вы прокляты! Гас-па-да-а-а-а!

Били бутылки уже пьяно, дико, щедро, не жалѣя. Вино текло пузырящейся красной рѣжкой. Обтекало сапоги Лямина. Онъ тарачился, потомъ наклонился, окуналъ пальцы въ красное, неистово пахучее. Лизалъ пальцы, какъ котъ лапу.

– Эхъ, теки-теки, наша кровушка!

– А куда стячь-то? Въ Няву, по всяму видать?

– Въ Неву такъ въ Неву! Пусть народъ изъ рѣки винца попьеть! Съ бережку!

Ляминъ вертѣлъ въ рукахъ бутылку. Щурился. Поднялъ ее повыше и полоснулъ ей по горлу, какъ живой бабѣ, штыкомъ. Стекло отлетѣло. Онъ закинулъ голову и, держа отбитое горлышко ровно надъ галчино раскрытымъ ртомъ, вливалъ въ себя, съ алымъ вкуснымъ бульканьемъ, царское столѣтнее вино.

И не пьянѣлъ.

...Надъ головой, выше этажомъ, вспыхивали и гасли ужасные крики. Крикъ сначала рождался изъ тишины – выбухомъ, взрывомъ; потомъ разрастался, заливалъ собою все вышнее пространство – залы, зальчики, закутки; потомъ превращался въ долгій дикій вой – будто собака посмертно выла надъ трупомъ, – и истаивалъ, затихалъ и обрывался гнилой ниткой.

– Юнкеришекъ мучать, – бородатый мужикъ подворотнаго вида, съ гноющимъ глазомъ, придирчиво выбралъ бутылку изъ темнокраснаго стекляннаго строя, откупорилъ и влил въ себя крупный, жадный потокъ. – И вѣрно дѣлають. Собачьи дѣти! Отродья буржуйскія!

Лямину отчего-то, на краткій странный мигъ, стало жалко юнкеровъ.

– Отродья, да, – сказалъ, – да все жъ русскіе люди.

Опять закинулъ башку и перевернулъ зазубрины отбитаго горлышка надо ртомъ.

Глоталъ вино, какъ воду.

Мужикъ тоже хлебнулъ, ладонью утерся.

– Ахъ! Хорошо. Вотъ она, господская жисть-то!

Оба хохотали весело.

– А коньякъ тутъ есть? Въ этихъ закромахъ?

Нагибались, пробирались между бочонковъ, искали коньякъ. Наверху, между мужскими воплями, появились дикіе женскіе крики.

– А это еще что такое? – мужикъ, съ янтарной бутылью въ рукѣ, воззрился на Лямина. – Бабенки? Откуда?

– Самъ не знаю.

Михаилъ вылилъ въ ротъ сладкіе, пахучіе остатки.

Мужикъ вертѣлъ въ рукахъ бутылку.

– Желтый, значить, онъ. По-нашему написано! Ну да все одинъ чортъ. Вкусно, да. Хоть бы хлѣбца кусочекъ! Безъ закуски – брать, быстро свалимся.

Крики чередовались, мужскіе и бабьи. Ляминъ и всѣ, кто густо толкъся въ винномъ погребѣ, были вынуждены ихъ слушать. И слушали. И пили. Пили, чтобы слышать – перестать.

Но крики не утихали. Ввинчивались въ уши стальными винтами. Насквозь прорѣзали мозгъ.

...Онъ, шатаясь, поднимался по лѣстницѣ. Думалъ – взбѣгаетъ, а на дѣлѣ шель, нетвердо ставя чугунныя ноги, цѣпляясь желѣзными пальцами за перила. Отчего-то сталъ мерзнуть, мелко трястись. Дошелъ до блестяга паркета, чуть на немъ не растянулся. Самъ себѣ за-смѣялся, держался за перила, – дышалъ тяжело и часто, отдыхалъ.

– Надрался, – самъ себѣ весело сказалъ, – ну да это быстро пройдетъ. Винишко... не могучее.

То идя на удивленіе прямо, какъ на парадъ, то вдругъ валясь отъ стѣны къ стѣнѣ, шель по корридору, и глаза глупо ловили роскошь – витокъ позолоты, бѣлую виноградную гроздь лѣпнины, лѣпныя тарелки и цвѣты по высокимъ стѣнамъ. Задирать голову боялся: на цвѣт-ную роспись на потолокъ глянуть – и сейчасъ упадетъ. А надо стоять, надо итти.

Куда? По корридорамъ шастали люди. Они то бѣжали, то собирались въ гомонящія кучи, то, какъ онъ, пьяно качались. Людьюми былъ полонъ дворець; и дворець, и люди были слиш-комъ чужеродные. Люди были дворцу не нужны, и дворець былъ людьюмъ не нуженъ. Жить они бы тутъ все равно не смогли, а разграбить его – нуженъ не то чтобы полкъ, а вся армія.

Подъ ладонью возникла слишкомъ гладкая бѣлая, съ лѣпниной, высокая дверь, и Ля-минъ въ безсознаньи толкнулъ ее. Замеръ на порогѣ.

Мелькнули чьи-то бѣлая, раскинутыя ноги; чьи-то сброшенные сапоги; шевеленье сун-конныхъ задовъ; торчали штыки, валились картины со стѣнъ, на нарисованныя лица на-ступали сапогомъ. Люди возились и копошились, а подъ людьюми дергались и кричали еще

люди; Ляминъ съ трудомъ поняль, что они всѣ тутъ дѣлають. Когда поняль – попятился.

Ляминъ пятился, пятился, пятился, наступаль сапогами на паркетъ нетвердо, потрясенно.

А отойдя, криво улыбнулся. Захотѣлось хохотать во весь голосъ, во весь ротъ. Что, онъ мужиковъ не знаетъ? Или такого вовѣкъ не видалъ? Самъ мужикъ.

«Они просто... берутъ свое... а что теряться...»

Откуда тутъ бабы, и самъ не зналь. Мало ли откуда.

Можеть, горничныя какія въ складкахъ гардинъ спрятались; можеть, фрейлины какія въ перинахъ, подъ пуховыми одѣялами запоздало тряслись.

«Какія фрейлины... правительство тутъ сидить... да, а министры-то гдѣ?»

Пересталь думать о министрахъ въ тотъ же мигъ.

...По коридору уже не шелъ – валился впередъ. Туловище опережало, ноги сзади оставались.

Чуть не упаль черезъ тѣло, что валялось у входа въ залъ, сіяющей зелеными, болотными малахитами. Сапогомъ зацѣпился, а рукой успѣль за выгибъ лѣпнины на стѣнѣ ухватиться.

«Чортъ... расквасиль бы носъ, хребеть бы сломаль...»

Хотѣль обойти мертвеца – да что-то остановило.

Волосы. Длинные русые волосы. Они лежали на паркетѣ длинной грязной тряпкой.

Неподалеку, мертвымъ барсукомъ, валялся сапогъ.

Ляминъ сѣль на корточки, не удержался и повалился назадъ. Сидѣль на полу, ловиль воздухъ виннымъ ртомъ.

Мертвая ладонь разжата. Около ладони – черный квадратъ и длинный черный стволъ маузера.

Високъ въ крови, а вѣки чуть приподняты, будто еще жива, будто смотреть.

Ляминъ разсматриваль бабу. Разстегнутая шинель. Немолодое круглое, отечное лицо. Перевелъ глаза съ ея груди на животъ. Тряпки растерзаны, и плоть растерзана: порѣзана, избита, измята. Голизна сквозь бязь исподняго бѣлья просвѣчиваетъ дико, красно.

– Ахъ ты человекъ, звѣрь, – выдохнулъ Ляминъ изумленно, – ахъ ты сучонокъ, тварь... Что сдѣлали...

Себя на ихъ мѣстѣ вообразиль. Затрясъ головой.

«А маузеръ надо взять. Пригодится».

Подползь по паркету ближе къ недвижимой рукѣ и скрюченными пальцами подволокъ къ себѣ пистолеть.

Кряхтя, вставаль съ полу, нелѣпо упираясь ладонями въ паркетныя, скользкія отъ крови плашки; наконецъ ему это удалось.

Русая баба лежала такъ же мертво, въ охвостьяхъ окровавленного бѣлья.

...За окнами стрѣляли. Потомъ наступала холодная черная тишина. Потомъ опять стрѣляли. И снова тишина. А въ тишинѣ – женскіе вскрики.

«Да язви ихъ... что тутъ, бабы однѣ въ шинеляхъ собрались, что ли...»

До него позднеенько дошло: женскій батальонъ разоружають, а то и разстрѣливають.

«Какія бабы вояки... куда прутся-то...»

Подвалиль къ окну. Упираля кулаками въ подоконникъ. Коридоръ былъ темень, темнѣ пещеры, и хорошо было видно, что творится на улицѣ. Бабенки кто лежалъ на землѣ, подтягивая къ брюху винтовку, кто валялся уже недвижно, кто сховался, сгорбился за горою ящиковъ изъ-подъ вина и за сломанными раскладушками, вышвырнутыми изъ недавнихъ госпитальныхъ заловъ. Матросы, люди въ кожанкахъ, солдаты въ шинеляхъ и странные мужики въ трущобныхъ лохмотьяхъ, какъ заводныя куклы, бѣгали вокругъ еще живыхъ бабъ и разоружали ихъ.

Ляминъ слышалъ людскіе крики. Они бабочками бились въ холодное стекло. И не могли разбить, и внутрь не залетали. Онъ растеръ себѣ лицо ладонями и почуваль ноздрями запахъ крови. Посмотрѣль на свои руки. Кровью испятнаны.

«А можеть, это красное вино! Можеть... не можеть...»

Глядѣль сверху внизъ изъ одинокаго окна, какъ большевики ведутъ арестованный бабій батальонъ, походя пиная трупы; какъ кулаками и прикладами мужики бьютъ бабъ въ лицо. Одной своротили кулакомъ челюсть, она стояла, согнувшись, и кричала. Ея крикъ былъ похожъ на мяуканье больной кошки.

«А кто жъ дворець-то этотъ поганый защищаль?.. Юнкера да бабы?..»

Думать было трудно, непосильно. За окномъ черной сталью блестя Нева. Около моста расхаживали красногвардейцы.

«Мостъ... стерегутъ...»

Ляминъ оторваль руки отъ подоконника и пошелъ по коридору. Онъ думаль, что идетъ прямо и правильно. Ноги почти не заплетались. Сапоги назадъ не тянули. Подъ сапогами

оказался сахарный мраморъ лѣстницы, Ляминъ плотнѣе прижался къ периламъ и по лѣстницѣ сползаль, чуя противную богатую гладкость периль подѣ шершавой наждачной ладонью.

Вывалился на улицу, въ ночь. Одинокіе выстрѣлы звучали то тамъ, то сямъ. Рядомъ затопали сапоги. Онъ медленно повернулся. Мимо него шель солдатъ въ шинели. Плечи шинокія. А худощавый. За плечами винтовка стараго образца – еще, можетъ, время войны съ турками.

– Эй! Курнуть есть?

Солдатъ остановился. Лицо солдата, скуластое, безбородое, испугало Лямина жесткостью губъ и желѣзомъ желваковъ. А взглядъ – тотъ прямо отливаль безпощаднымъ металломъ.

«Злая какая рожа, прости Господи...»

– Есть.

Голосъ у солдата нѣжный, юный. Тенорокъ.

«Не идетъ его голосишко... къ его злему виду...»

Солдатъ вытащилъ изъ кармана пачку папирозъ.

«Та-ры-ба-ры... а, это неплохія...»

Расколупаль въ пачкѣ дырку.

Молча протянулъ Лямину.

Ляминъ тащилъ папирозу, какъ тащатъ изъ земли дерево. Вытащилъ и, качая языкомъ во рту, попросилъ:

– А это, солдатикъ... можно еще одну?

– Тащи.

Солдатъ смотрѣлъ, какъ Ляминъ копошится грязными пьяными пальцами въ пачкѣ; потомъ отвернулся къ мосту. Держаль папирозы въ вытянутой рукѣ.

Маленькіе пальцы крѣпко сжимали початую пачку.

Рѣка черно блестяла, тусклымъ медомъ сочился и капаль фонарный свѣтъ. Вотъ выстрѣлили далеко. Вотъ стрѣльнули близко. И опять тишина.

– Спасибо... дружище...

Зажаль папирозу въ зубахъ. Улыбался.

Нашарилъ въ карманѣ коробку спичекъ, чиркнулъ одной – сгасла, чиркнулъ другой – сгасла, третья вспыхнула, онъ, держа папирозу въ зубахъ, поднесъ огонь къ лицу, и онъ обжегъ ему пальцы и губы.

Вскинулъ лицо, солдатъ обернулъ свое, и Лямина льдомъ обожгли его глаза – круглые, большіе, какъ у бабы, свѣтло-сѣрые, онъ смотрѣлъ ими такъ холодно и надменно, будто бы онъ былъ никакой не солдатишко, а самъ царь; смотрѣлъ прямо, не моргая, залѣзая зрачками въ ночную, облитуую сегодняшней кровью и истыканную сегодняшними штыками, душу Лямина.

– Ты, солдатъ!.. чо глядишь?.. Я чо, не нравлюсь?.. Не, я не пьяный...

Втягиваль дымъ, наслаждался. Трезвѣлъ.

Сѣрые глаза прошлись вдоль по Лямину, ото лба до носковъ сапогъ, солдатъ повернулся жестко и быстро и пошагалъ прочь, на ходу засовывая пачку вкусныхъ папирозъ «Тары-бары» въ глубокой, какъ адъ, карманъ шинели.

* * *

Толпа дышала, шевелилась и двигалась.

Многоголовый и пестрый человѣческой коверъ то сжимался въ гармошку и сминаясь, то растекался и вздрагиваль. Бѣлыя толстыя колонны зала блестяли, будто кто ихъ чисто вымыль и покрыль лакомъ. Съ балконовъ люди свѣшивались гнилыми изюмными гроздьями. Ружейные штыки тамъ и сямъ блестяли, какъ дикія елочныя игрушки, и внезапно вся толпа становилась черной живой, колючей елкой.

«Опадутъ эти иголочки, опадутъ».

Ляминъ, въ шинели и фуражкѣ, не сидѣлъ – стоялъ. Ему не досталось мѣста. Да стоялъ онъ въ плотной, жаркой толпѣ, и пахло потомъ и порохомъ, и толпа качалась, будто всѣ они плыли въ одной тѣсной лодкѣ, а море плескалось вокругъ бурное, и они вотъ-вотъ потонуть.

Онъ глядѣлъ на деревянный ящикъ трибуны. Сейчасъ навѣрхъ ящика кто-то живой и умный долженъ взобраться и оттуда рѣчь говорить.

«Кто? Ленинъ? Троцкий? Свердловъ?»

Вся страна знала имена этихъ большевистскихъ предводителей; и онъ тоже зналъ.

И глазами, и щеками, и затылкомъ – видѣлъ, ощущаль: да здѣсь вся страна собралась.

«Отовсюду люди, отовсюду! И какъ только добрались. Кто въ вагонахъ, кто пѣшимъ... кто – на лошадакахъ...»

Оглядывался. Пухля, съ прищуромъ, рожи, а подъ теплой курткой – рубаха-вышиванка. Съ Полтавы, съ Херсона, съ Кіева. Не уголодались тамъ, на Украинѣ, на салѣ разѣлись. Квадратныя скулы латышей и литвиновъ. Чухонцы съ сѣрыми, паклей, волосами изъ-подъ сѣрыхъ кепокъ, съ мышиными и жесткими глазами, глядятъ напряженно и недовѣрчиво. Люди въ черныхъ папахъ – можетъ, казаки терскіе, а можетъ, и чечены, и осетины, и грузины: чортъ ихъ разберетъ, виноградный, овечій Кавказъ. А вонь въ полосатыхъ халатахъ, а поверхъ халатовъ – распахнутыя бурки: эти – узбеки, таджики.

«Далеконько ѣхали, косорылые. А вѣдь прибыли! Молодчики».

Разноязыкая рѣчь слышалась. Вспыхивали гортанные смѣшки. Четко, ледяно цѣдились странныя слова. Русскій матъ вдругъ все перебивалъ. И смѣхъ. Взрывался и гасъ, осѣдалъ на грязный полъ, подъ топотъ сапогъ, лаптей, ичиговъ, башмаковъ.

А потомъ наступала внезапная, на мигъ, странная и страшная тишина.

И опять все начинало двигаться, бурлить, хохотать, орать.

Матросы поправляли на груди пулеметныя ленты, подкручивали усы, солдаты глядѣли угрюмѣе, непрерывно курили, сизые хвосты дыма вились и таяли надъ головами. Все сильнѣе, нестерпимѣе пахло потомъ, и запахъ этотъ напомнилъ Лямину окопы. Онъ стащилъ съ головы фуражку и крѣпко, зло взъерошилъ рыжіе волосы.

«Рыжій я, красный. Воистину красный!» Усмѣхнулся самъ себѣ.

Каждый говорилъ и не слышалъ себя, каждый стремился что-то важное высказать сосѣду, да даже и не сосѣду, а – этому спертому воздуху, этимъ колоннамъ бѣлымъ, гладкимъ, ледянымъ. Этому потолку – и было сладкое и страшное чувство, что онъ вотъ-вотъ обвалится, – этой громадной люстрѣ надъ головами: люстра плыла подъ известкой потолка и лѣпнинами, будто островъ, что вчера былъ прочной землей, а теперь несутъ его черныя, темныя воды непонятно куда. Всѣ орали и гомонили, и кое-кто иногда вскрикивалъ, пытаясь перекричать толпу: «Тише! Тише, товарищи!» – но куда тамъ, люди освободили вѣкъ молчащія глотки, пытаясь черезъ нихъ вытолкнуть наружу сердца.

На Лямина глядѣли – кто весело, кто пристально, кто нагло. Разсматривали его, будто онъ былъ диковинная птица или жукъ подъ лупой.

«Рыжина имъ моя не по нраву. А можетъ, по нраву, кто ихъ знаетъ».

Толпа качнулась разъ, другой – и внезапно утихла. Люди двигались къ сценѣ. Кургузы пиджачки, костюмы-тройки, засаленныя жилетки, пыльные штиблеты. Шли быстро, и толпа образовала внутри себя пустоту, чтобы эти люди куда-то быстро, поспѣшно и нервно пройти могли. И они шли, почти бѣжали – одинъ за другимъ, одинъ другому глядя въ затылокъ, а кто и себѣ подъ ноги, чтобы не споткнуться.

Люди были лысые и съ шевелюрами, одинъ въ очкахъ, другой въ пенснэ; Михайль шарилъ глазами, искалъ среди нихъ Ленина, но уже затылки, папахи и безкозырки толпы закрыли идущихъ по дымному, средь шевелящихся куртокъ, бушлатовъ, сапогъ и шинелей, проходу, толпа опять сомкнулась, и гомонъ утихалъ, и тишина напозала изъ-за бѣлыхъ снѣговыхъ колоннъ, изъ угловъ – неотвратимо и опасно, и послѣ шума отъ тишины уши болѣли.

Михайль задралъ подбородокъ и вытянулъ шею, чтобы лучше видѣть поверхъ головъ, – и тутъ залъ превратился въ одинъ гудящій каменный коробъ, а потомъ этотъ коробъ выстрѣлилъ такимъ громовымъ «ура-а-а-а!», что Михайль закрылъ ладонями уши и засмѣялся, а потомъ и самъ набралъ въ грудь побольше дымнаго и потнаго воздуха и тоже заливисто, широко крикнуть:

– Ура-а-а-а-а!

«Какъ въ атаку бѣжимъ. Будто въ атаку я полкъ – поднялъ».

Да всѣ тутъ такъ орали; всѣ тутъ другъ друга въ атаку поднимали, въ новую атаку – на старый, поганый, змѣиный міръ, а онъ еще шевелился, еще стоналъ и ползъ подъ крѣпкими мужицкими, рабочими, матросскими ногами. Подъ солдатскими грязными, разношенными сапогами.

Подъ его – сапогами.

– Ура-а-а-а-а-а! – длинно, нескончаемо кричалъ Мишка, и въ его груди поднималась огромная, больше этого зала, жаркая, то темная, то сіяющая волна, кровь прилиwała къ его головѣ, глаза въ восторгѣ вылѣзали изъ орбитъ, и ему казалось, что его больше нѣтъ, а есть только огромное дыханіе великой толпы, и есть эти люди, что тамъ, высоко, на трибунѣ: это они все это совершили, а толпа имъ только помогла.

«Толпа! Не толпа это – народъ! Это народъ! Мой народъ!»

Вопя свое «ура-а-а-а-а», онъ глядывался, шарилъ глазами по глазамъ, лбамъ, усамъ, бородамъ, корявымъ, въ мозоляхъ, рукамъ, умѣющимъ и соху вѣрно схватить, и борозду твердо вести, и со станкомъ управиться, не покалѣившись, и изъ пулемета врага положить, – это былъ народъ, его народъ, и онъ – ему – принадлежалъ.

Ему, а не тѣмъ, кто стоялъ на трибунѣ; хотя тѣ, кто стоялъ на трибунѣ, эти скромные, не-

взрачные люди съ портфельчиками, кто въ очкахъ, кто въ пенснэ, – тоже вѣдь были – народъ. А можетъ, не народъ?

Разбираться было некогда. Они всѣ сейчасъ были одно. И лишь одному этому, тому, что они всѣ вдругъ сдѣлались, пускай на мигъ – наплевать! – одно, и стоило кричать безконечное «ура-а-а-а!»

И вдругъ будто грозный дирижеръ махнулъ рукой, и они всѣ, орущей народъ, стихли, какъ послушный оркестръ. На трибуну поднимался человекъ – одинъ изъ этихъ, невзрачныхъ. Этотъ былъ безъ очковъ. Невысокій. Коренастый. Огромная его голова торчала чуть впередъ, выдвигалась надъ туловищемъ, словно онъ ею разрѣзалъ воздухъ, какъ воду, – плылъ. Огромная лысина, во всю голову, лаково, слоновой костью, блестяла – точно какъ бѣлыя колонны по ободу зала. Онъ взобрался на трибуну, и молчащая толпа стала его разглядывать. Жадно, задыхаясь, будто напослѣдокъ; будто сейчасъ его кто-то, тихо стоящій въ залѣ, возьметъ на мушку – и мѣтко выстрѣлитъ въ него.

Маленькаго роста. И глазки маленькіе. Или онъ ихъ такъ неистово шурить? Маленькій, кукольный, и ручки маленькія – вотъ онъ схватился ими за края трибуны, будто боится упасть. Лысая башка словно вдвинута въ грудь – шея вродѣ бы нѣтъ, голова прямо изъ торса растетъ, – носъ большой, и ротъ большой: ротъ, что привыкъ орать – съ трибунъ, съ балконовъ, съ грузовиковъ, съ броневиковъ, съ палубъ возставшихъ крейсеровъ, съ дѣтскихъ ледяныхъ горокъ, съ дощатыхъ запыленныхъ, заваленныхъ окурками сценъ театровъ, превращенныхъ въ нужники, съ амвоновъ церквей, обращенныхъ въ конюшни. Бритый подбородокъ. Борода уже чуть проступаетъ. Подбородокъ тяжелый, властный. Слишкомъ тяжелый для такого маленькаго тѣльца.

«Костюмчикъ ношенный... Локотки потерты... Жены у него, что ли, нѣтъ, чтобы – пиджакишко почистила? И брюки-то... по пяткамъ бьютъ...»

Лысый человекъ стоялъ, крѣпко держался за края трибуны, медленно поворачивая гладкую голову туда, сюда, шурился, разглядывая – кто тамъ, въ толпѣ, что это за делегаты пріѣхали на съѣздъ, и можно ли этой толпѣ вѣрить, и не смететъ ли она его, не снесетъ ли съ трибуны, какъ снесла съ троновъ и кресель власть, что сидѣла на этихъ тронахъ и въ этихъ креслахъ до него.

Михаиль глядѣлъ на Ленина, и ему казалось – Ленинъ глядитъ на него. На него одного.

Усы лысаго человека дрогнули, онъ раскрылъ ротъ и громко, хорошо поставленнымъ ораторскимъ теноромъ, чуть вздернувъ свой тяжелый подбородокъ, выбросилъ въ залъ коротко и мощно:

– Тепей, товайищи, паа пыступитъ къ стѣоительству... – сдѣлалъ паузу. – Соціалистическаго поядка!

Гуль, громъ накатилъ, все подмялъ подъ себя, поглотилъ – залъ, лысаго человека, колонны, балконы и балюстрады, пробилъ крышу, вылетѣлъ наружу. Хлопали и кричали долго. Такъ долго, что у Лямина заболѣли ладони. Онъ пересталъ аплодировать и подулъ на ладоши – онѣ свѣтили въ полутьмѣ красно, малиново.

«Руки-то въ кровь всѣ разбиваютъ, вотъ какая любовь».

Озирался. Изнутри распирали гордость и тревога. Тревога пересилила. А можетъ, тутъ, въ залѣ, сейчасъ возьмутъ – да бомбу взорвутъ?

Лысый человекъ, вѣпившись въ дерево трибуны, рѣзко наклонился впередъ. Лысина сверкнула подъ лучами люстры. Люстру все сильнѣе, гуще заволакивало табачнымъ дымомъ. Люди слушали. Ленинъ развѣвалъ ротъ широко, шире варежки, будто хотѣлъ кого-то хищнаго, коварнаго взять да проглотить. Рѣчь его лилась гладко, безъ сучка безъ задоринки; онъ то взмывалъ голосомъ вверхъ, то ронялъ его внизъ, и тогда толпа затихала еще больше и старательно прислушивалась – было слышно вокругъ Лямина хриплое, сиплое дыханіе, музыка прокуренныхъ легкихъ.

«А, это и самъ я такъ громко дышу. Простытъ, что ли?»

Слова излетали изъ Ленина прямыя, простыя, правильныя, и съ каждымъ изъ его словъ можно было согласиться, и народъ вокругъ кивалъ, вертѣлъ головами, поднималъ вверхъ, надъ плечами, тяжелые кулаки, одобряя все, что говорить вождь. А дымъ вступался, и тревога сгущалась, становилась терпкой, жгла подъ языкомъ, сильно стучала вnutри, била поперекъ реберъ, звономъ заглушая сердце.

«А что это я весь колыхаюсь? Точно, застудился, едриться-мыться...»

Люди глядѣли вверхъ, на трибуну, съ восторгомъ. На щетинистыхъ, бородатыхъ, скуластыхъ, раскосыхъ, щербатыхъ, беззубыхъ, табачныхъ, желтыхъ отъ голода лицахъ были размашисто и крупно, рѣзкими широкими мазками, написаны, въ кои-то вѣки, счастье и яркая любовь.

«Обожаютъ народъ его! Такъ-то!»

И правда, на трибунѣ стоялъ – богъ. Новый красный богъ, и, навѣрное, новый царь.

«Прежняго царя скинули... Николашку... а это – царь Владимірь... Вла-ди-мірь... Владѣющій міромъ, точно...»

Слова текли и настигали, отъ словъ нельзя было укрыться, отъ ровнаго, увѣреннаго, картаваго голоса, что говорилъ аккуратъ все то, что съ каждымъ въ залѣ – доподлинно происходило.

Страна и время были въ каждомъ. Тотъ, кто постоялъ хоть минуту въ этомъ торжественномъ залѣ, среди господскихъ ненавистныхъ бѣлыхъ колоннъ, это почувствовалъ, это понял и навсегда запомнилъ.

«Мы – народъ. Здѣсь – народъ! Все это сдѣлалъ народъ! Революцію! Мы сами это сдѣлали! Мы! Всѣ, кто здѣсь! Самі! Для всѣхъ! Насовѣмъ! Навѣчно!»

Что-то произошло съ толпой. Люди пригрудились, придвинулись ближе другъ къ другу. Сидящіе – встали. Скрипѣли кресла. Качалась тусклая громадная люстра. Дыханія сливались воедино. Всѣ вѣрили словамъ лысаго человѣка. Себѣ – не вѣрили, а ему – вѣрили.

Толпа выпрямилась, всякій стоялъ гордо, и изъ каждой глотки уже доносилось, съ каждымъ губъ слетало и летѣло въ залъ, къ президіуму и трибунамъ, къ отчаянной и свѣтлой люстрѣ это свѣтлое и давнее, эта свѣтлая, яркая, красная пѣсня, могучая, какъ красная, напитанная кровью, морская волна, дикая и строгая, какъ сильная, единственная молитва:

*Вставай, проклятьемъ заклеименный,
Весь міръ голодныхъ и рабовъ!
Кипитъ нашъ разумъ возмущенный
И въ смертный бой вести готовъ!*

«Мы прокляты?! Мы – нищіе, низшіе?! Червяки мы, что копошились у васъ подъ ногами?! Ахъ, шейки ваши въ жемчугахъ... А наши дѣти – будутъ богатыми, какъ вы! Будутъ учеными, какъ вы! Будутъ – міромъ владѣть, вотъ что! Вотъ какъ!»

*Весь міръ насилья мы разрушимъ...
До основанья... а затѣмъ...
Мы нашъ, мы новый міръ построимъ!
Кто былъ ничѣмъ – тотъ станетъ всѣмъ!*

Михаилъ пѣлъ вмѣстѣ со всѣми, со всѣмъ восторженнымъ народомъ, не пѣлъ – оралъ возбужденно и, снявъ фуражку, отиралъ потный лобъ. Веснушки на его носу обозначились рѣзче – отъ волненія, отъ радости. Кровь приливала къ щекамъ и отливала опять. Душно было въ переполненномъ, какъ тѣсный улей роями, залѣ.

Рядомъ съ нимъ, развѣвая ротъ старательно и страшно, блестя желтыми прокуренными зубами, пѣлъ низкорослый солдатъ въ бѣлой овечьей грязной папахѣ; потомъ папаху сдернулъ и ею вытеръ лицо. Продолжая пѣть, обернулся къ Михаилу и ему подмигнулъ.

И Лямину ничего не оставалось, какъ подмигнуть ему въ отвѣтъ.

Сзади Лямина стоялъ и пѣлъ еще одинъ солдатъ. Худощавый, поясомъ туго въ талии перетянутый. У солдата сверкали свѣтло-сѣрые, двумя сколами кварца, жесткіе глаза. Строго выпрямивъ спину, солдатъ стоялъ и пѣлъ, глядя въ рыжій затылокъ Лямину:

*Это есть нашъ послѣдній
И рѣшительный бой!
Съ Интер-націона-ломъ
Воспрянетъ родъ людской!*

Народъ, въ самозабвеніи, въ ярости и морозѣ восторга: свершилось! мы – владыки Россіи! мы, народъ, а не вы, жадные цари, помѣщики, заводчики и жандармы! – пѣлъ скорбный и гордый гимнъ, онъ ломалъ оконныя стекла, подламывалъ колонны, вырывался въ открытыя фортки, летѣлъ на улицу, обнималъ деревья, сбивалъ съ ногъ прохожихъ, разливался подъ ногами людей краснымъ потокомъ, красно и люто стекалъ въ Неву, опять взлеталъ – и улеталъ, освобожденный отъ сердецъ и плотокъ, въ вѣтеръ, въ небо.

* * *

...А колеса все стучали, и они уже потеряли счетъ времени – сколько дней и ночей, сколько недѣль они трясутся въ этомъ поѣздѣ, сколько народу уже вышло и вошло въ вагоны, то душевные, то ледяные, – а они все ѣдутъ и ѣдутъ, и онъ все глядитъ и глядитъ на эту странную то ли дѣвку, то ли бабу, то ли солдата, а однажды ночью она помстилась ему старухой – такъ упала на нее изъ окна свѣтъ станціоннаго фонаря, – и ведетъ съ ней разговоры, и ѣсть съ ней и пьетъ, и опять балакаетъ о томъ, о семь, и она сначала дичится, потомъ все живѣе и живѣй отвѣчаетъ ему.

И вотъ уже оба смѣются. И вотъ уже оба ищутъ рукъ другъ друга.

Долго ли, дѣло молодое.

А кругомъ народъ, и не поцѣлуешься тутъ, не помилуешься. Не говоря о чемъ другомъ.

А другого – хочется, терпежу нѣтъ; и Мишка видитъ, какъ на бабу въ шинели заглядываются съ верхнихъ и нижнихъ полокъ, и грызетъ его кишки червь злости и гнѣва, огненный червь, и иной разъ, подъ стукъ колесъ, ему видится, какъ они оба, на багажной, подъ потолкомъ, полкъ обнимаются такъ крѣпко, что духъ вонь, а то чудится, что онъ склоняется найти ея губы, а она залѣпляетъ ему со всего размаху знатную оплеуху.

«Никакой жизни нѣтъ... съ этой войной, революціей...»

Это все ночью блазнится. А когда день – сидятъ чинно другъ противъ друга, бесѣдуютъ, и ему неважно, что ѣдятъ, – на станціяхъ долго стоитъ составъ, Пашка выбѣгаетъ, хозяйственно, ловко покупаетъ у торговокъ вареную картошку, посыпанную рѣзаной черемшой, моченая яблоки, пироги съ тайменемъ, а то и съ жирнымъ чиромъ, – это они уже ѣдутъ по Сибири, и Пашка жадно глядитъ въ окошко, и слѣдитъ глазами распадки, увалы, займки посреди тайги, – и шепчетъ: «Родненькая... родненькая моя...»

Мишка стѣснялся спросить, кто такая эта родненькая.

А потомъ самъ догадался: земля это, ея родина.

Закрывалъ глаза. Жигули свои вспоминалъ. Волгу.

Увидитъ ли когда? Такъ же ли шепнетъ Волгѣ: «Родненькая...»

«Конечно, увижу. Когда лучшую жизнь отвоюемъ – и заново все построимъ. Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ!»

– Пашка! Скоро ли Тюмень?

– А я почему знаю?

Когда глядѣлъ въ ея лицо – смутно вспоминалъ питерскую страшную ночь, позолоченную лѣпнину Зимняго дворца, винные ручьи въ погребахъ, черный металлическій сверкъ Невы. И кружевной чугунокъ моста. И запахъ табака, ѣдкаго дешеваго дыма, ножами рѣжущаго ноздри и легкія.

«Что я... зачѣмъ Петроградъ... къ чему еще эти сны... все правильно мы сдѣлали, рабочіе, солдаты, моряки... все – вѣрно... вѣрнѣе некуда...»

Небо распаховалось сѣрыми женскими глазами, сѣрое, холодное, лукавое, казнящее. Поѣздъ подходилъ къ Тюмени, и опять это оказывалась другая станція.

И такъ они ѣхали вѣчно, и рельсы мотались солеными селедками передъ черной собачьей мордой паровоза, и дышали они дымомъ и гарью, и легкія у нихъ чернѣли, и умыться было неоткуда и негдѣ, и на станціяхъ Пашка приносила въ горсти снѣгъ: онъ таялъ, она умывала талымъ снѣгомъ себѣ лицо, ея щеки румянились, и этими мокрыми руками она проводила по небритымъ Мишкинымъ щекамъ, хохоча, будто ее щекотали, – а потомъ вразъ, сурово и мрачно и надолго, умолкала.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«А когда я гхалъ съ ямщикомъ, то послѣ боя я былъ сильно утомился, потому что я не спалъ трое сутокъ, а когда меня везъ ямщикъ, то я легъ и наказалъ ямщику, чтобы онъ не доѣзжалъ до деревни Бѣловой километръ, чтобы меня разбудить. Но когда я заснулъ, то ямщикъ былъ кулакъ и онъ меня привезъ къ бѣлымъ, вмѣсто того чтобы разбудить. И въ этотъ моментъ соннаго меня обезоружили и давай меня бить, издѣваться. Били меня до безсознания, я не помню, вдавили мнѣ два ребра, сломали мнѣ носъ, а когда дали мнѣ опомниться, то дали мнѣ лопату и заставили меня рыть себѣ могилу тутъ же на мѣстѣ. Но остальная сволочь кричитъ: „Здѣсь его не убивайте, а вывезти на могилу“. Но мое пролетарское упорство: я съ мѣста ни шагу, и говоря: „Если вамъ, гады, нужно, то разстрѣльте на мѣстѣ“. Въ этотъ моментъ вдругъ является молодой человекъ лѣтъ двадцати, что ли, двухъ и предложилъ меня отпустить, который сказалъ, что Прокудинъ въ этомъ не виновенъ, онъ былъ поставленъ властью, и его пустить во всѣ четыре стороны, и пусть идетъ. Да еще за меня застоялъ одинъ бѣднякъ, который меня охранялъ, и сказалъ, что завтра же придутъ красные и разстрѣляютъ нашу всю деревню, а пусть онъ идетъ. И я былъ отпущенъ. А когда меня отпустили, то я не могъ никакъ двигаться, а послѣ на бой сразу. Мнѣ надо было воды, то мнѣ никто не далъ воды. Нашелся одинъ сознательный старикъ, не боясь ничего, онъ мнѣ немного помогъ, запустивъ меня къ себѣ и давъ мнѣ попить. И пробывъ я у старика до ночи, и я пошелъ нанялъ ямщика довести до своей деревни Коноваловой. Пріѣхавъ къ отцу въ двѣнадцать часовъ ночи, и я началъ стучать. Отецъ испугался и говоритъ мнѣ, что тебя приходили три раза съ винтовками арестовывать. Братъ спросилъ отца, что кто это. Отецъ сказалъ, что твой братъ пріѣхалъ. Братъ и велѣлъ отцу пустить и говоритъ, что намъ нечего бояться, если его убьютъ, то мы будемъ знать, что

гдѣ онъ будетъ похороненъ. А когда я вошелъ въ домъ отца, то тутъ быстро меня узнали свои родные и хотѣли приготовить сухарей, отправить меня скитаться. Но тутъ же быстро узнавъ, кулаки нашей деревни пришли, меня опять арестовали и повели меня разстрѣлять самосудомъ. А когда меня привели, то я пришелъ и спрашиваю: „Въ чемъ дѣло?“ Минь говорятъ кулаки: „Что, устояла ваша власть?“ – и говорятъ, что мы тебя, бандита, разстрѣляемъ, и приговорили меня разстрѣлять на кладбищѣ. Но я благодаря своему упорству, я имъ сказалъ, что: „Гады, стрѣляйте меня на мѣсть, а я туда не пойду“. А въ это время староста Каневъ Иванъ Ивановичъ выразилъ обществу: „За что мы его разстрѣляемъ? Сегодня – бѣлые, а завтра – красные. Намъ встѣхъ не перестрѣлять, да и глупо будетъ“, – и велѣлъ отпустить, что онъ и такъ убитъ: „Пуцай отдыхаетъ, дѣло не наше“. Меня отпустили домой. Но я домой не пошелъ, а зашелъ къ одному бѣдняку, который меня заложилъ подъ перину, и я тамъ спасся, меня больше года не нашли».

Изъ воспоминаній Григорія Юсиповича Прокудина, жителя деревни Байкаимъ Кузнецкаго округа Сибирскаго края. 1918 годъ

Отъ стѣнъ дома волной шелъ и захлестывалъ холодъ. Дровъ отрядили мало. Михаилъ ежилъ плечи, дулъ въ ладони. Внутри, въ легкихъ, перекатывались остатки молодого жара.

Онъ тихо, какъ котъ, ступая, пошелъ по дому. Медленно, слоновьи тяжело наступая на всю ступню, поднялся по лѣстницѣ. Холодъ и молчаніе, и больше ничего. Эти – затаились. Не шевелятся, не болтаютъ на ихнемъ заморскомъ.

Стекла трещали отъ ударовъ мороза. Морозъ синимъ кулакомъ билъ и билъ въ окна.

«И будетъ еще лютой, – подумалъ Михаилъ и почесалъ щеку, и еще и еще почесалъ, чтобы щека разогрѣлась отъ жесткаго карябанья, – ажъ звѣзды вымерзнуть».

Онъ нутромъ чужалъ: еще жесточе завернетъ зима.

Что жъ они, въ Рождество-то, умерли, что ли?

Тишина жутью залѣпляла уши.

Черезъ стекла длинными иглами входили и входили, вползали звѣзды въ грудную клѣтку.

Михаилъ постучалъ себя кулаками по груди, будто кто-то тамъ у него засѣлъ, плѣненный: звѣрокъ ли, птица. И надо, разломавъ ребра кулаками, выпустить его на волю.

Охлопалъ себя ладонями по плечамъ, по-ямщицки: такъ у нихъ въ Новомъ-Буянѣ ямщички, послѣ перегона, топчась на снѣгу, охватывались, сами себя грѣли. Хлопки гулко раздались и истаяли въ пьяной тишинѣ.

Шелъ по коридору. Чужалъ себя червемъ, проползающимъ сквозь слой тихой земли. Изъ-подъ двери сочился свѣтъ. А все жъ таки не спать. Не спать!

Любопытство закололо плечи ершовыми плавниками. Ляминъ остановился и приникъ щекой къ притолокѣ. Сощурилъ глазъ. Ему не впервой было подсматривать.

Глазъ, судорожно дергаясь въ глазной впадинѣ, зрачкомъ шараясь, искалъ среди нихъ, сидѣвшихъ за столомъ, Марію.

Да вотъ она.

Сглотнулъ. Кадыкъ дрогнулъ. Квадратъ людскихъ затылковъ надъ квадратомъ стола. Странно застыли. Словно слушаютъ. Страшную музыку. А можетъ, пріятную. Ангелы имъ поютъ на небеси!

Руку воздѣлъ, чтобы дверь толкнуть. Рука замерла. Сжалась въ кулакъ. Кулакъ ко лбу поднесъ. Подглядывать – продолжилъ.

Чтобы шевельнулись, ожили – ударилъ сапогомъ о сапогъ.

Затылки задвигались. Появились профили и лица. Профили оборачивались другъ къ другу. Лица опять застывали холодными блинами, острыми тесаками. Михаилъ рыскалъ зрачками: цесаревича не видѣлъ. Спать, болѣзненный. А елка-то гдѣ?

Вспомнилъ, какъ самъ въ лѣсу рубилъ. Самъ тащилъ сюда.

И цесаревичу – показывалъ. Схвативъ за стволъ, мелко трясъ, и безшумно отрясался на паркетъ мелкій жемчугъ снѣга.

А цесаревичъ слабо, больнымъ котенкомъ, улыбался, показывалъ клычки и мелкіе, какъ у матери, нижніе зубы. И протягивалъ руку, и палецъ касался зелени иголокъ, какъ раскаленной въ печи кочерги. Руку отдергивалъ. Михаилъ всѣмъ тѣломъ дергался въ тактъ: такъ пугалъ царенка. А потомъ смѣялся, грубо и хрипло, и цесаревичъ вторилъ ему: звонко, жаворонкомъ. И Михаилъ, опомнившись, кричалъ: «Отставить!»

Тяжесть елки на плечѣ. Корявый стволъ, духмяная хвоя, крѣпкій спиртовой запахъ. Ему приказали, онъ исполнилъ, дѣловъ-то.

«Небось, спать въ комнатенкѣ своей. Мать укрываетъ его одѣялами. Свое, небось, отдаетъ, дочерины наваливаетъ. А то рядомъ съ нимъ подъ одѣяло заползаетъ, тѣломъ грѣтъ».

Задрожалъ подъ гимнастеркой. Холодъ пробирался подъ шинель. Шинелишка мала, въ

плечахъ жметъ. «А какъ царевны? Имъ-то что въ сугробѣ, что въ спальнѣ, одно. Тоже другъ съ дружкой... можетъ, и кровати сдвигаютъ...»

Онъ догадывался вѣрно: цесаревны въ лютейшіе морозы спали парно – Ольга съ Татьяной, Марія съ Анастасіей.

Зрочки поймали выблескъ пламени. Уши уловили легкой трескъ. Горѣли въ каминѣ дрова. Время сжирало дерево, людскія тѣла, воздухъ и камни. Оно оказывалось, какъ ни крути, сильнѣе огня и всего, что Михаилъ зналъ.

«Тоска имъ тутъ... Тоска». Цесаревича увидалъ, какъ въ туманѣ.

Мялся съ ноги на ногу. Но отъ дверной щели не отходилъ.

Изъ щели сочился нездѣшній свѣтъ. Такого онъ въ своемъ, сѣромъ и грязномъ, кровавомъ мѣрѣ не видалъ и врядъ ли уже увидитъ.

Поэтому глядѣлъ жадно, хищно.

Елка стояла на столѣ. Въ центрѣ стола, какъ въ центрѣ міра. На одномъ краю стола и на другомъ пылали и чадили двѣ свѣчи: одна – огарокъ, другая тонкая и крѣпкая, съ рвущимся, какъ кровь изъ аорты, пламенемъ. Иглы топорщились такъ рьяно, что вѣтки казались толще руки. Сизыя, синія иглы. Кожу на спинѣ Лямина закололо: будто бы морозомъ изъ залы дико, темно дохнуло.

Ни одной игрушки на елкѣ. Ни свѣчки жалкой.

Онъ слѣдилъ, какъ Марія, зябко поведя плечами подъ тонкой вытертой козьей шалью, подняла руки и огладила ближайшую къ ней вѣтвь, какъ оглаживала бы дикую, опасную росомуху: съ любопытствомъ, испуганно и нѣжно. Бѣлая рука, будто хрустальная. Будто – игрушка, и виситъ, качается... плыветъ.

Его проняло: оказывается, человекъ – тоже игрушка!

– Да еще какая, – выплонулъ сквозь зубы безслышно, – еще какая выкобенистая...

Что у нихъ тамъ на столѣ? Рождество – безъ пирога, безъ утки, запеченной въ яблокахъ, безъ французскаго салата оливье съ раковыми шейками и анчоусами? Сидѣли, гладили пустую скатерть. Анъ нѣтъ, вонъ тарелка; и на тарелкѣ нѣчто. Присмотрелся. Хлѣбъ! Просто, крупно наръзанный ржаной хлѣбъ. Цесаревичъ взялъ въ руки кусокъ хлѣба, понюхалъ. Нюхалъ такъ долго, что нога Михаила затекла, и онъ тряхнулъ ею, лягнулъ тьму. И чуть сапогъ съ ноги не сронилъ.

Мать сидѣла горделиво, жестко. Расширѣвшая старая спина, а жесткій юный хребетъ. Онъ часто видѣлъ, какъ бывшая царица, сидя въ креслѣ, вытягиваетъ впередъ себя ноги, не желѣзные, живыя; распухшія, больныя. Разношенные, когда-то роскошныя туфли спадаютъ. Пальцы въ толстыхъ носкахъ шевелятся, брови и ротъ искривлены страданіемъ. Будто кислого поѣла, лимонъ изжевала. Тогда Михаилъ странно, постыдно жалѣлъ ее.

Татьяна склонилась къ матери, такъ двигаются тряпичныя куклы. Въ рукѣ она держала бѣлый квадратъ. Конвертъ, подумалъ Михаилъ сперва, письмо! Нѣтъ: тетрадь. Михаилъ разглядѣлъ: странная тетрадка-то, узкая, что твоя чехонь, и вовсе не бѣлая, а лиловая. Татьяна ближе посунулась къ царицѣ и обняла ее за шею. Зашептала въ ухо. Шопота онъ не слышалъ – слишкомъ далеко сидѣли. Царица взяла тетрадь медленно, словно лунатикъ. Такъ же медленно притиснула къ груди.

Царь смотрѣлъ взглядомъ долгимъ, скучнымъ. Потомъ перевелъ водянистыя, стеклянные глаза на елку.

И глаза стали зеленые. Глубь болота.

Царскіе глаза, перламутрово катаясь подо лбомъ, что-то увидѣли на обложкѣ тетради. Николай протянулъ руку ладонью вверхъ. Александра положила въ нее тетрадочку. Тетрадь величиной съ ладонь. Записная книжка? Михаилъ слышалъ, какъ онъ дышитъ. Затылки дрогнули. Сидящая къ нему спиной обернулась. Анастасія. Она держала ножъ. Узкій, длинный. И навѣрное, остро наточенный. Впрочемъ, есть ли у нихъ наждакъ? Прозрачный цесаревичъ призрачно улыбался.

Надо отнять ножъ. Какъ ни крути, это оружіе.

И тутъ онъ не выдержалъ. Рванулъ дверь на себя. Бронзовая ручка въ видѣ оскаленной морды льва обожгла пальцы.

Онъ не зналъ, что скажетъ. Да все равно было.

– Здр-расте, мое почтеніе! – издѣвательски, пѣтушино взвился голосъ. – Съ Рождествомъ... ха-ха, Христовымъ всю компанію! – кегли головъ дрогнули, покатались – кто набокъ, кто къ нему, кто прочь. – Какъ тамъ, волсви со звѣздою... путешествуютъ?..

Анастасія хотѣла встать строго, да не вышло. Стулъ упалъ съ грохотомъ. Цесаревичъ пропалъ. Да былъ ли?

– Съ Рождествомъ Христовымъ васъ!

Глаза скользили по царственнымъ головамъ.

Вотъ она, вотъ.

Руки Маріи, прежде сильныя, тяжелыя, обливныя, исхудали. Щеки ввалились. «Да, ѣдятъ скудно. А откуда мы харчей напасемся?» Глаза огненно, охально очерчивали мягкія выпуклости груди подъ чистой и, казалось, хрустящей сѣрой бязью. Марія часто и сильно дышала, и ему почудилось – хрипитъ она, простужена.

«Немудрено. Такой холодъ на дворѣ и въ домѣ».

– Садитесь съ нами, – съ трудомъ выжалъ изъ посинѣлыхъ губъ царь.

Сѣсть? Не сѣсть?

Подумаль про карауль.

«Мужики меня потеряли. И Пашка... тоже».

Ольга и Татьяна вскочили. Обѣ уступали мѣсто. Ему, охраннику, – великія княжны!

Вѣ груди будто искра разгорѣлась; кишки запыхали. Сѣлъ. Безмысленно потянуль со стола салфетку, злобно смялъ въ грязныхъ пальцахъ. Анастасія рядомъ. Косилась, какъ кошка на мышъ, на мозоли на его пальцахъ – отъ винтовки.

О чемъ говорить? Не о чемъ говорить.

«Я для нихъ грязь. Пыль. Они мнѣ черезъ голову смотрятъ. Хуже коняги, хуже быка я для нихъ. Скотину хотя бы кормятъ, улаживаютъ. Ласковое слово бормочуть. Ну вотъ сѣлъ я. Молчать! И будутъ молчать».

Самъ не понимая, какъ это изъ него стало вырваться, плескать крыльями, вылетать, онъ хрипло запѣлъ:

– Ой Самара городокъ, безпокойная я! Безпокойная я, успоко-о-ой ты-и ме-ня...

«Вотъ вамъ. Вотъ. Въмѣсто Рождественскихъ тропарей вашихъ!»

На Марію не смотрѣлъ. Будто она рѣяла гдѣ-то высоко, надъ потолкомъ, надъ зимними ночными облаками.

– Платокъ тонетъ и не тонетъ... потихонечку плыветъ! Милый любить ай не любить – только времячко ведетъ!

«Ишь, сидятъ. Слушаютъ. Да она бы, царица, мнѣ бѣ, если могла – по губамъ бы кулакомъ дала!»

– Милый спрашиваль любви! – пѣлъ уже зло, съ нажимомъ. Биль голосомъ, какъ молоткомъ, по словамъ. – Я не знала, што сказать! Молода, любви не знала! Ну и... – Марія встала. Онъ увидѣлъ это затылкомъ. – Жалко отказать!

Ухмыляясь, скалясь, вотъ теперь обернулся къ ней. Глазами стегнуль по ея глазамъ, по щекамъ. Синій отъ холода носъ, а щечки-то горять.

– Папа, можно я угощу господина... товарища Лямина?

Глаза поплыли вбокъ, хлестнули столъ. Пальцы Маріи скрючились и цапнули кусокъ ржаного. Она подала хлѣбъ Михаилу, какъ милостыню.

И онъ взялъ.

Пѣсню прерваль.

«Глупо все. Глупо».

Елка топырила сизыя лапы. Изъ ртовъ вылеталь паръ. Михаилъ вонзилъ зубы въ ржаной и сталъ жевать, ему самому показалось, съ шумомъ, какъ конь – овесъ въ торбѣ.

Доѣлъ. И какъ шлея подъ хвостъ попала – опять запѣлъ.

Губа поднималась, лѣзла вверхъ; ослабилась, обнажилъ желтые отъ курева зубы.

– А раньше я жила не знала, што такое кокушки! Пришло время – застучали кокушки по жопушкѣ!

Царица закрыла ротъ рукой. Будто бы ее сейчасъ вырветъ. Дверь въ другую комнату раскрылась, какъ крышка треснувшей шкатулки; вышелъ, ступая соннымъ гусемъ, цесаревичъ, настоящій, во плоти, обѣими руками держаль на плечахъ одѣяло, какъ шкуру медвѣдя; одѣяло волочилось по полу, подметало мусоръ.

Алексѣй глядѣлъ круглыми напуганными глазами. Такъ глядитъ изъ клѣтки говорящій попугай, не понимая, что лепечуть странные страшные люди.

– Съ Рождествомъ Христовымъ, мама, папа! Сестрички!

– Кокушки... по жопушкѣ... – тихо, все тише повторилъ Ляминъ. Съ чернаго хлѣба онъ опьянѣлъ, и водки не надо.

Анастасія ловко сунула руку подъ елку. Вытащила нѣчто. Онъ думаль, это подарокъ, а это оказалась тарелка съ гречневой кашей. И, о чудо, сверху каши лежало смѣшное, коричневое!

Котлета, даваясь отъ неприличнаго смѣха, догадался онъ.

Анастасія подвинула по столу тарелку ближе къ Алексѣю. Въ ея глазахъ стояли слезы. Опять ненастоящія, хрустальныя елочныя висюльки. И сейчасъ прольются-разобьются.

– Алешинька... это тебѣ...

Каша и котлета, какъ это мило. Нѣжно.

Михаилу захотѣлось плюнуть на полъ. И ударить кулакомъ эту елку на столѣ, и сшибить къ чортовой матери.

Но онъ не ударилъ. И не плюнулъ.

Марія такъ ясно, прямо смотрѣла. Она не глядѣла на елку; ея взглядъ горячимъ сургу-чомъ лился на него, злого, потеряннаго, застываль, запечатываль.

Алексѣй затрясся, сдернулъ съ плечъ одѣяло, подложилъ подъ себя, на сидѣнье, сѣлъ. Ему въ руки воткнули ложку. У ложки крутилась, голову кружила витая ручка. Серебро по-чернѣло, и витки спирали вспыхивали рыбѣй чешуей. Михаилъ смотрѣлъ, какъ цесаревичъ ѣсть. И самъ шумно подобралъ слюни. И вытеръ кулакомъ ротъ. Часы въ другой, иной, иной, за семью морями, комнатѣ забили: бом-м-м-мъ, – одинъ разъ. И задохнулись.

Часть ночи. Часть.

И, когда они всѣ, вся семья, встали за столомъ, всѣ, какъ по командѣ, перекрестились и заплѣли: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума, въ немъ бо звѣздамъ служащій звѣздою учахуся Тебѣ кланяться, Солнцу Правды!» – онъ всталъ, пяясь, онѣмѣвшей рукой оттолкнулъ прочь отъ себя тарелку со ржанымъ, она заскользила по столу, докатилась до края, чуть не упала, и Марія, закусивъ губу, поймала ее, да неудачно: тарелка живой рыбой вырвалась у нея изъ рукъ, грянулась объ полъ и разбилась. Хлѣбъ разлетѣлся.

– ...и Тебе вѣдѣти съ высоты Востока! Господи, слава Тебѣ-е-е-е-е!

* * *

Михаилу въ носъ ударила вонь сырыхъ портянокъ. Красногвардейцы дрыхли кто какъ, вповалку. Кто на кроватяхъ; кто на полу. Поломъ не гнушались: а какая разница, отъ панцырной сѣтки все одно холодомъ нестеть. Михаилъ угнѣзвился у окна. Черезъ раму дуло. Вѣтеръ на улицѣ мужаль, наглѣлъ. Ляминъ вытѣзъ изъ шинели, накиннулъ ее на плечи, медленно потянулъ на голову. Натягивая, уже спалъ. Во снѣ ему привидѣлось – онъ ищетъ Пашку, ищетъ, ищетъ и найти не можетъ. А она вродѣ бы храпять тутъ же, рядомъ. Возлѣ. И онъ тычетъ кулакомъ въ мягкое, пахучее женское тѣсто – а натывается на колючія заиндивѣлыя доски заплота. И занозы всаживаются ему въ кулакъ, и онъ выгрызаетъ ихъ зубами, и кровь на снѣгъ плюетъ, и матерится.

...Густо, пряно, маслено гудѣлъ колоколъ. Мощный, басовый.

Цари шествовали по улицѣ во храмъ Покрова Богородицы, а впереди, съ боковъ и сзади шли конвойные. Передъ носомъ царя мотался колоколомъ кургузый, недорослый, въ полушубкѣ съ чужого плеча, солдатъ по прозвищу Буржуй. Слева шли, на всякій случай винтовки въ рукахъ, а не за спиной, Сашка Люкинъ и Мерзляковъ. Справа шагаль четко и сильно, будто почтовые штемпели подошвами сапогъ ставилъ на бѣлыхъ конвертахъ снѣга и льда, Андрусевичъ. Рядомъ съ нимъ – комиссаръ Панкратовъ. Ляминъ замыкалъ конвой. Ребра сквозь шинель чуяли ледяную плаху приклада.

Ремень давилъ грудь. Онъ поправилъ его большимъ пальцемъ; пошевелилъ пальцемъ внутри голицы. Палець ощутилъ, ласково осязалъ кудрявый бараній мѣхъ рукавичнаго нутра. «Хорошія голички, Пашкѣ спасибо, уважила».

Это Пашка ему пошла. И ловко же все умѣла, быстро. Что винтовку шомполомъ почистить, что щи въ чугуи задѣлать – пустыя-постныя, а пальчики оближешь.

А интересно вотъ, да, она-то, она умѣетъ что постряпать?

Забавно шли въ церковь: впереди не родители, а дѣти. Гусакъ и гусыня назади, а выводи докъ передъ собой вытолкнули. И быстро же дѣвки перебираютъ ногами. Шубенки пообтрепались. А залатать некому и нечѣмъ.

«Лоскуты имъ, что ли, гдѣ раздобыть овечьи. Пашку заряду, починить».

Марія ступала, ему такъ чудилось, легче всѣхъ.

«Какъ по пуху, по снѣгу идетъ. А снѣгъ подъ ней... музыкой пищитъ, скрипитъ...»

Народъ около церкви кучковался, сбивался, густѣлъ, вздувался черными и сѣрыми пузырями. Мѣхъ шапокъ лучилъ жесткимъ наждачнымъ инеемъ. Мужики шапки сдергивали у самага входа, передъ надратной иконой Одигитрии, сжимали въ рукъ или крѣпко притискивали къ груди, крестясь. Бабы не улыбались; обычно въ Рождество всѣ улыбались, сіяли глазами и зубами, а тутъ какъ воды въ ротъ набрали. Будто – на похороны пришли, не на праздникъ.

Михаилъ понялъ: народъ согнался на царей дивиться.

Ну, зырьте, зырьте, зѣваки. Такого-то больше нигдѣ не узрите.

А только у насъ, въ Тобольскѣ! Посреди Сибири, снѣжной матушки!

Вмѣстѣ влились густымъ людскимъ варевомъ внутрь церковнаго перевернутаго котла: и точно, какъ на днѣ котла, копотъ иконъ со влизями золотыхъ тарелокъ-нимбовъ, черныя выгнутыя стѣны, и кагитса по нимъ жидкая соль слезъ и пота, застываетъ, серебрится.

Цесаревны встали цугомъ, какъ лошади, запряженные въ карету, Алексѣя дядька въ тѣльняшкѣ держаль на рукахъ; потомъ бережно опустилъ на огромную, погрызенную временами каменную плиту. Александра Ѳедоровна стояла въ ажурной вязаной шали. Край шали, съ бѣлыми зубцами, касался щеки и, видимо, неприятно щекоталъ ее; царица разсѣянно подсунула подъ шерсть пальцы и отогнула ее, и шаль мигомъ сползла ей на плечи, на воротникъ лисьей шубы.

Священникъ пѣлъ, гремѣлъ ектенью, да увидѣлъ простоволосую. Насупилъ и выбросилъ впередъ руку, какъ дирижеръ, а старуха уже испуганно платокъ на лобъ водружала. Устрашилась! Какъ простая! Какъ мѣщанка, какъ баба деревенская!

А что, они такіе же люди, какъ всѣ мы. Точно такіе. И кровь у нихъ не голубая, а красная. «Какъ наше знамя».

Гордо подумаль, и морозъ когтями голоднаго кота подраль у него подъ лопатками.

Они стояли: мужъ и жена, и жена глядѣлась выше мужа. Малорослый полковничекъ-то при супружницѣ. Чуть бы ему подлиннѣй вытянуться. Или это она – на каблукахъ?

Скосилъ внизъ глаза. Изъ-подъ шубы царицы торчали сѣрые тупоносые катанки. Снѣгъ на нихъ подтаялъ въ храмовомъ теплѣ, и капли воды сверкали отраженіемъ свѣчнаго огня.

Михаилъ съ трудомъ перекрестился.

Для него Богъ былъ, и уже Бога не было. Какъ это могло такъ совмѣщаться? Онъ не зналъ. А раздумывать на эту тему было не то чтобы боязно – недосугъ.

– Блажени плачущи, яко ти утѣшатся! – гремѣлъ архіепископъ Гермогенъ.

Рядомъ съ царицей стояла баба въ огромномъ, какъ стогъ сѣна, горичневомъ шерстяномъ платкѣ съ длинными кистями. Когда архіепископъ грянулъ: «Блажени кротцыи, ибо ти наслѣдятъ землю!» – по щекамъ бабы потекли быстрыя веселыя слезы. Она грузно повалилась на колѣни и, быстро и сильно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, повторяла шлепающими, лягушачьими, большими губами:

– Охъ, блажени! Охъ, блажени!

И все крестилась, крестилась. У Михаила замелькало въ глазахъ, будто онъ на крылья мельницы глядѣлъ.

Нехорошо вокругъ творилось. Народъ все прибываль. Все душнѣй становилось, дышать было невмочь. Народъ текъ и текъ, трамбовался, груди прижимались къ спинамъ, и перекреститься нельзя было, не то чтобы свѣчку горящую держать. Кто-то ахнулъ и упалъ безъ чувствъ; расталкивая локтями и колѣнями толпу, съ трудомъ выдрались, вынесли на морозъ, на солнце. Двери храма не закрывались. Гермогенъ служилъ, голову задиралъ, слѣдилъ за паствой. Дьяконъ мельтешилъ, то подпѣваль, то кадило подаваль, и курчавые завитки дыма обвивали повиликой торчащія изъ раструбовъ парчовыхъ рукавовъ руки-грабли.

«И стрѣляютъ попы, и картошку копаютъ, и охотятся. Все умѣютъ. Не бѣлоручки».

Мысли подо лбомъ вспыхивали насмѣшливо, гадко.

...Родители старались: молились, крестились, и дѣти крестились.

...Они крестились всѣ по-разному. Какъ неродные.

Анастасія остро, будто клювомъ дятла – кору, клевала, била себя въ лобъ, грудь и плечи. Будто бы себя – наказывала. Татьяна медленно, нѣжно подносила щепоть ко лбу. Алексѣй крестился восторженно, ласково. Онъ ласкалъ себя, привѣтствовалъ. Возлюби ближняго, какъ самого себя, – а и самого-то себя любить не умѣемъ! Ольга крестилась гордо и размѣренно. Ея симфонія звучала торжественно, какъ и требовало того торжество Рождества.

Марія крестилась незамѣтно. Широко, будто не рукой, а воздухомъ. Порывомъ вѣтра. Онъ чувствовалъ вѣтеръ, отъ нея доносящійся. Жмурился, какъ слизнувшій сметану котъ: брежу, спятилъ! Марія приподнялась на цыпочкахъ, улыбаясь далекому, гремящему золотому Гермогену, и ея ступни оторвались отъ пола, она зависла надъ холодными выщербленными грязными плитами, повисѣла чуть – и плавно, очень медленно поплыла надъ поломъ, впередъ, къ амвону, ибо ее никто не тѣснилъ: вся толпа стояла и давилась за спиной, сзади.

«Умомъ я тронулся, мама родная. Богородица, помоги».

Вотъ сейчасъ онъ готовъ былъ повѣрить въ кого и во что угодно.

Въ спину Лямина уперлась жесткая кочерга чужого локтя. Завозились, завздыхали.

– Ой, божечки! Вонъ они, вонъ они!

Конвойные тѣснились, ворчали. Отъ Андрусевича крѣпко тянуло табакомъ. Смуглыя ноздри округлялъ. Ляминъ видѣлъ: курить хотѣлъ, мучился. Сашка Люкинъ сплюнулъ, слюна попала на плечо царя, на его шинель безъ погонь. Держалась за сукно углой сѣрой жемчужиной.

Архіепископъ тяжело, съ натугой пропѣлъ одну громоподобную фразу, вторую. У Михаила заложило уши. Панкратовъ презрительно поднялъ плечи, и погоны коснулись его ушей, отмороженныхъ красныхъ мочекъ.

Дьяконъ вдругъ выше, высоко поднялъ горящую свѣчу. Гермогенъ раскинулъ руки – въ одной дикирій, въ другой трикирій. Перекрестилъ руки; огонь запылалъ мощнѣе на сквознякъ, морознымъ копьемъ пронзающемъ толстую плотную духоту.

Дьяконъ, широкогрудый, мощный, какъ баржа по веснѣ на Иртышѣ, груженная углемъ, набралъ въ легкія щедро воздуху.

– Ихъ Величество Государя Императора и Государыни Императрицы-ы-ы-ы-ы...

Сашка Люкинъ посмотрѣлъ на Лямина, какъ на зачумленного.

– Што, сбрендили? – беззвучно проронилъ Мерзляковъ.

– Ихъ Высочество!.. Великихъ Княжонъ Ольги, Татіаны, Маріи, Анастасіи-и-и-и-и...

Буржуй дернулъ плечами и заверещалъ:

– Эй ты, стой! Заткнись!

Куда там! Вокругъ вся могучая толпа странно, едино качнулась и празднично возропта-ла. Пискъ Буржуа угасъ въ гудящемъ и плывущемъ пространствѣ. Сгинулъ во вспышкахъ – въ угольномъ подкупольномъ мракѣ – лимонныхъ, прокопченныхъ страданіемъ нимбовъ и алыхъ далматиковъ.

– Его Высочества Великаго Князя, наслѣдника Цесаревича-а-а-а... Алексія-а-а-а-а!

– Молчать! – беззвучно изъ-подъ висячихъ табачныхъ усовъ крикнулъ Андрусевичъ.

– Многая, многая, мно-о-о-огая... лѣ-е-е-е-ета-а-а-а-а!

Конвой увидаль то, что видѣть было нельзя. Народъ валился на колѣни, и его было съ колѣнь не поднять. Ни ружьемъ, ни штыкомъ, ни прикладомъ.

Если бы они сейчасъ всѣхъ перестрѣляли, перекосили въ этой проклятой вонючей церкви изъ пулемета – никто бы все равно съ колѣнь не всталъ.

Темный воздухъ рѣзко, радостно просвѣтлѣлъ. Ляминъ задралъ башку: откуда свѣтъ?

«Будь проклять этотъ свѣтъ. Этотъ чортовъ храмъ!»

Старался не смотрѣть на Панкратова. Теперь комиссаръ ему задасть! Почему – ему, онъ и самъ не зналъ. Старшимъ у нихъ былъ Мерзляковъ, мрачный молчунъ. Лишь глянѣть – выгнаться во фрунтъ. Глаза такіе, бандитскіе, собачьи, ножами рѣжутъ.

Толпа качнулась впередъ, назадъ. Толпа готова была подхватить царей на руки. Проклять-е! Какъ мать.

Толпа – мать, и царь – отецъ. Какъ все просто. И пошло.

Какъ обычно устроень міръ.

Но теперь мы его перестроимъ. Перекроимъ!

И никакимъ Гермогенамъ... въ ихъ ризахъ, въ парчѣ...

– ...та-а-а-а-а...

Подъ куполомъ эхо умерло. И кусками слезъ и дыханія обваливалась, какъ штукатурка, тишина.

Гермогенъ счастливо перекрестилъ паству. А рука его дрожала.

...Мерзляковъ и Панкратовъ дождались отпуска и цѣлованія креста. Народъ уходилъ медленно, нехотя, люди оглядывались; и глядѣли даже не на царей – на нихъ, стрѣлковъ, на конвой, будто они были какіе попугаи заморскіе.

Михаилъ зло скрипнулъ зубами.

При выходѣ изъ церкви постарался бокомъ, локтемъ задѣть Марію, прижаться. Она хотѣла шарахнуться, онъ видѣлъ; потомъ удержалась, дрогнула круглымъ, какъ рѣпа, подбородкомъ, губы расплзлись въ робкой улыбкѣ.

– Извините. Я васъ задѣла.

– Это я васъ задѣлъ.

Снѣгъ капустно, хрипло хрустѣлъ, пѣлъ, пищаль подъ сапогами, валенками, ботами, котами, катанками, лаптями, башмаками. Ляминъ зналъ: комиссаръ и Мерзляковъ остались въ церкви. Они сейчасъ архіепископа и дьякона вилами, какъ ужей, къ стѣнѣ прижмутъ.

А можетъ, и къ стѣнкѣ поставятъ. Сейчасъ быстрое время, и быстрые пули.

* * *

Ляминъ раскуриваль «козью ножку». Свернулъ изъ старой газеты. Пока сворачиваль, читаль объявленія въ траурныхъ рамкахъ: «ВЫРАЖАЕМЪ СОБОЛѢЗНОВАНІЯ...», «СЪ ПРИСКОРБИЕМЪ СООБЩАЕТЪ СТАТСКІЙ СОВѢТНИКЪ ИГОРЬ ѲЕДОРОВИЧЪ ГОН-ЗАГО О КОНЧИНѢ ЛЮБИМОЙ СУПРУГИ ЕКАТЕРИНЫ...»

Смерти, смерти. Сколько ихъ. Смерть на смерти сидитъ и смертью погоняетъ. Въ жизни нынче вокругъ только смерть – а онъ все живъ. Вотъ чертяка. Втягиваль дымъ и себѣ удивлялся.

Ушки на макушкѣ: слушаль, что товарищи балакаютъ.

И снова удивился: раньше такъ къ ихъ безтолковому, жучиному гудѣнію тщательно, съ

подозрѣніемъ, не прислушивался.

- А Панкратовъ-то у насъ игдѣ?
- Исчезъ! Корова языкомъ слизала!
- Таперя гуляй, рванина!
- А чо гуляй-то, чо? Раскатала губищу-ть!
- Да на Совѣтѣ онъ.
- Какъ такъ?
- Какъ, какъ! На нашемъ Совѣтѣ!
- На Тобольскомъ, да-а-а-а!
- Срочно собралися.
- А чо срочно? Бѣляки подступаютъ?
- Самъ ты бѣлякъ! Заяць!
- Но, ты мнѣ...

– Спирьку я посылалъ туды. Ужъ цѣльный день сидятъ. Спирька баеть: такъ накурено, такъ!.. Насмолили, ажъ топоръ вѣшай. И грызутся.

- А что грызутся-то?

Козья ножка долѣвала, красная крохотная звѣзда пламени медленно, но вѣрно добиралась до Михайлова рта. Искуриль, на снѣгъ горѣлаго газетнаго червяка бросиль. Сапогомъ прижалъ.

– Да то... Спирька-то глупъ, барсукъ, тупъ... а запомнилъ. И мнѣ донесъ. На комиссара бочку катятъ. Обличаютъ. Въ мягкотѣлости! Добрь, кричатъ, ты слишкомъ. Велятъ съ бывшими энтими, съ царями, обходиться суровѣй.

– Дыкъ куды ужъ суровѣй. Въ голодѣ держимъ ихъ, кисейныхъ, въ холодѣ. Къ иному вѣдъ привыкли.

– Ну да. Къ перламутровымъ блюдечкамъ, къ чайку съ вареницемъ изъ этихъ... этихъ, ну...

- Баранки гну!
- Изъ ананасовъ.
- Они и вишневое небось трескали, и яблочное. Чай, въ Расеѣ живемъ, не въ Евіюпіи.
- И чо хотятъ-то? Штобъ мы ихъ... энтю самое?
- Дурень. Спирька тебя умнѣе. Сдается мнѣ, за рѣшетку ихъ хотятъ затолкать. Домъ –

одно, тюрюга – другое, понимай.

- Вреть онъ все, твой Спирька! Брешеть!
- Это ты брешешь, кобель блохастый.

Беззлобно перебранивалисъ, кашляли, подъ носъ пѣсни гудѣли. Всякъ скучалъ по дому. А онъ, Михайль, по Новому-Буяну – скучалъ?

- Спросиль себя: тоскуешь, гаденышь?

Отчего-то себя гаденышемъ назвалъ, и стало смѣшно до щекотки.

- А эти, эти! Попы, хитрованы! Вотъ кого надо удавить. Передавить всѣхъ, какъ вошей.

Къ ногтю, и дѣловъ-то!

- А чо ты такъ на нихъ? Попы они и есть попы. Были всегда.
- Газеты читай!
- Да я жъ неграмотный.
- Врешь! Я видаль, ты помяникъ мусолилъ.
- Да у меня матери година. Помянуть хотѣль.
- Видишь, читаешь, значить!
- А чо въ газетахъ-то?
- А то. Патріархъ Тихонъ на большевиковъ – анаѣму!
- Ана-а-аѣму?!

– Анаѣму, вонъ какъ...

- И чо? Велика ли сила въ той анаѣмѣ? Сказки поповскія все это!

Михайль отнялъ ногу отъ снѣга. Подошва сапога отпечаталась глубоко и темно, словно бѣлую сырую простыню прожегъ утюгъ. Окурокъ лежалъ тихо и мертво, вмятый въ снѣгъ.

«Сказки, сказки», – повторялъ про-себя Ляминъ, все ускоряя и ускоряя шагъ.

...Взбѣжалъ по лѣстницѣ въ домъ. Въ корридорѣ дверь чуть пріоткрыта. Ввалился бокомъ. Зналъ: тамъ не пусто. Прасковья стояла у окна. Взглядъ ея уходилъ далеко въ морозную синеву, она будто нить тянула сразу изъ двухъ зрачковъ, а нѣкто огромный, законный ту нить на холодный палецъ наматывалъ.

Обернулась, да ужъ лучше бы не оборачивалась. Ея лицо съ широкими, косо срѣзанными скулами будто мѣдной плошкой покатилося въ лицо Лямина, и онъ отшатнулся отъ охлеста безжалостныхъ глазъ.

- Ну что ты, – шепталъ, какъ норювистой лошади, все-таки шагая къ ней, себя превоз-

могая.

Женщина, онъ видѣлъ, сложила ротъ для того, чтобы смачно плюнуть. Ему въ лицо.

– Плюй! – крикнулъ онъ.

* * *

Вспоминать можно всяко.

Можно лечь спать, смежить вѣки, и подь лобъ полѣзеть всякая чушь.

Можно бодро и упруго итти, а сапоги все равно тоскливо вязнуть въ нападавшемъ за ночь, густомъ, какъ бѣлое варенье, снѣгу, – и то, что помнишь, будетъ летать передъ тобой голубемъ, воробьемъ.

Можно курить на завалинкѣ, долго курить: искурить сигарку, а потомъ новую свернуть, а потомъ, когда табаку не останется въ карманѣ, дѣлать видъ, что куришь, посасывая клокъ бумаги; такъ выкроишь себѣ кусъ времени, а прошлое обступить, затормозить, не дасть покоя.

И выходъ только одинъ – итти къ солдатамъ и еще табаку просить, чтобъ одолжили.

...Когда прибыли сперва въ Тюмень, потомъ въ Тобольскъ – Совѣты сразу направили ихъ сторожить царей. Пашка пожала плечами: сторожить такъ сторожить. Ляминъ еще подерзиль: а казаковъ царскихъ когда бить?! – да ему во-время кулакъ показали: слушайся краснаго приказа!

Они оказались въ одномъ охранномъ отрядѣ – тѣ, кто трясся безъ малаго мѣсяцъ въ утломъ вагонѣ отъ Петрограда до Тюмени: Ляминъ, Люкинъ, Андрусевичъ, Мерзляковъ, Подосокорь, Бочарова. Подосокорь тутъ же куда-то сгинулъ. Можетъ, въ Омскъ направили, или въ Тюмень обратно, или куда подальше, въ Курганъ, въ Красноярскъ, въ Ялуторовскъ, въ Иркутскъ, въ Читу; а можетъ, хлопнули гдѣ – свои же, за провинность какую. Сейчасъ провиниться и пулю заработать – разъ плюнуть. Хуже, чѣмъ на войнѣ.

А война-то, дрянъ такая, идетъ себѣ, идетъ.

И что принять декретъ о мирѣ, что нѣтъ; вотъ тоже загадка диковинная.

И земля, кого сейчасъ земля?

Вотъ вернется онъ въ Новый-Буянъ – кого тамъ земля будетъ? Народа – или опять не народа?

А кого? Кого другого?

...Вышли изъ дома, гдѣ Совѣты засѣдали, на морозъ. Пашка закурила. Спросила Михаила сквозь сизый, остро воняющій жженымъ сѣномъ дымъ: а что, они тутъ, въ этихъ здѣшнихъ Совѣтахъ, какіе, красные или другого какого цвѣта, эсеры, меньшевики или большевики? Ляминъ у нея прикурить. Стояли на крыльцѣ, стряхивали пепель въ вечерній, бѣлизной и острой радугой сверкающій сугробъ. Отвѣтилъ: а песъ ихъ пойметъ. Смѣшалось все въ Россіи, и тотъ, кто сейчасъ палачъ, завтра самъ встанетъ къ стѣнкѣ.

И мы встанемъ, хохотнула Пашка. Она всегда такъ хохотала – рѣзко, сухой и яркой вспышкой.

Хохотала, будто стрѣляла.

...Они явились туда, куда имъ приказано было, – и поняли, что не одни они тутъ стрѣлки, а есть уже въ наличіи охрана: съ собою бывшимъ царямъ изъ Царскаго Села гвардейцевъ разрѣшили взять. Питерскіе гвардейцы косились на нихъ. Они – на гвардейцевъ. Ребята простые; скоро подружились. Вмѣстѣ курили, вмѣстѣ въ караулѣ стояли. Вмѣстѣ пили, пуская бутылку съ бѣленькой по кругу, сидя на холодныхъ матрацахъ, на зыбучихъ, вродѣ какъ лазаретныхъ койкахъ.

...Вскорости послѣ помѣщенія ихъ всѣхъ, изъ Петрограда прибывшихъ бойцовъ, на охранную службу въ бывший Губернаторскій домъ, а теперь Домъ Свободы, гдѣ подь арестомъ содержались эти клятые цари, да ужъ и не цари вовсе, Пашка уступила ему – слишкомъ сильно и дико, какъ волкъ – волчицу, онъ домогался ее.

А когда все случилось – онъ ужъ безъ нея не могъ.

А она – безъ него? Могла ли она?

Вопросы таяли и умирали, онъ растапывалъ ихъ окурками на снѣгу, сгрызалъ сосулькой, когда стоялъ на караулѣ у воротъ и, какъ въ пустынь, хотѣлъ пить.

...и вспоминалъ многое, досасывая во рту ледяную жгучую сладость, вспоминалъ все: и то, какъ на станціи, забылъ названье, вродѣ какъ Валезино, а можетъ, и Балезино, Пашка вышла купить у бабъ снѣди, а тутъ составъ взялъ да и стронулся, и пошелъ; и пошелъ, пошелъ, паровозъ задымливалъ, быстрѣе проворачивалъ колеса, тянулъ поѣздъ все быстрѣй и быстрѣй впередъ, и ухнуло тутъ у Мишки сердце въ прорубь, и онъ рванулся въ тамбуръ – а тамъ, рядомъ съ вагономъ, уже отчаянно бѣжала, семенила ногами Пашка, и лицо ея плыло

въ дыму, а пальцы корчились, крочились, пытаясь достать Мишкину протянутую руку; и Мишка дотянулся, схватилъ, на ходу втащилъ Пашку въ вагонъ, а она заправила волосы за уши и, тяжело дыша, вкусно, смачно чмокнула его въ щеку; и то, какъ послѣ Екатеринбургa въ вагонъ впиался кривой гармонистъ и все ходилъ по вагону взадъ-впередъ вприсядку, на гармошкѣ наярявая, и дробно, четко сыпалъ изо рта частушки, одна другой похабнѣе; и Пашка хохотала, и всѣ хохотали вокругъ, а потомъ вдругъ она присѣла рядомъ съ маленькимъ, какъ грибокъ боровикъ, гармонистомъ, поглядѣла ему въ глаза и громко, Мишка услышалъ, спросила его: «Хочешь, пойду съ тобой? Сойдемъ съ поѣзда, и пойдёмъ?» А Лямину кишки ожгло дикимъ кипяткомъ, онъ не могъ ни говорить, ни хохотать, хотя, можетъ, это была такая Пашкина шутка; онъ только смогъ встать, шатаясь, какъ пьяный, и рвануть Пашку за руку отъ одноглазаго гармониста. А она вырвала руку и крестъ-на-крестъ разрѣзала его лязмами. Ничего не сказала, ушла въ тамбуръ и курила, и стояла тамъ цѣлый часъ.

И то вспоминать, какъ, уже на подходахъ къ Тюмени, уже Пышму проѣхали, и Пашка уже расчесывала свои густые, что хвостъ коня, сѣро-русые, прямо сизые, въ цвѣтъ груди голубя, волосы, къ прибытію готовилась, вещевою мѣшокъ ужъ собрала, и тутъ составъ внезапно затормазилъ такъ рѣзко и грубо, что люди попадали съ полокъ, орали, кто-то осколками стакана грудь поранилъ, кто-то ногу сломалъ и тяжело охалъ, а кто стукнулся вискомъ и лежалъ бездвижный – можетъ, и отошелъ уже, – и Пашка тоже упала, гребень вывалился изъ ея руки и выкатился на проходъ, и бѣжали люди по проходу, кричали, наступили на гребень, раздавили. А Пашка стукнулась лбомъ, очень сильно, и сознание потеряла, и онъ держалъ ее на рукахъ и бормоталъ: Пашка, ну что ты, Пашка, очнись, – и губы кусалъ, а потомъ добавилъ, въ ухо ей выдохнулъ, въ холодную раковинку уха подъ его дрожащими губами: Пашенька.

А она ничего не слыхала; лежала у него на рукахъ, закативъ бѣлки.

И то помнить, какъ на одномъ изъ безымянныхъ развѣздъ – стояли часъ, два, три, съ мѣста не трогались, всѣ ужъ затомились, – кормила Пашка на снѣгу голубей, крошила имъ черствую горбушку, голуби все налетали и налетали, ихъ прибывало богато, и откуда только они падали, съ какихъ запредѣльныхъ небесъ, какія тучи щедро высыпали ихъ изъ черныхъ мѣшковъ, – уголодались птицы, поди, какъ и люди, – а Пашка все колупала пальцами твердую ржаную горбушку, подбрасывала хлѣбъ въ воздухъ, и голуби ловили клювами крохи на лету, а Мишка смотрѣлъ на это все изъ затянутого сажей окна, и сквозь сажу Пашка казалась ему суровымъ мрачнымъ ангеломъ въ потертой шинели, что угощаетъ чудной пищей маленькихъ, нѣжно-сизыхъ шестикрылыхъ серафимовъ.

Вотъ именно тогда, глядя на нее въ это закопченное вагонное окно, онъ и подумалъ – вѣрнѣе, это за него кто-то сильный, громадный и страшный подумалъ: «Да она же моя, моя. А я – ея».

* * *

Пашка, если не въ караулѣ стояла, часто сидѣла у окна комнаты, гдѣ жили стрѣлки. Она-то сама ночевала въ другой каморкѣ – ей, какъ бабѣ, чтобы не смущать другихъ бойцовъ, Тобольскій Совѣтъ выдѣлилъ въ Домѣ Свободы жалкую крохотную комнатенку, тѣсную, какъ собачья будка; но кровать тамъ съ трудомъ помѣстилась.

И, когда свободный часъ выдавался, Пашка заходила въ комнату къ стрѣлкамъ и садилась у окна.

И такъ сидѣла.

Ей все равно было – толчется тутъ народъ, нѣтъ ли; не обращала вниманья на курево, на матюги, на размотанныя вонючія портянки на спинкахъ стульевъ; на то, что, завидѣвъ ее, стрѣлки весело кричали: а, вотъ она, наша мамаша! пришла! явилось ясно солнышко! ну садись къ намъ поближе, а въ карточки шураемся ай нѣтъ?! – на эти крики она не отвѣчала, молчала, придвигала стулъ ближе къ окну – и, какъ несчастная дикая кошка, отловленная охотникомъ и принесенная въ домъ, къ теплой печи и вкусной мискѣ, въ теплую и навѣчную тюрьму, тоскливо, долго глядѣла въ лиловѣющее небо, на похоронную бѣлизну снѣговъ, на сѣрые доски заплота и голыя обледенѣлыя вѣтки, стучація на вѣтру другъ обь дружку.

Сидѣла, глядѣла, молчала.

И чѣмъ громче поднимались вокругъ нея веселые молодые крики – тѣмъ мрачнѣе, неистовѣе молчала она.

А когда въ комнату стрѣлковъ входилъ Ляминъ, у нея вздрагивала спина.

Онъ подходилъ, клалъ пальцы на спинку стула. Она отодвигалась.

Всѣ въ отрядѣ давно знали, что Мишка Ляминъ Пашкинъ хахаль. Но она такъ держалась съ нимъ, будто они вчера спознались.

Онъ наклонялся къ ея уху, торчащему изъ-подъ солдатской фуражки, и тихо говорилъ:

– Прасковья. Ну что ты. У тебя что, умерь кто? Ты что, телеграмму получила?

Она, не оборачиваясь, цѣдила:

– Я не Прасковья.

– Ну ладно. Пашка.

Ляминь крѣпче вцѣплялся въ дубовый стулъ, потомъ разжималъ пальцы и отходилъ прочь.

И она не шевелилась.

Бойцы вокругъ, въ большой и тоскливой, пыльной и вонючей комнатѣ были сами по себѣ, они – сами по себѣ. Крики и возня жили въ грязномъ ящикѣ изъ-подъ привезенныхъ изъ Питера винтовокъ, забросанномъ окурками и заплеванномъ кожурою отъ сѣмечекъ; ихъ молчанье – въ золоченой церковной ракъ, и оно лежало тамъ тихо и скорбно, и вправду какъ святая мощи.

А можетъ, оно плыло по черной холодной рѣкѣ въ лодкѣ-долбленкѣ, безъ весель и руля, и несло лодку прямо къ порогамъ, на вѣрную гибель.

* * *

– Подъе-о-о-омъ!

Царь уже стоялъ на порогѣ комнаты, гдѣ они съ царицей спали. Какъ и не ложился.

Бодръ? Лицо обвисаетъ складками картофельнаго мѣшка. Кожа въ подглазьяхъ тоже свисаетъ слововыи. Мракъ, мракъ въ глазахъ. Рукой отъ такого мрака заслониться охота.

Михаиль внезапно разозлился. И когда оно все закончится, каторга эта, цари? Усталъ. Надоѣло. Замучился. Да всѣ они тутъ, всѣ, тобольскій карауль...

– Всѣ мы встали, дорогой... – помедлилъ. – Товарищъ Ляминь.

Такія спокойныя слова, и столько издѣвки.

Михаиль чуть не загвоздилъ царю въ скулу: рука такъ сильно зачесалась.

Быль бы мужикъ напротивъ, красноармеець, – такой издѣвки бѣ не спустилъ.

– Давай на завтракъ! Все ужъ на столѣ! Стынетъ!

«Накармливай тутъ этихъ оглобдовъ. И раньше народу хребеть грызли, и сейчасъ жрутъ. Нашу ѣду! Русскую! А сами, нѣмчура треклятая!»

Уже безпощадно, бессмысленно матерился внутри, лишь губы небритыя вздрагивали.

Царь посмотрѣлъ на него странно, длинно и тихо и спокойно спросилъ:

– А почему вы, товарищъ Ляминь, называете меня на «ты»?

Было видно, какъ трудно ему это говорить.

А Лямину – нечего ему было отвѣтить.

...Когда въ залу шли, гуськомъ, чинно, дѣвицы въ бѣлыхъ передничкахъ – разслышаль, какъ странно, тихо и глухо, на собачьемъ непонятномъ языкѣ, переговариваются Романовъ съ Романовой.

Потомъ – будто нехотя – по-русски забормотали.

– Отъ Анэтъ письмо. Боричка живъ, здоровъ.

– Какой Боричка? Теософъ?

– Друга нашего другъ.

– А, понялъ. Дай-то Богъ ему. Да вѣдь онъ пулеметчикомъ?

– Всѣ, къ кому прикасалась рука Друга, священны.

– Знаю. Онъ жениться на Анэтъ не собрался?

– Нѣтъ. Лучше того. Онъ скоро будетъ здѣсь. У насъ.

– Вотъ какъ. И зачѣмъ? Зачѣмъ намъ революціонеръ? Это чужакъ.

– Ты не понимаешь. Онъ родной. Деньги намъ везеть.

– Деньги? Какія?

– Анэтъ собрала. Но я ему не вѣрю. Я боюсь.

– Чего ты боишься, душа моя?

– Всего. Возможно, Боричка ставленникъ Думы. А можетъ, и Ленина.

– Пф-ф. Ленинъ – странная оручая кукла. Гиньоль, Петрушка. Онъ сгинетъ, упадетъ съ балкона и разобьется. Я не держу его всерьезъ. Аликсъ, вѣрь Анэтъ, она не подведетъ.

– Я... – тутъ они оба перешагнули порогъ столовой залы, она чуть раньше. – Я вѣрю только Другу. Онъ изъ-за гроба ведетъ насъ.

Войдя въ залу, замолкли. На столѣ стыла скудная ѣда: гречневая рассыпчатая каша, куски ситнаго безъ масла, жидкій чай въ стаканахъ съ подстаканниками.

Разсѣлись. Дѣвочки разгладили передники на колѣняхъ. Какъ ненавидѣлъ Михаиль эту ихъ вѣчную молитву передъ трапезой!

Онъ и самъ такъ молился все свое деревенское дѣтство; почему его съ души воротило, когда цари вставали вокругъ стола и складывали руки и читали про «хлѣбъ нашъ насущный»

даждь намъ днесь», – онъ не понималъ. Рты имъ хотѣлъ позатыкать грязнымъ полотенцемъ.

«Я схожу съ ума, я спятилъ. Я кощунникъ! Или ужъ совѣмъ въ Бога не вѣрую? Спокойнѣй, Мишка, спокойнѣй. Это жъ всего лишь люди, Романовы имъ фамилія, и они читають обычную молитву передъ вкушеніемъ пици. Что разбушевался, рожа красная?»

Въ зеркалѣ напротивъ, въ черномъ пыльномъ стеклѣ съ него ростомъ, видѣлъ себя, рыжій клокъ волосъ надо лбомъ, гнѣвной дурной кровью налитыя щеки.

Помнилъ приказъ: за семьей досматривать вездѣ и всегда, поэтому не уходилъ изъ зала. Бѣгаль глазами, щупаль ими все подозрительное, все милое и забавное. Все, что подъ зрачки подворачивалось: веснушки на Анастасиномъ носу, золотыя, червонныя пряди въ темныхъ косахъ Маріи, гречишное разваренное зерно, какъ родинка, на верхней, еще безусой губѣ наслѣдника. Желтую грязную луну мѣднаго маятника. Острый локоть бывшей императрицы, когда она подносила ложку съ кашей ко рту, надменно и горько изогнутому. Она и ѣла, будто плакала.

Жевали молча. Отпивали изъ стакановъ.

– Молочка бы. Холодненькаго, – тоскливо и голодно, тихо сказала наслѣдникъ.

Царь дрогнулъ плечомъ подъ болотной гимнастеркой.

Марининъ профиль тускло таялъ въ свѣтѣ ранняго утра. По стекламъ вширь раскинулись ледяные хвощи и папоротники. Михаилъ стоялъ у двери и не выдержалъ. Отступилъ отъ притолоки, каблукъ ударился о плинтусъ. Шагъ, вбокъ, еще шагъ. Онъ двигался, какъ крабъ, чтобы встать удобнѣе и удобнѣе, исподтишка, разсматривать Марію.

Она почувствовала его взглядъ и закраснѣлась щекой. Онъ ждалъ – она обернется. Не обернулась.

А жаль. «Поглядѣла бы, хоть чутокъ».

Тогда бы, смутно думалъ онъ, – а что тогда? Завязался бы узелокъ? Зачѣмъ? На что? Сто разъ она глядѣла на него. Улыбалась ему. А все равно онъ для нея – стѣна. Бревно, полѣно, грязная лужа. И никакая улыбка не обманетъ.

А правда, кто тутъ кого обманываетъ?

...Словно яма распахнулась подъ ногами.

«Царь – насъ обманывалъ. Ленинъ – насъ обманываетъ? Охмуряетъ? Куда тянетъ за собой? Потонули въ крови, а балакають о свѣтломъ будущемъ, о счастливомъ... гдѣ всѣ счастье – захлебнемся... Мы – красноармейцы – обманываемъ царей: ну, что охраняемъ ихъ. Утѣшаемъ! Молъ, не бойтесь! А что – не бойтесь-то?! Вѣдь все одно къ ямѣ вестъ. Къ ямѣ!»

И еще ударило, въ бокъ, подъ дыхъ: къ ямѣ вѣдутъ всѣхъ насъ, идемъ – всѣ мы.

«Такъ все одно всѣ мы... тамъ и будемъ... раньше ли, позже...»

Между бровей будто собралась тяжелая горячая тьма, величиной со спѣлую черную вишню. И давила, давила. А насъ обманываютъ командиры, продолжалъ тяжело думать Ляминъ, да еще какъ надувають: отдають приказъ, а мы и рады стараться; а они за спиной въ это самое время...

Что – они за спиной, – онъ и самъ бы не могъ толкомъ сказать; но понималъ, что приказъ – это для нихъ, черныхъ людей, а для господъ большевиковъ – можетъ, и не приказъ вовсе.

Господа! Товарищи! Онъ еще вчера былъ царской арміи солдатъ. И вотъ, вотъ ужасъ. Онъ – надъ своимъ царемъ – которому подчиняться долженъ, дрожа, отъ затылка до пятъ, отъ рѣсницъ до мѣсты срамныхъ и потайныхъ, – сейчасъ хозяинъ! Конвоиръ – уже хозяинъ. Ведеть, сторожить, бдить, – а фигура на прицѣлѣ. На мушкѣ. Не убѣжишь. Слюну безъ спросу не проглотишь.

Яма, думалъ онъ потрясенно, яма, и дѣлу конецъ.

Приказъ отдадутъ тебя разстрѣлять – и въ расходъ какъ миленькій пойдешь.

Бѣляки Тобольскъ займутъ – и царь первый тебя укнокать велить.

Первый! Потому что ты надъ нимъ былъ, ты порушилъ порядокъ.

«Это не я! Не я! Это такъ сложилось! Такъ приключилось! Не мы такъ все придумали!

Сладилось такъ!»

Марія утерла ротъ кружевнымъ носовымъ платкомъ, обѣими руками, тонкими и сильными пальцами приподняла тарелку надъ столомъ и опять поставила на скатерть. Михаилъ слышалъ свое сопѣніе. Такъ онъ шумно дышалъ, и носъ заложило. Ему захотѣлось, чтобы она отломала своими быстрыми пальчиками кусокъ ситнаго и дала ему. Скорила, словно бы коню.

Онъ уже и морду впередъ, глупо, сунуль.

А яма подъ ногами все чернѣла, и онъ боялся шагнуть и свалиться въ нее.

Зажмурился, головой помоталъ.

«Вконецъ я ополоумѣлъ! Дровъ пойти поколотъ...»

На дворѣ солдаты пѣли громко, заливисто:

*Тамъ вдали, въ горахъ Карпатскихъ,
межъ высокихъ узкихъ скалъ
пробирался ночью темной
санитарный нашъ отрядъ!*

*Впереди была повозка,
на повозкѣ – красный крестъ.
Изъ повозки слышны стоны:
«Боже, скоро ли конецъ?»*

Марія первой изъ-за стола встала. Вотъ сейчасъ обернула къ нему лицо.

Нѣтъ, эта не обманеть! Не будетъ обманывать! Никогда!

Лучше дасть себя обмануть.

«А если я ей прикажу – подь меня... ляжетъ?»

Яма подь ногами исчезла. Въсто нея желто, тускло заблестѣли доски вымытаго поутру пола. Баба Матвѣева приходила, намыла; солдатка, щуплая, худая, ротъ большой, галчинный. Съ ней охрана и не баловала: такая тщедушная была, кошкѣ на одну ночь и той маловато будеть, скелетикомъ похрустѣть.

*«Погодите, потерпите», –
отвѣчала имъ сестра,
а сама едва живая,
вся измучена, больна.*

*«Скоро мы на пунктъ приѣдемъ,
накормлю васъ, напою,
перевязку всѣмъ поправлю
и всѣмъ письма напишу!»*

Пѣсня доносилась будто издадека, изъ снѣжныхъ полей. Солнце головкой круглаго сыра каталось въ снятомъ молокѣ облаковъ, въ набѣгающихъ съ сѣвера сизыхъ голубиныхъ тучахъ. Цесаревичъ тоже поглядѣлъ на Михаила.

«Чортъ, глаза какъ у иконы. Хотъ Спасителя съ мальчика малюй! Да богомазовъ тѣхъ пострѣляли, повзрывали. Яма... яма...»

Въ глазахъ Маріи онъ видѣлъ жалость, и онъ перепуталъ ее съ нѣжностью. Въ глазахъ Алексѣя горѣло презрѣніе. Двѣ ямы. Двѣ темныхъ ямы.

А Пашка? Кто она, гдѣ?

...его яма. И падаетъ въ нее.

Ляминъ развернулся, какъ на плацу, и, топя сапогами, выкатился изъ залы. Вонъ отъ пустыхъ тарелокъ, отъ крошекъ ситнаго на скатерти. Пусть баба Матвѣева скатерть въ охапку собрать да крошки голубямъ на снѣгъ вытрясетъ.

* * *

...Она вѣдь никакая не старуха. А всѣ тутъ ее и видять, и зовуть старухой; и въ глаза и заглаза; и она, скорбно и дико взглядывая на себя въ зеркало, тоже уже считаетъ себя старухой – ахъ, какое слово, ста-ру-ха, какъ это по-русски звучитъ глухо, вполслуха... вполуха...

Будто мягкими лапами кошка идетъ по ковру.

Нѣтъ, это она сама въ мягкихъ носкахъ, въ мягкихъ тапочкахъ сидитъ и качается въ креслѣ-качалкѣ. И все повторяетъ: старуха, старуха, ста... ру...

Мужъ подошелъ къ ней, положилъ ей руку на плечо, и кресло-качалка прекратило колыхаться.

Какъ всегда, его голосъ сначала ожегъ, потомъ обласкалъ ее.

– Аликсъ, милая. Вотъ ты скажи мнѣ.

Она подняла къ нему лицо, и оно сразу помолодѣло, прояснилось. Зажглось изнутри.

– Что, мой родной?

Царь выпустилъ ея плечо, отошелъ отъ кресла, продѣлъ пальцы въ пальцы, сжалъ ладони и хрустнулъ запястьями.

– Я вотъ все думаю. Думаю и думаю, голову ломаю. Мы вѣдь съ тобой вѣруемъ въ Бога.

Такъ? Вѣрую во Единаго Бога Отца, Вседержителя...

Оба прочитали, крестясь, Символъ вѣры – шопотомъ, быстро, отчетливо.

Слышали каждое священное слово другъ друга.

– Чаю воскресенія мертвыхъ...

– И жизни будущаго вѣка. Аминь.

Опять перекрестились. Перекрестили друг друга глазами.

– И что? Что? – она не могла скрыть нетерпѣніе, любопытство. – Что ты мнѣ хотѣл сказать?

Царь пододвинулъ табуретъ ближе къ креслу-качалкѣ, сѣлъ на табуретъ верхомъ, какъ на лошадь. Хотѣлъ улыбнуться и не смогъ.

Вздохнулъ и заговорилъ, заговорилъ быстро, сбиваясь, часто дыша, болѣзненно морщась, стремясь скорѣе, быстрѣе, а то будто опоздаетъ куда-то, высказать, что мучило, жгло, давило.

– Вотъ Серафимъ Саровскій. Батюшка нашъ Серафимъ. Преподобный... чудотворецъ. Отшельникъ. И пророкъ. Ты пророчество его помнишь, да, знаю, вижу, помнишь. И я все, все помню. Не въ этомъ дѣло. И ту бумагу, что намъ изъ шкатулки давали читать, ты же тоже помнишь. И я помню. Я не то хочу сказать. Я... знаешь.. долго думалъ, долго. Наконецъ вотъ тебѣ сказать рѣшился. Мы вѣруемъ. И вся наша Россія, вмѣстѣ съ нами, вѣровала. Въ храмахъ – во всей нашей землѣ – молилась. Лбы всѣ крестили. Посты соблюдали. Божій страхъ имѣли. Божій – страхъ! Это же самое главное. Нѣтъ Божьяго страха – нѣтъ и человѣка. Нѣтъ человѣка – нѣтъ и... да, да... государства. Земли нашей нѣтъ безъ Божьяго страха! Не можетъ, не сможетъ она... выжить...

Царица слушала, боясь хоть слово упустить.

– И вотъ, милая, мы съ тобой – вѣруемъ. Свято вѣруемъ! Молимся... каждодневно... и утромъ, и на ночь... и на службу намъ разрѣшаютъ ходить... иконы цѣлуемъ... Вслухъ ты – дѣтямъ – изъ Писанія читаешь! Все, все дѣлаемъ... какъ всѣ русскіе люди всегда... Богъ при насъ... и что же?

– И что же? – неслышнымъ шопотомъ повторила за мужемъ царица, надѣясь, ужасаясь.

– Серафимушка... онъ предсказалъ будущее, да... и ты помнишь, ты же помнишь все, ну, что было въ этомъ предсказаніи. Помнишь вѣдь?... да?... Онъ предсказалъ намъ... смерть...

– Смерть, – шопотомъ повторила царица.

– Да, смерть! Но я... представь себѣ, я въ это не повѣрилъ... не захотѣлъ повѣрить... Я... можетъ, я святотатецъ!.. но я... не захотѣлъ повѣрить въ нашу съ тобой смерть, въ смерть дѣтей... Я вѣрую въ Бога, да... и ты вѣруешь... и дѣти наши вѣрують, да, да, мы такъ ихъ воспитали, мы такъ ихъ держали всегда, всегда, въ страхъ Божиємъ... И я... вотъ сейчасъ, во всѣ послѣдніе дни, и сію минуту, спрашиваю себя: и тебя, сейчасъ и тебя... спрашиваю: гдѣ же теперь Богъ надъ Россіей?

Царица хотѣла повторить: «Гдѣ же теперь Богъ надъ Россіей?» – и не смогла: губы не смогли вымолвить это. Царь смогъ, а она – нѣтъ. И опустила голову, голова внезапно стала тяжелой, чугунный пучокъ волосъ давилъ книзу, изъ него выпадали чугунныя шпильки, чугунные волосы развивались и плыли по чугунной шеѣ, по старымъ плечамъ, нѣтъ, ея плечи еще не старыя, они еще красивыя, она еще можетъ носить декольте!.. старуха... ста... ру...

Онъ взялъ ея руки въ свои, крѣпко жаль, и она чуть не вскрикнула.

– Гдѣ же? – повторилъ царь, весь сморщившись, покрививъ лобъ, губы, и зажмурился, будто не могъ перенести прямого, отчаяннаго взгляда жены.

– Я не старуха! – шопотомъ крикнула она ему прямо въ лицо.

Ея зрачки медленно становились широкими и наполняли черной стоячей водой всю сѣрую свѣтлую радужку.

Онъ испугался, поблѣднѣлъ.

– Что ты, милая?... что, хорошая моя?... Да нѣтъ, ну какая же ты старуха... вспомни, сколько тебѣ лѣтъ... и я тебя... я тебя...

Онъ беззвучно шепталъ: люблю. И цѣловалъ лицо, мокрое, уже страшное.

– Прости... не буду больше... зачѣмъ спросилъ... зачѣмъ, дуракъ, затѣялъ этотъ разговоръ...

Собиралъ губами слезы съ ея щекъ.

Она рыдала и повторяла:

– Я не старуха... я не старуха... я... не...

Вытиралъ ей лицо кружевнымъ краемъ простыни.

* * *

Пашка то брала караулъ за Лямина, а ему шептала ласково: поспи чутокъ, отдохни получше, я за тебя постою, – то при всѣхъ обзывала его, громко и обидно, пентюхомъ и ко-сорукиммъ, если онъ вдругъ, стаскивая винтовочный ремень съ плеча, на полъ винтовку съ грохотомъ ронялъ.

То жарко и тѣсно обхватывала сильными, жилистыми руками – гдѣ угодно: въ корридорѣ, у сарая, въ комнатенкѣ своей, – то ударяла кулакомъ ему межъ лопатокъ, чуть не пи-

нала подь задь, орала: вонь пошелъ, прочь оть меня, сволочь, гаденышь, пяль на другихъ бабъ буркалы!

Комиссаръ Панкратовъ то повышалъ имь жалованье, и тогда они весело шелестѣли длинными, какъ простыни, бумажками – на нихъ мало что можно было приобрѣсть, да все-таки кое-что можно было, и бѣжали въ лавку за водкой, папиросами, свѣжимъ хлѣбомъ; то оралъ на нихъ недуромъ, грозился нерадивыхъ застрѣлить собственноручно, – и особо наглый боець выступалъ изъ строя и, глядя прямо орущему Панкратову въ лицо, кричалъ наперерѣзь ему: «Стрѣляй! Меня!»

Сашка Люкинъ то протягивалъ Мишкѣ папироску, блестя зубами, подмигивая лихо, – а то вдругъ оскаливался на него не хуже крысы, шипѣлъ: «Знацца съ тобой не жалаю! Это ты, ты у меня изъ сапога керенку укралъ! Пройда!» И подсакивалъ ближе, и давалъ Лямину зуботычину.

Боець Мерзляковъ то обнимался съ бойцомъ Андрусевичемъ, а послѣ съ бойцомъ Буржуемъ, пьяно горланили за раскупоренной четвертью: славное мо-о-о-оре, священный Байка-а-а-аль!.. – то тузили другъ друга, безошадно, въ кровь, и никто не зналъ, отчего и зачѣмъ повздорили.

...такъ всѣ мы, думалъ Ляминъ: всѣ мы такіе, это наша природа, то густо, то пусто, то ласка, то битье, вотъ оно и все наше житье, – можетъ, это только русскіе люди такія сволочи, а можетъ, это на всей землѣ людишки этакъ себя ведутъ.

«Ну, если на всей, тогда тутъ и калякать не объ чемъ».

Слабъ человекъ, а все же, когда приласкается, лучше и чище его нѣтъ; и, видимо, Богъ тогда на мигъ просыпается въ немъ, а послѣ опять уступаетъ мѣсто чорту, и такъ всегда, и такъ вѣчно, и ничего съ этимъ и никогда ты уже не подѣлаешь.

* * *

Цари гуляли въ заснѣженномъ саду, межъ сугробовъ, а Ляминъ искоса смотрѣлъ на нихъ. Не могъ побороть досаду. Она перекрывала глупую дѣтскую радость отъ того, что – вотъ онъ сторожить царей, и ничего ему за это не будетъ.

«Будеть, какъ же. Будеть подачка отъ командира».

Всѣ командуютъ ими. Тѣми, кто ниже. Кто – по землѣ стелется.

Навостриль уши. Царь, подь руку съ женой, проходилъ мимо, снѣгъ громко скрипѣлъ подь ихъ валенками.

Говорили по-русски. Рѣдкость для нихъ. Все больше трещали межъ собой на чужихъ языкахъ.

– Анэть все понимаетъ.

– Что?

– Что дѣлать надо.

– Опасно все, милая.

– Богу будемъ молиться. Отець Алексій поддержитъ.

– Я... за дѣтей страшусь.

– Какъ будто я – нѣтъ! И потомъ, мужъ Матрены...

Царь досадливо, широко, какъ косецъ, махнулъ рукой.

– Что крымецъ?

– Крымецъ – чудо! Онъ намъ...

Вѣтеръ отнесъ слова.

Валенки заскрипѣли оглушительно, близко. Шли рядомъ. Будто не видя его, Михаила.

Онъ замеръ – какъ въ тайгѣ, когда примѣтишь медвѣдя. Передъ медвѣдемъ – или стой какъ мертвый, или припусти безъ оглядки, царапайся буреломомъ, на дерево влѣзь, а убѣги.

– Онъ скоро уѣдетъ.

– Скатертью дорога.

– Ты шутишь!

– Я искренне, отъ сердца.

– Хорошо. Тогда я treasures...

Остановились. Николай – къ нему спиной.

Ляминъ не шевелился.

Но царь почуялъ взглядъ.

Не обернулся, нѣтъ. Какъ на охотѣ – осторожно – повель головой черезъ недвижимое каменное плечо.

«Я для него – медвѣдь. Понялъ, гадъ. Меня – боится».

Лицо царицы заслонила голова царя.

«Двуглавый орелъ. Гусь и гагара. Что съ Россіей выдѣлали, хищники».

Царь шагнул вбок по снѣгу, солнце горѣло ясно, на царицу упала тѣнь царя.

Ляминь увидаль ея лицо – напуганное, съ мѣшками подь подбородкомъ, съ обвислой кожей подь совиными глазами, растерянное, – отжившее.

«Все, поняли. Сейчасъ перейдутъ на свою попугайскую рѣчь».

И вѣрно, по-ненашему залопотали.

Снѣгъ уже хорошо, мощно подтаиваль. На мостовой въ громадныхъ лужахъ отражалось чистое, будто досиня отстиранное небо.

Михаиль однажды внезапно, безъ стука и доклада, распахнулъ дверь гостиной залы – и увидѣль, какъ быстро царица спрятала что-то въ мѣшокъ, лежащій на колѣняхъ. Въ грубую мѣшковину скользнуло стремительное, слѣпящее. Рѣзануло по глазамъ.

«Бисеръ какой-нибудь. Вышиваетъ? Ну не лѣзть же къ ней, не шариться».

Бисеръ такъ ослѣпительно не блестить.

Царица заслонила рукой отъ бьющаго въ окно могучаго солнца.

– Простите, гражданка. Кушать-то не пора еще?

Старуха вскинула глаза, и въ нихъ онъ прочиталь: «Сгинь, сердобольный».

А вѣжливыя кривыя губы презрительно вылѣпили, глухо и тупо, будто лошадь шла по мостовой въ обвязанныхъ холстиной копытахъ:

– Когда приблизится время, я вамъ тамъ снать, косподинь Ляминь.

– Товарищъ.

– Товарищъ.

Вышелъ, нарочно громко стуча сапогами.

Били косо и отвѣсно лучи. Вздымались дикіе, многогорбые сугробы. Чернѣль снѣгъ на взгорьяхъ. Небо смѣялось синью, бѣлыми зубами облаковъ. Кони мчались по улицѣ, изъ-подь копытъ летѣли ошметки мокраго снѣга, грязь, вода. Свистъ разрѣзаль вѣтеръ острымъ тесакомъ! Отпилилъ одинъ синій кусокъ, другой! Тройки мчались, бубенцы нагло гремѣли, кони скакали, пристяжные воротили морды отъ коренниковъ.

– Мама! Мама! Кони!

Михаиль стояль у двери. Винтовка – къ ногѣ.

Онъ не разслышалъ, что сказала царица, наклонившись низко къ сыну и судорожно, шершаво глядя его по встрепанной русой головѣ.

Донеслось только:

– ...спасеніе...

Папахи, красными лентами перевязанныя. Кожаныя куртки нараспашку. Бурки и бекеши. Потрепанныя шинелишки. Кто въ чемъ. Телѣги, тройками запряженныя, полныя людской кипящей, горячей каши, неслись мимо дома и исчезали въ синемъ дыму мартовской улицы, и таяль звонъ, гасли пьяные крики.

Александра Федоровна грузно поднялась надъ прилипшимъ къ окну сыномъ.

Ея рука – у него на затылкѣ.

«Какъ покровъ. Защищаетъ».

Ляминь все поняль, кто ворвался въ городъ.

А вотъ она, видать, по-своему поняла.

* * *

...и Пашка, и Мишка каждый вечеръ вмѣстѣ со всѣми ложились спать.

Бойцы – въ большой комнатѣ; Пашка – въ каморкѣ, рядомъ.

За день уставали. Но иногда, хоть и ломаль, гнуль сонъ, – уснуть не могли.

Что такое сонъ? А что такое время?

Ляминь иной разъ, когда не спалось, среди ночи подходилъ къ большому, въ рѣзной рамѣ, зеркалу въ гостиной Дома Свободы. Глядѣль на себя и себя – стѣснялся. Волось еще рыжій у него, даже густо-алый, – чертовскій волосъ, Пашка любить взять его за чубъ и дергать, и трясти, и шептать: ахъ ты, рыжій, рыжій, безстыжій.

Стояль въ зеркалѣ, глядѣль на себя и вдругъ нелѣпо и просто думаль: а можетъ, это не я?

Я, что это за слово такое, я? «Я, я, я», – повторяль про-себя Мишка, пялился въ зеркало, оно старательно отражало всего его, отъ фуражки до носковъ сапогъ, но все же это былъ не онъ – не тотъ, на кого онъ такъ напряженно смотрѣль. Тотъ, другой, настоящій, жилъ гдѣ-то глубоко внутри него, и никакое зеркало не смогло-бы его отразить.

У того, другого, было дѣтство; было отрочество; былъ мѣръ; была семья, и была любовь, и была большая рѣка, онъ звалъ ее – Волга, Волженька. Вотъ онъ – настоящій Минька былъ; а этотъ? Кто такой этотъ?

Злой, съ рѣзко торчащими скулами, съ тяжелыми глазами. Самъ тяжелый, какъ чугуны,

пнеть – убьеть. И стрѣлять не надо.

Но и стрѣляетъ онъ тоже мѣтко. Навострился за всѣ эти стрѣляльные годы.

Зеркало внезапно смѣщало серебряныя плоскости, сдвигало лучи. Фигура Мишки безпомощно падала вбокъ, въ пустоту. Онъ вздергивалъ надъ головой руки, самъ смѣялся надъ собой. Отраженіе возвращалось, и это опять былъ другой человекъ, не онъ. Что толку въ той же гимнастеркѣ? Въ тѣхъ же порткахъ? Изъ зеркала глядѣлъ онъ – тотъ, какимъ онъ, возможно, будетъ черезъ десять, черезъ двадцать лѣтъ. Съдой и старый.

«Вотъ сказку самъ себѣ говорю. И какъ вѣдь складно».

...и вдругъ его осѣняло: это не въ зеркалѣ смѣщались лучи – это смѣшивались и смѣщались времена, и онъ самъ себѣ потерянно шепталъ: нѣтъ времени, времени-то нѣтъ, нѣтъ, – и искалъ глазами настѣнный царскій календарь, чтобы удостовѣриться: есть время, все-таки есть, онъ самъ себѣ лжетъ.

Календарь висѣлъ на стѣнѣ, отрывной, маленькій, смѣшной, свѣтился въ ночи квадратнымъ фонаремъ, на желтой бумагѣ мотались черныя надписи: «ВОСХОДЪ СОЛНЦА. ЗАХОДЪ СОЛНЦА. ЛУНА: ПОСЛѢДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ». Четверть, усмѣхался онъ, Луна будто водка. Время, оказывается, еще было. Плыло.

Онъ смотрѣлъ на сегодняшнее число на нищемъ листкѣ календаря и думалъ: зачѣмъ оно, время? Чтобы не запутаться? Чтобы окончательно не потерять голову? И не сойти съ ума?

«Нѣтъ времени, нѣтъ, нѣтъ. Времени – нѣтъ. Боже, прости меня, что жъ я такое несу!»

Ночное зеркало терпѣливо отражало, какъ онъ идетъ по гостиной залѣ, какъ отворяетъ дверь и выходитъ вонъ. Отражало его чуть сутулую, широкую спину. Потомъ отражало плотно закрытую, облитую луннымъ свѣтомъ дверь.

...а Пашка спала рядомъ. За стѣной.

Тонкая стѣнка, и тонкая грань сна.

...иногда они могли, тоскуя, видѣть сны другъ друга.

* * *

Во снахъ только и приходили улицы села Ужурь Енисейской губерніи. Безъ радости, безъ чуда, одно чудо – приволье. Унылые тракты, загаженные куриными дворами. Полынная сизая степь, опрокинутой гигантскій черпакъ оловяннаго неба надъ ней, прокаленного – лѣтомъ, звенящаго отъ морозной высоты – зимой. Дворъ Филатовыхъ, бѣдняцкій, жалкій: плетеная стайка для пары куръ, покосившійся заплотъ. За чьими-то заплотами кони ржутъ, коровы взмываютъ: тамъ богато живутъ. По веснѣ бабы волокутъ на рѣчку Ужурку за собою тачки съ бѣльемъ – полоскать, и колеса вязнуть въ непролазной грязи. Иная, кто помоложе да посильнѣе, играя подъ рубахой мышцами, на плечѣ корзину съ бѣльемъ несутъ.

Охъ ты, да вѣдь это она сама, Пашка Филатова, и несутъ!

А Пашкѣ – лѣтъ десять, не больше. Надрывается, а тащить.

Не баба она никакая, а просто шпанка сопливая! Но жилы крѣпкія, какъ веревки.

Не дотащить – мать въ кровь изобьетъ.

Мать у Пашки не какъ у всѣхъ. Отецъ, Дмитрій Филатовъ, ее на сѣверахъ, Марѳу, подцѣпилъ, когда на царскомъ флотѣ служилъ. Съ мачты сорвался – флагъ прицѣплялъ, – на палубу желѣзную рухнулъ, думалъ, костей не соберутъ. Въ лазаретѣ – починили. Да не до конца: одна рука такъ и не гнулась, неважнецки переломъ заросъ, голова потряхивалась, какъ у куклы ватной. Однако молодъ былъ, и напередъ еще силенъ, и сивая поморка, молчаливая Марѳа, легла подъ него на лѣтнемъ, шуршащемъ и дышащемъ пьянью травъ сѣновалѣ, въ рыбацьемъ поселкѣ подъ славнымъ градомъ Архангельскомъ. Да съ сѣверовъ они въ Сибирь подались – рыбацъ изъ Дмитрія все одно не вышелъ бы, а про Сибирь чудеса рассказали. Поѣздомъ поѣхали, въ самомъ дешевомъ вагонѣ; Филатовъ скалился: «Въ те-лячьемъ». Нарѣзали надѣлы, имъ въ Ужурѣ цѣнной землечки не досталось, жили, считай, на скотьемъ выгонѣ. Начинай съ нуля хозяйство, морячокъ! А какъ начинать, коли и калѣка, и въ мошнѣ пусто?

Домъ изъ ливтенницы хотѣлъ возвести, а сложилъ срубъ еловый. Жену сталъ бить. Оказалось вдобавокъ, что по-русски говоритъ она совсѣмъ худо: а онъ и не понималъ, то ли финка она, то ли норвежка. Изъ-подъ сивыхъ волосенокъ, если крѣпко ударить, со лба по щецкѣ слишкомъ яркая кровь текла.

Трясь за плечи: а ты кто такая?! Кто такая ты мнѣ, кто такая?!

Пашка глядѣла изъ-за печи, жмурилась, какъ котъ.

Однажды по веснѣ печь развалилась: подъ половицами затлѣлъ уголекъ, въ щель завалился; начался пожаръ. Кирпичи рассыпались, гремѣли по полу. Пашка истошно визжала. Мать и отецъ угрюмо собирали калѣчные кирпичи. Новую печь Филатовъ клалъ. Такъ же молча, мрачно. Изрѣдка выходилъ на косое крыльцо, курилъ еще морскую, флотскую труб-

ку. Люто глядѣль на яркѣй мартовскѣй снѣгъ.

Пашку часто били: и за провинность, и просто такъ. Послѣ Пашки Марѣа родила еще пятерыхъ, и всѣхъ Господь прибралъ. Кто задохнулся, въ родахъ обкрученный пуповиной, кто въ простудномъ жару отпылалъ, кто крысинаго мора наѣлся. Филатовъ злобно радовался: все ртовъ меньше.

Жили впроголодь.

Пашка съ мальчишками водилась, плавала въ рѣчкѣ Ужуркѣ, ныряла, шибко бѣгала. Отецъ вмѣстѣ съ ней ѣздилъ на озера; Пашка закидывала сѣти, какъ заправскѣй рыбаць. На сѣверь поѣхали съ сосѣдомъ, охотиться на волка. Пашка безбоязненно перевязывала пойманному звѣрю лапы, палку въ пасть совала, трогала желтый зубъ.

И на медвѣдя пошли. И добыли звѣря. Пашка видала, какъ отецъ пропоролъ чернаго, громаднаго медвѣдя рогаминою. Боролся. Пашка холодно думала: «А ну какъ батьку задереть!» – и вся горячо, мелко дрожала. Темная кровь лилась по черной шерсти медвѣдя, онъ ревѣль натужно, густо, отчаянно.

...такъ же, какъ тотъ медвѣдь, будутъ потомъ вопить убиваемые ею на войнѣ люди.

Надъ зелеными, бирюзовыми зимними рѣсками, зимородками, и новогодніе синіе сугробы будутъ пятнаться краснымъ. А она только будетъ перезаряжать винтовку и тихо сквернословить. И молчать. И стрѣлять.

...Пятнадцать ей сравнялось, когда ее вытолкнули замужъ за бѣдняка Илью Бочарова. «Мы нищѣ, а у него лошаде и телѣга!» – вѣско сказала отецъ. Дѣвки расплетали Пашкѣ пшеничныя, съ бѣлыми, будто сѣдыми прядями, косы, пѣли заунывно, плачуще. Мыли ей ноги въ тазу. Подолъ рубахи мокъ въ ледяной водѣ. Мать подошла и погладила ее по головѣ, Пашка поежилась и сморщила губы, будто ее опять били.

Ее и продолжили бить: мужъ. Въ первую ночь избилъ. «За что?» – кричала Пашка. На будущее, хмыкаль Бочаровъ, для острастки. «Баба кулакъ любить. Шелковѣ подстелится».

По теплу Бочаровъ увозилъ Пашку на Енисей, въ Красноярскъ, и тамъ они баржи разгружали. Давали скудную деньгу. Бочаровъ подкидывалъ деньги на ладони, они валились на землю, онъ оралъ Пашкѣ: «Собирай! Дура! Чо тарачишься!» Пашка наклонялась и ловила прыгающія монеты, а мужъ толчкомъ въ спину ее на колѣни валилъ: старайся лучше!

Въ Красноярскѣ тротуары деревянные. Да ужъ асфальтомъ принялись заливать. Супруги устроились въ бригаду по укладкѣ асфальта. У Бочарова руки насквозь прочернѣли. Пашка народомъ командовала, стала помощникомъ десятника. Подъ ея началомъ и мужъ трудился. Бѣшенствовалъ отъ этого. Ходуномъ ходили тяжелыя, каменные челюсти. Пашка ночи боялась. Молчала, когда билъ. А билъ все сильнѣе, чтобы – мучилась. «Скоро насмерть забьешь», – вышптала однажды, утирая ладонью со вспухшихъ губъ горячую юшку.

Синія звѣзды свѣтили въ косорылое окно. Бѣлыя. Красныя.

Такая звѣзда и шепнула ей въ оглохшее ночное ухо, подъ окровавленную бѣлую прядь: бѣги, Пашка, пока цѣла.

Она заховала на груди, подъ пуховымъ платкомъ, остатки жалованья, шла на ямскую станцію и молилась: только-бы ямщику до города хватило. До какого – не знала. Уѣхать, и баста.

Хватило до города Иркутска, и еще оставалось.

Гдѣ тебя посадить, царишна, на вокзалѣ, можетъ, желѣзномъ, а?.. – спрашивалъ ямщикъ, осаживая лошадей. Пашка кивала.

Выбралась изъ кошевы. Снѣгъ пищаль подъ катанками. Страстно, восхищенно глядѣла на каменный вокзалъ: красивъ, что тебѣ царскѣй дворець!

И прямо на вокзалѣ, еще и ночлега сыскать не успѣла, подхватилъ ее разбитной и веселый типъ. Улыбался, вѣжливо за локоть трогалъ. Пашка придирчиво щупала румяную рожу зрачками: добрый-ли? ласковый-ли? «Безъ мужика – пропаду», – шептала сама себѣ беззвучно, обреченно холодными губами, идя за нимъ волчицей, слѣдъ въ слѣдъ.

А мужикъ даже подъ локотокъ не бралъ. Вродѣ какъ берегъ.

Улицы чужого города мелькали и вспыхивали, дома бредово наклонялись, будто бы Пашка выпила вина. Рѣзные наличники искрились инистыми деревянными кружевами. Отъ иныхъ домовъ хотѣлось откусить, какъ отъ пряника. Ранняя зима обнимала крѣпкимъ злымъ морозомъ. Явились въ темный смрадный подвалъ. За столами кучно сидѣли люди, люди. Затылки ихъ и руки освѣщались бѣлой слѣпой лампой подъ грязнымъ марлевымъ абажуромъ. По столамъ бѣгали, рѣзвились карты. Мелькали масти, мелочевка, двойки и тройки, дамы, валеты, тузы. Людскія руки ошарашенно ловили картонную нечисть. Пашкинъ вокзальный кавалеръ усѣлся за столъ на вѣнскѣй, кокетливо гнутый стулъ, подъ нимъ мышино пискнувшей, и стало ясно: онъ здѣсь свой-родной. А вѣдь я даже не знаю, какъ звать его, подумала Пашка и робко коснулась ладонью плеча мужчины подъ добротнымъ шевіотовымъ пиджакомъ.

Она стояла сзади него, за вѣнскимъ стуломъ.

Пиджакъ распахнулся, Пашка изумленно увидала подъ нимъ жилетъ, на груди – брегеть на золотой цѣпочкѣ.

– Вас какъ зовуть?

– Это неважно, – руки его тасовали и разбрасывали карты по столу, попугайскій носъ потнымъ крючкомъ клевалъ табачный синій дымъ, ротъ нагло смѣялся, – тебѣ-то зачѣмъ? ты жъ мнѣ на одну ночь! Утромъ разбѣжимся, и прости-прощай!

Пашка повернулась и пошла вонъ.

Обернулся онъ. Швырнулъ ей въ спину:

– Гриха я! Гриха!

Остановилась. Лбомъ прижалась къ закрытой, обитой изодранной черной кожей, пахнувшей табакомъ и мочой двери. Тѣло скрипнуло вродѣ стула, поворачивая кости, ребра, бедра къ новой, опасной жизни.

Она осталась.

...Той ночью Гриха Бомъ – такъ онъ звалъ себя – выигралъ много, еле разсовалъ змѣино шуршащія деньги по карманамъ. Въ подворотнѣ, уже подъ утро, на него напали. Онъ отбивался ретиво. Биль точно, умѣло, страшно. Пашка слѣдила, какъ ходять гирьки-кулаки. Онъ уложилъ двоихъ, третій убѣжалъ. Въ синякахъ, въ крови, вытирая ладонью лобъ и щеки, онъ довольно усмѣхнулся:

– Не пришлось стрѣлять. Какъ я ихъ.

Пашка молчала и смекала: стрѣлять, значить, оружіе при себѣ.

Гриха вытащилъ изъ кармана пистолетъ и поигралъ имъ передъ носомъ Пашки.

– Видалъ миндаль?

Стрѣльнулъ вверхъ. Въ ночи раскатился сухой и рѣзкій звукъ. Погасъ въ оклеенныхъ игрушечнымъ инеемъ вѣтвяхъ.

Пашка протянула руку.

– Дай мнѣ.

– Тебѣ?

Округлилъ глаза, но пистолетъ передалъ. Пашка подняла оружіе, прищурилась.

– Видишь то гнѣздо? Лѣвѣе?

– Вижу. Ха-ха!

«Смѣешься, гадъ, какъ бы не заплакалъ».

Выстрѣлила. Черный клубокъ гнѣзда, осыпая иней, падалъ медленно, важно. Застрялъ въ вѣтвяхъ возлѣ самой земли.

Гриха выхватилъ у женщины пистолетъ. Блестѣлъ зубами.

– Ишь, стрѣлялка! Наша? Своя?

– Не ваша. И ничья. Съ отцомъ охотилась.

Мужчина крѣпко взялъ женщину подъ локоть. Локоть къ боку прижалъ.

– Охотница, однако. Намъ такія нужны.

Пошелъ быстро, крупно шагая, и она не отставала.

...Гриха Бомъ грабилъ, игралъ и убивалъ. Жили въ комнатенкѣ, въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ напротивъ Крестовоздвиженскаго храма. Приходили люди: русскіе, казаки, гураны, китайцы. Однажды поздно вечеромъ, на ночь глядя, заявилось человекъ десять – всѣ раскосые, потные, смуглые, съ черными и рыжими тощенькими бородами. Будто вехотки къ подбородкамъ приклеены. Гриха раскосыхъ рассадилъ, долго съ ними не толковалъ; разъ, два, и все рѣшено.

– Прасковья! Чаю намъ. Нѣтъ! Лучше водки.

Пашка вытащила изъ буфета прозрачную, зеленого, какъ ангарскій ледъ, стекла четверть. Разлила по стаканамъ прозрачную пьяную бѣлую кровь.

– Закусить чѣмъ? Селедка есть, картошка холодная.

– Тащи, мать.

«Мать, мать, а дѣтей нѣтъ».

Раскосые выпили, съѣли всю селедку и картошку, разломали въ крошки остатки ситнаго. Ушли.

– Кто это?

– Хунхузы.

– На что они тебѣ?

– Не твоего ума дѣло.

Пашка взъярилась.

– Я съ тобой живу, и не моего!

Отъ крика на-двое треснуло стекло закопченной, какъ свиной окорокъ, керосиновой лампы.

Гриха, тяжело качнувшись, вылез из-за стола. Пашку облапил.

– Люблю, когда орешь. Взыгрывает во мне все. Волчица! Не вопи, будто рожает. На дѣло съ ними иду. Хунхузы, – замасленно улыбнулся и тоже вроде раскосый самъ сталъ, – братья, маньчжуры. Надежные. Не подведутъ.

Пашка сѣла на кровать, плакала и утиралась занавѣской.

...Изловили ихъ: и Гриху, и хунхузовъ. Они успѣли перебить – застрѣлить и зарѣзать – всѣхъ жителей купеческаго дома на Крестовоздвиженской улицѣ; да ограбить не успѣли – мимо тащилась старуха съ ведромъ мороженыхъ омулей, увидѣла огни въ ночномъ домѣ, услышала истошные крики – и такъ, съ ведромъ омулей, задыхаясь, еле волоча ноги, и притопала къ будкѣ, гдѣ дремала городской. Толстякъ, оглушительно свистя, побѣжалъ къ дому, шашка била ему по ногамъ; онъ вытащилъ изъ кобуры револьверъ и стрѣлялъ въ воздухъ. Старуха присѣла возлѣ омулей и ошалѣло глядела мертвыхъ рыбъ по головамъ, по выпученымъ глазамъ.

Мертвыми омулями по комнатамъ валялись тѣла – въ кроватяхъ, на полу. Семьи иркутскаго купца Горенко изъ двѣнадцати человекъ больше не было. На подмогу городоному уже ѣхали въ авто урядники. Свистъ перебудилъ полгорода. Гриху и хунхузовъ поймали въ дверяхъ; одного хунхуза, что укрылся, скорчившись, за купеческой повозкой, за выгибомъ мощнаго колеса, застрѣлили во дворѣ. Отстрѣливались, да повязали быстро.

На судѣ изворотливому Грихѣ удалось доказать: зачинщики – хунхузы, онъ тутъ сбoku-припеку. Хунхузовъ – кого къ стѣнкѣ, кого въ тюрьму, кого на каторгу; а Гриху – всего лишь на поселение въ Якутскую губернію.

...Пашка впервые тряслась въ поѣздѣ. Оглядывалась безпомощной мышью по сторонамъ. Стѣны качались. Въ окнѣ мимо глазъ летѣли длинные мертвые омули стылыхъ рельсовъ. Къ ея широкому, круглому и жесткому, какъ неспѣлое яблоко, плечу привалился Бомъ, дремалъ. Черезъ бѣльмо грязнаго стекла видѣлись станціи, полустанки, разѣзды.

Поѣздъ, лязгнувъ всѣми желѣзными костями, всталъ; они съ Грихой пересѣли въ широкія сани, лошадь потрясла заиндивѣлой мордой, тронула, за ними въ кошевѣ ѣхалъ конвой. Платокъ съ кистями, яркій, бѣлый съ крупными розами, плохо согрѣвалъ: морозъ лютовалъ, въ черно-синихъ небесахъ злорадно играли сполохи, скрещивали свѣтовые клинки.

Чернобревенная, низкая изба, словно перевернутый, брошенный на снѣгъ чугунокъ. Вошли, промерзшіе, снѣгъ отряхнули; Пашка, кряхтя, стащила съ Грихи овчинный тулупъ, вывернула его путаными кудрями наружу, прижала къ лицу и заревѣла въ вонючій мѣхъ.

– Что мы тутъ дѣлать будемъ!

– Ничего. Погибать.

Мужчина сѣлъ на лавку, Пашка встала на колѣни и стянула съ него валенки.

Часы съ боемъ, на кухонномъ столѣ въ рядъ скалки лежать. Теплый еще духъ, недавно люди отсюда сѣхали. Пашка отыскала въ шкафу мѣшочекъ съ мукой. Развязала завязку. Въ мукѣ, вселясь, ползали черви. Она, жмурясь отъ отвращения, просѣяла муку черезъ сито, вытряхнула съ крыльца личинки, замѣсила тѣсто на водѣ. Гриха языкомъ нащупалъ во рту катышекъ, плюнулъ на полъ.

Топили долго. Выстывшая изба прогрѣвалась тяжело, доски трещали. Увалились въ кровать, высокую, какъ вмерзшая въ рѣчной ледъ пристань. Дрожали. Прижимались крѣпко. Холодными граблями рукъ Гриха когтилъ Пашкину рубаху. Пока возился, сердце умерло. Плюнулъ холодной слюной ей въ лицо. Она вытерла щеку о подушку, пахнущую куринымъ пометомъ.

– Что плюешься-то. Заплевался.

– Принеси водки. Она въ карманѣ тулупа.

Пашка послушно сползла съ кровати, ежилась, сама зубами вырвала затычку. Бомъ глотнулъ и ей протянулъ:

– Согрѣйся.

Она закрыла ладонью ротъ и головой замотала.

Легла. Гриха тяжело, медленно и хрипло дышала. Огненно, крѣпостью спирта, сгустился ночной воздухъ. Бомъ засмѣялся страшно, хрипато, засопѣлъ. Пашка не поняла, не помнила, какъ онъ ее ударилъ въ первый разъ. Кулакъ всунулся подъ ребра, потомъ расплющилъ грудь. Пашка охнула. Бомъ билъ ее подъ одѣяломъ. Одѣяло стало мѣшать. Лягнувъ ногой, скинулъ на полъ. Теперь у кулака появился размахъ. Тупые удары раздавались, будто били въ старый коверъ: бухъ, бухъ. Тѣло у Пашки жесткое, животъ поджарый, neroжавшій. Грудь круто встаетъ, два бѣлыхъ снѣжныхъ яра.

Гриха лупилъ по груди, по животу, по лицу хотѣлъ – Пашка лицо въ подушку прятала.

Ногой сбросилъ женщину на полъ. Самъ соскочилъ съ кровати и охаживалъ ногами.

Пашка, катаясь по полу, смутно думала: хорошо, ноги его голыя, безъ сапогъ, сапогами бы – убилъ.

Бить долго. Утомился. Задохнулся. Вспотѣлъ.

Пашка лежала на холодномъ полу добытымъ въ тайгѣ, убитымъ звѣремъ.

Звѣзды острыми спицами прокалывали плотную, бѣлосинюю, хвойную шерсть мертвой ночи.

...какъ шла черезъ тайгу, какъ на телѣгахъ подвозили, какъ побиралась по старовѣрскимъ селамъ, клянча хоть корочку, хоть кроху, – не помнила. Память дымомъ заволокло.

Побои болѣли. Медленно заживали. Она шла, въ отсырѣлыхъ тяжелыхъ катанкахъ, въ городскомъ модномъ пальтецѣ, въ чужой казачьей папахѣ – стащила съ плетня; синяки на ея лицѣ издали было видать: разноцвѣтные, какъ нефтяныя, на лужахъ, пятна.

Брела и повторяла: какъ хорошо, Господи, вотъ ты намъ эту чортову войну послалъ, на испытаніе, Господи, но зато я поѣду бить нашихъ враговъ, Господи, Ты-же видишь, я смогу, я хочу.

То брела, то везли, то опять тащилась нога за ногу. Ночевала гдѣ придется.

Счастье, что не убили шальные люди.

Такъ добралась до Томска.

...На призывномъ пунктѣ ей въ лицо долго глядѣлъ сивый, съ залысинами, худощавый офицеръ.

– Что смотрите? Я вамъ что, икона?

Офицеръ слушалъ, какъ рѣзкій, пронзительный голосъ Пашки гаснетъ въ углахъ пустой, плохо побѣленной комнаты.

– А вы что смотрите?

– Вы какъ сивый меринъ.

Обидныя слова вырвались сами и весело разлетѣлись по комнатенкѣ.

Офицеръ тепло, необидно разсмѣялся.

– Лучше сказать: старый меринъ, – искоса опять глянуть Пашкѣ – прямо въ глаза. –

Зачѣмъ явились?

Оглядывалъ ея потертыя катанки, грязныя полы пальто.

Пашка подобрала подъ ребра и безъ того тощій животъ.

– Запишите рядовымъ бойцомъ! Въ ополченцы иду!

Офицеръ разглядывалъ Пашкины большія, какъ у мужика, сложенные на животѣ руки.

– Я запишу васъ... – медлил. Пашка ждала. – Сестрой милосердія, въ Красный Крестъ.

Офицеръ быстро поднялъ глаза отъ Пашкинаго живота опять къ ея глазамъ, ко лбу.

Ея лицо все было красно; казалось, вотъ-вотъ кожа лопнетъ и кровь брызнетъ, такъ разгнѣвалась.

– Нѣтъ!

Офицеръ пригладилъ сивыя патлы.

– Что вы такъ кричите...

– Только на фронтъ! Я – на фронтъ!

Офицеръ всталъ, отодвинулъ ногой стулъ, онъ противно проскрежеталъ ножками по полу и подошель къ Пашкѣ.

– Но ты же дѣвка, – произнесъ тихо, зло и отчетливо.

Теперь Пашка сама заглянула офицеру глубоко въ сѣрые, лошадиные глаза.

– Я не хочу больше быть дѣвкой. Я – солдатъ.

Развернулась, какъ въ строю; офицеръ изумленно слѣдилъ, какъ она выходитъ и хлопаетъ дверью.

...Стояла у крыльца призывного пункта. Свечерѣло. Дождалась, пока на крыльцо не вышелъ офицеръ, что говорилъ съ ней въ пустой бѣлой комнатѣ.

Офицеръ закурилъ трубку, обернулся и увидѣлъ Пашку.

Она грѣла рукавицей красный замерзшій носъ.

– Ты что тутъ? – спросилъ сквозь дымъ, прищурясь.

– Я-то? А червонецъ у васъ занять вотъ хочу.

– Червонецъ? Золотой?

Усмѣхался. И она тоже, вродѣ какъ въ поддержку ему, усмѣхнулась.

Надъ нимъ? Надъ собой?

– А хоть бы и рублями бумажными. Разницы нѣту.

Офицеръ дымилъ, пыхалъ трубкой. На его сивой головѣ кособочилась кудрявая черная папаха. Онъ опять глядѣлъ Пашкѣ въ лицо, будто икону глазами щупалъ, ласкалъ.

– Мы съ тобой что, казаки? – на ея бѣлую грязную папаху кивнулъ. – Давай мѣняться? Я твою хоть почищу.

Пашка надвинула папаху на брови. Мѣхъ сползъ до самыхъ рѣсницъ.

– Я все это, – ударила себя ладонями по поламъ пальто, потомъ цапнула ногтями папаху.

ху, – смѣняю только на шинель.

– Да солдаты тебя... засмѣютъ! А вѣрнѣй всего, съѣдятъ. Какъ овцу, зажарятъ. Зачѣмъ денегъ просишь?

– Телеграмму хочу отбить на почтамтѣ.

– Кому?

– Царю, – быстро, какъ заученный урокъ, выдохнула.

Ждала – офицеръ расхохочется, а то и развирѣпѣеть. Глядѣла, какъ долго онъ рылся въ карманахъ: сперва въ одномъ, потомъ въ другомъ, за подкладкой шинели. Раскрылъ кулакъ. На его ладони, въ шрамахъ, мозоляхъ и табачной несмываемой желтизнѣ, лежалъ желтый кругляшъ. Золотой червонецъ.

– Отбѣй, – просто сказала офицеръ.

Пашка стояла оторопѣло. Офицеръ всунулъ ей червонецъ въ руку, пошелъ, остановился, поглядѣлъ на нее вполоборота, махнулъ рукой, опять пошелъ, медленно ставя на кислый грязный снѣгъ ноги, потомъ все быстрѣе и быстрѣе.

...Читала, въ который уже разъ, и телеграфная длинная бумага дрожала въ рукахъ, и буквы вылавливала зрачками, какъ черныхъ, вразбродъ плывущихъ подъ прозрачной бѣгущей водою, мелкихъ рыбъ.

«ВЫСОЧАЙШЕЕ НАШЕ РАЗРѢШЕНІЕ ДАЕМЪ ГОСПОЖѢ БОЧАРОВОЙ ВЪ ТОМЪ ЗПТ ЧТО ОНА МОЖЕТЪ СРАЖАТЬСЯ НА РУССКО-ГЕРМАНСКОМЪ ФРОНТѢ КАКЪ РЯДОВОЙ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМІИ ТЧК СЪ ПОДЛИННЫМЪ ВѢРНО ТЧК ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ НИКОЛАЙ ВТОРОЙ».

Отнесла телеграмму въ батальонный штабъ. Того офицера, сиваго, съ залысинами, въ штабѣ не было; за столомъ сидѣлъ другой, до того толстый, что табуретъ подъ нимъ тихо трещалъ.

– Что у васъ?

Протянулъ руку.

– Высочайшее разрѣшеніе записаться въ батальонъ.

– Что за разрѣшенъе?

Пока читала – брови взлѣзали все выше, выше на складчатый, жирный лобъ.

А глаза добро свѣтились, улыбочиво, какъ у доброй собаки.

Съ наугой встала, а табуретъ упала.

– Зачисляю! Рядовой... какъ тамъ тебя? Бочарова! – повернулся къ двери. Часовой выгнулъ спину и выпятилъ грудь. – Ѳедоръ! Выдать дѣвицѣ... бабѣ... гхм, госпожѣ... Бочаровой солдатскую форму! Всю чтобъ, отъ и до!

– Слушаюсь, вашество!

– И ополченскій крестъ, – громко сказала Пашка.

– И фуражку, и ополченскій крестъ! – еще громче выкрикнулъ толстый офицеръ.

Пашка украдкой понюхала ладонь. Она еще пахла почтовымъ сургучомъ и соленымъ, желѣзнымъ ароматомъ долго сжимаемаго въ кулакъ золотого червонца съ гордымъ профилемъ царя Николая, – царь то римскимъ воиномъ на монетѣ глядѣлся, то сытымъ, довольнымъ соннымъ котомъ.

...волосы падали на полъ. Зеркало передъ нею не мерцало, и она не могла себя видѣть, какъ она странно преображалась. Изъ дѣвки получался парень, да еще какой лихой, залихватскій. Волосы падали, расплзались живыми червями вокругъ голыхъ ступней, – а тамъ, сзади, за табуретомъ, за спиной, укрытой казенной простыней, ждали высокіе, по колѣно, солдатскіе сапоги. Ножницы брякали и скрипѣли, и волосы падали, нѣжно и безслышно, тихо лаская воздухъ, и это умирало прошлое.

Потомъ надъ затылкомъ зажужжала машинка. Она холодила уже лысое темя, скрежетала по голому затылку, еще что-то незримое счищала, уничтожала, – добивала. Головъ становилось холодно. Голова звенѣла, какъ ледяная. Какъ стеклянная чаша, рождественскій господскій хрусталь.

– Вставай!

Встала. Простыню съ нея сдернули. Отрясли состриженные клочья волосъ на полъ. По своимъ жалкимъ нищимъ волосамъ она шла къ сапогамъ, къ сложеннымъ аккуратно штанамъ, гимнастеркѣ, шинели. Разстегивала юбку; юбка сползала на полъ и накрывала волосы. Разстегивала и сдирала съ себя бѣлую холщовую сорочку. Влѣзала въ штаны. Велики были; и утягивала ремень, и ей уже протыкали шиломъ новую дыру въ плотной, добротной кожѣ.

Втискивала руки въ рукава гимнастерки, и понимала: эта болотная суровая шкура – на много дней, мѣсяцевъ, лѣтъ; а можетъ, и навѣчно.

Толкала ноги въ сапоги. Сапоги на лыткахъ болтались. Уже несли портянки, и усаживали ее опять на табуретъ, и учили, какъ ногу портянкой обмотать правильно, чтобы при ходьбѣ кожа не сбилась въ кровь.

Несли фуражку; безъ кокарды, правда, но съ мѣднымъ ополченскимъ крестомъ. На крестѣ было написано, на всѣхъ четырехъ сторонахъ, и хорошо, издали различалось: ЗА ВѢРУ, ЦАРЯ, ОТЕЧЕСТВО.

Къ поясу прикрѣпляла, сопя громко, два подсумка, слѣва надъ животомъ и справа.

Внесли бѣлую, какъ ея давешняя грязная, только чистую папаху, и Пашка въ растерянности зачихала ее за пазуху.

Въ руку ей, какъ слѣпой, втиснули винтовку.

Выпрямилась, солдатъ Бочарова. Глядѣлась въ другихъ, чужихъ людей, какъ въ зеркало.

Въ ихъ глазахъ видѣла – себя; и живыя зеркала одобряли, хорошо отражали ее, новую.

Подняла глаза и поглядѣла наверхъ, на штыкъ: прямой, не покривленный, а кто-то ужъ этою винтовкой воевалъ, стрѣлялъ изъ нея и штыкомъ кололъ, а можетъ, и нѣтъ, вродѣ новехонькая она, непользованная.

– Солдатъ Бочарова! Кру-гомъ!

Она повернулась четко, рѣзко, будто вѣкъ шагала на плацу.

...Та первая ночь въ казармѣ помнилась недолго. Она постаралась ее забыть, и у нея получилось.

Ночь, и жесткая койка, и чужія руки лѣзутъ, чужія колѣни бьютъ подъ солнечное сплетеніе. Кто и кому сказалъ, что она баба? Все оружіе – два подсумка, котелокъ, скатанная шинель, сапоги. Она пожалѣла, что не стащила, не уволокла съ собой Грихинъ хунхузскій кривой ножъ. Чужія тѣла лѣзли и лѣзли и заслоняли лунный свѣтъ въ зарѣшенномъ окнѣ, и молоко луны къ утру скисало, а ночной бой все шель: лѣзли – она была кулакомъ, лѣзли – она была жесткимъ подсумкомъ, попадая то въ подглазье, то по зубамъ, и тогда нападающій выль и костерилъ ее послѣдними, похабными словами. Слова эти она знала наизусть. Лѣзли – и въ чужой лобъ, въ чужое лицо она тыкала сапогомъ, еще не успѣвшимъ изгрязниться, лѣзли – размахнувшись, крѣпко била котелкомъ, и выпуклымъ днищемъ его, и краемъ; лѣзли – била локтемъ подъ дыхъ, била ногой – и носкомъ, и пяткой – въ твердую грудную кость, въ ребра, въ жесткія вздутыя мышцы рукъ и желѣзные животы. Била, и мысль мелькала, сладкая и злорадная: раньше – меня били, а теперь – я! Она сама не ожидала въ себѣ такой силы, и откуда сила взялась и не оскудѣвала, только свинцомъ наливались кулаки. А она ударовъ не чужая; сама себѣ казалась мѣшкомъ съ беззвучнымъ, сырымъ рѣчнымъ пескомъ; все въ пескѣ таяло, и все отъ него отталкивалось.

По казармѣ гуляли короткіе вскрики, какъ сполохи за окномъ. Изрѣдка выстрѣливалъ жесткій, мѣдный матъ. А такъ – все происходило молча, и молча сопѣли, и молча били, и молча отползали.

Дверь отлетѣла. Чуть не сорвалась съ петель. Въ темную спальню хлынулъ корридорный свѣтъ. На порогѣ стоялъ унтеръ-офицеръ Черевичинъ. Проораль, разѣвая пасть шире охотничьей, въ гонѣ, собаки:

– Отставить драку! На гауптвахту всѣ хотите?! Скопомъ – подъ разстрѣль?!

Солдаты бросались на койки. Заползали подъ одѣяла.

Кто лежалъ поверхъ одѣялъ, вытянувъ худыя, въ кальсонахъ, еще живыя, а будто мертвыя, ноги.

Пашка, мрачно горбясь, сидѣла на койкѣ, затолкавъ кулаки подъ мышки.

Кулаки ея были разбиты въ кровавую, страшную кашу. На лицѣ цвѣли кровоподтеки.

– Рядовой Бочарова!

– Я!

Встала и даже не шаталась. Стояла, широко разставивъ босыя ноги, въ нижнемъ мужскомъ бѣльѣ.

– Что творите тутъ?!

Она крикнула лишь одно слово унтеръ-офицеру.

– Отбилась!

Въ звенящей тишинѣ всѣ слышали, какъ отчетливо выговариваетъ Черевичинъ каждый слогъ.

– Я ничего! Не скажу начальству! Завтра занятія, какъ обычно! Поняли?! Спать!

Дверь закрылъ неплотно. Изъ-подъ двери сочился, ползъ по полу золотой червякъ раздавленного свѣта.

Пашка отшагнула назадъ и повалилась на койку. Лежала, глядѣла въ потолокъ.

Слышала, слушала, какъ вокругъ нея къ потолку поднимаются чужіе шопоты, хрипы, ворчанья. Она зачѣмъ... чуть что... будетъ намъ... бабы, што ль, не видалъ... кулакъ тяжелый... боець?.. она боець?.. ты боець?.. ни разу больше... подлые вы... а ты лучше... ее теперь... завтра рано подымутъ... какъ обычно... разоспишься на печкѣ у мамки... рожу расквасила... а не просять, не лѣзь... кто бы зналъ... соломы бы... подстелилъ... тихо... храпить уже?..

Пашка и правда уже спала, не накрываясь; разбросавъ руки; и одна рука тяжело свѣшивалась съ кровати, и кровь наполняла кончики разбитыхъ пальцевъ, туго и больно стучала въ нихъ, прося выхода. Изъ-подъ губы на подушку сочилась сукровица. Солдатъ, что первымъ лапаль ея, поправилъ подъ ея головой подушку. Потомъ стащилъ со своей койки верблюжье казарменное тощее одѣяло и осторожно закрылъ ея, эту полоумную, сильную какъ медвѣдица, странную бабу.

...время проѣхало чернымъ паровозомъ, и уже рота защищала ея, будто бы она была малый цыпленокъ или пушистый гусенокъ, и не давала ей дѣлать того, чего бабѣ нельзя; и дивилась на ея владѣніе винтовкой, на то, какъ она ловко и зло, что тебѣ хорошій мужикъ, брала препятствія; какъ не боялась стрѣлять; какъ не боялась глядѣть тебѣ въ лицо.

Она всегда глядѣла солдатамъ прямо въ лицо. Такая ужъ у нея была привычка.

Битая, она хорошо и крѣпко била. Гнутая, она ни передъ кѣмъ не гнулась.

Ее въ ротъ такъ и звали: наша Пашка! – и больше никакъ; она сама такъ поставила дѣло; а зима шла, то ковыляла, то бѣжала, разсыпая пули звѣздъ, по синимъ жестянымъ сугробамъ въ сѣрыхъ, величиной съ солдатскіе сапоги, катанкахъ, и обреченно дымили пуще самокрутокъ надъ инистыми крышами краснокирпичныхъ трубы, и Пашка смотрѣла бѣшеной зимѣ въ спину и думала: бѣги, зима, бѣги, а вотъ твой февраль.

И февраль принесъ ей и всѣмъ другимъ приказъ: пятнадцатый резервный батальонъ отправить на фронтъ.

...офицеры говорили ей мягко, настойчиво: рядовой Бочарова, ѣзжайте вмѣстѣ съ нами, въ штабномъ вагонѣ! тамъ вамъ будетъ удобно! какъ у Христа за пазухой, поѣдете! – но она трясла головой, и можно было подумать: она или глухая, или припадочная.

До самага Молодечно Пашка ѣхала вмѣстѣ со всѣми, со всѣми солдатами своей родной роты, въ теплушкѣ, и вмѣстѣ со всѣми мерзла, и вмѣстѣ со всѣми ѣла, и вмѣстѣ со всѣми пила, и вмѣстѣ со всѣми ругалась и хохотала, и вмѣстѣ со всѣми молилась.

И только глухою ночью, подъ жесткой стукъ неотвратимыхъ колесъ, подложивъ подъ жесткую скулу жесткую ладонь, плакала она – одна.

* * *

...И Михаилу тоже снились сны.

Жизнь снилась; а вдругъ она и вправду вся – до капли, до куриной косточки – приснилась?

...Сизые лѣса сбѣгали съ горъ внизъ, къ слоистой, свѣтящейся водѣ. У берега вода прозрачная, чуть желтоватая, какъ спитой чай. Волга. Волженька.

«Волженька», – шептала маленькій Минька, лежа на животѣ на пескѣ, перебирая камни и ракушки. Рядомъ валялся рыбій скелетъ. Мертвая рыба морда смѣялась. Минька трогала длинныя бѣлыя иглы призрачныхъ, подводныхъ реберъ.

Его никто въ Новомъ-Буянѣ и не кликалъ – Минька; всѣ звали – Рыжій.

Рыжій, айда на рѣку! Рыжій, ты зачѣмъ у отца долото стащилъ?! Рыжій, эй, признавайся, – ты часовенку поджегъ?!

...Никто на селѣ не зналъ, какъ на самомъ дѣлѣ Мишка родился. Баба Лямина мучилась четверо сутокъ. Весь языкъ себѣ искусала, всѣ пальцы. Схватки все нагнетали внутри боль, а лонныя кости не расходились. На пятыя сутки Еюимъ Ляминъ быстро, нервно перекрестился на икону Пантелеймона цѣлителя, выхватилъ изъ ноженъ саблю, съ которой воевалъ въ геройскихъ войскахъ генерала Скобелева подъ Шипкой, подошелъ къ жениному ложу, – тамъ возвышался огромный, шевелящийся, стонущій женскій сугробъ. Рядомъ навтыжку стояла старшая дочь, Софья, наготовѣ держала толстую швейную иголку со вздѣтой суровой ниткой.

Старая мать Еюима опустила на колѣни передъ роженицей. Бормотала молитвы и постоянно, мелко крестила блестящее, страшное, потное лицо снохи.

Молнія сабли ударила между людскихъ лицъ. Изъ разрѣза обильно потекла слишкомъ яркая кровь. Простыня и перина мгновенно пропитались алымъ. Бабы потроха шевелились, мерцали, кровили, вспыхивали, и въ этомъ шевеленіи выпукло просвѣчивала головка младенца и согнутыя колѣнки. Ребенокъ лежалъ въ утробѣ головою вверхъ, къ желудку матери, ножками – къ выходу изъ тьмы. Лезвіе чуть задѣло нѣжную кожу.

Все кровоточило, плыло, билось, уплывало. Еюимъ чуялъ – разумъ теряетъ. Бросилъ саблю, она брякнулась о половицу и зашибла хвостъ толстому рыжему коту. Баба закатила бѣлки. Свекровь уже вынимала руками, темными и корявыми, какъ корни стараго степного осокоря, изъ кровавой ямы материнаго живота крошечное тѣльце, и шевелились, вздрагивая и сгибаясь, червяки-ноги, ящерицы-руки. Софья портновскими громадными ножницами обрѣзала пуповину.

Еѡимъ закричалъ дико:

– Шей! Живо!

Софья втыкала въ окровавленную, скользкую кожу иглу, никакъ не могла проткнуть, ревъла, ротъ кусала.

Еѡимъ стоялъ, обхвативъ руками лысъющую голову. Красный червячокъ на колѣняхъ у старухи корчился. Старая мать сидѣла на полу, разставивъ ноги, ниткой заматывала ало-лиловый кровотокащій отростокъ. Дочь тянула вверхъ нить, игла дырявила родную плоть. Рана закрывалась жуткимъ, бугристымъ швомъ. Софья затянула узелъ и перегрызла нить. Шарахнулась къ буфету. Вытащила четверть. Еле подняла стеклянную зеленую тяжесть: на днѣ, сонно, бредово отсвѣчивая луннымъ зеркаломъ, плескался спиртъ.

Еѡимъ подставилъ горсть. Софья плеснула. Еѡимъ склонился, пыхтя, надъ улетѣвшей далеко женой, разжалъ руки. Спиртъ вылился на свежій шовъ, обжигая дикую рану, смывая кровь жестокимъ прозрачнымъ огнемъ. Родильница не двинулась.

Такъ и лежала, запрокинувъ голову, и подушка медленно, безконечно валилась на полъ, все валилась и валилась.

...Еѡимъ Михайлычъ Ляминъ отмѣнно избы рубилъ. Срубы его стояли намертво, несгибаемо, какъ солдаты на взятой высотѣ, – не разстрѣлять, не растащить по бревну, только сжечь. Огонь, онъ все возьметъ. Еѡимъ училъ мальчишку Миньку плотницкому дѣлу. «И Самъ Христосъ-отъ, – дулъ, плевалъ на руки, на красныя вспухшія горошины мозолей, – плотникомъ былъ, смекай!» Минька вертѣлъ топоръ въ рукѣ, блескъ лезвія рѣзко билъ по глазамъ, Минька щурился, точъ-въ-точъ повторялъ движенья батьки.

Въ десять Мишкиныхъ лѣтъ они оба, отецъ и сынъ, отъ грѣха, чтобы попъ не подалъ въ судъ за сожженную ребятней часовню, наново срубили ее изъ пахучей, нѣжной липы, и Мишка самъ залѣзалъ на куполь, обхвативъ его ногами, какъ бока быка, укрѣпляя золоченый стальной крестъ.

Еѡимъ послѣ смерти жены и матери поднималъ двоихъ дѣтей одинъ. Къ нему приводили невѣсть – онъ отворачивался, будто отъ поганой кучи, выходилъ на крыльцо, раскуривалъ трубку, сердито пыхалъ ею. Мишка возникалъ за спиной тѣнью. Солнце садилось за Волгу. Отецъ любилъ глядѣть на закаты и Мишку къ этому созерцанью приохотилъ.

Такъ стояли оба, Мишка дышалъ отцовымъ табакомъ, раздувалъ ноздри. Мишкѣ однажды скупо рассказали, какъ отецъ извлекъ его на свѣтъ Божій, и онъ, ложась спать, осторожно щупалъ странный узкій бѣлый шрамъ, стрѣлой летящій черезъ грудь – по ребрамъ – къ паху: слѣдъ отцовой сабли.

Саблю ту батька держалъ въ сундукѣ, а сундукъ запиралъ на ключъ, а ключъ носилъ на черномъ гайтанѣ вмѣстѣ съ натѣльнымъ тяжелымъ крестомъ, мѣдной птичьей лапой прожигавшимъ когда-то бравую, нынче впалую мужицкую грудь.

...Пошевеливались жуками и стрекозами, нѣжно вздрагивали надъ Волгой звѣзды. Сама Волга чудилась чудовищной розовой рыбой, хвостъ терялся въ дальнемъ маревѣ, темная башка съ радужными щеками и выпученнымъ луннымъ глазомъ вставала торчмя, плыла въ небеса. На томъ берегу рыбаки закидывали сѣти, жгли костры. Красные угли кострищъ тлѣли внутри ночной печи, бѣлая полоса кварцеваго песка горѣла во тьмѣ серебряной царской шашкой. Распорядокъ міра былъ незыблемъ; его могъ расшевелить лишь грозовой вѣтеръ. Мишка нюхалъ воздухъ. Ясное небо изливало полночную ласку, но Мишка, какъ звѣрь, чуялъ сырой холодный сиверко изъ-за гребня Жигулей. Гроза шла съ востока. Ворочалась чернымъ медвѣдемъ въ надѣвшею за зиму берлогѣ.

Часы сложились въ минуты, минуты сжались, какъ пальцы въ кулакъ. Время сошлось въ одну точку, и изъ нея ударила первая ярко-розовая молнія. Она отвѣсно, саблей, протыкающей врага, вошла въ черную зеркальную поверхность рѣки. Громыкнуло надъ головой, и Мишка со страху присѣлъ: небо расколосось, и черепъ его расколося. Тучи вили черную бѣшеную шерсть. Молніи уже метались, били куда хотѣли – и въ воду, и по берегамъ. На островѣ посередь Волги загорѣлся огромный осокорь. Факеломъ пылалъ. Огонь отражался въ водѣ, и вода колыхалась, какъ геенна огненная, – черная, адская, золотая. Кто-то страшно далеко, какъ съ того свѣта, кричалъ съ того берега – то ли на помощь, то ли окликалъ опрочметчиво уплывшаго на лодкѣ наперерѣзъ грозѣ друга. Громъ перекатывалъ булыжники надъ крышей ляминской избы, а они оба, отецъ и сынъ, стояли подъ навѣсомъ крыльца, глядѣли, какъ косо, сплошной серебряной стѣной, хлещетъ ливень, заслоня звѣзды, берега и деревья. Вода въ Волгѣ пучилась и вздувалась.

– Не завидую, – бросилъ Мишка, – рыбакамъ сейчасъ... Муторно имъ...

Еѡимъ выколотилъ трубку о перила крыльца и омочилъ руку въ потокахъ ливня.

– Вотъ такъ и мы, – непонятно сказалъ, мрачно, – вотъ такъ и мы же...

Мишка не сталъ допытываться. Вдругъ хрипло, пьяно, юно захохоталъ. Веселье же! Хляби небесныя отворились!

– Вотъ земляца хлебнеть! Возжаждала! Пить же хочеть!

Отець молчалъ, тискаль черную, вишневаго дерева трубку въ желтыхъ кривыхъ пальцахъ.

...Послѣ грозы, на самомъ разсвѣтѣ, отецъ и сынъ направились къ берегу. Ноги по щиколотку вязли въ сырость сѣромъ пескѣ.

– Хорошо, лодку не отвязало. Въ такую бурю уплыла бы, что твоя шука, и перевернулась. Ладь новую. Расходы.

Мишка сѣлъ на весла. Гребъ упорно, размашисто. Еѡимъ разматываль сѣти. Пахло гнилыми водорослями, въ заводи колыхались на алѣющей утренней водѣ золотые дѣтскіе кулачки кувшинокъ. Сквозь чистые водяные слои различалось дно съ крупными, скошенными будто рубиломъ камнями.

– Вонъ, вонъ ходитъ, – шепнула Мишка, вглядываясь. – Рѣзвая. Не уйдешь.

Взялся за другой конецъ сѣти; закинули. Сѣть уходила въ воду медленно, плавно.

– Бать, это сазаны, ей-Богу!

Длинная тѣнь промелькнула и ушла за корму.

– Не божись, Минька. Осетръ это. Ну, давай же...

Шевелились беззвучно губы: молился рыбацкой молитвой.

Великанская рыба опять прошла мимо лодки. Спокойная утренняя вода качнулась. Сѣть натянулась. Осетръ сталъ врать, бороться. Лодка кренилась, черпала бортомъ уже алюю, кровавую воду. Тянули вмѣстѣ. Мишка вцѣпилъ въ сѣть клещомъ. Мышцы напрягались сладко, тревожно. Рыба пыталась уйти во что бы то ни стало. Мощный осетръ волокъ лодку за собой, какъ на буксирѣ. Еѡимъ матерился. Изъ воды показалась обмотанная сѣтью остроугольная сѣрая морда, костяные торчки на загривкѣ. Дугой выгнулась спина въ костяныхъ зубьяхъ. Хвостъ расплескивалъ воду. Осетръ, бѣшенствуя, перевернулся брюхомъ вверхъ, и Мишка увидаль усы на мордѣ и жалкій, ребячій, печально округленный ротъ.

На мигъ стало жалко живое. «Онъ же умираетъ! Умираетъ, какъ всѣ мы, люди и звѣри!» Отець не даль взорваться ненужной жалости. Рыбалка – это работа, и тяжелая, какъ любой мужицкій трудъ. Потянуть сѣть, намотать на руку, выпростать рыбу, подвести черпакъ. Дѣлать все надо быстро, сноровисто, иначе побѣдишь не ты, а тебя. Это – война.

«Война, все на свѣтѣ война».

Мысли плыли рыбами, а руки дѣлали дѣло. Когда втаскивали осетра, лодку чуть не перевернули. Отець ругнулъ замысловато. Мишка вычерпываль воду бѣшено, быстро, сильно. Опростили. Осетръ взбрыкивалъ, закутанный въ сѣть, и Еѡимъ тюкнулъ его весломъ по башкѣ. На глазахъ и бѣлой губѣ рыбыны выступила кровь.

И опять Мишку какъ ремнемъ ожгло.

«Кровь, у него и кровь красная, какъ навродѣ наша».

Губы облизаль. Глядѣль, какъ отецъ продѣваетъ въ ротъ и черезъ жабры рыбѣ – кукань, крѣпкую и гибкую вѣтвь краснотала.

«Я никого, никого на свѣтѣ и никогда не убью».

А солнце тѣмъ временемъ выкатилось надъ рѣкой, заполонило собой все небо, изъ красного сдѣлалось желтымъ, изъ желтаго – бѣлымъ, заливало ранней жарой излучину Волги, мощныя овечьи кудри Жигулей, острова, лежащіе посреди стржня крупными тусклыми зелеными яшмами, темножелтый, сырой послѣ грозы песокъ, бакены съ рыбьими стеклянными глазами фонарей, лодки съ рыбаками, пухлыя теплыя, какъ женскія груди, медленно и важно плывущія облака, полосатые створные знаки, груженныя углемъ и пескомъ баржи, колесные пароходы, и плицы глухо шлепали по водѣ, горящей алыми и золотыми огнями.

Осетръ лежалъ на днѣ лодки. Острой мертвой мордой – къ носу. Хвостомъ – къ кормѣ.

Когда хвостъ дрогнулъ и ожиль, Мишка рѣзко выкрутилъ весло въ уключинѣ, бросилъ на лодочный бокъ.

– Батя! – задыхался. – А давай отпустимъ!

– Что, кого? Куда?

– Куда-куда! Осетра! Онъ... какъ человекъ!

– Хехъ, вонъ ты куда загнулъ. Дуракъ! Самъ же ловилъ! Да онъ съ икрою! Засолимъ!

«Да это еще и мать, можетъ. Мать! Икру... вымечеть! А мы его разрѣжемъ... выпотрошимъ...»

На мгновение мелькнула дикая, изъ до-временныхъ сновъ, картина: баба на кровати, вся въ крови, и выгнутая, какъ играющая рыба, сабля надъ ея могучимъ животомъ.

И отцу то же видѣнье на мигъ примстилось. Оба – одно увидали.

Еѡимъ зажмурился, опять ругнулъ сквозь прокуренные желтые клыки.

Мишка склонился надъ осетромъ, трогалъ дрожащей рукой его радужно блестящія подъ солнцемъ щеки, костяной хребетъ, перегнулся черезъ бортъ, закрыль ладонью глаза, дергалъ плечами. Слезы сами текли. Самъ себя ненавидѣль.

...Жили трудно. Еѡимъ сперва батрачилъ, потомъ самъ разжился скотиной; за коровами и конемъ старательно ходила Софья. Замужъ Софью никто не бралъ, хоть она и ликомъ вышла, и ростомъ, и повадкой. Еѡимъ цѣдилъ: «Заговоренная ты! Сглазь на тебѣ!» – плевалъ въ сторону, крестился, однажды въ церковь сельскую пошлепалъ, скрипя зубами, – ставить свѣчу Софѣ за здравіе и очищеніе отъ всякой порчи и скверны.

Мишка рыбачилъ, рыбу продавалъ на рынкѣ въ Самарѣ. Любилъ скопище людское. Народъ на рынокъ разодѣтый являлся. Рынокъ, церковь, кладбище – вездѣ принарядиться людямъ охота. И любопытствуютъ, и себя выгодно выставляютъ. Мишка стоялъ надъ разложенной на прилавкѣ рыбой, сырой духъ билъ въ ноздри пьянѣе водки.

– Эй, народъ, налетай, рыбку свѣжую хватай!

Рядомъ торговка въ платкѣ съ сѣрыми шерстяными кистями любовно поправляла капустный листъ наверху ведра. Изъ-подъ капустнаго уха мелькало рыжее, золотое.

– Что это у тебя, мать? Маслята?

– Грузди красные, разуй глаза!

Платокъ сползъ бабѣ на затылокъ. Подъ солнцемъ сверкнули неожиданно яркіе, цыпляче-желтые волосы. Мишка глядѣлъ безотрывно.

– Пошто зришь?

– А пондравилась!

– Прямо ужъ такъ?

– Адресочекъ есть?

– Есть, есть, да не про твою честь!

Весело швырялись легкими, пустячными словами. Народъ текъ мимо торговцевъ широкой шумной, пестро-солнечной рѣкой.

Къ Мишкѣ подошла пара. Усатый господинъ крѣпко держалъ спутницу подъ локоть, будто боялся: убѣжить. Женщина держала спину прямо, и груди нахально торчали впередъ двумя островерхими пирамидками. Мужчина брезгливо, двумя пальцами взялъ скользкаго, нагрѣтаго солнцемъ судака за хвостъ, хотѣлъ перевернуть. Судакъ выскользнулъ и свалился на землю, въ пыль.

– Живой? – холодно спросила дама.

– А то! Свѣжачокъ!

Судакъ лежалъ въ пыли, не шевелился.

– Мертвый, – надменно процѣдилъ мужчина. – И глазъ синій. А долженъ быть розовый.

Съ кровью.

Баба съ груздями, поднявъ и склонивъ по-птичьей голову, внимательно слушала.

Дама внезапно наклонилась и подняла съ земли судака. Рыба раскрыла пыльные жабры и слабо шевельнула хвостомъ.

– Купимъ, Мишель! Тяжеленькій! Лина уху сварить. Хочу ухи.

– Уха должна быть изъ осетра!

Господинъ зафыркалъ, какъ котъ.

– Сварганьте тройную, – брякнулъ Мишка и снялъ картузы, какъ въ церкви.

Передъ грудастой дамой – снялъ.

– Платье попачкаешь! – сердито кинулъ господинчикъ.

Мишка рванулъ изъ-подъ корзины грубую бумагу, ловко свернулъ кулекъ.

– А вотъ пожалста!

Женщина медленно опустила въ кулекъ судака. Мишка ловилъ глазами ея глаза и не могъ поймать.

– А стерлядью торгуешь? – ворчливо спросилъ мужчина.

Мишка стоялъ съ кулькомъ въ рукахъ. Рыбій хвостъ сорочимъ перомъ торчалъ.

– Всю ужъ раскупили. Съ ранья я...

– Съ ранья! – скрививъ усатую котячью морду, передразнилъ господинъ. Вытащилъ бумажникъ. Бросилъ на прилавокъ деньгу. – Пойдемъ, Заза!

Женщина наконецъ наткнулась зрачками на зрачки Мишки. Его изнутри опажнуло дикимъ кипяткомъ. Хорошо, что быстро отвела глаза.

Онъ протянулъ кулекъ. Упряталъ деньги за голенище.

– Кушайте на здоровье.

Слѣдилъ, какъ подоль бѣлаго платья мететь пыль.

– А я изъ Дубовой Рощи, – хитро сказала баба и накинула на желтые волосы сѣрый платокъ.

– Такъ ты наша! Буянская. Рядомъ.

– Да, рядышкомъ.

Мишка наклонился, снялъ съ ведра капустный листъ, цапнулъ скрюченными пальцами

верхній груздь, зажеваль.

– Отмѣнный посолъ. Умѣешь. Я тебя въ Дубовой Рошѣ найду.

– Заплутаешь искать!

– Не заплутаю. Солдатка?

– Догадался...

– А я догадливый.

...Тогда же вечеромъ Мишка, какъ на водопой, притекъ въ Дубовую Рошу и бабу разыскалъ. Изба на окраинѣ, три куры лѣниво траву щиплють передъ незатворенной калиткой.

...Баба, пока онъ спалъ, напекла блиновъ на водѣ, изъ грубой сѣрой муки. Добыла изъ буфета банку меда. Марлю развязала. Смазала блины медомъ: масло все на жарку извела. Мишка во снѣ раздувалъ ноздри, чмокалъ, какъ младенецъ. Баба свернула трубочкой блинъ и поднесла къ сонному рту. Мишка ѣлъ блинъ во снѣ, глоталъ, не давился, глаза не открывалъ. Улыбался.

* * *

По веснѣ Мишка посватался къ новобуянской красавицѣ Натальѣ Ереминой.

Самъ не зналъ, какъ это все вышло. И не то чтобы онъ на дѣвку заглядывался. И она на него не косилась. И не танцевалъ онъ съ ней въ широкой, для веселья слаженной, избѣ знахарки Секлетей; и не увязывался за нею на Волгу или на Воложку, плавно, ласково обтекающую кудрявый отъ раки и густыхъ осокой Телячий островъ. Не леживали они близко на желтомъ жаркомъ песочкѣ, не обнимались подъ старымъ вязомъ за околицей. Ни отцу, ни Софѣ Мишка не говорилъ про Наталью ничего. А вотъ однажды утромъ поднялся, вылилъ на себя за сараями, босыми ногами стоя на нестаявшемъ въ тѣни снѣгу, ведро колодезной воды, крѣпко и зло растерся холщовымъ полотенцемъ, нацѣпилъ чистую рубаху, заправилъ подъ ремень въ чистые портки, полушубокъ накинулъ – и, съ мокрыми еще волосами, поперъ по мѣсиву грязной, въ лужахъ, дороги, по распутицѣ, въ домъ къ Ереминымъ.

Еремины богатыми слыли. Павелъ Еёимовичъ держалъ маслобойку и домашнюю мельницу. Батраковъ, правда, не держалъ: семья большая, всѣ работали, даже маленькая Душка скотинѣ корму задавала, а еле вилы поднимала. А малютка Галинка на Волгу полоскать бѣлье ходила: къ корзинѣ веревку привязывала и такъ волокля – по травѣ ли, по снѣгу. Выполощетъ, руки холодомъ водянымъ ей сведетъ, грѣетъ ихъ дыханьемъ. Потомъ опять корзину тяжелую, съ мокрымъ бѣльемъ, тащить въ буянскую гору.

Марёинька стряпала, Сергѣй помогалъ отцу косы точить, Иванъ помоломъ занимался, вмѣстѣ съ Игнатомъ. «Парни съ мельничошкой лучше меня справляются!» – хвастался передъ сельчанами Ереминъ.

Одиннадцать дѣтей, шутка-ли сказать! А Наталья – старшая. Смуглая, какъ татарка. И раскосая. Да Павелъ Еёимычъ самъ раскосый, что тебѣ калмыкъ. Церковный староста; всѣ ему кланяются, когда по улицѣ движется, горделивѣй царя.

Жонку взялъ – воспитанницу помѣщика Ушкова. Польку. Въ православіе крещена Анастасіей. Волосья длинные, русые, завиваются на концахъ. Одного родить – другимъ ужъ беременна. «Ты чего, Павлушка, жонку-то безъ перерыва брюхатишь?.. штобъ на гулянки не хаживала?.. хитерь ты боберъ!» – кричалъ ему черезъ плетень, смоля черную трубку, сосѣдъ Глѣбъ, одноногій старикъ, – ногу въ Болгаріи потерялъ.

Мишка мокрые вихры ладонями пригладилъ. Ежился на мартовскомъ тепломъ и сильнымъ вѣтру.

Осторожно въ дверь постучалъ.

– Эй! Хозяева! Можно?

Донесся стукъ желѣзныхъ площадекъ, духъ грибной похлебки. Заскрипѣла жалобно дверь, отирая руки о передникъ, вышла Настасья.

– Здравствуйте, Настасья Ивановна.

– Здравствуй и тебѣ, Михаилъ. Пожаловалъ съ чѣмъ?

Мишкины скулы налились краснымъ ягоднымъ сокомъ.

– Да я это...

– Вижу, что это. Проходи.

Толкнула маленькимъ кулакомъ дверь. Мишка стащилъ сапоги и мягко, какъ лѣсной котъ, ступая, прошелъ за Настасьей въ залитую солнцемъ залу. На покрытымъ бѣлой скатертью столѣ въ вазѣ стояли вѣтки вербы. Пушистые заячьи хвосты цвѣтовъ усыпаны золотой пылью.

Мишка стоялъ передъ Настасьей босой, смѣшной. Самъ себя ненавидѣлъ.

– Я это, свататься пришелъ.

– Одинъ пришелъ?

– А что, не одному надо?

Еле видно улыбнулась Настасья.

– Къ кому присватываешься? У меня всѣ дочки махоньки.

– Не всѣ. Наталья – на выданье.

– А, вонъ ты мѣтишь куда.

Медленно повернула голову къ косорылому, подслѣповатому окну, будто высматривала на дворѣ кого. Мишка невольно залюбовался гордой шеей, тяжелымъ русымъ пучкомъ, оттягивавшимъ затылокъ женщины книзу: дома ходила съ непокрытой головой. «Бѣленькая, а дѣтки всѣ смуглявые получились. Ереминскія кровя пересилили, азиатскія».

Стояль, переминался. Ждать.

Настасья отвѣчать не торопилась.

Наконецъ обернулась.

– Приходи попозже, покалякаемъ.

– Это какъ попозже? – обозлился. – Черезъ два дни, черезъ годокъ?

– Яковъ за Рахилю семь лѣтъ работаль и еще семь, – сурово изронила Настасья.

Мишка глядѣль на недвижные, лежащіе снулыми мальками поверхъ вышитаго фартука пальцы. «Ручонки красивыя, какъ у барыньки, а изработанныя».

Пальцы дрогнули, стали мять и дергать нити вышивки.

Крикнула въ пріоткрытую дверь:

– Наташка!

Молчаніе. Потомъ послышался топотъ по половицамъ босыхъ ногъ. Влетѣла Наталья, ступни изъ-подъ юбки загорѣлыя, на смуглыя румяныя скулы съ висковъ кудри жгучія, вороньи, свисаютъ, крутятся въ кольца. Глаза летятъ бѣшенными шмелями впереди лица. Увидѣвъ Мишку, вмигъ присмирѣла. Воззрившись на мать. Стояла, губы кусала.

Настасья повела подбородкомъ къ плечу.

– Свагается къ тебѣ, видишь-ли.

Наталья глаза въ полъ опустила. Внимательно половицу разглядывала.

Мишка ощущалъ, какъ время, уплотнившись и отяжелѣвъ, больно стучить ему по оглошшимъ ушамъ.

– Эхе-хе, птенцы. Что молчите? – вздохнула мать. – Никто изъ васъ не готовъ. Наташка юна, да и ты цыпленокъ. Еще поднаберитесь жизни. Ума-разума наберитесь. Тогда и домъ можно заводить. И дѣтей. А кто вы теперя? Сами дѣти!

Сердито махнула рукой. Наталья вскинула на Мишку глаза. Онъ шагнулъ назадъ, будто босой ступней на угли наступилъ. Помолчалъ, еще потоптался медвѣдемъ, ниже, еще ниже голову повѣсилъ, вотъ-вотъ шея переломится. И повернулся, и пошелъ прочь, не поклонился даже.

По двору шагаль – Наталья догнала. По плечу легонько ребромъ ладони стукнула.

Онъ сначала останавливаться не хотѣль, смутился и разозлился. До калитки дошелъ, тогда обернулся. Наталья стояла поодаль. Не догоняла его. Онъ самъ, вразвалку, подошелъ. Сапоги глубоко уходили въ грязь, въ колотый ледъ.

– И что?

– А ты что?

Вразъ засмѣялись. «И вѣрно, дѣти мы еще».

Мишка, будто бабочку ловиль, нашель руку Натальи, крѣпко сжалъ. Она руку грубо выдернула.

– Больно!

– И мнѣ больно.

– Ой, отчего?

– Влюбился я въ тебя.

– Ой ли! Гдѣ это ты успѣль? Я на гулянки къ Секлетеѣ не хожу!

– Ты себя на селѣ не запрячешь.

Наталья дула на руку, какъ на обожженную.

– Охота была прятать!

– И отъ меня не укроешься. Точно тебѣ говорю.

– Ишь, храбрець. Среди овецъ!

У Мишки пересохли губы. Босыя ноги Натальи плыли въ грязи, двѣ смуглыя лодки.

– Я тебѣ... хочу...

– Ну, что?

– Ноги вымыть... въ тазу... какъ Господь ученикамъ...

Наталья хохотнула. Вѣтеръ отдуль ей вороную прядь и приклеилъ къ губамъ.

– Ты не Христось, и я не твоя ученица!

– Будеть время, всему научу.

– Нахаль, ишь!

Но не расходились. Такъ и стояли у калитки.

Настасья глядѣла на нихъ въ окно. Мишка еле различалъ въ косомъ квадратѣ немытаго съ зимы стекла: бѣлые разводы, легкія цвѣтныя пятна, движенье, будто сосульки подь солнцемъ съ крыши капають, плачутъ. Ни глазъ, ни волосъ, одно вспыхиванье. Наталья покосилась на окно, вздохнула.

– Иди уже, Минька. Тебѣ еще гулять треба!

– А тебѣ?

– А на мнѣ хозяйство.

Опять ея руку поймалъ, и она не отняла.

– Вмѣстѣ будемъ хозяйство ладить.

– Ой! Напугаль! Да у тебя и своего-то дома нѣтъ! Въ отцовомъ живешь!

– Срублю. Недолго.

Теплая рука, теплое смуглое Натальино лицо рядомъ. Скулы широкия, глаза узкіе.

Мишка лицо приблизилъ.

– Калмычка...

– Что мелешь. Русскіе мы. Еремины, по прозванью Балясины.

Мишка внезапно сделалъ шагъ въ сторону. Подъ стрѣхой стояла кадка, полная талой воды. Схватилъ кадку, легко приподнялъ – и опустилъ рядомъ съ босыми ногами Натальи. Взялъ ея ногу обѣими руками и въ кадку макнулъ. И Наталья не воспротивилась. Стояла покорно и глядѣла, какъ парень ей ногу моетъ.

И другую вымылъ. И залиvisto засмѣялась дѣвушка.

– Такъ я-же щасъ ихъ наново запачкаю!

– Грязни. На здоровье.

«Я сдѣлалъ, что хотѣлъ».

Наталья толкнула ногой кадку. Грязная вода вылилась на землю.

Мишка стоялъ съ мокрыми руками. Обтеръ руки о портки.

Попятился къ калиткѣ. Отворилъ.

Уже за калиткой стоя, обернулся и сухой, наждачной глоткой выдавилъ:

– Я еще тебя въ банешкѣ всю буду купать.

И пошелъ. Наталья вслѣдъ смѣялась.

– Банникъ тебѣ пальцы отломаетъ!

* * *

Жара ближе къ сѣнокосу ударила знатная. Трава, ягоды на глазахъ кукожились и подсыхали. Бабы шутили: въ лѣсахъ вокругъ Барбашиной Поляны дикая малина сама въ варенье превращается, и варить не надо. Софья готовила наряды къ сѣнокосу: бѣлый платокъ, бѣлую, съ красной строчкой по подолу, холщовую юбку.

– Минька! Я тебѣ рубаху нагладила.

– Спасибочки! Какъ въ господскомъ дому. Я прямо бариномъ гляну!

Глядѣлся въ зеркало съ отломаннымъ углышкомъ. Самъ себѣ не нравился.

«Глаза у тебя, парень, просятъ пить-гулять. А рожа скучная. И правда, жениться надо».

Метнулъ косою взглядъ на Софью.

«И эта въ дѣвкахъ засидѣлась. Вѣчная монашенка».

Софья стояла съ чистой глаженной рубахой въ расплетенныхъ рукахъ.

– Минька! Дай надѣть помогу!

Дался покорно, конемъ голову наклонилъ, шею согнулъ. Софья напялила ему на плечи рубаху, поправляла воротъ.

– Косо пошила... неровно лежить...

– Кому меня разглядывать.

Еѣмъ уже стоялъ на порогѣ съ двумя литовками.

Взбросили косы на плечи, пошли, широко шагая. За ними, мелко и быстро перебирая ногами, спѣшила Софья съ маленькой, будто игрушечкой, косенкой. Той смѣшной косенкой траву срѣзала Софья быстро и ловко, мгновенно выкашивая лужайку или зеленую ложбину на угорѣ. Бабы сноровкѣ ея люто завидовали.

Сельчане уже трудились во-всю. Угорь надъ Волгой былъ весь усѣянъ бѣлыми, алыми, розовыми, синими, небесными рубахами, юбками, поневами, сарафанами: бабы и мужики дружно поднимали косы, остро и быстро двигали ими надъ шелестящей травой, вонзали въ самую травную, мощную гущу. За блескомъ лезвий трава ложилась покорно, обреченно. Выкосъ все росъ, расширялся, угорь постепенно обнажался, а дѣвки шли за косцами съ граблями и сгребали накошенное въ кучи и стожки. Кто посильнѣе да помускулистѣе – сбиралъ

стожки въ настоящій стогъ, очесываль его граблями и охлопываль.

Еѡимъ и Мишка взбросили литовки. Косы запѣли въ ихъ рукахъ, почти подь корень срѣзая могучую траву.

– Гнѣздо не срѣжь. Тутъ козодои гнѣзда вьютъ.

– Ну и срѣжу? Невелика бѣда.

– А если Господь твое – срѣжетъ?

– У Юва вонь срѣзаль. Да Ювъ Ему опять же молился. И Господь ему – все вернулъ.

Косы пѣли и визжали рѣзко, тонко, длинно.

Еѡимъ криво усмѣхнулся. Потъ текъ по его губѣ.

– Сынокъ-отъ у меня Писаніе, оказывается, читаетъ.

Мишка вскинулъ косу высоко, захватилъ сразу полкруга травы вокругъ себя.

– Да это мнѣ Софья читывала. Я и запомнилъ.

Вжикали косы. Потянуло пьянымъ цвѣточнымъ духомъ. Мишка скосилъ глаза. Никого. Обернулся. Сзади и чуть сбоку, ступая по травѣ осторожно и легко, шла Наталья и рѣзво, быстро косила; справа отъ нея шла Софья, еще поодаль двѣ бабы со двора Уваровыхъ гребли скошенное.

Бабы всѣ были въ лаптяхъ, а Наталья босикомъ.

Косовище въ рукахъ Мишки мгновенно вспотѣло и заскользило.

Молчалъ, сильнѣе сжалъ губы. Дѣлалъ видъ, что ее не замѣтилъ, не видѣлъ.

За бабами, подальше, шелъ Степанъ Липатовъ, косой возилъ, какъ тяжелымъ молотомъ въ кузнѣ. Хлипкій былъ Степанъ, хворалъ вѣчно. Вѣтеръ дунъ – и свалится: съ кашлемъ, съ хрипомъ. Въ жару – въ обморокъ падаль. Вотъ и сейчасъ лобъ, какъ баба, бѣлымъ мокрымъ платкомъ обвязаль, чтобы солнце не ударило.

Шуршала трава. Визжали и плакали косы. Блестѣли подь свирѣпымъ, добѣла раскаленнымъ солнцемъ узкія, какъ стерляди, лезвія. Впередъ, впередъ, не останавливайся, рѣзвый сѣнокось! Еще великъ угоръ, а скосить къ закату надо. А пить-то уже какъ охота, да и ѣсть тоже.

Мишка облизнулъ губу. Больше не глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ косила Наталья.

Она-то его прекрасно видѣла. На траву, на лезвіе не глядѣла, а глядѣла на Мишку, и глаза ее искрили, смѣялись. Софья исподтишка за ними обоими наблюдала. Софѣ по веснѣ ужъ донесли: Минька къ Наташкѣ свататься шасталь. Да все съ весны замолкло. Замерло, а можетъ, и сгасло. Невѣдомо то.

Тянули грабли траву. Переступали въ травѣ босыя ноги. Кто въ лаптяхъ да въ онучахъ, счастливыи босоногихъ былъ: трава щиколотки рѣзала не хуже ножа.

И вдругъ – короткій рѣзкій крикъ. Наталья ажъ присѣла отъ боли на траву.

Мишка первымъ бросился къ ней. Не думалъ, что задразнять, заплетничаютъ. Просто – рванулся.

– Наташка! Что?!

Глядѣла смущенно, глаза прощенья просили.

– Да дура неловкая. Лезвіемъ рѣзанула.

Кровь изъ порѣзанной лодыжки щедро хлестала, поливала траву.

Мишка сорвалъ съ себя рубаху. Рвалъ на куски сильными руками, терзалъ, какъ дикій котъ – утку. Всю на клочки разодраль. Тряпками рану Наташкѣ заткнулъ. Полосами рваной ткани сталъ туго-на-туго перевязывать.

– Ой-ей, ты не шибко крѣпко! Распухнетъ, коли жилу перетянешь.

– Безъ тебя знаю.

Наталья вытягивала ногу по травѣ. Мишка пыхтѣлъ. Бабы сгрудились, стояли надъ ними, цокали языками, ахали.

– Бѣдняжечка Наташечка! Сама себя!

– Такъ вить дѣло недолгое...

– Каждая минутка на счету... а вотъ дѣвка свалилась!

– Я не свалилась, – Наталья голову приподняла, – щасъ все пройдетъ.

Бѣлый платокъ сползъ ей на брови. Черные калмыцкіе глаза горѣли гнѣвно. На себя сердилась.

Мишка завязаль охвостья, ладонь положилъ на Натальино колѣно. Она руку его съ колѣна скинула.

– Спасибо.

– Богъ спасетъ.

– Ступай домой!

– Еще чего. Напрасно.

Тяжело поднялась съ примятой травы. Выстонавъ, косу подхватила. Шагнула впередъ. Еще впередъ. И пошла, пошла, пошла. Засвистѣла коса. Мишка Натальей залюбовался. Под-

шагнуль къ ней и, сам не зная, что творить, положиль руки ей на плечи.

И отдернулъ, какъ отъ огня.

Она продолжала косить, ничего не сказала. Будто слѣпень сѣлъ, посидѣлъ, не укусилъ, улетѣлъ.

...Солнце когда на закатъ перевалило, стали обѣдать. Сѣли въ тѣни телѣгъ. Лошади стояли въ тѣнечкѣ уже наметаннаго большого стога, вздыхали, жевали скошенную траву. Софья разстелила на травѣ два широкихъ полотенца, вынула изъ телѣги мѣшочекъ. Изъ мѣшочка на полотенце вывалились: круглый ситный, круглый ржаной, ножъ, блестявшій не хуже астраханской сельди, а вотъ и рыбка вяленая, каспійская тарань, а вотъ въ банкѣ разварной сазань съ ломтями вареной ярко-желтой икры. Пучки луку зеленого, да въ обвязанномъ платкомъ чугункѣ – вареная прошлогодняя картошка. Первый чеснокъ, зубчики Софьей заботливо почилены. Да въ пузырькѣ изъ-подъ аптечнаго снадобья – крупная сѣрая соль.

У Мишки слонки потекли. Предвкушалъ трапезу.

– Софья! А пить, пить-то взяла ай нѣтъ?

– А то. Забывчива, думаешь?

Встала, наклонилась надъ краемъ телѣги. Изъ-подъ мѣшковъ вытащила четверть. Тамъ булькаль темный квасъ. Софья тяжело вздохнула.

– Нагрѣлся, собака. Какъ ни упрятывала...

Мишка ѣлъ, пилъ. Глаза у него будто на затылкѣ выросли. Хотѣлъ оглянуться на Наталью, да себя поборолъ. Въ тѣни громаднаго осокоря, росшаго на скатѣ угора, стояла телѣга Ереминыхъ. Наталья держала въ обгорѣлыхъ на солнцѣ рукахъ ломоть, крупно откусывала, жадно жевала. Смотрѣла въ затылокъ Мишкѣ.

Мишка утеръ ротъ ладонью, легко всталъ съ земли. Глазами Наталью нашель. Подошелъ, чуть подгибая въ колѣняхъ ноги, пружиня въ шагѣ. Отъ теплой земли, отъ горячей скошенной травы вверхъ поднималось марево. Натальино лицо колыхалось, видимое какъ сквозь кисею.

Присѣлъ рядомъ съ ней, на травѣ сидящей, на колѣни.

Вдругъ Наталья сама ладонь ему на колѣно положила. И руку не снимала.

Ея зубы хлѣбъ во рту мѣсили.

Мишка боялся шевельнуться.

– Ты что? – беззвучно спросиль.

Наталья тихо засмѣялась.

– Рыжий ты, – сквозь смѣхъ выдавила. – Да я еще подумаю.

Даже лобъ у Мишки подъ картузомъ покраснѣлъ.

– Я красный, ты черная, какіе дѣтки получатся? – такъ же шопотомъ, да грубо, прямо въ потное дѣвичье лицо кинуль онъ.

Загорѣлая рука сползла съ Мишкинаго колѣна. Наталья дожевывала хлѣбъ. Проглотила. Крѣпче узель блага платка на затылкѣ завязала. «Будто снѣжная шапка на башкѣ, и не таеть», – бредово думаль Мишка. Мареву завивалось вокругъ нихъ. Пахло раздавленной земляничкой.

Отъ ближняго стожка вѣяль аромать донника.

На мигъ Мишкѣ почудилось: они оба – въ стогу, и онъ цѣлуетъ Наталью безотрывно.

* * *

Снарядили Еремины телѣгу на самарскій рынокъ – мукой да маслицемъ поторговать. Мельничошка и маслобойка работали безъ простоя, наняли Еремины все-таки двухъ батраковъ, семьей не справлялись. Сельчане, видя, что Мишка по Наташкѣ сохнетъ, шутили: «Тебѣ бы, Минька, къ Павлу-то Еоимычу батрачить пойти, вотъ и слюбились бы съ Натальей Павловной».

Ходиль кругами, какъ котъ вокругъ утицы въ камышахъ, и все повторяль: рыжий я, рыжий, рыжий, для нея противный. «Поцѣловать бы хоть разикъ! Глядишь, и попробовала бы, какова любовь-то на вкусъ».

Увидѣль разукрашенную, въ честь путешествія въ Самару, ереминскую телѣгу: съ привязанными къ бокамъ красными и бѣлыми ленточками, съ зелеными березовыми вѣтками, съ вплетенными въ конскую сбрую золочеными кисточками. Побѣжалъ, босой, ступни жнивьѣ кололо. Догналь, запыхавшись. Наталья сидѣла поверхъ мѣшковъ. Она видѣла, какъ онъ бѣжитъ, глядѣла молча, строго.

Догналь. Конь шель медленно, телѣга тряско переваливалась съ боку на бокъ. Младшая сестра Наталья, Душка, щеки въ оспинахъ, обнимала грузный мѣшокъ съ мукой, остро вонзала маленькіе раскосые глазенки въ мрачнаго Мишку. Онъ быстро шель рядомъ съ телѣгой. Ловиль глазами глаза Натальи.

- На рынокъ?
 – А то куда!
 Душка отвѣчала бойко, громко, быстро. Будто собачка лаяла.
 – Меня возьмете? Гляжу, у васъ мужиковъ нѣтъ. А ну нападутъ? Добро отымуть!
 – Есть. Вонъ братанъ спитъ!
 За мѣшками, за крынками съ масломъ и правда кто-то сонный валялся. Сергѣй, младшій братъ.
 – Какой это мужикъ. Кошкѣ на ночь не погрызть.
 Вдругъ Наталья подняла рѣсницы. Мишку будто двѣ черныхъ пчелы ужалили.
 – Прыгай. Поможешь мѣшки сгружать.
 – Да и торговать помогу! Я умѣлый!
 На ходу въ телѣгу запрыгнулъ. Умостился къ Натальѣ поближе.
 Солнце било отвѣсными лучами въ головы и плечи. Наталья пошарила за спиной, вытащила чистое полотенце.
 – На. Затылокъ обвяжи. Напечеть.
 ...На рынкѣ Мишкѣ не пришлось стаскивать наземь мѣшки, банки, жбаны и крынки – торговали прямо съ телѣги. Конь стоялъ послушно, печально. Наталья коню на холку накинула холстину, отъ жары спасала. Масло народъ покупалъ прямо крынками. Ереминское масло на самарскомъ торжищѣ славилось. Мишка исподтишка разглядывалъ Наталью. Развышитая рубаха, крохотные красные камни въ смуглыхъ мочкахъ. Широкия и впрямь калмыцкія скулы. Высокая шея.
 – Шея у тебя башня, – самъ себѣ прошепталъ. Наталья услышала.
 – А у тебя – воротный столбъ!
 Душка торговала мукой. Волосы, руки, грудь уже бѣлые, какъ снѣгомъ замело. Совокъ въ рукѣ, малявка, держитъ неумѣло, муку на ящикъ-прилавокъ то-и-дѣло просыпаетъ.
 А все-жъ народъ громко, во весь голосъ толкуетъ, на Душку косясь:
 – Вонъ, вонъ! Эта рябая! Гляди-ка, ишь, бойкая торговля!
 Наталья рѣжетъ масло, тайкомъ слизываетъ съ широкаго квадратнаго ножа-тесака.
 – Языкъ обрѣжешь.
 Мишка и вправду пугается.
 – Еще чего! Я ловко.
 Сергѣй въ большой кошель деньги собиралъ. Мишка на кошель косился.
 Вдругъ конь странно, безумно мотнулъ головой, дико заржалъ и пошелъ, пошелъ впередъ, ступая безъ разбору, давя копытами чужую снѣдь, разложенную на мѣшковинѣ и холстахъ на жаркой землѣ!
 – Эй! Балуй!
 Мишка напрягся. Раздумывать было некогда. «Сейчасъ разыграетъ, на дыбки встанетъ. Копыта опустить – небось кого передавить! Быстрѣй надо!» И уже не думалъ. Ринулся впередъ. Забѣжалъ впереди обезумѣвшаго коня. Подхватилъ подъ-узды. Конь лягался задними ногами. Оглушительно ржалъ прямо Мишкѣ въ ухо. Мишка кряхтѣлъ, упирался въ землю ногами. Держалъ крѣпко. Вцѣпилъ въ поводья. Конь выпучилъ бѣшенный глазъ, грызъ удила, рвался. Мишка стоялъ и держалъ. Устоялъ. Крынки въ телѣгѣ попадали. Растаявшее на жарѣ масло вытекало изъ-подъ марли. Въ телѣгу прыгнулъ приبلудный котъ, жадно слизывалъ потеки масла и сметаны.
 Наталья подбѣжала къ коню.
 – Гдѣ тебя укусило?.. ты скажи, скажи, Гнѣдышка... гдѣ...
 Шарила по мокрой лоснящейся, шелковой конской шкурѣ руками, ладонями. Пальцами – искала. Кулаки Мишки побѣлѣли, крѣпко сжатые. По губамъ коня текла слюна.
 – Вотъ... ага...
 Наталья чуть присѣла, засунула руку между конской ногой и брюхомъ. Бока раздувались, ребра сквозь гнѣдую шкуру ободами бочонка просвѣчивали.
 – Клещъ какой! Жирный!
 Лицо Натальи сморщилось, она выпростала изъ-подъ конскаго брюха руку. Между ея скрюченныхъ пальцевъ Мишка съ отвращеніемъ увидѣлъ круглый черный раздутый шаръ великанскаго клеща.
 – За животягами не услѣдишь... и вродѣ на ночь въ конюшнѣ чистила его, мыла...
 – Дай раздавлю, – сказала Мишка.
 – Да у тебя-жъ руки заняты. Ты лучше Гнѣдышку держи.
 Конь сопѣлъ, храпѣлъ. Глазъ свѣтился синей сизой сливиной.
 – Ты мнѣ подъ ногу бросай.
 – Уползеть!
 – Пусть попробуетъ.

Наталья кинула клеща на землю. Мишка вдавилъ его босой пяткой въ твердую землю. Нѣжная пыль мукой облѣпила его ступню. Наталья присѣла на корточки.

– Дай гляну, сдохъ ли. Они жесткіе, гады.

Юбку въ пыли пачкала. Мишка оглаживалъ коня по холкѣ.

– Ну да, живой, дрянь!

Сергѣй нашель въ телѣгѣ, въ соломѣ, молотокъ, бросилъ Натальѣ. Она поймала.

Била по клещу, какъ по гвоздю. Мишка размѣлся.

– Все, шабашъ. Въ землю вбила! Какъ зерно, прорастеть!

Наталья разогнулась. Тяжело дышала. Заправляла смоль волосъ подъ платокъ. Душка поднимала въ телѣгѣ упавшія крынки, тряпицей подтирала масляныя и сметанныя лужи. Конь успокоился, ржалъ тихо, благодарно.

– Проголодался? – спросила Мишку Наталья.

Не смотрѣла на него. Только вбокъ и внизъ.

– Есть немного.

– На. Похлебай сметанки.

Вынула изъ телѣги и протянула ему крынку.

– А ложки жъ нѣтъ!

– А ты прямо черезъ край. Мы тутъ не въ трактирѣ.

Мишка взялъ крынку изъ рукъ Натальи, и тутъ она на него посмотрѣла. Будто раскаленной, изъ печи вынутой кочергой полоснуло ему по лицу. Пиль изъ крынки сметану, чуть закисшую на жарѣ, а глазъ отъ глазъ Натальи не отрывалъ.

И она – не отрывала.

...Изъ ереминскаго дома Павла Еѡимыча на лютую войну взяла.

...А когда Мишка на войну ушелъ, биться съ непріателемъ за вѣру, царя и отечество, Наталья недолго въ дѣвкахъ побывала.

Черезъ полгода послѣ Мишкинаго отъѣзда обженили Наталью со Степаномъ Липатовымъ, хлипкимъ да болѣзнымъ, изъ стариннаго казачьяго рода. Издавна жили казаки Липатовы въ Жигуляхъ. И все у нихъ силы рождались, только вотъ одинъ Степанъ – выродокъ: въ груди узкій, въ плечахъ хилый, ножки что спички, то-и-дѣло кашляетъ, самъ сутулится да еще на животь жалуется. Бабки-знахарки его ужъ и всякими отварами поили, и надъ нимъ нашептывали – бесполезно. Такимъ уродился, видать.

А зачѣмъ Наталья согласіе дала? А низачѣмъ. Такъ просто. Одиноко одной. Да и мать передъ иконами, на колѣняхъ, плакала: бобылкой нельзя быть, соломенной невѣстой – нельзя! Гдѣ твой Минька? Богъ вѣсть. И не вернется! Убьютъ его, какъ пить дать. Или уже убили.

Сваты отъ Липатовыхъ пришли, съ хлѣбомъ-солью. Наталья вышла изъ дальнихъ комнатъ, голову смиренно наклонила.

Потомъ, ночью, край кисейной занавѣси себѣ въ ротъ засовывала, грызла – такъ кричать, во весь голосъ ревѣть хотѣла. Да отъ всего семейства стыдно. Себя боролa, руки кусала. Встала съ кровати, молилась всю ночь.

...Въ Буянѣ на водонапорной башнѣ то красный флагъ воздѣвали, то трехцвѣтнѣй. Выстрѣлы сухо хлопали. Когда бѣлые село занимали – разстрѣливали и жгли. Красные захватывали – не лучше отличались. На Ереминыхъ не посягали: у всѣхъ мужчинъ въ семействѣ – ружья охотничьи, у Павла Еѡимыча – турецкая винтовка, нарѣзная тяжеленькая берданка. Стрѣляли всѣ мѣтко. Даже дѣвки. Наталья сама стрѣляла и не разъ на охотѣ въ зайца попадала. Домъ крѣпкій, что тебѣ крѣпость. Ни бѣлые, ни красные его не трогали. Будто замолненный былъ, заговоренный.

Да попросту – боялись.

А Мишка? Что Мишка?

Ушелъ себѣ и ушелъ. Куда ушелъ? Подъ пули.

...Революція пришла, загрызла рыбу-время красной кошкой.

Софью изнасиловали красные. Она послѣ того повѣсилась въ сараѣ на конской уздѣ. Избу Ляминыхъ подожгли, съ четырехъ сторонъ весело, съ трескомъ горѣла, яркимъ пламенемъ, какъ соломенная Кострома на масленицу. Еѡимъ пошелъ на Волгу, сѣлъ въ лодку, отвязалъ ее отъ столба, выплылъ на стрежень, помолился на солнцѣ и кувыркнулся въ воду. А вода-то была ледяная – апрѣль, рѣка вскрылась, крупныя льдины со зловѣщимъ шорохомъ двигались внизъ, къ морю, мелкія грязныя льдинки плыли быстро, какъ пестрые утята, на иной льдинѣ сидѣла собака, морду поднявъ, выла, не хотѣла смерти.

* * *

Они долго ѣхали сюда, ѣхали безъ страха, но съ тоской и тревогой, ѣхали черезъ всю

страну, что еще такъ недавно была ихъ страной, и они владѣли ею, и она была подъ ними, подъ русскими царями, – и ничего, что она, царица, рождена ангалтъ-цербстской нѣмкой, а въ немъ намѣшано и англійской, и нѣмецкой крови – черезъ край прольется; они все равно были русскими, наперекоръ всему, и это была ихъ Россія, – а теперь уже вовсе и не ихъ, – а чья же тогда?

Ничья, можетъ, и ничья. Разбродъ во властяхъ; разбродъ въ умахъ.

И война не закончена. Война идетъ.

Они такъ долго сюда ѣхали, что имъ казалось – они будутъ ѣхать такъ всегда, подъ ними грохотали колеса, шумѣли и вздрагивали пароходныя плицы, подъ ними неслась и разсти- лалась и убѣгала назадъ, за поворотъ, за горизонтъ, земля, и ее они любили, а вотъ любила ли ихъ она?

Теперь на это не было отвѣта.

И сами себя они боялись обмануть.

А когда пріѣхали, прибыли въ Домъ Свободы – и смѣшно такъ прозывался домъ, какъ въ насмѣшку надъ ними, а можетъ, въ укоръ, – забыли, что гдѣ-то грохочутъ пушки и рвутся снаряды, забыли, какъ дѣвочки натягивали на головы платки сестеръ милосердія, чтобы бѣжать въ размѣщенный во дворцѣ госпиталь для тяжелораненыхъ, а Бэби вертѣлся передъ зеркаломъ въ новенькой шинели – ѣхать на фронтъ, въ Ставку, съ отцомъ; забыли, какъ народъ бѣжалъ по улицамъ Петрограда съ плакатами: «ВОЙНА ДО ПОБѢДЫ!», «РАЗГРО- МИМЪ ПРОКЛЯТАГО НѢМЦА!»; забыли, какъ царь блѣдными губами повторялъ передъ народомъ, передъ министрами, передъ семьей, самъ съ собою, наединѣ: «Будемъ вести войну, пока послѣдній врагъ не уйдетъ съ земли нашей». Они все забыли. Память горѣла дикой раной, но они замотали ее плотными лазаретными бинтами.

Они все забыли, и войну, и эту пошлую, звѣрю революцію; ихъ землю выбили у нихъ изъ-подъ ногъ, какъ табуретъ, и они закачались на вѣтру, – еще не повѣшенные, но уже летящіе.

А другъ другу улыбались. Сами себѣ – въ забвеніи своемъ – боялись признаться. Сами себя хвалили, сами себя ругали. А если хвала и ругань доносились извнѣ – старались не слышать.

Николай садился напротивъ жены, ласково улыбался ей, бралъ ее за руки и шепталъ: Аликсъ, ты сегодня превосходно выглядишь, ты такая у меня красивая, я ослѣпну отъ твоей красоты.

Она не вѣрила, а дѣлала видъ, что вѣрила. Чтобы ему сдѣлать пріятное.

Спасибо, родной, вотъ я и весела.

Она ему что-то доброе, милое быстро, оживленно говорила въ отвѣтъ, заговаривала ему зубы, чтобы онъ не вспомнилъ, не понялъ, что они живутъ взаперти, что дворца больше нѣтъ, а есть суровый, бѣдный пустой домъ, гдѣ они одни – подъ присмотромъ грязныхъ красныхъ солдатъ; лепетала, улещивала, усовѣщивала, совѣтовала, ласкала, – развлекала, а онъ вдругъ сильнѣй сжималъ ея старыя, уже морщинистыя руки, и она испуганно слушала его голосъ, каждый малый звукъ въ немъ, каждый хрипъ: «Знаешь, я не чувствую время. Я пересталъ его ощущать. Аликсъ, мнѣ кажется, никакого времени нѣтъ. Нѣтъ и не было. Я отрываю отъ календаря листки и удивляюсь: на нихъ оттиснуты какія-то числа, какія-то цифры. Я гляжу на нихъ и не понимаю, что это такое. Тысяча девятьсотъ восемнадцать, пятнадцать, двадцать три, девять, тридцать, одиннадцать. Какое-то лото, барабанныя палочки. Барабанныя палочки, слышишь! Я ничего не понимаю. Время исчезло. Вотъ ты мнѣ скажи, ты, только ты, – оно есть или его уже нѣтъ?»

Царица, сжимая его руки, глядѣла на него круглыми отъ ужаса глазами. А голосъ дѣлалъ сладкій, нѣжнѣйшій. «Да, милый, да. Оно есть. Оно намъ подарено Богомъ. Чтобы мы совсѣмъ не заблудились, не потерялись. Чтобы мы не лишились разума и...»

Жена замолкала, и онъ обезпечно самъ теперь жалъ, тискалъ ея руки, спрашивалъ хрипло, тревожно: и чего? Чего? И – чего?

И тогда царица долгимъ взглядомъ проникала въ него, и ея безумные зрачки, водяныя, рѣчныя радужки проходили сквозь него, насквозь, и выходили наружу, какъ пули, навывлетъ. «И любви», – говорила она еле слышно.

...а когда ложились спать, холодъ наваливался на нихъ и обнималъ ихъ, подъ толстымъ жуткимъ одѣяломъ холода они все крѣпче обнимали другъ друга, и царь шепталъ женѣ на ухо, подъ сѣдую печальную прядь: знаешь, если мы тутъ всѣ выживемъ, если живы останемся, если – выйдемъ на свободу, то, пожалуйста, не спорь со мной, я такъ рѣшилъ, я это на самомъ дѣлѣ давно рѣшилъ, только тебѣ не говорилъ, да что тамъ, ты и такъ все сама знаешь, я – стану – патриархомъ.

Жена ахала и клала ему обѣ ладони на горячій лобъ, а онъ тихо смѣялся и бормоталъ:

охлаждай, охлаждай меня холодненькими ручками своими, я весь горю, я вотъ думаю – я для этого дѣла на землѣ и назначень, что я всѣ эти годы дѣлалъ на тронѣ, ума не приложу, я же просто священникъ, я – для церкви, я всю жизнь мечталъ объ этомъ, и здѣсь, въ этой сибирской лютой зимѣ, сижу и мечтаю, лежу и мечтаю, и думаю, что это было бы самымъ правильнымъ, наиболѣе вѣрнымъ для меня, да что тамъ – для меня: для всѣхъ! Для всѣхъ насъ! Знаешь, я чувствую, что это мой путь! Золотомъ, золотомъ свѣтится онъ. Горнимъ золотомъ, милая. И мнѣ стыдно, что я... слишкомъ мягкій для войны, хоть я и хорошо умѣлъ воевать, слишкомъ мягкій для моего народа, для васъ всѣхъ, семьи моей. Я иногда чувствую: я стою будто въ свѣтѣ. И онъ такъ мягко, мягко обнимаетъ меня. И мнѣ тогда такъ стыдно, стыдно! И я такъ плачу тогда! Но ты, ты не видишь. Я боюсь тебя разстроить. Я плачу одинъ. Ты прости меня за это, пожалуйста, прости.

...и жена бормотала, сумасшедшая, растрепанная, глядя несчастными глазами, счастливо плача, теперь уже въ жесткое горячее ухо ему: мнѣ не за что тебя прощать, ты для меня святѣе святого, и, если бы ты уже былъ – патриархъ, я бы первая попросила у тебя благословенья.

* * *

– Эй! Ляминь! А ты слыхалъ таково имя – Троицкай?

Михаилъ медленно, старательно раскуривалъ самокрутку.

Раскуриль, тогда поднялъ глаза на кричащаго.

Лешка Уховертъ стоялъ недалеко, поодаль, потому и оралъ.

Лешка страшной жестокостью отличался, а еще силенъ былъ, какъ три быка: ему въ лапы не попади – раздавить, и только кости хрустнуть. Иные въ отрядѣ съ нимъ пробовали бороться. Выходило себѣ дороже.

– Нѣтъ! Не слыхалъ!

– Глухой ты! Ищо услышишь!

– А ты – слыхалъ?!

Перекрикивались, какъ на пожарѣ. Михаилъ косился на ноги Уховерта: безъ сапогъ, а портянками обмотанныя.

– Я – да!

– И чо?

– Да одинъ такой! Мнѣ Куряшкинъ говорилъ: въ Москвѣ, гритъ, власть у йо щась большая!

– Важнѣй Ленина или какъ?

– Да кто жъ его знать! Можеть, и важнѣй! Тамъ ихъ, героевъ-то да вождей, самъ чортъ разбереть!

– Зачѣмъ же ты мнѣ – про него – баешь?!

Уховертъ, перетекая мощнымъ тѣломъ съ боку на бокъ, подплылъ по солнечному хрусткому снѣжку къ Михаилу. До ноздрей Лямина донесся водочный духъ.

– А затѣмъ, – Лешка наклонился, и сильнѣй, острѣй запахло спиртомъ, – что будь готовъ, солдатъ, ко всему.

Говорили тише.

– Къ чему это?

– А къ перемѣнѣ.

– Чего?

– Власти. Власти, дурень, чего-чего!

Совсѣмъ тихими стали рѣчи. Дымъ окуривалъ наклоненную голову Лямина.

– Будто ты про власть много чего знаешь.

– Да ужъ не менѣ тебя.

– Менѣ, болѣ. Болтунъ.

– Щась, болтунъ. Изъ Питера намедни братъ Колосова Игнатки вернулся. Розказни рассказывалъ.

– А ты слыхалъ?

– Если бъ не слыхалъ, не калякалъ бы.

– И что слыхалъ?

– Тамъ во дворцѣ одномъ всѣ наши владыки собрались. Подъ началомъ Ленина, понятно. И думу думали. Колосовъ Никитка, Игнаткинъ братъ, тамъ былъ и все запомнилъ. Все.

– Что – все-то? Кончай загадками брехать.

– Я не брешу. Скоро насъ отсюда, изъ Тобольска, вмѣстѣ съ нашими царями, выродками, погонять.

– Куда погонять?

– Въ друго мѣсто. Никитка говоритъ – на Уралъ.
 – Чо мы на Уралъ-то забыли?
 – Да не мы забыли.
 – Уралъ великъ.
 – Екатеринбургъ имѣю въ виду. Тамъ, Игнатка разузналъ, у власти одинъ ушлый мужикъ. Исайка Голощекинъ.
 – Изъ бѣдняковъ?
 Михаилъ затягивался глубоко, вдыхалъ дымъ и носомъ, и ртомъ, чтобы глубже прошелъ, опьянилъ, насытилъ усталое тѣло обманомъ краткаго отдыха.
 – Изъ самыхъ что ни на есть.
 – Это хорошо. Нашъ, значить.
 – Значитца, да.
 – Да команды никакой вѣдь не было къ отъѣзду.
 – Это понятно. Да все къ этому идетъ. Никитка вратъ не будетъ.
 – А что, Никитка допущень былъ къ высокимъ разговорамъ? Простой красноармеецъ?
 Окурокъ тлѣлъ, дотлѣвалъ въ согнутыхъ, сцѣпленныхъ грязнымъ заскорузлымъ кольцомъ пальцахъ.
 – Простой! – Уховертъ хохотнулъ. – Мы нынче всѣ не простые. Нынче – власть народа. Смекай, значитца, чья власть? На-а-аша. То-то же. Щась всякій-каждый – до верховъ долѣтъ можетъ. И съ самимъ Ленинымъ балакатъ. Никитка – балакалъ.
 – Не вѣрю!
 Насмѣшка изогнула табачныя губы Лямина.
 – А я – вѣрю. Толку что не вѣрить?
 – Ладно, – мирно сказалъ Ляминъ. – Къ свѣдѣнію принялъ. И что это означаетъ?
 – Какъ – что?
 Уховертъ, не мигая, глядѣлъ въ заросшее щетиной лицо Лямина.
 – Мы можемъ ужесточить режимъ охраны?
 – А-а, вотъ ты о чемъ, – Лешка плечами пожалъ. – Хочешь, и ужесточай. Веселись въ свое удовольствие. Надо же имъ отомстить, негодяямъ.
 «Гляди-жь ты, какъ всѣмъ намъ они насолили».
 Вспомнилъ, какъ царицу въ газетахъ рисовали отвратной проституткой, чернобородаго Распутина рядомъ съ ней – грознымъ остроклювымъ коршуномъ, только безъ портокъ, а царя – съ длинными хищными зубами, и кровь съ клыковъ на мундиръ каплетъ.
 Кровавые! Изверги!
 «Вмѣсто того, чтобы ихъ пустить въ расходъ гдѣ-нибудь въ проходномъ дворѣ, – мы тутъ ихъ бережемъ, стережемъ. Сметанкой кормимъ, яйцами. Свѣжій хлѣбъ на рынкѣ повара покупають, да чтобы колачи еще теплые были».
 Дрогнулъ спиной. Свелъ лопатки.
 «Надо что-то рѣзкое, злобное сказать. А то подумаетъ: я тряпка, тютя. Или что я съ царями въ сговорѣ».
 – И то правда. Спасибо, надоумилъ.

* * *

Ихъ было трое, и всѣ уже подъ хмелькомъ.
 Какъ Михаилъ затесался межъ нихъ, онъ толкомъ не помнилъ.
 Сначала комиссаръ отпустилъ погулять: вродѣ какъ вознаградилъ. «Кумекаетъ, паря, што мужикамъ тожа надоть отдыхнуть!» Чей голосъ выпалилъ это Лямину въ самое ухо? Онъ даже не обернулся – какъ шель по темной улицѣ, такъ и шель. Чуть впереди этихъ троихъ.
 Куда шли? Въ Tobольскѣ не загуляешь съ размахомъ, это тебѣ не Москва, не Питеръ. И даже не Самара. «Ой, Самара-городокъ, безпокойная я...» – сами вылѣпили губы. Помялъ пальцемъ верхнюю губу: простыль намедни, тамъ, гдѣ усы пробивались жесткой грубой щетиной, выскочилъ крупный, съ ягоду черники, чирей.
 Однако шли гулять, это онъ хорошо помнилъ.
 – Безпокойная... я... успокой... ты...
 Фонарь висѣлъ надъ головой переспѣлымъ желтымъ яблокомъ.
 – Меня...
 Когда шли по улицѣ Туляцкой – навстрѣчу трое.
 «Ихъ трое, да насъ же четверо, отобьемся, если что».
 Шаги срѣзали разстоянье. Подошли ближе. Вотъ уже очень близко. Офицерскіе погоны.
 – Бѣляки, – плюнулъ вбокъ Андрусевичъ, и слюна на усѣ осѣла, – вотъ тебѣ нумерь...

Мерзляковъ подобрался, подъ разстегнутой курткой – Ляминъ увидѣль – подтянулъ ко хребту животь. Готовился.

– Ненавижу, – тускло сказалъ Андрусевичъ. Глубже надвинулъ на глаза кепку.

– Я лютѣй ненавижу, – бросилъ Люкинъ. И визгъ кинулъ въ ночной холодный, черный воздухъ: – Ненавижу-у-у-у!

Офицеры встали.

«Откуда? Съ какого припеку? Кто завезъ? Сами приѣхали? Братъ. Разстрѣлять на мѣстѣ?»

Мысли ошалѣло бились другъ объ дружку.

Ляминъ видѣль, какъ руки, пальцы офицеровъ Бѣлой Гвардіи ищутъ застежки кобуры. Люкинъ уже держалъ наганъ наизготовѣ. Быстрѣй всѣхъ успѣль.

«Сейчасъ бахнетъ, и наповаль!».

– Стой! Они расскажутъ!

Что расскажутъ, и самъ не зналь.

Андрусевичъ закусилъ желтый усъ подковкой нижнихъ зубовъ. Офицеръ, что ближе всѣхъ стояль, медленно подняль руки. Двое другихъ вцѣпились въ кобуры, но ужъ понятно было – опоздали.

Сашка шагнулъ впередъ. Его лицо подъ заиндивѣлой ушанкой стянула, какъ на морозѣ, будто застылая, изо льда, выморочная, дикая ухмылка.

– Чей моторъ?!

Ляминъ забѣгалъ глазами. Изъ-за угла высовывался задъ громоздкаго авто.

– Мой, – бѣлыми губами нащупаль слово самый молодой, самый блѣдный.

«Молодецъ, углядѣль. Люкинъ теперь тутъ командиръ?»

Взбросилъ глаза на Мерзлякова. Мерзлякова всегда слушались. Но, видать, теперь бѣшеный Люкинъ тутъ заправила.

Отъ оскала Люкина плыль духъ хорошаго табака.

«Сволочь, гдѣ-то вѣдь укралъ пачку отмѣненныхъ папиросъ, а можетъ, и сигары слямзилъ. И ховаеть. Товарищамъ – шишь».

– Садись въ авто! Поѣдемъ!

Ближній офицеръ безумными глазами спросилъ: куда?

– Я моторъ поведу, – Мерзляковъ выступилъ впередъ. Постояль немного и, длинная живая слега, пошелъ прямо къ черному, какъ мертвый жукъ-плавунецъ, авто.

«Желѣзный сундукъ. Вмѣстительный хоть, а всѣ не уберемся».

Убрались. Мерзляковъ вель, Ляминъ рядомъ сидѣль, а худой Андрусевичъ потѣсниль троихъ, утрамбоваль ихъ на заднемъ сиденьѣ. На всякій случай стволь револьвера въ уху врагу всунулъ. Люкинъ на колѣни офицеру нагло, потѣшно усѣлся.

– Вотъ какъ мы, эхъ, съ вѣтеркомъ, терпите, дряни!

– А куда ѣдемъ, товарищъ? – спросилъ Михаилъ.

Очень хотѣлось курить. А еще – спать.

«Какъ тамъ наши цари-господа? Вотъ они ужъ точно спятъ. Спать, помолясь! А мы мотаемся. Ночь, городъ, вотъ плѣнныхъ взяли. И кой чортъ ихъ въ Тобольскъ занесъ?»

– Оружіе сдать! Быстро!

– Кому сдать?

Опять молодой голосъ подалъ. И старался, чтобъ не дрожалъ.

– Да мнѣ же! – Сашка трясся въ мелкомъ хохотѣ. Наганъ въ его рукѣ трясся тоже. – Живо!

Авто подпрыгивало на стылыхъ ухабахъ. Офицеры разстегивали кобуры и клали на полъ авто, подъ Сашкины сапоги, пистолеты и револьверы. Руки Мерзлякова крѣпче вцѣпились въ руль, посинѣли.

– Эй, Сашка, слышь... – Ляминъ въ одночасье охрипъ, будто колодезной воды наглотался. – А чо съ ними дѣлать-то будемъ?

– А ничо, – весело и нагло отвѣтилъ Люкинъ. – Гляди вотъ, чо.

Сидя на колѣняхъ у стараго офицера, съ морщинами у рта, съ мѣшками подъ глазами, якобы неловко повернулъ торсъ и вѣхаль локтемъ въ глазъ старику. Тотъ охнулъ. Глазъ быстро заплываль лиловой темной кровью.

– Эй, отребье бѣлое! Слухай сюда. Намъ деньги нужны! Поняли – деньги! Вы намъ – выкупъ за себя достанете! Раздобудете три тыщи рублей – живы будете, отпустимъ! Не найдете – разстрѣляемъ къ едренѣ матери! Всѣ слышали?! Всѣ?!

Офицеры молчали. Авто тряхануло крѣпко. Сашка развернулъ и уже осознанно, зло засадилъ старику въ скулу, съ ближняго размаху.

– Не слышу! Всѣ – слышали?!

Старый офицеръ утеръ кровь со рта. Она опять сочилась, текла изъ-подъ губы внизъ, по гладко выбритому подбородку.

– Всѣ. Слышали.

– Куда ъдемъ?

Молодой дрожалъ весь. Дрожалъ ротъ, дрожали бѣлесыя брови, дрожали пальцы, даже уши, какъ у связаннаго звѣря, дрожали.

– Къ вдовѣ Исадовой.

– Это гдѣ?

– На Покровской, ближе къ Тоболу. Сейчасъ направо чуть забрать!

...Мерзляковъ подрулилъ къ дому Лидіи Исадовой. Офицеры шли впереди, подъ прицѣломъ Сашкинаго нагана; они всѣ – сзади. Ляминъ въ темнотѣ не видѣлъ мраморныхъ ступеней лѣстницы. Античныхъ статуй, побитыхъ пулями.

– Богато живеть твоя вдовушка! – Сашка двинулъ промежъ лопатокъ молодого. – Твоя любовница?

Молодой обернулся. Такого лица Ляминъ не видалъ еще за всю революцію и всю войну – ни у людей, ни у звѣрей, ни на картинкахъ, ни въ синематографѣ. Такого чернаго, дикаго лица.

– Моя мать.

– Фью-у-у-у, – присвистнулъ Сашка и стволомъ нагана сдвинулъ ушанку набекрень, – неожиданный поворотъ событій, и милъ пардону я прошу!

– Это я васъ прошу. Можно, я къ матери зайду одинъ? Безъ васъ.

– Васъ, насъ! Уѣхалъ въ Арзамасъ! – заоралъ Люкинъ, играя наганомъ. – А я на мамашу посмотришь желаю! Ступай всѣ, ребята!

Молодой дернулъ за веревку звонка, да они ждать не стали: Андрусевичъ налегъ всѣмъ тѣломъ, Люкинъ ногой выбилъ дверь. Она съ грохотомъ и лязгомъ упала въ корридоръ. За упавшей внутрь дверью стояла женщина со снѣжными косами корзиночкой вокругъ головы, съ такимъ же мелко дрожащимъ, какъ у молодого офицера, лицомъ. На морщинистой шеѣ свѣтилась низка бусъ изъ рѣчныхъ жемчужовъ.

– Вольдемаръ... Кто эти люди?

– Мама. Ты только не волнуйся. Съ нами все будетъ хорошо. Ты только... У тебя тысяча рублей – есть?

Пока молодой говорилъ, сѣдовласая женщина становилась бѣлая лицомъ, какъ ея метельные волосы.

– Вольдемаръ... Откуда... Когда папу разстрѣляли, я всѣ деньги... отправила въ Харьковъ, тетѣ Дашѣ... ты же знаешь... помнишь...

– Я не помню!

Крикъ раздвинулъ стѣны корридора. Гдѣ-то далеко зазвенѣли часы. Ляминъ считалъ удары.

«Одиннадцать. Скоро полночь. Почему я не въ Домѣ, со спящими царями? Не съ ней рядомъ?»

Подумалъ о Маріи и увидѣлъ ее. Постель; и она спить. Волосы на подушкѣ. Рука сжата въ кулакъ. Все глубже сонъ, и кулакъ разжимается.

...а о Пашкѣ даже и не вспомнилъ.

– Сыночекъ мой...

– Мама! Посмотри, пожалуйста! Въ шкатулкѣ! Сколько есть! Все отдай!

Молодому очень хотѣлось жить.

Бѣлокосая старуха исчезла. Солдаты ждали. И офицеры ждали. Старуха вышла, въ рукахъ – купюры. Протянула Люкину, а взяла Мерзляковъ. Не сталъ считать, сразу въ карманъ куртки засунуль. Угрюмое лицо чуть подовольнѣло.

– Негусто, – выдохнулъ Сашка.

– Ужъ сколько есть, – бормотнулъ Андрусевичъ.

– Скольки ни есть – всѣ наши! – выкрикнулъ Сашка.

Старуха стояла навытяжку, какъ въ строю. Безотрывно глядѣла на молодого офицера.

– Оставьте мнѣ его, – беззвучно сказала, чуть тронувъ чернокожаный рукавъ Мерзлякова.

– Что выдумала, – весело подкинулъ и поймалъ обѣими руками, какъ младенца, наганъ Люкинъ, – онъ плѣнный! Законъ военнаго времени знаешь?

Старуха повернулась къ нимъ ко всѣмъ спиной. И пошла по коридору. И открыла дверь. И за нею исчезла.

Молодой офицеръ стеклянными глазами смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Онъ видѣлъ ее и за закрытой дверью.

...Они стучали въ разныя двери. Стучали – уже не выбивали. Ждали. Открывали испуганные люди. Кто всклокоченный, съ постели прыгъ. Кто не спамши, при полномъ парадѣ, – и въ разныя одеждахъ: кто во фракѣ, кто въ потрепанномъ халатишкѣ, кто въ рясѣ, кто въ салопѣ, кто въ фартукѣ, только изъ-за плиты. Кто въ залатанныхъ отрепьяхъ; кто въ бывшихъ

бархатахъ и плисахъ. Кто въ строгомъ пенснэ. Кто въ смѣшномъ, съ лопастьями и кружевами, чепчикъ. Они объѣзжали всѣхъ родныхъ, друзей и знакомыхъ арестованной троицы, и всѣ давали имъ деньги. Видѣли страшныя, уже будто мертвыя, лица трехъ офицеровъ – и давали. Кто сколько можетъ. Много. Немного. Карманы куртки Мерзлякова непомѣрно раздулись. Люкинъ потиралъ ладони. Андрусевичъ свистѣлъ сквозъ зубы модную пѣсенку:

*Цыпленокъ жареный,
Цыпленокъ пареный
Пошелъ по улицамъ гулять!
Его поймали,
Арестовали,
Велѣли паспортъ показать!*

*Я не кадетскій,
Я не советскій,
Я не народный комиссаръ!
Я не разстрѣливалъ,
Я не допрашивалъ,
Я только зернышки клевалъ!*

И лишь Ляминъ молчалъ. Молчалъ и изрѣдка оглядывалъ офицеровъ.

Они едва не валились съ ногъ. Имъ хотѣлось или спать, или скорѣй умереть.

...Вышли изъ очередного параднаго. Тяжелая дверь едва не наподдала Лямину по заду. Еле отпрыгнулъ. Офицеры шли, подъ прицѣломъ, впереди. Михаилъ замыкалъ шествіе.

– Чорта ли лысаго, – раздраженно выдавилъ Люкинъ, – усталъ! И всѣ устали. А не развлечься ли намъ наконецъ? Мы жъ – развлекаться пошли!

– Развлеклись, – Мерзляковъ похлопалъ себя по отдутымъ карманамъ.

– И то. Спасибо этому дому, рванемъ къ другому!

– А къ какому?

Такъ же кучно, тѣсно завалились въ авто. Разсаживались, кряхтѣли. Молодой офицеръ смотрѣлъ въ окно, плакалъ.

...Мерзляковъ сперва поколесилъ немного по ночнымъ улицамъ, потомъ свернулъ и покотился по Лазаретной на окраину. Лужи, схваченныя слюдой ледка, хрупали подъ тугими колесами. Офицеры молчали, и они молчали. А что было говорить?

«Смерть чуютъ. Наша взяла».

Затормозилъ у кроваво-красной вывѣски: «ДОМЪ ЯБЛОНСКОЙ».

– Ага, – хохотнулъ Люкинъ и бросилъ вверхъ и поймалъ нагань. – Зналъ, куда прикатить! Покутимъ, ребята! – оглядѣлъ офицеровъ. Плюнулъ въ нихъ глазами. – Напослѣдокъ.

Вошли. Пелена дыма. На диванахъ – мужчины, женщины. Задранныя на мятыя брючины голыя бѣлыя женскія бедра, винныя бутылки на столахъ и подоконникахъ. Мерзляковъ заказалъ водки. Принесли водку. Поставили передъ солдатами. Усѣлись: кто въ кресла, кто на кривонogie стулья. Офицеры стояли. Ляминъ спиной чувствовалъ ихъ смятеніе.

...Внезапно все стало ровнымъ, сѣрымъ, гладкимъ, – равнодушнымъ. Равнодушно онъ думалъ о заловленныхъ, какъ сомы въ мережу, офицерахъ. Зачѣмъ они имъ? Доказать, что они умѣлые рыбаки? Или – поглумиться, помучить, замучить до смерти, ихъ страхомъ наслаждаясь?

... – Пей, солдаты революціи! – Сашка Люкинъ разлилъ водку по стаканамъ. Въ одной рукѣ бутылка, въ другой нагань. Офиціантъ, горбясь хуже старика, на подносѣ притащилъ закуску: красную рыбу на битыхъ, трещиноватыхъ блюдахъ – семгу, севрюгу, – и какіе-то странныя дрожашіе, какъ студень, куски. «Съ плавниками, тоже, видать, рыбаца. Ужъ больно жирна».

Андрусевичъ вцѣпилъ въ кусокъ жирнаго чира и отправилъ его подъ жадныя усы. Пока несъ ко рту – кусъ мелко трясся, будто насмерть напуганный.

Люкинъ такъ и пилъ, и ѣлъ – съ наганомъ въ кулакѣ. Стволъ искалъ груди, лица, лбы офицеровъ. Они понимали: побѣги они – Люкинъ не сморгнетъ, выстрѣлитъ. Ляминъ шарилъ глазами по пышнымъ грудямъ, торчащимъ изъ грязныхъ кружевъ, по толстымъ и тонкимъ ногамъ, – то въ чулкахъ и подвязкахъ, то безстыдно-нагія, онѣ высывывались изъ-подъ юбокъ, и длинныхъ, по старинкѣ, и короткихъ, по послѣдней парижской модѣ.

Мерзляковъ опрокидывалъ рюмки, одну за другой. Одинъ усидѣлъ бутылку; и еще закалзъ. Сашка подмигнулъ, кукольно раззявилъ ротъ.

– А рыбка-отъ у нихъ ничо! Пойдетъ!

Мерзляковъ открывалъ новую бутылку. Разсматривалъ этикетку.

– А интересно, другія живыя рыбки у нихъ какъ? Вкусненькія? Ты пробовалъ?

Голосъ у молодого оказался на удивленіе твердъ и крѣпокъ.

Мерзляковъ оглянулся на товарищѣй.

– Что стоите дубами?! Революеры выгачить не можете?! Или этихъ... жалко стало?!

Изругался. Люкинъ подхватилъ ругань, какъ пѣсню.

– Въ бога душу! Ядрить твою! – Выхватилъ наганъ изъ кобуры. – Глаза вамъ не завяжемъ! Вы – намъ – не завязывали! Бѣлая кость, холера...

Мерзляковъ наставилъ наганъ на стараго офицера:

– Бери шинели, неси въ моторъ!

Старикъ наклонился. Уцѣпилъ шинели обхватомъ сильныхъ рукъ. Подъ мундиромъ перекатывались камни мышцъ. Ляминъ смотрѣлъ ему въ сутулую спину. Подъ мундиромъ двигались лопатки. Разъ-два, разъ-два, будто у заводной куклы. Четко и ритмично.

Мерзляковъ пошелъ за нимъ. Въ лунномъ свѣтѣ черными рыбами на бѣлизнѣ снѣгаплыли слѣды. Теперь въ спину Мерзлякова смотрѣлъ Ляминъ. Они оба, бѣлый и красный, подошли къ авто. Старикъ раскрылъ дверцу и кинулъ внутрь авто шинели. Обернулся къ Мерзлякову. Плюнулъ ему въ лицо. Мерзляковъ крикнулъ невнятно, какъ сквозь кашу во рту. Выстрѣлилъ разъ, другой. Старикъ упалъ съ прострѣленной головой. Вѣтеръ виль жидкіе волосенки.

Мерзляковъ вернулся къ офицерамъ. Андрусевичъ хихикалъ и сворачивалъ сигару.

– Хе, хе... Такъ все просто... Р-разъ – и квасъ...

Мерзляковъ опять, какъ давеча въ борделѣ, заблеялъ козой:

– Всѣ умре-о-омъ... Всѣ-е-е! Умре-о-о-о-омъ...

– Умремъ... умремъ... – растеряннымъ эхомъ отозвался, изъ-за махорочнаго дыма, Андрусевичъ.

Бѣлякъ, еще живой, глядѣлъ бѣшено, свѣтло.

Щелкнулъ выстрѣлъ. Офицеръ упалъ. Сразу не умеръ. Крючилъ пальцы, царапалъ насть. Грудная клѣтка раздувалась, ловила послѣдній воздухъ.

«Чортъ, какъ же это тяжело. И это – насъ всѣхъ ждетъ?!»

«Въ любой моментъ, дурень. Въ любой!»

– Все равно... Россія... Рос... – выхрипнулъ офицеръ, и все его тѣло пошло мученической волной, одной послѣдней судорогой. Руки обмякли. Пальцы больше не царапали снѣгъ, подъ ногти не набивался ледъ.

Мерзляковъ повернулъ красную на морозѣ рожу къ молодому.

– Ты! Иди.

Подтолкнулъ его стволомъ нагана межъ лопатокъ. Ляминъ глядѣлъ – и хорошо было видать подъ луной, – какъ мокнетъ, пропитывается предсмертнымъ потомъ свѣтлая застиранная гимнастерка молодого – подъ мышками и подъ лопатками.

«И морозъ ничемъ. А жетъ, и тамъ весь сырой, между ногъ. Страхъ, онъ...»

Молодой, Мерзляковъ и всѣ они дотопали до мотора. Дверца была открыта.

– Ныряй, дерьмо!

Молодой глядѣлъ бѣлыми глазами выше глазъ Мерзлякова, въ лобъ ему.

Будто лобъ – глазами – прострѣливалъ.

Нагнулся, на сидѣнье усѣлся.

Мерзляковъ дико захохоталъ.

– Да нѣтъ! Не сюда! Осель! Много чести! Сюда!

Ногу поднялъ и рѣзко, сильно двинулъ ногой молодому въ бокъ. Молодой охнулъ и сползъ на полъ авто. Держался за спинку сидѣнья. Мерзляковъ въ другой разъ махнулъ ногой и сапогомъ, каблукомъ ладонь молодому расквасилъ. А потомъ ногой – въ лицо ему ударилъ. Глазъ тутъ же заплылъ. Молодой уже подъ сидѣньемъ лежалъ. Мерзляковъ за руль усаживался. Щерился.

– Что стоите?! Валяйте! Садитесь!

Сгорбившись, угнѣздились въ авто. Молодой лежалъ подъ ногами у Мерзлякова. Мерзляковъ время отъ времени билъ его ногой куда придется. По скулѣ. По глазу. По уху. По груди. Билъ и молчалъ. Молчалъ и билъ. Крѣпко вцѣпился въ руль. Моторъ чихалъ и кашлялъ, но ѣхалъ быстро, подпрыгивая на снѣжныхъ слежалыхъ комьяхъ.

Андрусевичъ выбросилъ въ окно окурокъ. Люкинъ брезгливо кривилъ ротъ.

– Што за дрянъ куришь! У меня вотъ... доѣдемъ, угощу...

Ляминъ смотрѣлъ, какъ снова поднимается нога Мерзлякова въ кованомъ сапогѣ.

Почему ему такъ хотѣлось завопить: «Хватить!» Онъ никогда не былъ сердобольнымъ. И благородный офицеръ – это былъ злѣйшій классовый врагъ. Тогда почему онъ хотѣлъ самъ двинуть сапогомъ Мерзлякову въ острое, согнутое кочергой колѣно?

«Я бабой становлюсь. Мнѣ въ арміи – нельзя».

– Эй, мужики, у кого-нибудь пить есть?

– Выпить – есть. На.
 Люкинъ полъзъ въ карманъ шинели и вытащилъ странную, всю въ узорахъ, флягу.
 – Экая вещица.
 – Да ты хлебай. Это я изъ борделя утащилъ. Со стола прихватилъ. Очумѣешь, какъ хорошо!

Михаилъ цѣпко сжалъ флягу. Отвинтилъ пробку. Прижалъ къ губамъ. Будто съ флягой вzasосъ цѣловался.

– Эй, ты! Будя! Пусти козла въ капусту...

Андрусевичъ съ любопытствомъ глядѣлъ на сапогъ Мерзлякова. Сапогъ уже отвѣчивалъ влажнымъ, краснымъ. Молодой дышалъ тяжело, и въ груди у него булькало.

Мерзляковъ ударилъ особенно крѣпко и мирно, себя успокаивая, сказалъ:

– Отдохни.

– Што-то ребята говорили, – Андрусевичъ опять нервными пальцами сигарку крутилъ, – Совнаркомъ хотѣлъ семейку перевезти въ другой городъ.

Руки Мерзлякова мяли руль.

Пахло соленымъ.

Сопѣлъ и стоналъ молодой.

«Коверъ, – смутно и страшно подумалъ Ляминъ, – живой коверъ у Мерзлякова подъ ногами».

– И что? Приказъ вышелъ?

– Нѣтъ никакого еще приказа.

– Значится, болтовня.

– Ничо не болтовня.

– А въ какой городъ?

Моторъ подскакивалъ на ухабахъ, медленно объѣзжалъ городскія тумбы съ расклеенными афишами.

– Да въ Москву, думаю такъ.

– Думай, гусь индѣйскій.

– Такъ вѣдь судилище развернуть хотятъ! Надъ палачами! Штобъ на всю страну – прогремѣлъ судъ! И всѣ про ихъ козни узнали.

– А что, можетъ, оно и правильно.

Опять нога поднялась. Размахнулась. Каблукъ попалъ по ребру. Ляминъ явственно услыхалъ хрусть.

Молодой простоналъ особо долго, длинно, захрипѣлъ и замолкъ.

– Чортъ, – Мерзляковъ шевельнулъ носкомъ сапога его за подбородокъ, – чортъ! Я его, кажись, утрямалъ.

– Такъ вывали его къ едренѣ матери!

– Погодь. Еще... отъѣдемъ...

«Гдѣ мы, непонятно. Это не Тобольскъ. Это иной городъ. Иное мѣсто. Дома странные. Страшные. А можетъ, это и не на землѣ уже».

Дома вытягивались, превращались въ тѣла длинныхъ ящерицъ. Изъ подвальныхъ оконъ ползли черныя блестящія змѣи, вставали на хвосты, разѣвали беззубыя пасти. Вереницы черныхъ слѣпыхъ кротовъ медленно текли по снѣгу, огибая стволы лиственницъ. Изъ-подъ фонарей сыпались, вмѣсто свѣта, золотые и мѣдные черви; падая на землю, они оживали и ползли, ползли. И умирали, застывая на снѣгу мѣдными жесткими крюками. Оконныя створки запахивались съ дикимъ грохотомъ, и, перевѣшиваясь черезъ подоконники, наземь валились туши медвѣдей, шкуры волковъ, трупы лисицъ, а между ними летѣли и падали люди и дѣти. Они падали на снѣгъ и растекались по снѣгу широкими, какъ плоть на Иртышѣ, красными пятнами. Пятна соединялись въ рѣку, и вотъ всѣ они уже стояли по щиколотку, а вскорѣ и по колѣно въ красной теплой рѣкѣ. Изъ потока высовывали морды громадныя рыбы. Рыбьи глаза обращались въ человѣчи; рыбьи жабры – въ блѣдныя, синія, алая щеки. Глаза вращались въ орбитахъ и вылѣзали вонъ изъ нихъ. И падали на снѣгъ, и катились по снѣгу живымъ безумнымъ жемчугомъ. Жемчугъ бѣлый, красный, черный. Царскія драгоцѣнности. Страшно много денегъ стоятъ.

Ляминъ и глаза отвести отъ стекла не могъ, и не могъ уже смотрѣть. Чудовища наваливались, авто катилось прямо подъ брюхо каменнаго слона. Слонъ поднялъ ногу, его нога разломилась, раздѣлилась на длинныя деревянныя жерди, и каждая жердь загорѣлась, затлѣла, и быстро, нагло огонь взбирался наверхъ, къ дрожащему слоновьему животу, къ серебрянымъ пашкамъ – лихо загнутымъ бивнямъ. Бивни отломились, языкъ слона вывалился; превратился въ красный флагъ. Обезьяна подбѣжала, вцѣпилась, рѣзко и грубо вырвала языкъ, размахивала красной тряпкой. Множество обезьянъ за ея мохнатой спиной, за краснымъ голымъ задомъ, орали и верещали. Онѣ вопили человѣчьими голосами. И человѣчьими сло-

вами. Ляминь даже слова различалъ. Но, слыша, тутъ же забывалъ, чтобы окончательно не сойти съ ума.

– Все! Стопъ! Тутъ!

Мерзляковъ самъ себѣ скомандовалъ. Моторъ всталъ. Молодой офицеръ подъ сапогами Мерзлякова не шевелился.

– Притворяется. Ты! Давай на снѣжокъ!

Ногой Мерзляковъ выкатилъ молодого изъ авто. Молодой лежалъ бездвижно.

– Выходь! Давай, братишки, въ него каждый по одной пулѣ всадить! Болѣ не надоть, а то жалко!

Андрусевичъ стоялъ надъ тѣломъ офицера, качался.

«И когда успѣлъ надраться? Тоже изъ фляжки люкинской? Гляди, ополовинилъ...»

– Мнѣ и одной жалко! – тонко крикнулъ Люкинъ. – Може, такъ его тутъ бросимъ! Да и укатимъ! А?! Все одно околѣеть!

Мерзляковъ пощелкалъ пальцами, будто танцуя испанскій танецъ.

– Да, морозъ, – согласился.

Ляминь молчалъ.

«Ерунда какая, эти офицеры. Наскочили на насъ. Бордель этотъ. Дома эти, со змѣями. Зато у насъ теперь моторъ и шинельки новехонькія. Теплыя. На мѣху. А слонъ? Гдѣ слонъ?»

Михаилъ озирался въ поискахъ слона. Молодой на снѣгу пошевелился. Ему горло разодралъ тягучій стонъ, больше похожій на сдавленный вопль.

– Я-а-а-а!.. не хочу... Не! Хочу!

«Умирать», – догадался Ляминь.

«Такъ изъ насъ никто не хочетъ. Никто! А вѣдь вотъ умираемъ! Ни за понюхъ табаку!»

Далекіе дома придвигались, наплывали. Земля подъ ногами плыла, вертѣлась. Снѣгъ раскатывался прогорклымъ тѣстомъ. Вязъ на зубахъ. На нихъ всѣхъ вмѣсто одежды были рваныя красныя знамена. Знаменами обкручены они были, съ ногъ до головы.

– Гдѣ я?!

«Это не мой крикъ. Это кто-то другой кричитъ».

Мерзляковъ подло усмѣхнулся, послунилъ пальцы, будто хотѣлъ самокрутку свернуть.

– А-ха-ха, – выцѣдилъ, – живехонекъ. Ну тогда вставай! Офицеръ долженъ и смертушку – стоя принимать! Тебя вѣдь такъ учили?! Да?!

Молодой лежалъ на животѣ. Мерзляковъ ногой перевернулъ его на спину. Бѣлые глаза молодого глядѣли въ ночной звѣздный зенитъ.

– Хо... лодно...

– Встать!

– Не хо...

– Ты еще пощады попроси! Трусъ!

У молодого все тѣло подъ гимнастеркой мелко задрожало.

– Я... трусь?..

Всталъ. Сначала на четвереньки. Поднатужился. Приподнял задъ. Мерзляковъ беззвучно хохоталъ, наблюдая, какъ молодой силится подняться со снѣга.

– Давай-давай! Сначала задокъ! Гляди не обдѣлайся! Потомъ башку вздерни! Собака! Залай еще! Затявкой! Сучонокъ вонючій!

Молодого корежило, но онъ всталъ. Ногами вцѣпилъ въ землю, какъ ракъ клешнями – въ добычу. Широко разставилъ ноги.

Шатался. Руками морозный жесткій воздухъ цапалъ.

«Какъ морякъ на палубѣ».

Мерзляковъ обвелъ глазами солдатъ.

– Ну такъ что же вы, такъ вашу этакъ?! Всѣмъ патроновъ жаль?! Бейте ногами!

И самъ опять сапогъ занесъ, чтобы обрушить всю тяжесть тѣла: на черепъ, на печень, куда угодно.

Ляминь выхватилъ наганъ и быстро, какъ на охотѣ, выстрѣлилъ. Почти навскидку. Гимнастерка молодого быстро пропитывалась краснымъ. Красная кожа, красные сапоги, красныя ладони. Красная звѣзда. Звѣзда – это ладонь. Растопыренные пальцы.

– Мѣтко! – Мерзляковъ ржалъ конемъ. – Такъ я и зналъ! Мишка въ грязь лицомъ – ни-ни! Молодчага!

Со всего размаху ударилъ Лямина кулакомъ по плечу: такъ хвалилъ.

И Ляминь, самъ не зная, какъ это вышло у него, направилъ наганъ – на Мерзлякова.

Глядѣлъ въ его круглые желѣзные, безъ рѣсницъ, глаза.

– Но, ты... Ты-ты... Эй, эй! Опусти. Опусти оружіе, твою мать!

Молодой лежалъ смирно, грудь прострѣлена, бѣлые глаза заволокло соленой плевой, – умерь.

– Ты! Мишка! Кончай баловать!

«Я пьянь. И я не на землѣ. Не на землѣ. Я тамъ, гдѣ люди убиваютъ людей. Отсюда на землю хода нѣтъ».

Ляминъ шагнулъ къ Мерзлякову и уперъ стволъ нагана ему въ кожаную скрипучую грудь. Будто прокололъ его наганомъ хотѣль, какъ ножомъ.

– Я не балую. Я не конь.

Лицо Лямина начало мелко подрагивать. Пошло вспышками. Изрѣзалось мгновенными морщинами. Зубы били чечетку. Глаза плясали. Красный языкъ мотался межъ зубами, вываливался наружу.

– А вотъ ты не человекъ. Слышишь. Ты не человекъ. Не знаю, какъ тебя зовутъ.

Закричалъ надсадно:

– Чудище! Ты! Да зубовъ нѣтъ! Зубы – повыпали!

Уже за руки его хватили Андрусевичъ и Люкинъ.

– Ты, братъ, этово... промерзъ, што ли, и занемогъ... Бредишь...

– Держи его крѣпче, револьверъ у него отыми... половчѣй...

Люкинъ просунулъ руку подъ локоть Михаилу и вырвалъ у него изъ кулака наганъ. Неловко нажалъ на гашетку, и на морозѣ выстрѣлъ не грохнулъ, а странно, жестко и сухо клацнулъ, пуля ушла вверхъ и вбокъ. Ляминъ пытался вырваться. Бойцы держали крѣпко. Дышали табакомъ.

– Ты меня зачѣмъ пугаешь? – близко придвинувъ плоское жестяное лицо къ лицу Михаила, прошипѣлъ Мерзляковъ. – Я тебѣ такъ плохъ сталъ? А можетъ, ты и царьковъ освободить желаешь? Первый къ стѣнкѣ встанешь. Что къ стѣнкѣ! Я тебя – на пустырь изрѣшечу! Да хоть здѣсь! На этомъ взоркѣ!

Ляминъ, ловя ртомъ синій густой морозъ, покосился. Почва шевелилась, какъ ожившій мертвецъ, съѣзжала. Внизу, далеко подъ ними, мерцалъ Тоболь, ледъ прочерчивали стрѣлы санныхъ слѣдовъ. Еще дальше, въ сизой дымкѣ, разстилался закованный въ доспѣхи льда Иртышъ, и совсѣмъ уже на краю земли ледъ и снѣгъ сливались съ небомъ; и снѣгъ свѣтился черносинимъ трауромъ, а небо вспыхивало алмазной колкой радостью.

Ляминъ дышалъ громко, запаленно.

– Ты... слышь... Мерзлякъ... прости... я самъ не свой...

– Недопилъ! – заржалъ Люкинъ и подмигнулъ.

– Эй, ребята, а кто слыхалъ такого товарища – Троцкій ему фамиліе?

– И гдѣ онъ? Въ Москвѣ?

– Въ Москвѣ, гдѣ жъ еще.

– Всѣ изъ Москвы! Всѣ – въ Москву! А мы тутъ, на Тоболѣ, отрѣзанный ломоть! У чорта на рогахъ! Съ этими дурнями, царями, валандаемся! Скорѣй бы ужъ...

– Что – скорѣй?

– Да ничо...

– Столкнуть гада подъ крутояръ?

– Это можно.

– По веснѣ отгаеть – раки выползутъ, съѣдятъ!

– Нѣтъ, а хто жъ такой все же Троцкай?

– А ты думаешь, кто онъ такой?

– Ничо я не думаю.

– Нѣтъ, думаешь!

– Балакають, онъ поважнѣе Ленина будетъ.

– Ха! Важнѣе Ленина нѣтъ никого! Ленинъ – нашъ царь!

– Типунъ тебѣ. Еще разъ это слово выдавишь... Какой Ленинъ царь! Ленинъ – красный!

Онъ – нашъ!

– Нашъ, нашъ.

– А Троцкай – тоже нашъ?

– Отзынь со своимъ Троцкимъ!

– Ухъ, эхъ, ухнемъ, еще разикъ, еще разъ...

Пыхтя, перебраниваясь, бойцы подкатили ногами трупъ молодого къ обрыву, пнули дружно, сильно, и скинули внизъ. Глядѣли, какъ убитый катился, налѣпля на себя снѣгъ, обматываясь бѣлыми липкими бинтами. Ляминъ глядѣлъ и видѣлъ: не убитый офицеръ катится, а мерзлая гигантская рыба; вотъ рыба докатилась донизу, къ подножью снѣжнаго увала, бронзовое ее брюхо лопнуло, а можетъ, его разрѣзалъ острый стальной вѣтеръ, и изъ рыбьяго рванаго живота на снѣгъ покатались маленькія, мелкія рыбки, рыбки дѣтки. Мелкіе, какъ монетки: гривенники, алтыны, пятаки, копейки, полтинники. Деньги, деньги, ими же за все плачено. За кровь и слезы. За потъ и ужасъ. И за царство-государство – тоже.

«А кто кому – за нашу революцію – заплатилъ? И – сколько?»

Стояли на юру. Глядѣли не на трупъ внизу – на двѣ рѣки, что сливались въ морозномъ туманѣ и дальше воедино текли.

– Двигаемъ въ моторъ, товарищи.

– Ой, а я ногу отморозилъ! – закричалъ Сашка Люкинъ.

И запрыгаль на одной ногѣ.

– Слышь, кончай придуряться. Мы тя въ клоуны отдадимъ! Въ самую Москву! Въ циркъ! Вотъ ужъ тамъ на всякихъ Троцкихъ полюбуйся!

Ляминъ шелъ за Мерзляковымъ, слѣдъ въ слѣдъ. Снѣгу густо намело. Какъ звѣздъ въ зенигѣ; не продохнешь. Метель звѣздная, и глотку забиваетъ. И глаза слѣпитъ. Скорѣй бы въ авто. Тамъ тепло, нагрѣто.

Колѣни у Лямина подгибались. Онъ чувствовалъ, его ведутъ подъ руку. Какъ бабу на сноскахъ. Чувствовалъ свое безсиліе; но почему-то это ему было пріятно. Какъ ребенку, больному, въ жару, удовольствіе, если ему въ постель несутъ блинчикъ, чаекъ горячій, а то и пѣтушка леденцоваго, полакомиться.

Моторъ урчалъ. Ляминъ дремалъ. Мерзляковъ велъ авто уже спокойно, руль не выворачивалъ. Змѣи распозлились, кроты нырнули подъ землю. Рыбы дѣти, мелкія деньги, разсвалились по карманамъ. Завтра можно купить выпить-закусить. Цари вонъ раньше пили и закусывали, и – ничего. Хорошо жили цари, вольготно. За это и платять теперь. Каждый всѣмъ – всегда – за все – платить. А Троцкій? Что Троцкій? Никто про него ничего не знаетъ. Говорять, онъ еврей. Да какая разница. Нѣтъ евреевъ, нѣтъ русскихъ, нѣтъ татаръ и вояковъ. Есть народъ. Вотъ Мерзляковъ – народъ. Люкинъ – народъ. Андрусевичъ – народъ. И онъ, Ляминъ, тоже народъ. А Ленинъ, онъ кто? Народъ или нѣтъ? Ленинъ, это надо скумекать. Ленинъ, да онъ же самый что ни на есть народъ. Какъ же не народъ, когда онъ – за народъ! Вотъ народъ при немъ и сталъ народомъ, и сошвырнулъ съ холки своей господъ. Теперь мы, народъ, всѣмъ распорядимся. Всѣмъ и всѣми. И пусть только попробуютъ намъ, народу, палки въ колеса вставить. Мы и палки изломаемъ, и колеса погнемъ. И подъ тѣ колеса тѣхъ, кто не народъ, положимъ. И проѣдемъ по нимъ. Раздавимъ. Перерѣжемъ. Переѣдемъ. На-двое разсѣчемъ. И они, враги, предатели, гады, господа, стануть нашимъ мясомъ. Нашимъ тѣстомъ. Нашимъ хлѣбомъ. Нашимъ углемъ. Нашимъ масломъ. Нашей нефтью. Нашей грязной дорогой. Нашей землей. Лягутъ намъ подъ телѣги, подъ моторы, подъ ноги. Подъ сапоги. Подъ босыя пятки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Отъ вокзала, навстрѣчу мнѣ, промчался бѣшеный автомобиль и въ немъ, среди кучи товарищей, совершенно бѣшенный студентъ съ винтовкой въ рукахъ: весь полетъ, расширенные глаза дико воззрились впередъ, худъ смертельно, черты лица до неправдоподобности тонки, остры, за плечами треплются концы краснаго башлыка... Вообще, студентовъ видишь нерѣдко: спѣшитъ куда-то, весь растерзанъ, въ грязной ночной рубахѣ подъ старой распахнувшейся шинелью, на лохматой головѣ слинявшій картузь, на ногахъ сбитые башмаки, на плечъ виситъ внизъ дуломъ винтовка на веревкѣ... Впрочемъ, чортъ его знаетъ – студентъ ли онъ на самомъ дѣлѣ.»

Да хорошо и все прочее. Случается, что, напримѣръ, выходитъ изъ воротъ бывшей Крымской гостиницы (противъ Чрезвычайки) отрядъ солдатъ, а по мосту идутъ женщины: тогда весь отрядъ вдругъ останавливается – и съ хохотомъ мочится, оборотясь къ нимъ. А этотъ громадный плакатъ на Чрезвычайкѣ? Нарисованы ступени, на верхней – тронъ, отъ трона текутъ потоки крови. Подпись:

*Мы кровью народной залитые троны
Кровью нашихъ враговъ обазримъ!*

А на площади, возлѣ Думы, еще и до сихъ поръ бьютъ въ глаза проклятымъ краснымъ цвѣтомъ первомайскія трибуны. А дальше высится нѣчто непостижимое по своей гнусности, загадочности и сложности, – нѣчто сбитое изъ досокъ, очевидно, по какому-то футуристическому рисунку и всячески размалеванное, цѣлый домъ какой-то, суживающійся кверху, съ какими-то сквозными воротами. А по Дерибасовской опять плакаты: два рабочихъ крутятъ прессъ, а подъ прессомъ лежитъ раздавленный буржуй, изо рта котораго и изъ зада лентами лѣзутъ золотыя монеты. А толпа? Какая, прежде всего, грязь! Сколько старыхъ, донельзя запакощенныхъ солдатскихъ шинелей, сколько порыжѣвшихъ обмотокъ на ногахъ и сальныхъ картузовъ, которыми точно улицу подметали, на вишивыхъ головахъ! И какой ужасъ беретъ, какъ подумаешь, сколько теперь народу ходитъ въ одеждѣ, содранной съ убитыхъ, съ труповъ!

...Часовые сидят у входовъ реквизируемыхъ домовъ въ креслахъ въ самыхъ изломанныхъ позахъ. Иногда сидитъ просто босякъ, на поясъ браунингъ, съ одного боку виситъ нѣмецкій тесакъ, съ другого кинжалъ».

Иванъ Бунинъ. «Окаянные дни». 1919 годъ

Они и тутъ, въ Домѣ Свободы, жили такъ, какъ жили всегда.

А всегда они жили такъ: любили другъ друга и заботились другъ о другѣ.

Что такое любовь, они знали точно: это – приказать испечь къ вечеру пирогъ, нынче Оличка именинница; вышить гладью подушечку-думку для мама; склеить для папа бумажный корабликъ; перевязать ушибленный палецъ Бэби; записать въ дневникъ о томъ, какъ прошла охота и сколько звѣрей и птицъ въ лѣсу было убито, и чаще всего счетъ шелъ на сотни, – сотни оленей, сотни кабановъ, сотни косулей, глухарей, барсуковъ, тетеревовъ, медвѣдей, волковъ и лисицъ, – а потомъ, еще чернила не высохли, когда писалось о безсметныхъ звѣриныхъ смертяхъ, приписать, быстро и нервно и восторженно: «Милая моя женушка, до чего же я люблю тебя!»

Любовь – это была молитва утренняя, лишь съ постели прыгъ, еще наливалась холодная вода въ ванну, еще горничныя тащили чистыя, хрустящія полотенца, а они вставали къ иконамъ въ ночныхъ рубахахъ и молились – съ любовью, въ любви и за любовь; и молитва вечерняя, когда отходили ко сну, и важно было въ этой сонной, разслабленной, уже теплой, какъ теплый, нагрѣтый сковородками съ пылающими углями матрацъ, нѣжной молитвѣ произнести имена всѣхъ, кого любишь, и попросить у Господа имъ всѣмъ – невѣроятнаго, вѣчнаго, невысказаннаго и несомнѣннаго счастья.

Они жили въ помощи и любви, во всечасномъ врачеваніи другъ друга, и плевать было на то, что въ двадцати верстахъ отъ ихъ дворца умираютъ отъ голода дѣти, а въ ста верстахъ – взорвали вокзалъ на желѣзной дорогѣ, а въ пяти тысячахъ верстъ поднялись на возстанье заводскіе угрюмые люди, – царь самъ подписалъ указъ, чтобы зачинщиковъ разстрѣляли, кто же виноватъ, что они такіе неразумные: имъ выдаютъ заработанные рубли, ихъ дѣтямъ наряжаютъ господскія елки, они, какъ и мы, ходятъ молиться въ теплую, золотую, медовую, ароматную церковь, – чѣмъ не жизнь! Развѣ противъ такой жизни возстаютъ!

А имъ со всѣхъ сторонъ говорили: милые, надо уврачевать народъ; дорогіе, надо полюбить бѣдняковъ; чудесные, солнечные, изящные, – оглянитесь, опомнитесь, надо помочь тѣмъ, кому плохо, гадко, страшно!

А они отвѣчали: развѣ мы не помогаемъ всѣмъ, развѣ мы не молимся за всѣхъ? Святая обязанность царей – за всѣхъ, за каждого молиться!

И имъ – вѣрили.

И они вѣрили сами себѣ.

И, вѣря, блестяли полными счастливыхъ слезъ глазами; надѣвали другъ на друга бальныя платья, какъ парчовыя церковныя ризы; танцевали, будто осыпали подарками бѣдноту; украшали другъ друга, чтобы итти къ обѣднѣ, алмазами и рубинами, жемчугами и серебромъ, аквамаринами и перламутромъ, – они сами, всѣ, каждый изъ нихъ, были живыми молитвами и еще живыми святыми мощами; они звучали, плакали радостно, текли горячимъ елеемъ, благоухали и драгоцѣнно переливались въ свѣтъ свѣчей, и они – молились, и на нихъ – молились; а если ихъ и проклинали, это было, конечно же, недоразумѣніе: молитва вѣдь настоящая, истиннѣе молитвы нѣтъ ничего въ цѣломъ свѣтѣ. Молитва искупаетъ все и врачуетъ всѣ раны. Молитва пребыла при рожденіи, пребудетъ при смерти и останется рѣять въ небесахъ и по смерти; значитъ, они дѣлаютъ все вѣрно, они остаются вѣрны себѣ и Богу своему.

Вотъ что главное.

...а то, что съ одной стороны – красные, съ другой – бѣлые, какая разница? Гдѣ между ними отличіе, какое? И тѣ бьются за счастье, и другіе – за счастье. И тѣ безжалостны, и другіе – казнятъ. У бѣлыхъ льется красная кровь, у красныхъ бѣлѣютъ на морозѣ отъ смертнаго ужаса лица. Вездѣ одно золото, и одинъ жемчугъ, и одинъ навозъ, и одна парча, и одинъ огонь изъ пулемета. И наказанье за преступленіе будетъ одно: другого ужъ точно не будетъ.

И возстанетъ родъ на родъ, и царство на царство, такъ и въ Писаніи сказано, а развѣ противъ Писанія кто пойдетъ?

А будутъ ли опять, вернутся ли цари, если имъ, вотъ имъ, нынѣ живущимъ, суждено лечь подъ пули, лечь въ землю? Кого посадить на тронъ эта громадная, лютая, святая земля?

А можетъ, она вовсе и не святая, Ники?

...о Аликсъ, не гнѣви Господа. Перекрестись. Помолись. О чемъ ты говоришь. Молись за Россію. Молись за всѣхъ насъ. Распятому – молись: Онъ и на Крестѣ висѣлъ, отъ боли корчился, а – за разбойниковъ молился. Нынче же будешь со Мною въ Раю, такъ онъ сказалъ разбойнику, висѣвшему на крестѣ праворучъ. Можетъ, они всѣ, красные комиссары, эти сол-

даты недокормленные, злые, эти командиры, что кроютъ насъ шепоткомъ казарменнымъ матомъ, все-таки – когда-нибудь – не сейчасъ – далеко впереди – тамъ – въ туманѣ дикихъ лѣтъ, въ тучахъ и снѣгахъ иныхъ вѣковъ – будутъ – съ нами – въ Раю?

* * *

Главнаго – боялись. Главнаго – уважали.

Михаилъ частенько раздумывалъ надъ тѣмъ, какъ устроень человѣчій пчельникъ. Въ пчельникѣ главная – матка; въ человѣческомъ ульѣ, большомъ или маломъ, всегда долженъ кто-то главнымъ быть.

«Кто-то хочеть быть царемъ... Кто-то... мокнеть... подъ дождемъ...»

Иногда слова въ головѣ Лямина сами начинали складываться въ стройные звонкіе ряды. И изъ того ряда нельзя было выкинуть слово; выбросишь – а оно опять лѣзеть. Хотѣлось эти слова спѣть. Однажды онъ взялъ и запѣлъ. На него Матвѣевъ оглянулся – они въ-бродъ рѣ-чушку лѣсную переходили. Ляминъ! Пѣть – отставить! Подъ ноги гляди, въ илѣ завязнешь! Есть отставить пѣть, товарищъ командиръ.

Замолкъ, а пѣсня внутри звучала. Потомъ утихла, утхла.

Главныхъ бываетъ много. И тотъ главный, и этотъ главный. Вотъ надъ ними Петръ Матвѣевъ. А вотъ рядомъ – комиссаръ Панкратовъ. А надъ ними – Тобольскій Совѣтъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ. А надъ Тобольскимъ Совѣтомъ – кровавый, бѣшеный Уралъ. А надъ всѣмъ Ураломъ и Сибирью – Московская ЧК. Яковъ Свердловъ, онъ тоже главный. А надъ Свердловымъ – Ленинъ, оно и коровѣ понятно. А надъ Ленинымъ кто? Кто – надъ Ленинымъ?

«Значить, Ленинъ и есть теперешній нашъ царь. На время? Насовсѣмъ?»

...Михаилъ развѣшивалъ на веревкѣ стиранныя портянки – Пашка постирала, – а въ подсобку всунулась встрепанная голова Сашки Люкина. Сашка вродѣ навеселѣ: бѣлки блестятъ, скулы розовѣютъ, языкомъ плететь.

– Э-эй, Миня! Кончай хозяйствовать. Главный тя къ сабѣ требуетъ!

Михаилъ поправилъ на веревкѣ портянку.

– И что?

– Не што, а дуй! Видь у него грозный!

– Я ни въ чемъ не провинился.

– Это ему будешь объяснять!

Ляминъ продѣлъ голыя ноги въ сырые сапоги, передернулся отъ холода и пошелъ вслѣдъ за Люкинымъ. Затянутое иглисто-сѣрой, перламутровой паутиной мороза окно слѣпо глядѣло ему въ спину.

...На двери главнаго висѣла мѣдная табличка: «КВАРТИРА ПЕТРА МАТВѢЕВИЧА ТОВАРИЩА МАТВѢЕВА, ПРЕДСѢДАТЕЛЯ СОЛДАТСКАГО КОМИТЕТА». Солдаты надъ той табличкой смѣялись. У какого гравера заказывалъ? Много ли заплатилъ? И чѣмъ – кренками или золотыми слитками?

– Боець Ляминъ!

– Такъ точно, товарищъ командиръ!

– Поѣдешь со мной въ Петроградъ?

– Въ Петроградъ? – Ляминъ изумился. – Товарищъ...

– Да мнѣ одному негоже ѣхать. Безъ охраны.

Ляминъ испуганно глядѣлъ на бывшего царскаго фельдфебеля, потомъ на носки своихъ нечищенныхъ сапогъ.

– Это меня... охранять?

– Тебя, тебя.

Михаилъ стоялъ, выше Матвѣева ростомъ. Внизу передъ нимъ нервничалъ, переминался съ ноги на ногу меленькій сѣренькій человѣчекъ, съ виду вовсе и не главный, а такъ, мелкая сошка. Ледаций, безъ фуражки ясно видна на темени жалкая лысинка. Носъ потно блеститъ. Крошечные свинячьи глазенки бѣгаютъ быстро, сообщаютъ. Мишка поймалъ глазами глаза Матвѣева. Свинячьи глазки отчетливо сказали ему: «Соглашайся, неохота мнѣ другихъ попутчиковъ въ отрядѣ искать».

– Да я...

– Да ты, да ты. Это приказъ!

– Да мы до Петрограда знаете сколько будемъ ползти?

– Поѣздъ идетъ себѣ и идетъ. А ты ѣдешь. Разговоры! – щучье личико поблѣло. – Отставить!

Ляминъ подобрался, втянулъ и безъ того тощій животъ. Матвѣевъ глядѣлъ на мѣдную пряжку ремня.

– Возьмите съ собою лучше Александра, – сплотнуй, – Люкина. Люкинъ – бойкій. Онъ, въ случаѣ чего, отобьется. Отстрѣляется.

– А ты стрѣлять не умѣешь? Руки не тѣмъ винтомъ ввинчены?

Мишка крѣпко прижалъ руки къ бокамъ, вытянулъ ихъ вдоль туловища. Бодро выгнулъ спину.

– Умѣю, товарищъ командирь!

Матвѣевъ медленно, какъ тяжелый крейсеръ вокругъ пустынного острова, обошелъ вокругъ Лямина.

– Люкина, говоришь?

– Такъ точно!

– Отказываешься, стало-быть?

Мишка разозлился.

– А вы что, меня хлопнете за отказъ?

Сдерзиль – и зажмурился: что надѣлалъ! Внутри мальками, заплывшими въ мелкочаеистую сѣть, бились смутныя мысли о Пашкѣ Бочаровой. О царской дочкѣ не думалось. Или ему такъ казалось.

Матвѣевъ внезапно разсмѣялся. Громко и сердечно. Крѣпко хохоталъ, ажъ слезы на глазахъ выступили; и глаза – кулаками вытиралъ.

– Да не хлопну! Ишь... хлопнете! Ты муха, что-ли! Боець Ляминъ! Ишь, смѣлый! Зазноба у тебя здѣсь! Знаю!

Ляминъ голову опустилъ. Шарилъ глазами по натоптаннѣмъ половицамъ.

«А Пашка скоро придетъ къ нему съ ведромъ и тряпкой. Полы мыть».

– Да вѣдь не только вы знаете.

– Весь отрядъ знаетъ! Боишься, что она тутъ безъ тебя подъ кого другого ляжетъ? А?!

Ляминъ головы не поднималъ. Уши покраснѣли, онъ чуялъ стыдный жаръ.

– Ничего я не боюсь. А только не поѣду.

– Ступай, – Петръ Матвѣевъ махнулъ рукой, какъ муху отгонялъ. – Люкина – покличь!

– Слушаюсь, товарищъ командирь.

...Въ Петроградъ, къ Ленину и Свердлову, отправились, вмѣстѣ съ Матвѣевымъ, Сашка Люкинъ и молодой боець Глѣбъ Завьяловъ. Въ отрядѣ шутили: святая троица передъ вождами предстанетъ! Думали – надолго отлучатся, а вернулись на удивленіе скоро. «Пять минутъ, што ли, васъ Ленинъ-то принималъ?! Али вмѣсто поѣзда – на пушечномъ ядрѣ прилетѣли?! А какой онъ, Ленинъ, лысый? Съ усами? Али бреется? А Свердловъ – што онъ? Што нащеть царей-то они баяли? Долгонько мы тутъ за ними будемъ ходить? Мы не тюремщики! А насъ тюремщиками задѣлали!»

Люкинъ сбросилъ грязную одежку. Растопили баню. Матвѣевъ и солдаты помылись. Имъ поднесли косушку. Сашка сидѣлъ на кровати, разставивъ ноги, съ голой грудью, размаживалъ пустымъ стаканомъ, рассказывалъ.

– Тряслися мы долго. Ажъ кости всѣ заныли. А поѣздъ такой, тамъ народу, што сельдей въ бочкѣ! Всѣ другъ на другѣ сидятъ, ѣдятъ и спятъ. Ну чо ржешь, Игнатка?!.. другъ на другѣ, оно такъ и было. Утомилися шибко! И запасы закончились.

– А чо, у бабъ въ вагонѣ горбушку отымали?

– Язви ихъ, энтихъ бабъ! Ну, бывало, и прижимали какую бабу...

– Прижимали? Ах-ха-ха! Поживились, выходятъ!

– Да дай ты рассказать. Мы-то тутъ вотъ сидимъ, и што? Думаемъ: никакихъ большаковъ въ Питерѣ нѣтъ! Намъ што комиссаръ Панкратовъ втолковывалъ? Што большаковъ изъ Петрограда давнымъ-давно выгнали въ шею! А кто выгналъ? Непонятно. И мы – вѣримъ! А вѣрить-то нынче никому нельзя!

– Чо жъ, значить, Панкратовъ – предатель?

– Тише ты! – Люкинъ на дверь покосился. Потерь кулакомъ голую грудь. Поежился. – Опосля баньки-то разымчиво сперва было, а теперь – охолодалъ! Вонъ онъ, морозецъ-то, – кивнулъ на окно, сплошь обложенное слоями льда и инея, – даже двора не различить было въ инистыхъ напльвахъ. – Панкратовъ – не предатель, а такой же человекъ, какъ мы всѣ! Повѣрилъ. Вотъ ты бы што, не повѣрилъ, если бъ табѣ сообщили – Ленина убили?

– Эхъ ты, какъ это такъ... Ну, повѣрилъ бы! А потомъ – опять же не повѣрилъ!

– А повѣрилъ бы, ежели бъ бумаги прибыли?

– Ну, бумаги... Тутъ бы – да...

– Или по телеграфу бы табѣ отбили?!

– Да ну, ты, Гришка, не мѣшай, пуцай Санька далѣ свое вранье плететь...

– Мы когда узнали, што Временное правительство скинули? Вѣрно, въ октябрѣ. А потомъ – кто во што гораздъ! Мы тутъ, въ Сибири, вдали отъ энтихъ столицъ... Богъ знать што

сибѣ навьдумывали... Правѣ Матвѣевъ, што насѣ подмышку собралѣ да туда повезѣ!

– Ну ты, ты скорѣй про Петроградъ давай. Что Питеръ этотъ? на что онѣ похожѣ? и правда – столица?

– Столица, столица, безстыжія лица... Ну а какъ же! Вылѣзли мы на вокзалѣ изъ вагона. Чешемся. Вши, растудыгѣ ихъ. Матвѣевъ сибѣ по карману хлопать: денежки я взялъ съ собою, ищемъ баню, пропаримся до костей, поганцы сдохнуть! Баню – нашли. Чудеса! Стѣны зеленымъ мраморомъ выложены, съ синими и бѣлыми прожилками! Я такого камня даже на Уралѣ въ раскопахъ не видалѣ. Многоцѣнный! Ну, дворецъ чистый. Ковры на ступеняхъ. Перила тожа мраморныя, бѣлые лебеди. А мы-то въ грязныхъ сапожищахъ. Подымамся, какъ по лѣстницѣ Якова въ рай. Въ предбанникѣ шкафы слоновой кости. Съ нумерами – на каждой дверцѣ! И тамъ вѣшалочки. Шинельки мы развѣсили. Раздѣвацца надо до портовъ, а мы стѣснямся.

– Ха, ха! Обнажились?

– Пришлось! Париться жѣ въ портахъ не будешь! По тазику съ желѣзными ушами намъ выдали. Замѣсто шайки. А ищо по вѣнику березовому. А ищо – по куску синяго мыла и по вехоткѣ. Вехотка такая огромная, што табѣ бородачи у попа! Я въ ей чуть было не запутался. Въ залу шагнули – парь клубами! Мужики питерскіе голые, кто блѣдный какъ плѣсень, кто – алый весь, распаренный уже. Стоять передъ тазиками. Плещутся. Изъ двухъ крановъ вода хлещетъ: изъ одинаго – ледяная, изъ другого – кипятокъ. Я чуть не ошпарился! Палець чуть подѣ струю не сунул! Воды набрали, стоимъ, озираемся. Петръ шайки все ж углядѣль. Вонъ, кажетъ, въ ихъ вѣники запариваютъ! И мы туды свои вѣники сунули. Духъ! Пьянѣй вина. Я Матвѣеву – спину вехоткой терѣ. У его на спинѣ, ребята, родинки – крупнѣй сытаго клеща!

– Ха, ха-га-а-а-а!

– А еще чо у него крупное, а? Иль тамъ все мелкое?

– Да не перебивай ты! Надраились вехоткой до того, што кожа заныла. Хрѣнь стоитъ, какъ морква! Глѣбъ на дверь парной киватъ: вотъ таперя можно и туды! Взюшли. Мужики на лавкѣ на верхотурѣ сидятъ. Ровно куры на насѣстѣ. Печка – на желѣзную дверь задраена, съ засовомъ, чисто корабельный трюмъ, машинно отдѣленіе. Засовъ тотъ чугуннымъ крючкомъ отодвигаютъ, понизу шайку становятъ... ковшомъ зачерпываютъ – и разѣ! – печкѣ въ пастъ – водицы! Испей, матушка! Я засовъ отдернулъ, ковшъ за ручку ухватилъ, она нарощно длинная, деревянная, штобъ, значитца, ладони не обжечъ. Воды – отъ души плеснулъ! А мнѣ кричатъ: ищо, ищо давай! Я плещу. Ищо, ищо! – вопятъ. Я въ тую печку такую кучу воды залилъ – ну, думаю, хватить, а то задохнемся тутъ всѣ! И вотъ пошло! Поѣхало! Парь такой – ажъ всѣ косточки выворачивать! Забралися мы наверхъ, на лавкѣ угнѣздились. Ждемъ! И нахлынуло. Такъ задрало! Петръ намъ кричитъ: вся кожа полопацца! Глѣбъ хохочетъ: если живъ останусь, Сашку вздуу!

– А мужики што?

– А мужики рядкомъ сидятъ, похохатываютъ! Вѣниками хлещутся! И мы тоже вѣнички-то схватили да давай наяривать! Эхъ... хорошо!

Сашка зажмурился, какъ слизнувшій сливки котъ, вспоминая питерскую баню. Съ койки на табуретъ пересѣлъ.

– Да ты поближе къ дѣлу валяй!

– Къ дѣлу?

– Къ Ленину!

– А я жѣ про што! Ну, значитъ, попарилися мы вволюшку. Изъ залы вывалились. Полотенцы намъ банщикъ несетъ, чистыя.

– А ты бы хотѣлъ – грязныя?!

Пулеметчикъ Гришка Неѣдовъ, по прозвищу Искра, сидѣль босикомъ, въ рукахъ сапогъ: начищаль сапоги промасленной тряпкой.

– Ничо бы я не хотѣлъ! А хотѣлъ бы... навѣки тамъ остацца. До того расчудесно!

– Банщикомъ, што ль?

– А хотѣ бы и банщикомъ!

– Ха, ха, ха...

– Дальше слушайте! Остыли. Одежку напялили. Вонючая она, опосля дороги-то. Банщику Матвѣевъ – на чай далъ, ровно какъ половому. Онѣ кланялся, смѣялся, а зубы – бѣлые! На улицу спустились, вечерѣтъ, ночевать негдѣ. Мы съ Глѣбкой на Матвѣева смотримъ. Он – главный! Значитъ, самый умный. Приказа ждемъ! А онѣ на насѣ такъ хитро глядитъ и говоритъ: идемте, молъ, прямо въ Смольный, тамъ наши братья-солдаты, неужто не пустятъ сибиряковъ переспать? Да за милую душу! Долго искали, гдѣ тотъ Смольный. Нашли!

Ляминъ стоялъ у замороженного насмерть окна и всѣ рѣчи Сашки слушалъ затылкомъ. Ногтемъ наледѣ ковьярѣлъ.

– Являюсь. Внизу – охрана. Мы имъ: тута Совнаркомъ? Здѣся, намъ въ отвѣтъ! Мы: а Ленинъ, Ленинъ тоже тутъ? Обсердились. Штыки выставили. «А вы кто такіе будете?» – допрашиваютъ. Матвѣевъ всталъ во фронтъ, руку къ фуражкѣ приложилъ: «Отрядъ Совѣцкой власти изъ города Тобольска подь командованіемъ Петра Матвѣева въ Петроградъ прибылъ!» Энтотъ, питерскій, ему тожа честь отдалъ. «Документы!» – ладонь вывернулъ. Ну, мы ему наши удостовѣренья. Онъ опять козырнулъ. Но все-таки насъ на всякай случай ишо разъ глазами – обвелъ. Какъ ледяной водой изъ шайки окатилъ! Мы виду не подали. Время опасное. Подь подозрѣнемъ – всѣ! Дверь съ натугой распахнулъ. Дверь – тяжеленная! Какъ золотая рака, гробъ святой!

Слушали уже тихо, не перебивая. Ляминъ пересталъ скрести оконный иней.

– По коллidorамъ идемъ. Руки ртами грѣемъ. Задрогли, январь-то въ Питерѣ – злѣй сибирскаго, тамъ же вѣтрило съ Финскаго залива какъ задуетъ – такъ духъ изъ тя вонъ, всѣ потроха отмерзнуть, не то што рожь. По лѣсенкѣ взошли, опять мѣрямъ сапогами громадную шой коллиторъ. Конца ему нѣтъ. И тутъ энтотъ, што велъ насъ, какъ вкопанный сталъ передь бѣлой дверью. А дверь – подь самый потолокъ. А потолокъ – башку задери, шею вмигъ сломашъ! Передь дверью – часовой. Энтотъ, нашъ, козырнулъ, на насъ указаль: вотъ, молъ, энти – изъ Сибири! Сибирь, одно слово – волшебное слово. Часовой пошелъ, доложилъ. Въ окнахъ уже тьма. Пять вечера, а однако, глазъ наруже выколи. И мятель, вижу, завихрилася. Глѣбка шепчетъ мнѣ: эй, Сашка, неужто они тутъ такъ до ночи-полночи и сидятъ? бѣдняги...

Глѣбъ Завьяловъ на колѣняхъ стоялъ въ углу, передь сундукомъ; онъ на сундукѣ ножомъ вензеля отъ скуки вырѣзалъ. Ножъ на полъ со звономъ бросилъ. Всѣ оглянулись, зароптали.

– Не такъ! – крикнулъ Глѣбъ. – Что все перевраль! Басенникъ!

– А какъ ты сказалъ? Ну, какъ?

Люкинъ, сидя на табуретѣ, вызывающе подбоченился.

– А вотъ такъ: до ночи правительство наше работаетъ на насъ, дыкъ они жъ герои!

Солдаты смѣялись.

– Такъ герои или же бѣдняги?

– Дальше шпарь, Сашокъ!

– Ну. Ждемъ. Дверь приоткрыта. Вижу въ проемъ: чернай аппаратъ, отъ него по паркету – проводъ. Ножи кресла вижу. На паркетѣ – бумажка валяцца. Чьи-то руки ее баць – и поднимають. Голоса слышу. Матвѣевъ кашлять, нервишки! Глѣбка спокоенъ, какъ баранъ среди овецъ. Часовой выходитъ: «Велѣно пропустить!» Заходимъ. Робѣемъ, што ужъ тутъ. Кресло кожаное. Стулья вѣнскіе, съ гнутыми спинками. Столъ. На столѣ – кипа бумагъ и чай въ стаканѣ, съ подстаканникомъ.

– А Ленинъ, Ленинъ-то идѣ жъ?!

– Вотъ брехунъ, никакъ не подберется...

– Щась подберусь! Попередь Ленина – изъ-за стола – на насъ глазами зыркъ, зыркъ – чернявый такой, малюсенькій, весь бородой вороной заросъ, мохнатый, очкастый... пучки волосъ торчатъ надь однимъ ухомъ, надь другимъ... ну чистый песь дворовый! А костюмчикъ чистенькій, аккуратненькій. Воротничокъ бѣлый, снѣга бѣлѣе. А очки я рассмотрѣлъ: не очки энто, а какъ энто... во, писнэ! Чернявый энто свое писнэ на носу – пальцемъ подтыкать. А оно сползатъ все и сползатъ. Садитесь, энто намъ, товарищи! Вы, гритъ, изъ Сибири? Изъ Тобольска? Дыкъ я жъ васъ жду! Какъ такъ ждете, я ничо не понимаю, осовѣло на Петра гляжу! А Петръ мнѣ: сопли подбери, энто Яковъ Свердловъ, я ему телеграмму... еще раньше... отбилъ...

– А-а, вонъ что...

– Такъ то жъ не Ленинъ, то жъ Свердловъ! А игдѣ Ленинъ?

– Погодь ты! Не гони лошадей! Свердловъ намъ: царей охраняете? Матвѣевъ: такъ точно, товарищъ предсѣдатель ВЦИК! Свердловъ: а разговоръ у царей имѣцца? Ну, штобы сбѣжать изъ-подь нашихъ ружей? Матвѣевъ ажъ побѣлѣлъ, весь банный румянецъ какъ корова языкомъ слизала. Нѣтъ, громко такъ рапортуетъ, не имѣцца! Все тихо-спокойно! Свердловъ обо всемъ разспрашивать – Матвѣевъ отвѣчатъ, какъ въ церковно-приходской школѣ кити-хизисъ. Будто бь нарочно готовился! А я стою и думаю: а пожрать чего-нить у нихъ тутъ можно? Може, угостятъ странниковъ? И Глѣбка, смотрю, съ голоду набокъ валицца. Глядитъ на чай. Стаканъ на блюдцѣ, коло стакана – ложка и бѣлые куски. Сахаръ! Мы сахара не видели сколько времени? То-то и оно!

– Ты, къ Ленину живѣй...

– Свердловъ взгляды тотъ уловилъ, стаканъ къ Глѣбкѣ по столу подвинулъ: пейте, товарищ! И обернулъ къ часовому, и вѣжливенько такъ: вы подите на кухню, нарѣжьте ситнаго, да кильки на тарелкѣ принесите, да вареной картошки, если осталася. У меня все внутри ажъ взвыло отъ радости. Часовой живо возвратился! Съ подносомъ, и ѣда на емѣ! Мы ѣли... столъ энтотъ правительственный обѣдъ съ трехъ сторонъ и ѣли... а Свердловъ смотрѣлъ на

насъ, какъ... какъ на...

Люкинъ замолчалъ, щелкалъ пальцами. Потомъ рукой лобъ обхватилъ.

– Ну чо ты затихъ?!

– Какъ... на звѣрей... въ зоосадѣ...

И всѣ вразъ замолчали. Обдумывали это.

Потомъ Люкинъ заговорилъ тише, спокойнѣе. И печальнѣй.

– Свердловъ повернулся какъ-то бокомъ. И куды-то вдаль глядитъ. Какъ капитанъ съ мостика – на дальній островъ. Послѣдиль я, куды. У далекаго окна кресло. Приземистое. И изъ того кресла чья-то лысая, какъ яйцо, башка торчитъ. Бордюричекъ такой сивыхъ волосъ кругъ лысины. Ну, думаю, старичокъ какой-то дремлетъ. Може, тожа приѣма ждетъ. А Свердловъ глосъ-то возвысилъ. «Владиміръ, – гритъ, – Ильичъ, позвольте васъ отъ работы оторвать! Вотъ тутъ къ намъ важные гости пожаловали! Изъ отряда, что царя охраняють въ Тобольскѣ!» И изъ кресла – навстрѣчу намъ – мужичокъ тотъ поднимацца, махонькій такой, борода острая, клинышкомъ, щеки да глаза ладонью третъ, съ колѣнъ у его тетрадь на паркетъ валицца, онъ за ней наклоняцца, лысина въ свѣтѣ люстры сверкать, – а я кумекаю: такъ вотъ же онъ! Вотъ – Ленинъ!

Общій вздохъ пронесся по комнатѣ и погасъ.

Люкинъ кулаки сжалъ. Такъ и сидѣлъ и говорилъ со сжатыми кулаками.

– Малъ росточкомъ, да. Малъ золотникъ, пословица есть, да дорогъ. Къ намъ подкатился. Мордочкой, энто... на ежонка похожъ. Борода шевелицца, носъ шевелицца, усики дергающа. Изъ глазъ – искры сыплюцца, какой огнеглазый! Веселый, дакъ. Я гляжу во всѣ глаза! Гдѣ, думаю, ищо Ленина увижу! Да нигдѣ. Вотъ тутъ только и увижу. Вмѣсто глазъ у мене будто бы когти сдѣлались, все ими зацѣпляю. На столѣ килька лежала въ мискѣ – такъ ея въ одночасѣ не стало. Все схрумкали! Сидимъ, какъ коты, облизывамся. Свердловъ ищо ситнаго приказалъ принесть. Ситный – вкуснѣй некуда. А Свердловъ намъ: ищо чаю, товарищи? Глотки горячимъ питьемъ грѣмъ!

– А другимъ горячимъ питьемъ-то – грѣли? Али Ленинъ не пьетъ?

– Ты, дурень! въ ротъ не беретъ! начальникъ же!

– Жремъ, прямо передъ носомъ Ленина, а онъ не ѣсть, на насъ глядитъ. И – разспрашивать, а мы съ набитыми ртамы, намъ нелѣпо отвѣчать, да мялимъ все одно. «Тамъ, – гритъ, – у васъ комиссаръ, назначенный Временнымъ правительствомъ?» Мы кивамъ и на Петра глядимъ. Петръ тоже кивать. А по мордѣ вижу, что самъ толкомъ не знаетъ. «Комиссара того – смѣститъ! Комиссара Совѣтской власти – назначить!» Смѣститъ, это же какъ, думаю, въ расходъ пустить, што ли? Матвѣевъ Ленина зрачками грызетъ. Каждое слово – шопотомъ – за нимъ повторяютъ! А Свердловъ молчитъ. Какъ воды въ ротъ набралъ.

Бойцы слушали, открывши рты.

Всѣ – слушали. Никто словечка щепкой въ колесо не вставилъ.

– И такъ вотъ Ленинъ намъ и приказалъ! Ну да, намъ, – вздохнулъ Люкинъ. Затылокъ крѣпко почесалъ. – А кому жъ ищо!

Холодная вода молчанія разбавилась крутымъ кипяткомъ ненарокомъ брызнувшихъ словъ.

– И чо? Больше ничо вамъ Ленинъ и не сказалъ?

Люкинъ оскалился.

– А про чо онъ намъ долженъ былъ ищо сказать?

– Про нашу жись, – говорилъ бородатый, длинный какъ слега, со впалыми щеками, старовѣръ Власть Аксюта. – Про жись! Какъ, моль, мы жить всѣ будемъ... послѣ того, какъ всю эту нечисть, – рукой махнулъ, – со стола, какъ крохи, сметемъ!

– Крохи, – усмѣхнулся Сашка и опустилъ кудлатую башку низко, лбомъ чуть не коснувшись обтянутыхъ болотистыми штанами колѣнъ, – если бъ оне были крохи, а мы – воробьи. Нѣ-е-еть, не крошки оне, и мы не воробышки. А мы всѣ – люди. И мы люди, и оне люди.

– Люди?! – заоралъ Никандръ Елагинъ, выпрямляясь гнѣвно. Волосенки вокругъ головы дыбомъ встали. Уши отъ внезапнаго бѣшенства покраснѣлись. – Если бъ – люди! Какіе жъ они люди! Они – кровопийцы! Всю кровушку изъ Расеи выпили! А мы ихъ... тутъ... лелѣемъ! Стыдъ меня беретъ! Давно бы ихъ за оврагомъ, близъ Тобола, чпокнули!

Ляминъ молча закурилъ, и дымъ успокоительно и дурманно обволокъ всѣхъ, уже зароптавшихъ, загудѣвшихъ ульемъ. Курилъ, ссыпалъ пепель въ горсть. Перепалку слушалъ. Не встревалъ.

– Я и не радъ, што спросилъ! – гремѣлъ Аксюта. Его мощный басъ словно бы раздвинулъ стѣны комнаты, приподнялъ крышу, птицъ распугалъ. – Я и самъ гадовъ ползучихъ, всѣхъ, кто на Красную Расею позарится, своими руками – разстрѣляю, передушу! Но только тѣхъ, кто на насъ нападетъ! А мирныхъ – нѣтъ, гнобить не буду! И этихъ...

Власть Аксюта покосился на дверь, будто бы тамъ стоялъ царь съ семьею и могъ его

подслушать.

«А кто их знает, может, и стоять». Ляминь поглядѣлъ на печную дверцу. Неистово горѣлъ огонь, дверца была плотно закрыта, и пламя видать было лишь въ щели да въ про-
духи.

– Ну ты, попь бывшій! Знаемъ мы, какъ ты въ Красную Гвардію пошелъ! Храмъ твой сожгли, приходи твой перебили! Вотъ ты, штобъ по міру не отправиться, и качнулся въ Красную Гвардію! А поповскихъ въ тебѣ ухватокъ – хоть отбавляй, все не отбавишь!

– Но, ты! – Аксюта замахнулся на неистово кричавшаго, долыса бритаго Игната Завьялова, Глѣбова брата. – Бреши, да не заговаривайся! Ты мнѣ церковь не забижай! И про поповъ зря не мели! Я, может, когда все закончится... опять въ церковь служить пойду!

– Ой, по-о-о-опь! Ой, по-о-о-опь! – хохоча, показывалъ корявымъ пальцемъ на Аксюту Игнатъ. – Ой, насмѣши-и-и-иль!

Издали, отъ самой двери, раздалось:

– Братцы, уймитесь... Эхъ вы, братцы...

Борода Аксюты дергалась. Скулы вздувались и играли. Онъ повернулся спиной къ хохотавшему Игнату. Приблизилъ бороду къ уху Сашки Люкина.

– Дыкъ я про Ленина спросилъ. Чо онъ говорилъ про насъ?

Люкинъ ошалѣло глядѣлъ не въ глаза Аксютѣ – слишкомъ горячіе они у него были, обжигая, плыли впереди лица: на сморщенный мятымъ голенищемъ лобъ.

– А въдь и правда, чо-то баялъ. А вотъ чо? Забылъ я уже.

Аксюта разсерженно сжалъ кулакъ и помоталъ имъ въ воздухѣ.

– Ахъ ты, ну какъ старикъ уже! Безпамятный!

Люкинъ хлопнулъ себя по лбу. Полѣзъ за голенище и вынулъ оттуда мертвого сверчка.

– Чертовня какая, энто онъ мнѣ – въ банѣ въ сапогъ свалился! – держалъ сверчка на ладони, разсматривалъ. – Эхъ, козявка, букарашка... Пѣлъ ты, плясалъ... ногами скрежеталъ... усами шевелилъ... а потомъ р-разъ – и сдохъ. Жись! Вотъ она какая!

Поднялъ голову. Покарябалъ ногтями голую грудь.

– Вспомнилъ! Не дѣдокъ я ужъ такой дряхлый! И память не растерялъ! Ленинъ сказалъ такъ: вы поборитесь какъ слѣдовать, всѣхъ враговъ одолѣйте, и наступитъ свѣтлое время... свѣтлое будущее, во какъ онъ сказалъ!

– Свѣтлый рай, – очень медленно, будто старый засахаренный медъ жеваль, проговорилъ Аксюта, – свѣтлый такой рай, пресвѣтлый...

– Да не рай! – возмущенно крикнулъ Исидоръ Хайрюзовъ, родомъ изъ-подъ Иркутска, изъ семьи, гдѣ мать родила пятнадцать душъ дѣтей. – Не рай! А свѣтлое, слышите вы, глухіе, будущее!

– Да, – медленно кивнулъ Аксюта, – за поправку – спасибо... дѣти наши, а то и внуки, может, увидятъ... заживутъ... мы за нихъ въ морѣ крови тонемъ...

Широко, какъ широкую мережу изъ воды вытаскивалъ, обвелъ твердой доской-рукой округъ себя. И Ляминь прослѣдилъ за медленнымъ движеніемъ его ладони.

«Море крови. Море. Или рѣка. Все равно море».

Гомонили. Курили. Другъ друга по плечамъ били. Зубъ за зубъ огрызались. Хохотали. Хихикали. Заслоняли лица руками, словно отъ яркаго свѣта.

– А ты чо молчишь? Хоронисся?

Ему межъ лопатокъ достался ударъ увѣсистаго веселаго кулака. Ляминь обернулся.

– А, ты. Я не хоронюся, – бросилъ онъ Андрусевичу. – Я – думаю.

– Думаютъ индюки!

– Не бойсь, въ супъ не попаду.

– Ну ты, дружище, прервали тебя! А чо дальше-то было? Чо, Ленинъ васъ спать пошелъ уложилъ?! – крикнулъ залиvisto, какъ поутру пѣтухъ, уже развеселившійся Игнатъ Завьяловъ.

Люкинъ руку впередъ выбросилъ.

– Эй, тамъ! Гимнастерку подайте! И тужурку. Задрогъ я. Чо ко мнѣ прилипаете, какъ осы къ медку?! Все я сказалъ. Все.

– Все, да не все! – вскрикнулъ Игнатъ.

– А хочешь все? Да ничо особеннаго. Ночь спустилась. За нами рыбы хребты да крошки прибрали. Подстаканники унесли. Каки-то дѣвки, ядрить ихъ. Въ узкихъ такихъ платьяхъ, сами длинныя, какъ рыбы. Такъ бы и съѣлъ.

Люкинъ бросилъ дохлаго сверчка на полъ, натянулъ гимнастерку, накинулъ поверхъ истертую тужурку.

– Чо жъ не съѣлъ?!

– Иди ты. Петръ баеть: въ обратный путь пора. Вы, гритъ, слова Ленина помните? Не выдавать царя никому и никогда безъ приказа товарища Свердлова и Совнаркома. Ну мы

кивамъ: поняли, значитца, все! Только приказъ ВЦИКа, и подпись Ленина самого! А так ни-ни! Положили насъ на ночевку въ маленькой каптеркѣ. Тамъ отчего-то копченными лещами всю ночь страсть какъ пахло. Я ажъ весь слюной изошелъ. И посреди ночи всталъ, какъ этотъ, лунатикъ, и пошелъ тѣхъ лещей искать. Ну, думаю, гдѣ-то свертокъ схоронень! Али – въ ящикѣ запрятаны, ну такъ воняютъ аппетитно, душу вонь! Шарю. Матвѣевъ и Глѣбъ – храпятъ, не побудисся. И вотъ источникъ запаха, кажись, отыскалъ. Наклоняюсь. Коробъ передо мной. Закрытъ неплотно. Я крышку вверхъ – ать! – а тамъ... а тамъ...

– Не томи, мать твою!

– А тамъ – банки съ гуталиномъ и ваксой, и – до черта ихъ...

Смѣхъ грохнулъ, какъ выстрѣлы, вразнобой.

– Спали отвратительно. Можно сказать, и не спали! Хотя и въ поѣздахъ энтихъ, какъ назло, тоже поспать власть не удавалось. Тамъ лежи да ушами стриги. Каптерка душная да холодная. Отопления у нихъ въ Смольномъ – тоже никакого! Дровишки экономятъ. А Ленинъ, бають, тамъ частенько ночуетъ. Когда государственныхъ дѣлъ невпроворотъ. На кожаномъ диванѣ.

– Холодно яму.

– Ну дыкъ накроютъ чѣмъ тепленькимъ. Шубой какой.

– И вотъ переспали мы... еле встали. Спали-то на полу. Прямо на паркетѣ. Въ шинеляхъ. Руки подъ щеки подложили, и впередъ. А тутъ утро. Выросло, какъ грибокъ изъ-подъ земли. Съ часовымъ хотѣли какъ люди попрощацца – а глядь, тамъ уже двое другихъ маячатъ. Съ ружьями, все честь по чести. Нѣтъ, никто Ленина не убьетъ!

– Ну, пусть только посягнутъ.

– На площади живьемъ сожжемъ того, кто – посягнетъ!

– Ты, братъ, доскажи...

– Выкатились изъ Смольнаго. Нева передъ нами. Охъ, широкая! Да не шире нашей Оби.

Или – Енисей нашего.

«Или Волги. У Жигулей».

Ляминъ прикрылъ глаза. Носомъ втянулъ воздухъ и ощутилъ будто влажный, волглый и рыбій запахъ рѣки. А потомъ – наважденьемъ дѣтскаго сна – тревожный, густо-пряный духъ желтыхъ кувшинокъ.

«Мнѣ бы тоже брякнуться да выспаться, на ходу брежу».

– Стоимъ, на парапету облокотилися! Вода идетъ мощно, могутно. И – быстро. Такъ катить, что тебѣ моторъ! А мы и забыли, какъ на вокзаль добирацца. Языкъ, понятно, до Киева доведетъ! Всѣхъ пыгамъ, встрѣчныхъ-поперечныхъ! Заловили старушку одну. Ну точно бывшая! Въ мѣхахъ, правда, драныхъ, въ кружевномъ платочкѣ, въ ухахъ алмазы.

– Брульянты, дуракъ.

– Точно, они самые. Мы ее взяли въ кольцо. Моль, какъ къ вокзалу пройтить. Али профъхатъ. А она на насъ глаза какъ вскинеть! А глаза какъ у молодой. И въ глазахъ... не, братцы, не могу передать. Ненависть одна черная! Ну ненависть! Такая, что мы замолчали... и чуть не попятились! А она намъ: стрѣляйте хоть сейчасъ, негодяи, вы всю мою жизнь разстрѣляли, всѣхъ моихъ убили, весь мой мѣръ – сожгли! А я вамъ еще, какъ къ вокзальчику профъхатъ, показывай?! Да идите вы всѣ знаете куда?! И на землю подъ нашими ногами – плюеть!

– На этотъ, асвальдь. Какая тамъ земля.

– Ну лядъ съ нимъ. И еще разъ плюеть. И Матвѣеву на сапогъ – попала. Онъ ручонки-ми-то взмахнулъ. Ну, думаю, сейчасъ старуху задушить! А онъ вдругъ знаете што? Обнял ее!

Тишина свалилась съ потолка сѣрой паутиной.

Въ полномъ молчаніи Люкинъ договаривалъ – потерянно, тихо.

– Обнялъ... да... Она не вырывалася. Мы стоимъ рядомъ. А Петръ старуху выпустилъ изъ лапъ, полѣзъ въ карманъ шинели и вытащилъ свертокъ. Развернулъ газету, а тамъ – хлѣбъ. Ситный, тотъ! Што мы въ Смольномъ... на глазахъ у Ленина... фли... онъ намъ тотъ хлѣбъ – въ дорогу приховалъ... И вотъ ей суетъ. И шепчетъ, а я слышу: бабушка, только не бросай хлѣбъ, не бросай, ты только съѣшь его, съѣшь, а то силъ не будетъ, умрешь. Ты только его, шепчетъ...

– Што? – шепнулъ Игнатъ.

– Чайкамъ, уткамъ – не отдавай...

Помолчали всѣ. Подышали – глубоко, тяжело.

– Такъ Ленина хлѣбъ и уплылъ! Бабушкѣ за кружевную пазуху! Графинькѣ, небось, вчерашней...

– А бабка та – и спасибо не сказала?

– Ничо не сказала. Какъ рыба молчала. Мы пошли, а она стоитъ. Я обернулся. Хотѣлъ еще разъ ей въ глаза глянуть!

– Ну и што? Глянулъ?
 – Глянулъ... А глаза – закрыты... И хлѣбъ къ тощимъ грудямъ – прижимать...
 – А чо съ нами тутъ Матвѣва нѣтъ? Брезгаетъ начальникъ нами, клопами?
 – Да не. Дрыхнетъ послѣ бани. Мы-то тутъ молодые, а онъ ужъ сѣденъкай.
 – Это Аксюта-то молодой?!
 – А хочешъ сказать, я Маѳусаиль?!
 – Молчать, солдаты, – Люкинъ наступилъ на сверчка сапогомъ. Высохшее насѣкомое хрустнуло подъ подошвой. – Онъ и правда спить. Онъ насъ съ Глѣбкой въ пути – знаете какъ спасалъ? Вамъ и не снилось. Смерть-то, она всюду близко ходить.

«Иногда такъ близко, что путаешь, ты это или она», – думалъ Ляминъ, вертѣлъ болтавшуюся на ниточкѣ мѣдную пуговицу. Надо бы Пашкѣ сказать, пусть пришьетъ.

А гдѣ Пашка? Второй день не видать.

Да онъ не сторожъ ей, чтобы за ней слѣдить.

Онъ – за царями слѣдить. За это ему и жалованье, и харчъ, и почетъ.

И вдругъ далеко, за печкой, за матицей, подъ потолкомъ, а можетъ, и на чердакѣ, подъ самой крышей, запѣлъ, затрещалъ сверчокъ.

– Живой! Елочки жъ моталочки!

– Ты жъ его пяткой давилъ – а вотъ онъ ожилъ!

– Брось, это жъ другой.

– А тотъ-то гдѣ?

– Да на полу валялся!

– А глянь-кось, его тута и нѣту уже! Уползъ!

– Воскресъ...

– Какъ Исусъ, што ли?

– Ну наподобіе...

– Ти-хо!

Люкинъ поднялъ палець. Задралъ подбородокъ. Слушалъ такъ неистово, будто молился. Сверчокъ трещалъ неумолимо и радостно, будто спалъ – и вотъ проснулся, былъ мертвъ – и вотъ ожилъ.

Лицо Сашки Люкина изумленно, медленно начинало свѣтиться. Въ темной широкой, какъ баржа, биткомъ набитой людьми комнатѣ лицо одного человекѣ свѣтилось, разогрѣвалось медленно, какъ керосиновая лампа; пламя лилось изъ глазъ, заливало переносье и надбровья, озаряло раскрытый въ дѣтскомъ удивленіи ротъ.

– И правда сверчокъ...

Власть торжествующе повернулся къ Люкину.

– А онъ-то – далеко! Не укусишь! Не раздавишь!

Люкинъ озлился. Робкая улыбка превратилась въ оскаль.

– Захочу – и раздавлю! На чердакъ влѣзу – и найду! И въ расхоть!

Сверчокъ пѣлъ счастливо и неусыпно.

Ляминъ всталъ и шагнулъ къ печи. Ему невозможно, до нытья подъ ребромъ, захотѣлось увидѣть живой огонь. Взялъ кочергу, лежащую на обгорѣлой половицѣ, сѣлъ на корточки, подцѣпилъ ею раскаленную печную дверцу. Дверца узорнаго литья: по ободу завитки въ видѣ кривыхъ крестовъ, въ центрѣ ѣдетъ колесница, въ колесницѣ въ ростъ стоитъ женщина въ развѣвающимся платьѣ, править четверкой лошадей.

Наклонился. Пламя пыхнуло въ лицо, едва не поцѣловало согнутыя ноги. Онъ нагнулъ голову еще ниже. Вытянулъ къ огню руки. Шевелилъ пальцами. А что, если руки сунуть въ огонь? Ненадолго, на мигъ. Что будетъ? Обожгутся? Покроются волдырями? Опалятся волоски? Обуглятся и затлѣютъ ногти? Или ничего не будетъ, какъ у тѣхъ, кто паломничалъ на Святую Землю, въ славный градъ Иерусалимъ, и былъ на Пасхальной службѣ въ храмѣ Воскресенія Христова, и дожидался въ толпѣ возжиганія Благодатнаго Огня, и зажигалъ пукъ бѣлыхъ свѣчей отъ летучаго того пламени, и совалъ въ пламя руки, лицо, лобъ, бороду, гладилъ тѣмъ пламенемъ грудь и шею, цѣловалъ его голыми, беззащитными губами? И – живъ остался, и не запыхалъ!

Дрова трещали въ печкѣ. Дотлѣвало огромное толстое сосновое полѣно. Изъ печи тянуло смолистымъ духомъ. Громкій трескъ сухого дерева рвалъ уши, люди вздрагивали и смѣялись.

Ляминъ пошерудилъ кочергой дрова. Головешки сочились синими огнями. Мелкія вѣтки давно сгорѣли. Оставались только крупныя, круглыя, тяжелыя бревна, распиленные криво, какъ придется. Огонь обнималъ ихъ, бѣгалъ по нимъ рыжими быстрыми ногами.

Лицо напротивъ огня. Руки рядомъ съ огнемъ.

«Такъ и наша жизнь. Рядомъ съ огнемъ. Всегда. И сжечься – такъ просто. Тебя въ огонь бросятъ, и сгоришь. Или онъ самъ къ тебѣ подступитъ, и не убѣжишь. А какой красивый!»

Огонь плясалъ вѡкругъ кочерги.

«Вотъ она черная, страшная, а огонь вѡкругъ нея ой какъ пляшетъ».

– Эй! Эге-гей! Слушай мою команду! – Матвѣевъ въ дверяхъ стоялъ при полномъ парадѣ. Плюгавенькій, напускалъ на себя видъ военачальника. – Всѣ на собраніе!

– Куда? На какое?

Звѣзды рѣзкими ножевыми лучами напрасно старались разбить затянутае свѣтящимся льдомъ окно.

– На общее! Весь отрядъ – быстро собрать! Всѣмъ буду докладывать, что намъ ВЦИК приказалъ въ Петроградѣ!

– Эй, командирь, а пошто собраніе-то ночью? Чай, спать всѣ хотимъ!

– И то вѣрно, завтра рано вставать! Затемно!

Матвѣевъ скрипнулъ зубами, будто орѣхъ разгрызалъ.

– Перебьетесь. Важные вопросы рѣшать будемъ!

– А съ чѣмъ связаны-то вопросы? Може, и тута рѣшимъ?! – крикнулъ Игнатъ Завьяловъ. Щеголялъ въ тѣльняшкѣ: ему недавно подарила дѣвчонка съ тобольскаго рынка. Сказала – съ убитаго моряка, ея жениха. Слезы тѣмъ тѣльникомъ утерла и Игнату въ руки насильно всунула. «Убѣгла, – рассказывалъ солдатамъ Игнатъ, – а я съ тѣльникомъ посреди рынка стою, какъ Петрушка, и думаю: а може, въ костерь швырнуть, може, онъ заговоренный?»

– Съ кѣмъ, съ чѣмъ! Сами знаете!

И тутъ всѣ сразу, странно, безъ словъ все поняли.

И засобирались.

Кто успѣлъ изъ портковъ выпрыгнуть – снова въ нихъ влѣзаль. Набрасывали на плечи шинели: плохо протапливался большой домъ. Топая, сапогами грохоча, спускались внизъ, въ старую пустую, безъ мебели, каминную. Мебель всю на кострахъ сожгли да въ печахъ, объ ней и помину не было.

Въ каминной рядами стояли узкія листовничныя лавки. Солдаты разсѣлись. Крутили «козьи ноги». Раздавался пчелиный медовый духъ: кто-то со шелканьемъ, съ чавкомъ жевалъ прополисъ.

Матвѣевъ всталъ передъ отрядомъ, по правую его руку развѣвалъ пасть громадный, давно холодный каминъ. На желѣзномъ листѣ, какъ на днѣ морскомъ, валялись старыя головни. Онѣ походили на обгорѣлыя хребты огромныхъ рыбъ.

– Итакъ! Собраніе начинаемъ. На повѣсткѣ дня...

– Ночи, ешкинъ котъ...

– Судьба тѣхъ, чьи жизни сейчасъ находятся въ нашихъ рукахъ! Въ вашихъ рукахъ, товарищи!

– Въ вашихъ, въ нашихъ, – буркнулъ Игнатъ Завьяловъ. – Какъ-будто намъ тутъ что позволено.

Громко крикнулъ:

– Да поняли ужъ всѣ! Ни въ какихъ не въ нашихъ, а въ твоихъ!

– Ни въ какихъ не въ моихъ, а въ рукахъ ВЦИК и Ленина! – запальчиво и рѣзко крикнулъ въ отвѣтъ Матвѣевъ.

– Ну вы тамъ, ты, Игнатка, давайте безъ перепалокъ...

Матвѣевъ пріосанился. Пощипалъ тощіе усенки.

– Слушаемъ внимательно! Нашъ отрядъ охраняетъ особо важныхъ персонъ. Ихъ жизни важны для нашего молодого государства! Германцы, – Матвѣевъ кашлянулъ и снова подергалъ усь, – германцы, а возможно, и англичане, да что тамъ, цѣлая Европа... спать и видить, какъ бы вызволить отсюда, изъ Сибири, бывшихъ, кхмъ... – слово «царей» побоялся выговорить. – Бывшихъ правителей Россіи! Гражданина Романова и его семейство!

– Ишь какъ онъ ихъ пышно, семейство, – шепталъ Мерзляковъ себѣ подъ носъ, – прямо сынокъ имъ родной...

– Въ Петроградѣ власть перешла въ руки большевиковъ! А значить, судьбу Романовыхъ нынче рѣшаетъ кто? Большевики! Выношу на повѣстку дня...

– Ночи, въ бога душу...

– Вопросъ о томъ, на чьей мы сторонѣ! И какъ мы теперь должны охранять намъ ввѣренныя людей! Ленинъ въ Петроградѣ сказалъ намъ такъ: стереги ихъ какъ зѣницу ока, потому какъ мы одни... мы! одни! слышите! это Ленинъ ВЦИК и себя имѣлъ въ виду!.. можемъ распорядиться ихними жизнями! Я рѣшилъ вотъ что. Эй, уши наострите! Что мы всѣ – да, всѣ мы – всѣмъ отрядомъ! – дружно переходимъ на сторону большевицкаго правительства! Другого пути у насъ нѣтъ! И посему... – опустилъ глаза, словно бы шаря зрачками по невидимымъ строкамъ несуществующей бумаги. – Посему даю вамъ всѣмъ клятву, что скорѣе самъ сдохну, но никому изъ этой семейки не дамъ уйти живыми... если они вдругъ захотятъ

отъ насъ убѣжать!

Пахло махрой, портянками. Ляминъ глядѣлъ на каминъ.

«Затопить бы... согрѣться... Да всѣ дымоходы, видать, грязью забиты...»

– И они! Никогда! Отъ насъ! Не удеруть! Мы за нихъ – за каждого – шкурой отвѣчаемъ!
Уразумѣли?!

– Што жъ не понять, командиръ!

– Все ясно какъ день...

– И въ каждую смѣну караула я теперь ставлю – по одному человекѣ изъ большевицкаго правительства Тобольска!

Зашумѣли.

– А по кой намъ чужіе люди?!

– Экъ што удумаль!

– Чо мы, сами не справимся?! Не совладаемъ съ энтими... съ дѣвчонками?! да съ мальцомъ задохлымъ?!

– Что сказалъ, то сказалъ! Приказалъ! – Матвѣевъ ощерился, сверкнулъ поросычыми глазенками. – Это приказъ! Чужихъ встрѣчать миролюбиво! Харчемъ – дѣлиться! Сторожить – не смыкая глаз! Мнѣ самъ Ленинъ сказалъ: разговоръ – существуетъ! Только слишкомъ глыбко, тайно запрятанъ...

Перевель духъ.

* * *

ИНТЕРЛЮДИЯ

...перевести духъ. Мнѣ бы хотъ немного перевести духъ.

Да они – мои солдаты – мои цари – никто – ни одинъ изъ нихъ – ни на минуту не отпускаютъ меня.

Я хочу сказать о нихъ правду.

А мнѣ говорятъ: какую ты правду избрала, вгдѣ тогда много правдъ было, и никто не знаетъ, какая – вѣрная, самая правдивая правда! Солдатская тамъ, или комиссарская, офицерская ли, царская! А можетъ, мужицкая? Меня спрашиваютъ: какъ ты ихъ видишь, какимъ острѣйшимъ зрѣньемъ, своихъ красноармейцевъ – какъ великій возставшій народъ, знающій, что онъ творитъ, или какъ народъ жалкій, несчастный, обманутый, ведомый за красную, кровавую веревочку, видящій передъ голодной и грязной мордой своей красную морковку лучшей, прекраснѣйшей жизни? Надо мной смѣются: вотъ, баба, ты взялась не за свое дѣло!

А ты, кричу я въ отвѣтъ, ты-то знаешь, что на самомъ, на самомъ-то дѣлѣ тамъ и тогда – было? Что, берешься досконально и доподлинно все изобразить – и наконецъ-то предъявить намъ послѣднюю, наивѣрнѣйшую, сильнѣйшую правду, что поборетъ всѣ остальные, слабыя и хилыя правды? А? Что?! Не слышу. Берешься?

Мнѣ говорятъ, улыбаясь мнѣ въ лицо: вотъ ты хочешь сказать, что и красные – страдали, что за красными – она, наша послѣдняя правда, что красные воевали за хлѣбъ – голоднымъ, за миръ – народамъ, за землю – крестьянамъ... и кровь за это щедро лили, еще какъ проливали? Да? Да?! Что молчишь?!

Хочешь сказать, мнѣ кричатъ, что у красныхъ тоже были хорошіе генералы?

А еще вчера эти красные генералы были генералами царской арміи – и вели въ бой съ германцами русскія войска въ Польшѣ, въ Галиціи, подъ Брестомъ, подъ Молодечно!

А позавчера они, твои красные генералы, были царскими юнкерами!

Хочешь сказать намъ о томъ, что красныхъ солдатъ – обманули говорливые, съ лужежными глотками, партійные пропагандисты?

А можетъ, хочешь другое сказать намъ. Что красныхъ было гораздо больше, чѣмъ бѣлыхъ, что всѣ ставали подъ красныя знамена, кто былъ угнетенъ, раздавленъ, обобранный, – убитъ при жизни! Всѣ, кому надоѣла нищяя безславная жизнь!

А ты, должно-быть, не знаешь, какъ командармъ Араловъ кричалъ на Восьмомъ съѣздѣ РКП (б): «Воинскія части приходятъ на фронтъ, товарищи, не зная, зачѣмъ онѣ борются! Внутреннія формированія недостаточно устойчивы!» А Иосифъ Сталинъ кричалъ въ отвѣтъ: «Опасны для насъ, большевиковъ, отнюдь не рабочіе, что составляютъ большинство нашей арміи, – опасны именно крестьяне, они не будутъ драться за социализмъ, не будутъ!.. и, товарищи, отсюда наша первоочередная задача – эти опасные элементы заставить драться!» А ты знаешь ли, какъ заставляли? Нѣтъ?! Такъ слушай!

Какъ заставить крестьянъ воевать подъ краснымъ знаменемъ – указалъ товарищъ Троцкій: да очень просто! поставитъ за спиной атакующихъ пулеметы!

А знаешь, что говорилъ Григорій Сокольниковъ, онъ же Гиришъ Янкелевичъ Бриллиантъ, командующій Восьмой арміей: «Если армія будетъ находиться подъ командованіемъ бывшихъ офицеровъ, можетъ произойти то, что крестьяне возстанутъ противъ насъ!»

Ну и какъ тебѣ это все? Ты наконецъ понимаешь, что красные боролись за власть и только за власть?! Бывшихъ царскихъ офицеровъ красные вынуждали вступать въ Красную Армію угрозами расправы съ ихъ семьями. Обманомъ: мы побѣдимъ, мы – сила и правда! Генерала Брусилова обманули. Верховскаго, Апухтина, Баграмяна, Карбышева, Лукина – обманули. Послѣ гражданской войны тысячи офицеровъ, служившихъ въ Красной Арміи, были арестованы и расстрѣляны. Чистка! Великая чистка! Вотъ этого ты – хочешь?! Со своей правдой?!

...духъ перевести бы.

...смерть, вѣдь ее называли разными словами. Смотря кто называлъ и смотря когда.

Бой. Битва. Подвигъ. Сдохни подъ заборомъ, собака. Эшафотъ. Пуля. Петля. Столыпинскій галстукъ. Десять лѣтъ безъ права переписки. И это, съ виду такое блестящее, здоровьемъ пышущее, аккуратное, домашнее, врачебное, словно хлорка въ ведрѣ или спиртъ въ мензуркѣ, – чистка. Чистка!

...Чистили, чистили, чистили нашу землю. Добѣла начистили. Докрасна. А потомъ и дочерна.

Что я вамъ отвѣчу, вы встѣ, кто жаждетъ подлинной и окончательной, истинной правды?

Что бы вы сдѣлали сами, окажись вы подѣ прицѣломъ красноармейскаго нагана?

А – подѣ прицѣломъ бѣлогвардейской винтовки, еще съ турецкой войны пользованной?

За власть, говорите, боролись красные? Да. Тѣ, кто былъ близко къ власти, – боролись за власть.

А тѣ, кто по всей безкрайней Расѣ былъ разсѣянъ, – боролись за счастье. Свое и дѣтей. Вѣдь они его никогда не видали, счастье-то. Или – очень редко. На ярманкѣ, когда леденцовыхъ пѣтушковъ сосали. Да на рыбалкѣ, когда сътью – изъ рѣки – тяжелую рыбу тащили. Земля, родная земля, сверкающая всѣми огнями, окнами, дымами, хоровами, литовками на стѣнкахъ, сугробами, звѣздами, ожерельями рѣкъ и озеръ, латунными и золотыми, бьющимися въ послѣдней мукѣ рыбами на сырѣмъ песчанѣмъ берегу, – вотъ она только, земелюшка, счастьемъ и была.

А вы говорите – власть!

Какая у мужика власть? Гдѣ?

...чистили, чистили, чистили. Красное знамя – красной тряпкой пыль и грязь съ Россіи вытирало. Вытерло? Вычистило? Отмыло?!

...за весь вѣкъ мы потеряли всѣхъ: и крестьянъ, и землю, и счастье.

Что осталось?

Вотъ одна смерть, посреди жизни, каждому и осталась.

Своя собственная.

И не надо ея бояться. Иной разъ она – лучшій исходъ.

...какъ это сказала одна прекрасная, давняя снѣжная маска, имя ея сейчасъ ужь быльемъ поросло, да никто его и не знаетъ, никто не помнитъ; я знаю, я одна.

Не знаю – часъ. Но чувствую пустоты –

Просторы; черноту; и бѣлизну.

Поля снѣговъ. Древесные заплоты.

...Ты, какъ свѣчу, держи меня одну,

Богъ одинокій, въ кулакѣ костлявомъ.

Ты даль мнѣ жизнь. Ее Тебѣ верну,

Какъ перстень бирюзовой, синей славы.

Ничто: ни казни, мести, ни отравы —

Передъ лицомъ Твоимъ не проклянѣю.

Смерть – это снѣгъ. Тамъ холодно. Кровавы

Мои ступни – отъ ледяныхъ гвоздей.

Гуляетъ вѣтръ невѣдомой державы.

Всякъ на снѣгу, прикрывъ рукой корявой

Лицо отъ вѣтра, – рабъ, исподъ людей.

...какъ это красиво написано. Какая красивая, скорбная тутъ смерть. А вѣдь на самомъ дѣлѣ она уродливая. Она страшная и ненавистная. Для кого? Для того, кто не вѣруеть въ Бога?

Да вѣдь и для Бога – чистку придумали.

...да сырою красной тряпкой до Него – не дотянулись.

Поэтому не говорите мнѣ, пожалуйста, о послѣдней правдѣ. Не кричите мнѣ въ уши о томъ, у кого она на самомъ дѣлѣ спрятана за пазухой. Я не шарю по чужимъ карманамъ. И я не рву прилюдно рубаху на груди и не кричу: я, я одна знаю все, эй, слушайте меня!

Не слушайте. Закройте глаза и тихо подумайте о смерти. Эти письма – о смерти и о жизни, и она-то есть одна медаль, единый Георгіевскій крестъ о двухъ сторонахъ, имъ же насъ наградили родители, земля, Богъ. Да, Богъ, кривитесь и отворачивайтесь, безбожники. Это ваше право. У васъ въ рукахъ, вижу, новыя красныя тряпки – новую пыль съ вѣсковъ стирать.

* * *

Комиссаръ Яков Юровскій не любилъ вспоминать.

Онъ вообще не любилъ задумываться; его нутро было устроено такъ, что ему надо было все время дѣйствовать.

Дѣло – вотъ былъ его стягъ. Онъ высоко поднималъ его надъ головой.

Но хитеръ былъ; любое дѣло вѣдь, прежде чѣмъ дѣлать, надо обдумать, и вотъ тутъ – обдумывалъ. И продумывалъ все: тщательно, до подробностей. Перестраховщикъ, онъ все дѣлалъ, отмѣряя и вымѣряя, не надѣясь на везеніе, а надѣясь только на себя.

Но иной разъ, вечеромъ, дома, улегшись, послѣ вкусныхъ маковыхъ кнедливокъ матери, тети Эстеръ, на низкую скрипучую кушетку и закинувъ руки за курчавую баранью голову, онъ вспоминалъ то, что минуло.

...Стекла въ рукахъ отца. Они блестятъ, на солнцѣ – ослѣпляютъ.

Онъ, мальчишка, заслоняется рукой отъ нестерпимаго блеска.

Отецъ вставляетъ стекла въ окна людямъ: и богатымъ, и не очень. Чаше всего бѣднымъ. Береть за работу очень дешево. Стекла у него грязныя, и часто бьются. Разсыпаются мелкой радугой. Отецъ страшно сутулый, почти горбатый. Онъ горбатится потому, что все время таскаетъ стекла. Ноги его заплетаются, какъ у пьянаго, хотя онъ не пьяный; когда онъ устаеетъ, онъ свиститъ сквозь зубы смѣшную мелодію изъ трехъ нотъ, и тогда мальчишкѣ Янкелю кажется: отецъ – птица и сейчасъ улетитъ.

Отецъ таскалъ стекла, а мать шила и шила, и изъ-подъ ея руки, изъ-подъ стучащей иглы швейной машинки ползла и ползла рѣка разныхъ тканей. И толстыхъ, и тонкихъ. И пушистыхъ, и паутинныхъ. Шерсть, твидъ, крепъ-жоржетъ, крепдешинъ, бархатъ, плись, шелкъ. Ножницы въ рукахъ матери пугали Янкеля. Онъ взмахивали и отрѣзали кусокъ отъ длиннаго, сходнаго съ великанской колбасой отрѣза, – а Янкелю казалось, что онъ сейчасъ отрѣжутъ ему голову. И онъ кричалъ: «Не надо!» – и убѣгалъ въ сарай во дворѣ, и забивался за полѣнницу дровъ, и втягивалъ курчавую голову въ острия плечи, и плакалъ, трясясь.

Кромѣ Янкеля, въ домѣ были еще дѣти. Янкелю казалось – они шуршатъ, какъ мухи въ кулакѣ. Онъ научился считать – и смогъ ихъ, братьевъ и сестеръ, сосчитать всѣхъ уже въ школѣ. Тетя Эстеръ рожала каждый годъ, какъ кошка. Иные дѣти умирали еще въ колыбелькѣ, и тогда тетя Эстеръ горько плакала и страшно кричала. Она выкрикивала на незнакомомъ языкѣ слова, похожія на древнія забытыя мелодіи. А отецъ садился на полъ, раскачивался и тоже говорилъ, какъ пѣлъ. И тоже непонятно.

А маленькіе дѣти въ люлькахъ и кроваткахъ ревѣли и визжали, какъ поросята; а если люлекъ не хватало, ихъ клали въ большія корзины, выстилая корзину мягкой фланелью.

Дѣтей родилось шестнадцать, а росло десять.

Заказчиковъ у тети Эстеръ всегда хватало. Копейку она зарабатывала; и отецъ тоже.

Но насталъ черный день, и тетя Эстеръ сломала руку и не могла шить; а отецъ упалъ съ чужого чердака и сломалъ ногу и не могъ ходить. Нога заживала плохо и медленно. Гноилась кость.

Дѣти, кто подросъ, уходили въ люди; малютки бѣжали на паперть, просили милостыню, и православный народъ, кидая имъ полушки и горбушки, ворчалъ: «У, жиденята!» Янкель пошелъ въ ученики къ закройщику. Закройщикъ былъ еврей, какъ и Янкель. Онъ распѣвалъ молитвы на языкѣ ивритъ. Если Янкель неправильно клалъ стежокъ, закройщикъ втыкалъ ему иглу въ задъ. Янкель верещалъ, а закройщикъ радостно кричалъ: «Ай, криворучка, ай зохэнь вэй!»

Закройщику приносили мѣха, чтобы пошить шубы и шапки; онъ исхитрялся оттяпывать отъ мѣховинъ куски, и большіе и маленькіе, и потомъ изъ этихъ наворованныхъ обрѣзковъ

шилъ издѣлія и продавалъ ихъ на рынкѣ. А то заставлялъ продавать Янкеля. Янкель стоялъ за прилавкомъ, передъ нимъ лежали шапочки, воротники и муфты, и онъ, смертельно стыдясь, изрѣдка вскрикивалъ: «Купите мѣхъ! Мѣхъ купите!»

А потомъ Янкель сбѣжалъ отъ закройщика и подался въ подмастерье къ часовщику.

Часы, циферблаты. Все движется, стучитъ, тикаетъ, лязгаетъ, звенитъ. Все жесткое, холодное, ледяное, серебряное, стеклянное. И цифры, цифры; онъ считаютъ время, а время это не жизнь. Время – это деньги и слезы. И денегъ мало, а слезъ много.

Поэтому соблазняетъ, волнуетъ красное. Красная кровь. Красныя женскія губы. Красное знамя.

Онъ всталъ подъ это знамя, потому что не подо что больше было вставать бѣдняку.

И бѣдному еврею – тѣмъ паче.

...Послѣ первой забастовки его посадили въ тюрьму какъ вожака рабочиыхъ и сработали ему «волчій билетъ»: онъ не могъ теперь поступить ни въ одинъ университетъ, и работать въ часовыхъ мастерскихъ тоже не могъ. А что онъ могъ? Такихъ, какъ онъ, принимала въ объятія партія.

Россійская соціаль-демократическая рабочая партія.

Часовщикъ? Ювелиръ? Закройщикъ? О, оставимъ это другимъ евреямъ. Онъ можетъ и будетъ заниматься другимъ.

Онъ – переустроить міръ. Ни больше ни меньше. Они, кто въ партіи, роютъ тайные ходы. Они – черви исторіи. У нихъ тайныя квартиры, тайныя сходки, тайныя битвы и тайныя жены. Они, тихіе жуки, точатъ вѣчное дерево, и оно перестаетъ быть вѣчнымъ.

...Освоивъ фотографическое дѣло, онъ открывалъ и закрывалъ фотографіи, въ его ательѣ всегда толпился народъ, онъ былъ въ модѣ и въ фаворѣ, Яковъ Юровский. Онъ научился говорить вѣжливо, улыбаться тонко, кланяться низко и изящно; а тайную ненависть держалъ при себѣ, хоть и трудно это было.

И еще онъ могъ избавляться отъ того, что было неудобно, негодно или опасно. Такъ онъ избавился отъ фронта, когда его призвали. Такъ онъ избавлялся отъ назойливыхъ любовницъ и отъ шпиковъ, слѣдящихъ за нимъ на улицахъ разныхъ городовъ. Однако Екатеринбургъ упрямо возвращалъ его къ себѣ. Онъ пріѣзжалъ сюда – и оставался здѣсь, и вдыхалъ ароматъ кнедликовъ, посыпанныхъ макомъ и обмазанныхъ медомъ, что готовила старая Эстеръ; и ходилъ въ фельдшерскую школу, учась благородной и святой медицинѣ: медицина точно смотрѣлась благороднѣе всѣхъ стеколъ, шкурокъ, часовыхъ стрѣлокъ и коричневыхъ, какъ гречишный медъ, фотографическихъ снимковъ.

Хирургія. Госпитальные врачи. Онъ нравился докторамъ, этотъ немногословный фельдшеръ съ чуть крючковатымъ, чуть козлинымъ носомъ и изящными, почти дамскими губами. Исполнительный, внимательный, четкій до жесткости: никогда не сдѣлаетъ ошибку, а во врачебномъ дѣлѣ это дорогого стоитъ. Онъ ассистировалъ хирургамъ, видѣлъ рваныя раны и раны колотыя, самъ удалялъ аппендиксы, самъ зашивалъ разрѣзы послѣ удаленія опухолей. Онъ видѣлъ, какая она, смерть; у нея было множество лицъ, всѣ разные, и всѣ – отвратительныя. Онъ часто думалъ о своей смерти, какая она будетъ, какъ придетъ; но до смерти онъ хотѣлъ свергнуть тѣхъ, кто заставлялъ его страдать, онъ хотѣлъ взять реваншъ, и онъ зналъ: рядомъ съ нимъ тѣ, кто дико, по-волчьи, страстно и хищно хочетъ того же.

Февральская революція нацѣпила на всѣхъ красныя гвоздики и на него тоже. Но онъ хотѣлъ не жалкаго, хоть и яркаго, цвѣтка на лацканѣ. Онъ хотѣлъ диктатуры и крови. Крови тѣхъ, кто пилъ его кровь. Старая Эстеръ причитала: ой же ты, мальчикъ мой, и куда же тебя несеть, прямо въ пекло! Онъ язвительно кривилъ красивыя губы: мама, такъ я жъ и хочу туда, въ пекло. Тамъ – судьба.

Фронты гремѣли и дымились далеко, а у него былъ свой фронтъ. Большевики взяли власть. Это былъ и его личный триумфъ. Выше, выше по лѣстницѣ! Она головокружительна. Замѣститель комиссара юстиціи. Предсѣдатель слѣдственной комиссіи при революціонномъ трибуналѣ. Чекистъ, и черная тужурка, и черная фуражка, и красная повязка. И иногда – очки, если плохо видѣлъ; а онъ плохо видѣлъ въ темнотѣ.

Чекисты засѣдали въ Екатеринбургѣ въ «Американской гостиницѣ». Обстановка еще сохранилась прежняя, вчерашняя: широченныя кровати съ перинами, хрустальныя люстры, тяжелыя бархатныя темнокрасныя гардины, узорчатые ковры, высокія зеркала въ дубовыхъ рѣзныхъ обравахъ. Здѣсь гуляли купцы, стонали и плакали проститутки, совершались убійства и ложками ѣли красную и черную икру, уминали за обѣ щеки северягу и стерлядей. Еще вчера исходилъ дешевой звонкой музыкой и дымился криками, танцами и шампанскимъ въ ведрахъ со льдомъ роскошный ресторанъ. Сегодня исчезли купцы и ихъ шалавы. И съ ними исчезли икра и северяга. И дорогія изысканныя вина, ласкавшія языкъ и душу. Ленинъ проповѣдывалъ: вы аскеты, вы должны умереть за революцію, а все остальное вамъ чуждо, помните!

И они помнили.

Они все время видѣли передь собой Ленина, его лысую голову, его чертовскую, чортову подвижную, ртутную повадку, его большіе пальцы, заткнутые въ карманы жилетки, его наклонный впередь корпусъ – будто онъ тянется за недостижимой конфеткой, за елочнымъ сладкимъ подаркомъ, а соблазнъ держатъ передь его носомъ и не даютъ, а он все тянется, тянется. Ленинъ тянулся за судьбой страны, а за Ленинымъ тянулись они.

И такъ выстраивался этотъ кровавый, черный цугъ.

Другъ за другомъ, цугомъ шли чекисты, и цугомъ шла смерть. ЧеКа и смерть – это была пара, это была дивная, небывалая свадьба. Чекисты нюхали умершіе запахи купеческаго разгульнаго ресторана, а смерть нюхала дымы ихъ трубокъ и папирось и дымы ихъ выстрѣловъ.

Въ номерахъ спорили и сговаривались. Тузили другъ друга и стрѣляли въ окна. Каждый хотѣлъ быть командиромъ. Видѣлъ себя начдивомъ, комиссаромъ, а лучше – вождемъ.

Но вождь былъ одинъ. Повторить его было нельзя. Запрещено.

Ихъ всѣхъ тревожила его жизнь. Его путь.

Путь Ленина! Великій, свѣтлый путь! Юровскому часто видѣлось, какъ Ленинъ ѣсть и пьетъ: ѣсть яичницу, пьетъ чай изъ стакана въ подстаканникѣ. Обязательно въ подстаканникѣ, и въ серебряномъ, а можетъ, и въ мѣдномъ, а то и въ латунномъ, и, прихлебывая чай, глядитъ на красную звѣзду, отлитую въ слѣпомъ и горячемъ сплавѣ.

Каждый изъ нихъ немножечко былъ Ленинымъ. И это было мучительно и прекрасно.

Каждый былъ Ленинымъ въ своемъ Совѣтѣ; въ своемъ околоткѣ; въ своемъ отдѣльно взятомъ домѣ.

И властвовали. И управляль. И выбрасываль впередь руку, приговаривая къ смерти тысячи и миллионы, а можетъ, двухъ или трехъ, это неважно.

Немножко Ленинымъ былъ и Юровскій. Онъ прозналь, что Романовы въ Тобольскѣ; а можетъ, онъ зналь объ этомъ давно и забыль, когда узналь. Тобольскъ не очень-то и рядомъ, однако, Сибирь. А Уралъ-камень – братъ Сибири. Ленинъ командуетъ изъ Москвы – а онъ, самъ себѣ Ленинъ, командуетъ отсюда. Изъ роднаго города. Старая тетя Эстеръ, будь готова къ тому, что твой сынъ прославится! А зачѣмъ чекисту слава? Это обманъ. Ему не нужно славы. Ему нужно красное знамя и кровь въ огородныхъ бочонкахъ и банныхъ шайкахъ, чтобы купать въ ней старья, списанныя госпитальныя простынки и окрашивать ихъ въ ярыи цвѣтъ.

Часы идутъ. Стрѣлки сухо шелкають. Брильянты горять подь стекломъ витринъ въ ювелирныхъ мастерскихъ. Фотографическія камеры наводятъ на тебя стеклянный всевидящій, равнодушный глазъ. Скальпели взмахивають надъ корчащимися, мерзнущими на стерильныхъ столахъ тѣлами. Вся его, Якова, жизнь – это согнутая надъ болью мастерства спина. Но разогни спину, умный еврей. Ты уже сталъ слишкомъ умнымъ. Ты уже поняль, что къ чему.

...Онъ думаль и придумаль: монархическій заговоръ. Онъ позваль къ себѣ хорошаго работника. Оба коммунисты, какъ они не поймутъ другъ друга? Работникъ сидѣль рядомъ съ нимъ и смотрѣль ему въ глаза и въ ротъ, и онъ, маленький Ленинъ, чувствовалъ себя отвѣтственнымъ и за его жизнь, и за жизнь народа, и за жизнь и смерть царей. Цари! Ваши часы тикають все тише. Его другъ Шая Голощекинъ уѣхаль въ Москву, къ настоящему Ленину. А мѣстный маленький Ленинъ тутъ самъ придумаль, какъ имъ быть. Царей надо привезти въ Екатеринбургъ. Уралъ – это ихъ огромный каменный эшафотъ. Они уѣзжали изъ Петрограда, изъ своихъ дворцовъ, и навѣрняка захватили съ собой фамильныя драгоценности. Много? Мало? Они хитрецы. Но онъ хитрѣе.

Работникъ зналь иностранные языки. Онъ пойметъ, о чемъ они, аристократы, говорятъ. А они говорятъ по-нѣмецки, по-французски и по-английски, чтобы наши русскіе солдаты ихъ не поняли.

Юровскій говорилъ тихо и внятно. Работникъ запоминаль. Онъ поклялся жизнью матери: я все сдѣлаю для трудового народа, товарищъ Яковъ!

Юровскій пожалъ плечами. Трудовой народъ ждетъ отъ нихъ подвига каждый день.

Трудовой народъ – это тоже я, думаль онъ гордо и свѣтло.

И тутъ же, подумавъ такъ, хитро улыбался и внутри себя смѣялся надъ собой.

...Трудовому народу должны быть возвращены его украденныя сокровища. Все до капли. До блеска. До рваной золотой цѣпочки. До золотого червонца, которымъ заплатили за крѣпкій дубовый гробъ, за чугунный черный крестъ на старомъ кладбищѣ.

...а на еврейскихъ кладбищахъ крестовъ нѣтъ: тамъ все камни, камни.

* * *

...Снѣгъ чертилъ за окнами бѣлыя стрѣлы.

Снѣгъ билъ и билъ въ ледяной бубень земли, а она все никакъ не могла станцовать ему,

жадному и настойчивому сѣдому шаману, свой нѣжный посмертный танецъ.

Снѣгъ шель, летѣль, а Николай сидѣль передъ окномъ и не задергиваль шторы.

Онъ смотрѣль въ темное, расчерченное бѣлыми полосами стекло своими огромными, сѣросиними, рѣчными глазами, и взглядъ бродиль, туманясь и изрѣдка вспыхивая тоской, запоздалой жалостью, тусклымъ огнемъ близкой боли.

Передъ царемъ на столѣ лежали газеты. Много газетъ.

Его еще не лишили этой скорбной радости – знать, что происходитъ въ мѣрѣ.

Въ его мѣрѣ? Нѣтъ, мѣрѣ больше ему не принадлежалъ.

И онъ прекрасно, хорошо и ясно теперь поняль Христа: нѣтъ въ мѣрѣ ничего, за что стоило бы зацѣпиться – мыслью, властью, лаской. Все принадлежитъ небу и смерти. Все. И все равно, что будетъ тамъ, потомъ: а значить, все равно, что происходитъ здѣсь и сейчасъ.

Но ему причиняль неизлѣчимую боль отнятый у него мѣрѣ. Отобранная у него земля. Его страна, оставшаяся одна, безъ него, попрежнему печатала газеты, стригла людей въ парикмахерскихъ, продавала помидоры на рынкахъ, войска стрѣляли во врага, только врагъ образовался не снаружи, а внутри. И врагъ говорилъ по-русски и воображалъ, что именно онъ и есть Россія.

Онъ читаль газеты, бумага шуршала и жестяно скрежетала въ его рукахъ, и онъ закрываль глаза надъ свинцовымъ мелкимъ шрифтомъ отъ боли и ужаса: онъ видѣль, вспоминая, какъ разгоняють Учредительное собраніе, какъ власть беретъ Временное правительство; и какъ эти странные жестокие люди, что называютъ себя большевиками, тянутъ власть, какъ канатъ, на себя, тянуть, грубо рвутъ изъ рукъ – и перетягивають, и вгрызаются зубами въ лакомую кость, что раньше была его трономъ, его честью и его упованіемъ.

Ленинъ наверху. Подъ нимъ тучи людей; они не личности, они приبلуды. Урицкій приходитъ разгонять Учредительное собраніе, а самъ дрожить – съ него по пути сдернули шубу. Грабители, разбойники на улицахъ, и разбойники во дворцахъ – а какая разница? Все равно, кто сняль шубу съ тебя: большевикъ или бандитъ. У Ленина своровали изъ кармана пальто револьверъ. Ленинъ, Ленинъ, лысый грибъ боровикъ, говорливый самозванецъ, гдѣ твое оружіе? Воры! Воры! А вы сами развѣ не воры? Развѣ вы не своровали у царя его страну?

Такъ все просто. Никакого народа нѣтъ. Народомъ лишь прикрываются.

Есть лишь власть, и берутъ всегда лишь власть.

Никогда ни о какомъ народѣ не думаютъ, когда власть берутъ.

Взять власть – это какъ любовь; власть и захватчикъ, это любовники; развѣ въ любви можетъ быть еще какой-то непонятный народъ?

Но народъ – это удобный лозунгъ; это матеріаль, изъ котораго можно надѣлать кучу превосходныхъ показательныхъ казней. Это твоя почва, ты на ней стоишь; это твоя ѣда, ты ее ѣшь. Иногда это даже твой противникъ, если ты хочешь съ кѣмъ-то отчаянно побороться.

...Закрывль глаза опять. Положилъ газеты на столъ.

Народъ – это то, чѣмъ кланутся и о чемъ рыдаютъ.

Но это уже не его народъ.

А есть ли народъ вообще?

– Господи, – прошепталъ онъ, – Отецъ небесный... нѣтъ народа... и не бывало никогда...

Онъ читаль въ газетахъ: у Ленина лихіе люди отобрали ночью документы, бумажникъ и авто. И все оружіе – у самого вождя, у шофера и у охраны. Онъ вычитываль въ гремучихъ сѣрыхъ, желтыхъ, чуть синеватыхъ, тонкихъ бумажныхъ простыняхъ: заключенъ позорный Брестскій миръ, – и ему оставалось только молча кусать губы и сжимать руки. Отъ его страны на его глазахъ отрѣзали громадные куски, мѣрѣ расхватываль и расклеиваль земли его имперіи, и онъ ужасался и мысленно просиль у земного своего отца прощенья: отецъ, я не смогъ сохранить твое царство, прости. А что толку? Отецъ въ могилѣ, и, кажется, царство тоже хоронятъ. Бѣлоруссія и Польша, Кавказъ и Балтія – они уже были не подъ русской короной.

Да и корона, гдѣ она? А валяется въ грязи, на задворкахъ.

На задворкахъ Совнаркома.

Они, красные люди, творили съ его землей чортъ-те что. Перевели стрѣлки часовъ. Сплющили древній православный календарь. Теперь время шло быстрѣе, вприпрыжку, карнавално, какъ тамъ, у нихъ, въ Европахъ. Красные кричали: мы должны быть какъ они! Мы – Европа! Онъ криво улыбался, сминаль въ рукѣ газету. Европа? Мы? Петръ Первый однажды уже захотѣль быть Европой; и что получилось? Развѣ получилось хорошо? Мы стали терять, и теряли, и теряли, и теряли себя. Но не растеряли: у насъ еще есть великое слово.

И великая любовь. И дивные, свѣтлые дѣти.

...вонъ они, смѣются за стѣной.

...Аликсъ все время говоритъ ему: не читай газетъ. У тебя испортится сердце.

Сердце, вѣчная желѣзная машина, вѣчный двигатель съ сонмомъ винтиковъ и закле-

покъ. Сердце, слабый и ветхий кровяной мѣшокъ, средоточіе боли, земляной, глиняный комъ несбывшагося.

* * *

Ляминь часто думаль, какъ же это народъ будетъ воевать, къ примѣру, черезъ сто лѣтъ.

Если подумать, то мало что измѣнится: винтовки небось будутъ все тѣ же, и пули все тѣ же, и прицѣлы все тѣ же; ну, можетъ, немножко получше будутъ сработаны. Танки вотъ точно усовершенствуются: въ нихъ солдаты будутъ сидѣть въ просторныхъ желѣзныхъ кабинахъ, и пушки увеличатся въ размѣрахъ, и гусеницы окрѣпнутъ. А такъ – все онъ такой же будетъ, танкъ и танкъ.

Или взять, къ примѣру, гранату. Какъ она сейчасъ подрывается, такъ и въ будущемъ будетъ подрываться. Или тамъ снарядъ. И бомбы будутъ съ аэроплановъ внизъ, на города и села, такъ же валиться; только крылья у аэроплановъ станутъ крѣпкія, снарядомъ не прошибешь. Изъ чего же? А изъ желѣза.

«Изъ желѣза, дурень! Ха, ха! Придумай что-нибудь посмѣшнѣе. Да изъ желѣза машина въ небо даже и не взмоетъ. А взмоетъ – такъ упадетъ тутъ же, перевернется кверху брюхомъ».

...Иной разъ его охватываль странный страхъ, какъ простудная дрожь. Онъ представлялъ себѣ, сколько же людей сейчасъ встали, становятся подъ ружье, чтобы итти защищать молодую Совѣтскую власть; и спрашиваль себя: а ты, ты-то что въ красные поперся?

И – не могъ себѣ отвѣтить.

Но воображалъ день ото дня все ярче и непреложнѣй, какъ толпы мобилизованныхъ красныхъ солдатъ идутъ сражаться съ добровольцами бѣлыми; и получалось такъ, что ихъ на борьбу гнали, какъ скотъ на бойню, а Добровольческая армія – сама себя строила.

«А насъ все равно больше. Все равно. Красныхъ – больше. Потому что мы страдали больше. А они? Гдѣ они страдали? Что – выстрадали? Народъ, онъ хорошо знаетъ, что такое страданье. Потому и валомъ валить – сражаться за счастье».

А потомъ останавливался, озирался вокругъ, будто что потерялъ, и вслухъ, тихо, спрашиваль себя:

– Мишка, брось, – да гдѣ оно, твое счастье?

И опять думаль о солдатахъ будущаго. А они-то какіе будутъ – красные, бѣлые, синіе, рыжіе?

Въ какомъ обмундированіи будутъ щеголять? Изъ чего стрѣлять? И, главное, – кого защищать?

«А можетъ, миръ настанетъ во всемъ мірѣ, и защищать ужъ будетъ некого. Всѣ будутъ обниматься... цѣловаться...»

Думаль и усмѣхался: несбыточно, фальшиво.

Человѣкъ всегда золь. И человѣкъ всегда хочеть больше, чѣмъ у него есть. Хочеть захватить, завоевать. И – сдѣлать по-своему.

«Всякая метла по-своему мететь. Вотъ метла Ленина...»

Нить мысленную обрываль, не хотѣлъ ворошить это все, пламенемъ полыхавшее въ безсонной головѣ, ржавой кочергой.

И приговоры никому – внутри себя – объявлять не хотѣлъ.

Царь былъ врагъ, Ленинъ – за народъ, все на дѣлѣ ясно и понятно, и о чемъ тутъ еще балакать.

* * *

...Вѣрный уральскій большевикъ Шая Голощекинъ опять поѣхаль въ Москву.

Ураль и Москва оказались странно близко: поѣздъ мчалъ по просторамъ вывернутой наизнанку земли, и въ брюхѣ желѣзнаго длиннаго червя шевелились жалкіе человѣчки потроха. Потроха мыслили, но чаще просто плакали, бѣжали, грабили и стрѣляли. Шая ѣхаль въ Москву – встрѣчаться съ важными людьми; ихъ имена знала теперь вся Россія, и онъ повторялъ эти имена съ гордостью: и я, вотъ я, безвѣстный маленькій Шая, ѣду къ нимъ.

Онъ стоялъ надъ всѣми уральскими большевиками – такъ высоко укрѣпила его жизнь, и онъ жизнь благодарилъ, что такъ хорошо и правильно вознесла его.

Троцкій. Свердловъ. Ленинъ. Ленинъ. Троцкій. Свердловъ. Такъ выстукивали колеса, и такъ бормоталь онъ самъ, нимало не заботясь о томъ, какъ и что онъ будетъ имъ говорить.

Они все сами ему скажутъ, весело думаль онъ, запуская волосатую руку въ банку и вынимая оттуда за ножку крѣпенькій соленый грибокъ.

Они, эти звонкія имена, горѣли ярко и были видны отовсюду; и онъ тоже сидѣлъ на

горѣ, и съ горы было все далеко видать. Онѣ, Шая, видѣль то же, что и они, великіе; но что навѣрняка не видѣль народѣ.

Народѣ? А развѣ это былѣ его народѣ?

Ну и что, что подѣ нѣмцемѣ западныя наши земли; а можетѣ, онѣ ихѣ, исконныя, а наши цари только приклеили ихѣ къ своему боку – такѣ непрочно припаиваютѣ дужку баннаго бака, а наполнять бакѣ водой да потащатѣ – дужка отвалится, отломится и будетѣ валяться въ пыли. Отломились отѣ Россіи дужки? Ничего. Новыя нарастить! Дайте срокѣ!

Мы лукавые: мы и нѣмца обманемѣ, и поляка обманемѣ, и чухонца обманемѣ, и румына обманемѣ, и перса обманемѣ. Мы – всѣхѣ – обманемѣ!

...его вѣрнѣй другѣ Яша Юровскіи вотѣ такѣ же думаетѣ. И говорить.

Шая спросилѣ его какѣ-то разѣ: Яша, ты такѣ говоришь или такѣ думаешь?

И Яковѣ расхохотался и хохоталѣ долго. А потомѣ хлопнулѣ Шаю по плечу: думаю одно, говорю другое, а дѣлаю третье! А потомѣ сдвинулѣ брови и добавилѣ: если ты такѣ не будешь жить, ты жить вообще не будешь.

И Шая сказалѣ ему на это: а не выпить ли намѣ?

...эхѣ, жаль, въ вагонѣ съ собою наливки не взялѣ.

Яковѣ недавно принесѣ ему отѣмѣнную наливку, брусничную. Она жгла языкѣ и приводила въ чистѣй восторгѣ.

...Троцкѣи, Свердловѣи и Голощекинѣи. Штаны заправлены въ сапоги. Зачѣмѣ у всѣхѣ въ Кремлѣ на рукахѣ красныя повязки? Они – красный патруль страны. У прямого провода – мѣръ; онѣ жаждетѣ говорить съ Совѣтской Россіей и узнать, что она будетѣ дѣлать завтра. Красныя длинныя ковры укрываютѣ старый паркетѣ. По нему вчера ходили цари, а нынче ходимѣ мы. И будутѣ ходить наши дѣти и внуки.

Знаменитыя имена открывали рты и произносили слова; но за словами крылись мысли, и Голощекинѣи долженѣ былѣ ихѣ прочитатѣ вѣрно.

И ему казалось: онѣ ихѣ вѣрно читалѣ. И вѣрно толковалѣ.

Толкованіе, оно всегда полезно. Собственный Талмудѣ долженѣ быть у каждаго въ головѣ.

Какѣ они тамѣ?

Да неплохо. Ихѣ хорошо кормятѣ. Комиссары не жалѣютѣ денегѣ.

Хорошо кормятѣ, говорите, въ голодѣ? Когда вся Совѣтская страна терпитѣ лишения?

...онѣ понималѣ: ужесточитѣ режимѣ.

Что говоритѣ Тобольскіи Совѣтѣ?

Ждетѣ вашего распоряженія.

А сами они не могутѣ распоряжаться? Нужна наша команда?

...понималѣ: дѣлайте все такѣ, какѣ приказываетѣ время.

Какой за ними надзорѣ?

Прекрасный. Службу несетѣ отрядѣ Матвѣева.

Каковѣ составѣ отряда? Надежны ли красноармейцы?

Бойцы отличныя. Службу несутѣ достойно. Безѣ нарушеній.

...понималѣ: такіе бойцы помогутѣ сдѣлать все, что задумаетѣ власть.

А письма получаютѣ ли они? Газеты?

Почту приносятѣ. Письма читаютѣ. Газеты получаютѣ исправно. Всѣ – свѣжія.

...понималѣ такѣ: за почтой – слѣдить, газеты – прекратитѣ приносить.

А какѣ у нихѣ настроеніе, Тобольскѣ вамѣ телеграфировалѣ?

...не зналѣ, что отвѣчать. Если отвѣтитѣ – не знаю, можно сплеховать и потеряť ихѣ довѣріе. Если сочинитѣ что-либо на ходу – не повѣрятѣ: они вѣрятѣ только правдѣ.

Настоящей правдѣ; той, что бѣется внутри въ унисон съ сердечнымѣ насосомѣ.

...судорожно думалѣ, что отвѣтитѣ.

Били и кололи иглами секунды.

...такѣ сказалѣ, думая вслухѣ, впервые за много времени: тоскуютѣ. Какое же еще у нихѣ настроеніе можетѣ быть.

...а потомѣ опомнилосѣ и быстро отчеканилѣ: но это видимость одна. На самомѣ дѣлѣ они всѣ крайне сосредоточены и внимательно слѣдятѣ за собой и охраной. Мы читаемѣ ихѣ письма. Изѣ писемѣ ясно, что имѣ хотятѣ помочь ихѣ друзья, приспѣшники и родня.

Помочь?

Да, помочь.

Вы имѣете въ виду заговорѣ?

Да, именно его.

Какѣ быстро и въ какіе сроки они надѣются осуществитѣ задуманное?

...и тутѣ онѣ не растерялся.

Вполнѣ скоро. Этой весной, лѣтомѣ.

Понятно. У них будет жаркое лѣто!
 ...онъ подхихикнул: да, судя по всему.
 Мы имъ устроимъ жаркую лѣтнюю баню. Мы ихъ опередимъ.
 ...уже подсмѣивался открыто, искусно подыгрывалъ: конечно, опередимъ, еще бы намъ – ихъ – не опередить.
 ...и понималъ все слишкомъ хорошо: принимай ихъ у себя, перевозки къ себѣ, и будемъ – ликвидировать; любыми способами.
 Лысое темя блестяло. Курчавая черная поросль пропитывалась потомъ. Пенснэ сползло съ крючковатаго носа. Всѣ втроемъ, великіе люди представляли изъ себя новую троицу; они разнесли впухъ церкви и жгли на площадяхъ иконы, ибо сами они были огнемъ.
 И живой огонь былъ сильнѣе, мощнѣе и прекраснѣе всѣхъ огней нарисованныхъ.
 И Шая передъ ними, владыками, былъ тоже силенъ, радостенъ и смѣль.
 И все это была – революція.
 Ихъ революція.
 Имъ единолично, до костей, съ потрохами – принадлежавшая.

* * *

Аликсъ собиралась на прогулку.
 Ея прогулка – о, недалеко: на скотный дворъ.
 Она созерцаетъ милыхъ утокъ и чудесныхъ длинношеихъ гусей. Гуси и утки, милѣйшія созданья, будутъ убиты, ощипаны и попадутъ на кухню къ повару Харитонову; и обратятся въ изумительныя, вкусныя блюда, и, хоть они не во дворцѣ, но смогутъ по достоинству оцѣнить новый обѣдъ. Ничего новаго вокругъ, зато ѣда всегда новая. О, сколько въ ѣдѣ кроется наслажденья, сюрпризовъ и тайнъ!
 Наступило новое дивное сладостное время, время Великой Поблажки: для нихъ вдругъ разрѣшили вкусно и много стряпать, и имъ разрѣшили сытно и много ѣсть.
 Оголодавшіе, они боялись удивляться внезапной благодати.
 Харитонову было приказано: улещай, – онъ и старался.
 Харитоновъ готовитъ щедро и съ выдумкой. Онъ понимаетъ: цари, и имъ надо, чтобы поизысканнѣй. Онъ фаршируетъ гуся капустой и печенымъ лукомъ, а утку – яблоками, слегка присыпая яблочныя дольки перцемъ, сахарнымъ пескомъ и солью, а еще сбрызгивая виннымъ уксусомъ. И отъ блюда не оторвать руки, губы и зубы: и старые, и молодые. Какъ они переглядываются и переговариваются за вкусной ѣдой! Царь качаетъ головой и мычитъ, какъ быкъ: м-м-м-м, м-м-м-м! Татьяна беретъ перечницу и щедро, озорно сыплетъ перецъ, и Аликсъ ахаетъ: доченька, ты же испортишь блюдо! Что за плебейскіе у тебя появились вкусы! Тата хохочетъ. Мама, я революціонерка! Перецъ – это революція въ кулинаріи!
 И царица прижимаетъ пальцы ко рту, а потомъ креститъ дочь: Господь съ тобой! Какая революція!

И царь, жуя, мрачнѣетъ на глазахъ.
 Послѣ перваго вносятъ второе. Все какъ во дворцѣ. Лакей Труппъ, съ жиденькими русыми волосенками, строго, сурово сложивъ губы, держится прямо, какъ на парадѣ, и вдругъ угодливо наклоняется, разставляя тарелки. Анастасія хлопаетъ въ ладоши. Мама, мама, поваръ нынче приготовилъ намъ мое любимое кушанье! На огромномъ овальномъ фарфоровомъ блюдѣ въ центрѣ стола стоитъ и дымится утка по-охотничьи – въ луковомъ соусѣ, съ ломтиками моркови, съ солеными помидорами по ободу блюда. И вареная картошка дымится, обильно политая топленымъ масломъ.
 Они не знаютъ, что это ихъ послѣдній роскошный, сытный обѣдъ. А можетъ, еще не послѣдній: они веселятся, передаютъ изъ рукъ въ руки ножи – ихъ хватаетъ не на всѣхъ, – солятъ и перчатъ мясо, и мажутъ хлѣбъ масломъ, и смѣются, блестя въ смѣхъ зубами, – дѣти – молодыми, а родители – уже требующими починки, да никто тутъ ихъ не водитъ къ дантисту. А вѣдь хорошіе зубы – это хорошее пищевареніе. Дѣти, жуйте тщательнѣй! Бэби, не болтай за столомъ!

Поваръ Харитоновъ вываливаетъ очистки и огрызки на задній дворъ. Съѣстное перегниваетъ, и по двору тянется вонь. Вотъ въ этотъ ужасъ превращается такая вкусная, такая чудная ѣда?

Николай морщитъ губы. Доченька, передай мнѣ солонку!
 Пожалуйста, папа.
 ...Насталъ день, когда совѣтское правительство приказало: Романовыхъ посадить на солдатскій паекъ.

Они опять увидѣли на столѣ лишь крупно нарѣзанный ситный, соль въ солонкѣ, пустой, безъ мяса, гороховый супъ.

Николай шутил: ну я же солдатъ, все правильно. И пытался широко улыбаться.

У него не получалось.

У Аликсъ тоже: она старательно растягивала губы, а онъ все не складывались въ улыбку, а складывались въ гримасу презрѣнія и страданья.

...Лакеи роптали, требовали повысить жалованье. Вѣрный лакей Трушть ихъ пытался осадить: войдите въ положеніе семьи! А въ наше кто войдетъ, возбужденно кричали слуги, продовольствіе по карточкамъ, на рынкѣ цѣны немислимья, свое хозяйство не у всѣхъ, зима на исходѣ, все подѣли, – а этихъ – бесплатно обихаживай?!

...вотъ, они уже были – «эти».

Николай сидѣлъ за подсчетами. Сальдо, бульдо. Расходы, расходы, и никакихъ доходовъ.

– Милая, у насъ есть драгоцѣнности.

– Милый, я лучше умру, чѣмъ разстанусь съ ними! Это единственное, что у насъ осталось!

– Ты ошибаешься. Наше сокровище – дѣти.

– Это будущее дѣтей!

– Эти... камешки?

– Этимъ камешкамъ цѣны нѣтъ! За одно мое свадебное ожерелье я могла бы выкупить наши земли, отнятыя Германіей! И поль-Германіи впридачу!

– Ты преувеличиваешь.

– А ты, какъ ты можешь быть такимъ спокойнымъ!

– Я считаю.

И царь умолкалъ и считалъ.

Передъ нимъ на столѣ лежали бумаги, счеты и его солдатская продовольственная карточка.

Онъ щелкалъ костяшками счетовъ и двигалъ губами, повторяя про-себя цифры.

– Солнце, мы должны ужаться. Мы сократимъ расходы на прислугу. Я рассчитаю Смѣлякова и Телѣгина.

– Невѣроятно!

– И расходы на провизию тоже. Мы очень много ѣдимъ.

– Чудовищно!

– У насъ нѣтъ денегъ, чтобы покупать хорошую ѣду.

– Ники, я выплакала уже всѣ слезы! Мнѣ нечѣмъ плакать!

– Можетъ-быть, родная, это и хорошо. У насъ нѣтъ денегъ.

Аликсъ стискивала руки. Поворачивалась къ мужу спиной, и онъ видѣлъ ея затылокъ, съ приподнятымъ вверхъ пучкомъ, изъ котораго лѣзли наружу и все никакъ не могли вылѣзти чуть выщипаные сѣдые нѣжные волосы.

– Какъ это такъ, нѣтъ денегъ? А Татищевъ и Долгоруковъ? Они же... ходять... занимають! И имъ – даютъ!

– Теперь уже не даютъ. Перестали.

– Не вѣрю!

– Ты знаешь, родная, въ Кого намъ съ тобой осталось вѣрить.

* * *

Матвѣевъ, съ керосиновымъ фонаремъ въ рукахъ, явился за-полночь въ комнату, гдѣ спали бойцы. Подошелъ къ кровати Лямина. Растолкалъ его. Ляминъ повозилъ головой по подушкѣ, разлѣпилъ глаза. Спрыгнулъ съ койки, какъ и не спалъ.

– Вставай, рыжий.

– Случилось что? А? Товарищъ командиръ?

– Тихо, – прижалъ палецъ къ губамъ Матвѣевъ. – Идемъ-ка... поможешь мнѣ.

Ляминъ, больше не спрашивая ничего, втискивалъ ноги въ сапоги.

Потомъ схватилъ разложенныя подъ койкой портянки, растерянно мялъ въ рукахъ.

– Я безъ портянокъ. Мы въ домѣ остаемся?

– Въ домѣ. Портянки брось.

Шли по дому; половицы скрипѣли. Морозные узоры радостно затягивали бѣлой парчой окна, ночью морозъ густѣлъ и лился бѣлымъ обжигающимъ, пьянымъ медомъ. Лѣстницы качались, какъ трапы на кораблѣ; ночь мѣняла все, и предметы и тѣни, и Матвѣевъ выше поднималъ фонарь, свѣтъ качался и елозилъ по ступенямъ, и Матвѣевъ Лямину ворчливо говорилъ:

– Гляди, спросонья не упади.

Михаилъ усмѣхался, плотно ставилъ на ступень ногу въ нечищеномъ сапогѣ.

– Не упаду, товарищ командирь.

Онъ не спрашивалъ, куда въ домѣ они направлялись. Лишь когда дрогнула передъ ними старая дверь и они вошли въ кладовую – понялъ.

Командирь выше поднялъ фонарь. Ихъ тѣни выростали въ чудовищъ, пугали ихъ самихъ. Метались по стѣнамъ. Тусклый фитиль дрожалъ, истекалъ краснымъ пламенемъ. Связка ключей въ кулакѣ Матвѣева брякала и звенѣла; Ляминъ косился – сколько же тутъ ключей? Не сочтешь.

– Мы зачѣмъ сюда явились? А, товарищ командирь?

– Тш-ш-ш-ш. Вещи поглядѣть.

– Царскія вещи?

– А то чьи же. Самъ видишь, не солдатскіе мѣшки.

Ключи въ рукѣ Матвѣева были не отъ дверей: отъ чемодановъ и сундуковъ.

Матвѣевъ наклонялся, подбиралъ ключъ, возилъ и вертѣлъ имъ въ замкѣ, и чемоданъ открывался внезапно и радостно, будто давно ждалъ этого момента. А сколько ихъ тутъ было, этихъ сундуковъ, бауловъ, англійскихъ чемодановъ, нѣмецкихъ плотныхъ, туго набитыхъ добромъ саковъ!

Открывали; смотрѣли.

– Э-хе-хе, понятненькое дѣльце.

– Что – понятно, товарищ командирь?

– Да по всему видать, собирались второпяхъ. Вотъ, гляди! Это-то зачѣмъ имъ тутъ?

Распахнулъ чемоданъ съ серебрястыми длинными застежками; онъ былъ подъ завязку набитъ стеками.

– Эхъ ты! А это что за палки такія? И много!

– Это – дурень... лошадей понукать. Господскихъ. Ихъ такими палками лупятъ: дрессируютъ.

Михаилъ присѣлъ на корточки и съ любопытствомъ пощупалъ стеки: одинъ, другой.

– Жесткіе.

– Кони терпятъ.

Открыли другой чемоданъ. Матвѣевъ ближе поднесъ фонарь.

– Ухъ ты!

– Что ты такъ орешь-то, боець Ляминъ.

– Виновать, товарищ командирь.

– Да весело мнѣ стало! Разсмѣшил!

– Мнѣ самому весело.

Оба наклонились надъ чемоданомъ и оба, вразъ, протянули руки къ нему. И стали рыться въ немъ, и улыбаться, и смѣяться; Матвѣевъ поставилъ фонарь на полъ, и въ темнотѣ они копались въ роскошномъ, вѣрно, заграничномъ, кружевномъ дамскомъ бѣльѣ, а оно пахло такъ нѣжно, такъ пьянюще, что у нихъ занималось дыханье и щекотало подъ ложечкой.

– Экая красота! Можетъ, сопремъ?

– Ну...

Въ темнотѣ Михаилъ залился краской.

«Авось командирь не видитъ. Я какъ дѣвица».

– Ты – своей бабѣ сопрешь! Подаришь!

Ляминъ сжалъ зубы.

– Пашка безъ этого добра обходилась. И обходится.

Матвѣевъ рѣзко опустил крышку и чуть не прищемилъ пальцы Лямину.

– Дальше давай!

Фонарь качался въ рукѣ командира, выхватывалъ изъ мрака новые сундуки. Кованья крышки поблескивали мѣдными набойками, рѣзбой краснаго дерева. Матвѣевъ ковырялъ ключомъ замокъ. Крышка сундука подалась.

– Господи помилуй...

Господь и правда долженъ былъ всѣхъ и сразу помиловать: въ сундукѣ лежали и спали иконы.

Другъ на другѣ, дровами въ полѣнницѣ, штабелями. Во тьмѣ замерцали лики, покатились въ лица бойцу и командиру нимбы, кресты и стрѣлы, красныя полосы вспыхивали на золотѣ, грозовыя тучи прорѣзала полоска слѣпящей синевы, чистой лазури. Ангелы пили изъ чаши. Святитель Николай держалъ на рукѣ бѣлокаменный градъ, похожій на сверкающую хрустальную дружу. Марія шла по облакамъ, глаза Ея рыдали, а ротъ улыбался, она прижимала къ груди Младенца, что потомъ тщетно будетъ кричать людямъ: любите! любите! Не убивайте! А люди сдѣлаютъ видъ, что слышать, а на дѣлѣ – не услышать Его.

– Товарищ командирь... святыя иконы тутъ... давайте закроемъ.

– Ты правъ.

Матвѣвъ закрыль крышку сундука, опустил фонарь – и такъ застыль: думаль.

Ляминь не мѣшалъ ему.

Оглядѣлся. Всюду коробки, чемоданы, сундуки.

– Много же у царей барахла!

– Да ты пойми, они жъ не все сюда привезли. Это – капля въ морѣ.

Маленькій ключъ открыль большой сундукъ. Матвѣвъ почему-то затрясся, открывая его; ему показалось – вотъ тутъ и можетъ таиться важное, удивительное. Приподнял крышку.

Сундукъ храниль великое множество дѣтскихъ сапожекъ – малюсенькихъ, совсѣмъ крошечныхъ, побольше, еще больше; это все обуваль, судя по всему, цесаревичъ. И матери трудно, невозможно было все это выбросить: въ этой дѣтской обуви была вся ея жизнь – вся надежда, радость, всѣ слезы и молитвы, всѣ поцѣлуи и благословенья.

– Зачѣмъ хранять?

– А Богъ ихъ знаетъ.

– Выбросили бы.

– Жалко, должно-быть.

– Съ собой возить...

– Такъ вѣдь поѣздъ везеть. И лошадка везеть. Чего жъ не прихватить.

Ляминь видѣль – Матвѣвъ что-то ищетъ, волнуется, нюхаетъ, какъ легавая, спертый воздухъ, пропитанный ароматомъ царицыныхъ духовъ.

– Товарищъ командиръ!

– Да?

– А что мы ищемъ-то?

– Я самъ не знаю. Честно. Но если найдемъ – честь намъ будетъ и хвала, боець Ляминь.

И тогда Ляминь замолкъ. И медленно, осторожно передвигался во тьмѣ подь краснымъ фонаремъ въ рукѣ краснаго командира.

И вотъ набрели они на громадный чемоданъ, обтянутый коричневой, цвѣта шоколада, кожей. На крышкѣ тускло свѣтилась позолота: монограмма царя. Матвѣвъ подобраль ключъ. Онъ нашелся быстро. Крышка затрещала, отходя. Раскрыли. Глядѣли.

– О-е-е-ей, тетрадки... школьныя, что ль?

– Самъ ты школьный.

Матвѣвъ поставиль фонарь на сосѣдній сундукъ. Свѣтъ падалъ косо на вскрытое кожаное брюхо. Черныя кожаныя тетради. Черные солдаты дворцовой жизни; жизни одинокой; жизни семейной; жизни счастливой; жизни великой, а можетъ, невеликой и смѣшной. Но это – жизнь царя. Матвѣвъ листаль тетради, наспѣхъ читаль, еле разбираль строчки въ тускломъ красномъ свѣтѣ, и ему становилось ясно: это – царскій дневникъ.

Все, все царь заносиль сюда, въ эти тетради; всѣ дурацкія мелочи, всѣ грандіозныя потрясенья.

– Что это?

Ляминь замеръ. Матвѣвъ читаль.

– Это? – на лбу Матвѣва собралось множество складокъ, онѣ сходились и расходились, какъ баянныя мѣха. – Это дневникъ гражданина Романова.

– Дневникъ? Ишь ты! Это господа... каждый день ведутъ?

– Да, боець Ляминь. Каждый Божій день.

Матвѣвъ читаль, и его лицо, мѣняясь и плывя разнообразными тѣнями и впадинами, говорило Лямину о томъ, что онъ нашель то, за чѣмъ сюда пришель.

– Важное что-то пишеть?

– Да. Что пишутъ цари – все важно.

– Да прямо ужъ?

– Не представляешь какъ.

Клаль одну тетрадь, браль другую. Листаль.

– Товарищъ командиръ, – Ляминь понижаль голосъ, – и вы почеркъ разбираете?

– Не мѣшай.

Читаль заинтересованно. Иной разъ ухмылялся. Хмыкаль.

Ляминь начиналь скучать.

– Что, забавно такъ пишеть?

– Да ну его, – Матвѣвъ кинуть тетрадь въ чемоданъ. – Чепуху всякую. Въ чепухѣ живуть, я скажу тебѣ, въ чепухѣ!

– Такъ... – Ляминь кивнуть на чемоданъ, – сжечь къ едренѣ матери!

– Ты не понимаешь. Цѣлый возъ этихъ каракулей. Онъ же все пишеть, что видитъ. Какъ башкиринь: ѣдетъ по степи и поеть, что видитъ. Но увидѣть онъ можетъ много и такого, что... свѣтъ прольеть...

– Пролететь такъ пролететь. Мы что, унесемъ съ собою отсюда чемоданище этотъ?
 – Нѣтъ, боець Ляминь. Пусть стоитъ. Унести – это кража. Все равно... – онъ помолчалъ. – Все равно намъ все достанется.
 – Все... равно?

Лямину некогда было думать. Матвѣевъ подхватилъ фонарь, и они оба такъ же тихо вышли изъ кладовой, какъ и вошли туда.

* * *

Они курили оба, то-и-дѣло сплевывая на снѣгъ. Пашка щурилась на свѣтъ высокоаго уличнаго фонаря. Небо синѣло быстро и обреченно, и молчащія звѣзды вдругъ начинали беспорядочно и громко звенѣть; и только потомъ, когда звонъ утихаль, оба понимали – это проскакала по улицѣ тройка съ валдайскими бубенцами.

– Не холодно?

Пашка передернула плечами подъ шинелью.

Смолчала.

Ляминь искурилъ папиросу до огрызка, лѣпящагося къ губамъ, къ зубамъ; щелкнулъ по окурку пальцами, отдирая отъ губы.

– Ну, все. Пошли въ тепло.

И тутъ Пашка помотала головой, какъ корова въ стойлѣ.

– Нѣтъ. Не хочу туда. Тамъ... гуль, гомонь... Устала я.

Михаиль глядѣль на нее, и жаръ опахиваль его изнутри.

– Но ты же спишь одна. Тебѣ жъ комнату выдѣлили.

– Да комнату! – она плюнула себѣ подъ сапоги. – Чорта ли лысаго мнѣ въ той каморкѣ!

– Я жъ къ тебѣ, – слотнулъ, – туда прихожу...

И тутъ она неожиданно мягко, будто лиса хвостомъ снѣгъ мела, выдохнула:

– Присядемъ? Давай?

И мотнула головой на скамейку близъ кухоннаго окна.

Окно не горѣло желтымъ свѣтомъ въ синей ночи: еще вечерній чай не кипятили.

– А зады не отморозимъ?

Она хохотнула сухо, коротко.

– А боишься?

Сѣли. Лавчонка слегка качалась подъ ихъ тяжестью.

– Лѣтомъ надо-бы переставить.

Михаиль похлопаль по обледенѣлой доскѣ.

– А мы тутъ до лѣта доживемъ?

– Мишка, – голосъ ея былъ такъ же ласковъ, лисій, теплый, – Мишка, а я тебѣ рассказывала когда, какъ я – у Ленина въ гостяхъ была?

Онъ смотрѣль мигъ, другой оторопѣло, потомъ тихо размѣялся.

– У Ленина? Въ гостяхъ?

– Ну да.

– Нѣтъ. Не говорила.

– А хочешь, расскажу?

Онъ поглядѣль на нее, и его глаза ей сказали: могла бы и не спрашивать.

Она ногтемъковыряла ледъ въ древесной трещинѣ. Потомъ подула на руку, согрѣвая ее.

– Я тогда въ женскомъ батальонѣ была. Всю войну прошла съ мужиками, съ солдатней, а напоследокъ, не знаю чего ради, меня къ бабамъ шатнуло. Такъ получилось. Сама набрела я на этотъ батальонъ. Красная Гвардія въ Петроградѣ все заняла... все у нихъ... у насъ... было подъ присмотромъ. Вокзалы охраняли, поѣзда досматривали... А я только-что съ фронта. Озираюсь на вокзалъ. Думаю: какого бы ваньку остановить! Ни одного извозчика, какъ на зло... И тутъ...

Ляминь протянулъ ей папиросу. Его колыхало, но не отъ холода.

Онъ просто такъ не могъ долго рядомъ съ ней сидѣть. Вотъ такъ, спокойно.

Она стиснула папиросу зубами; онъ добыль изъ кармана зажигалку, крутанулъ колесико.

Пашка прикуривала медленно, долго.

– И гдѣ зажигалку скралъ? – кивнула на позолоченную коробочку въ Мишкиныхъ пальцахъ.

– Не твое дѣло.

– У царя?

– А хоть бы. Ты дальше... давай.

Пашка сначала покурила, позатыгивалась всласть.

– И вотъ, гляжу, ванька ѣдетъ! Я руку взбросила! – остановить. Онъ: тпр-ру-у-у! – а

тутъ меня подь локоточки-то и – цопь! Комиссарь, по всему видать. Рядомъ съ нимъ солдагъ, съ пашкой на боку и съ пистолетомъ въ рукѣ. Меня комиссарь полностью повеличалъ: госпожа Бочарова Прасковья Дмитриевна? Я, говорю. Смѣюсь: только вѣдь я не госпожа. А онъ мнѣ такъ вѣжливо: пройдемте со мной. Я хохочу: куда это вы меня тащите? Ужъ не въ бордель ли? Теперь онъ хохочетъ. И такъ мнѣ рубить: у меня, молъ, приказъ, васъ задержать. Кого-то вы, брешеть, шибко интересуете. Я плечами пожала, комиссарь ванькѣ пальцами щелкнулъ, мы взобрались въ пролетку... и...

Пока курила, молчала. И Михайль не встреваль.

– Ёдемъ. По всему вижу – правимъ въ Смольный. Я уже знала: тамъ большевики сидять. Да я-то вѣдь не большевичка никакая... еще была. Просто сама по себѣ, вояка; а комиссарь этотъ, думаю, можетъ, обознался, меня за кого другого принялъ. Слазимъ. Къ дверямъ идемъ. Вездѣ вооруженная охрана. Думаю: ну точно, меня сейчасъ къ стѣнкѣ, – опять хохотнула сухо. – Матросъ ко мнѣ подошелъ. Сдавай, говоритъ, оружие! Я ему: не сдамъ, мнѣ положено. Онъ оретъ: сдай саблю и револьверъ! Я ему: хочешь, силой бери, но такъ просто я тебѣ оружие не сдамъ. Мнѣ его вручили... при освященіи полкового знамени! Ну куда жъ бабѣ противъ мужика здорovenнаго... сорвалъ онъ съ меня саблю, револьверъ сорвалъ съ ремня... Меня – взащей – толкають, и я иду, и въ подвалъ спускають, затхлый, крысы тамъ. И ни крохи хлѣба. Я ору... сапогомъ въ стѣну стучу... а толку что...

Еще покурила.

«Вѣчная у нея эта папироса, что ли...»

– Крысы мимо меня сновали. Туда-сюда. Я орала и на нихъ. И сапогомъ прибить пыталась. Утромъ затрещала дверь. Я кричу: оружие верните, сволочи! А мнѣ говорятъ спокойно такъ: тише, что бушуешь, тебя прямикомъ къ Ленину ведемъ.

При этихъ словахъ Пашка взглянула на Лямина – словно двѣ дыры у него въ лицѣ зрачками прожгла.

– Я какъ захохочу: къ Ленину?! Меня – бабу простую?! Ты не простая баба, они мнѣ говорятъ, ты офицеръ, это, значить, они у меня Георгія на груди увидали и все вычислили, кто я, что я. Я взяла себя въ руки. Не хватало, думаю, передъ швалью разнюниться! Такъ по лѣстницамъ пошли. Впереди меня стража, и позади стража. А я посреднѣ, иду и думаю: хорошо, что Георгія не сдернули! Дверь хлопнула, мы всѣ вошли, и я гляжу... а за столомъ...

– Кто?

– Ленинъ.

– Врешь! – вырвалось у Михаила.

Пашка презрительно глянула.

– Эхъ ты, рыжикъ, рыжикъ... – давно она такъ не называла его. – Да вѣдь если бъ я врала – недорого бы взяла! А я за это вранье... жизнью заплатила... и еще заплачу... Сидять. У одного русская морда, у другого – жидовская. И вотъ сперва одинъ встаеъ, это лысый, Ленинъ, значить, и первымъ ко мнѣ подходитъ. Какъ къ попу, ей-Богу! Къ ручкѣ! Да руку не цѣлуетъ... а жметъ... крѣпко такъ, крѣпко... какъ мужику, – опять папироса во рту ея дымила. Она взяла ее двумя пальцами осторожно, какъ стрекозу за брюхо. – А потомъ и второй подымается. И ко мнѣ движется. А я не знаю, кто это. На всякій случай ему руку жму. Такъ пожала, что онъ – охнулъ и скривился.

Опять этотъ хохотокъ, рѣзкій, короткій. Ляминъ сжалъ колѣни, стиснулъ ихъ. И зубы стиснулъ.

«И не остаться тутъ однимъ... и зима, холодрыга... и лови ее, лису, за хвостъ...»

– Лысый, ну, Ленинъ, значить, передо мной повинился. Молъ, мы васъ... такъ и такъ... зря въ казематъ-то засовали! Мы васъ арестовали, а вы герой. На «вы» меня... да такъ обходительно... ну, думаю, Пашка ты ледяшка, тебѣ бы только не растаять въ этомъ горячемъ сиропѣ, въ вареньѣ этомъ... – съ изумленьемъ поглядѣла на окурокъ у себя въ округленныхъ пальцахъ. Бросила въ снѣгъ, подь лавку, руку въ кулакъ сжала. – Вы, говоритъ, отважная такая! Вонъ Георгія получили. Намъ такіе люди, какъ вы, ну, нашей молодой Совѣтской странѣ, ой какъ нужны! Нужнѣе нужнаго. Мы, говоритъ, за что боремся-то? За счастье всѣхъ трудящихся массъ. За хорошую жизнь рабочихъ, крестьянъ и всей бѣдноты! Всѣхъ, кого царизмъ – мордой въ грязь и подь задъ пиналъ! А мы ихъ – превознесемъ! Вѣдь они лучшие люди міра! И все такое. Складно говорить. Лысинка, – хохотнула, – блестятъ...

Мишка пошевелился на лавкѣ. Задъ и правда мерзъ. Пальцы въ сапогахъ смерзлись и слиплись кускомъ льда.

«А ей хоть бы что. Горячая...»

– Гладкая рѣчь! Красота одна! Ни къ чему не придраться. Я – слушаю. Счастье простыхъ людей, думаю, счастье всѣхъ! Всѣхъ поголовно! На всей землѣ! Да развѣ такое возможно! Ленинъ ко мнѣ ближе подкатился, я на его лысину сверху внизъ смотрю, я выше его ростомъ, а онъ передо мной прыгаетъ, такой колобокъ, ужасно картавить, и спрашиваетъ меня

прямо въ лобъ: «Вотъ язвѣ вы, Пьясковья Дмитьевна, язвѣ вы не тьюдовой наедѣ? Вы же сами – тьюдовой наедѣ!» – Ляминъ засмѣлся: такъ похоже она передразнила говоръ Ленина. – Глядите на меня снизу вверхъ, я не него – сверху внизъ, и спрашиваетъ меня, а глаза какъ буравчики: «Вотъ вы хотите – съ нами сотюдничать? Намъ съ вами вѣдь по дойогѣ! Вы – къестьянка, вы бѣднячка, понимаете, что значить жить тьюдно!» А я возьми и брякни: «А когда жить-то легко было?» И тутъ... расхохотался этотъ, жидокъ... Будто забили въ старый барабанъ... такъ гулко, глухо... будто бы и не смѣлся, а на снѣгу – коверъ выбиваль...

Понюхала пахнущую табакомъ ладонь.

Ночь уже лила чернильную, густую холодную патоку на крыши, трубы, фонари.

– И что, ты думаешь, сказала я имъ?

Мишка молчалъ. Потомъ выцѣдилъ, и зубъ на зубъ у него не попадалъ:

– Ничего я не думаю.

– А зря. Думать – надо, – она закрыла табачной ладонью глаза и такъ посидѣла немного.

Когда опять глядѣла на мѣръ, въ ночь, глаза ея сіяли ясно, какъ послѣ причастія. – Я имъ рублю сплеча: вы Россію не къ счастью ведете, а на плаху. Голову отсѣчете Россіи. Еврей встаетъ и ручонками начинаетъ махать. Говорить и слюной брызгаетъ. Народъ, кричить, за насъ, и армія за насъ! Съ нами! Я имъ: съ вами – это значить всѣхъ солдатъ съ фронта забрать? Извольте сначала миръ подписать, а потомъ солдатъ съ фронтовъ – забирайте! А то не по-людски какъ-то это все! И я сама сейчасъ же, послѣ нашей съ вами встрѣчи, на фронтъ отправлюсь... если вы не разстрѣляете меня! Они мнѣ: какъ это мы васъ разстрѣляемъ?! Я имъ: да очень просто! Въ спину! Когда изъ дверей выйду!

Ляминъ, весь дрожа, попытался закрыть ей ротъ ладонью.

– Тише, тише...

– Что ты мнѣ тишкаешь! – оттолкнула его, вся красная на морозѣ, какъ вареная свекла. – Боишься?! А я вотъ никого не боюсь. Поперемѣшалось нынче все! И въ головахъ у людей – каша! Да я – если бѣ по-иному хотѣла, никогда бы сюда не поѣхала съ твоимъ Подосокоремъ!

– Съ твоимъ...

– Ну, съ моимъ! Какая разница! Я стою напротивъ нихъ. Стою, а крикъ самъ изъ меня рвется! И я такъ кричу имъ: вы тутъ сидите и не знаете, что такое война! А я – знаю! Непрѣятели отрѣжутъ отъ нашей Россіи поль-Россіи, если его допустить къ нашей землѣ! Люди смерть принимаютъ, чтобы этого ужаса не случилось! Чтобы страна наша жива осталась! А вы, вы-то что хотите изъ нея слѣпить?!

Пашка орала уже такъ, что управлять этимъ крикомъ невозможно было. Въ окнѣ кухни зажегся свѣтъ. Отодвинулась штора. Оттуда, съ кухни, испуганно глядѣли: кто это такъ разбушевался, кто такъ дергается и хрипитъ, сидя на шаткой лавкѣ?

– Пашка... уймись...

– На черта! – ротъ ея перекосялся. – Я – правду говорю!

– Ты пьяная, что ли?

– Они мнѣ кричатъ: солдаты не хотятъ больше воевать! Ни нѣмцы! Ни русскіе! Никто!

И я надсаживаюсь: вы не знаете войны! Не знаете ея законовъ! Не знаете, что такое побѣда, вы же никогда не воевали! И не знаете, что значить сохранить и уберечь то, что завоевали! Ни черта вы не...

Ляминъ больше не могъ терпѣть. Онъ нагнулъ голову, какъ быкъ, и заткнулъ Пашкѣ орущій ротъ длиннымъ, мучительнымъ поцѣлуемъ. У него было чувство, что онъ цѣлуетъ зѣвло горячей печи.

Они, нацѣловавшись, отпрянули другъ отъ друга. Пашка, вразъ утихшая, заправила волосы подъ папаху, папаху вдругъ поползла набокъ и свалилась въ снѣгъ. Мишка доставаль ее изъ сугроба, отряхиваль рукавомъ, смѣлся, и Пашка смѣялась.

– И ты знаешь? – насмѣявшись, спросила она. – Выслушали они меня – и, вотъ какъ мы съ тобой сію минуту, расхохотались! Хохочутъ, и я понимаю, надъ чѣмъ, надъ кѣмъ. Надо мной. Они грамотные, а я темная. Они въ Европахъ учились, а я – въ Ужурѣ за выма коровь дергала! Задаю вопросъ: я могу итти? Они смѣются: можете! Верните мнѣ тогда оружіе, говорю! Оно мнѣ памятное! Оно – золотомъ изукрашено! А они все сильнѣй смѣются. Вернемъ, говорятъ сквозь смѣхъ, вернемъ, вы только не шумите, вернемъ обязательно, только знаете когда?.. когда въ странѣ порядокъ воцарится вездѣ и всюду, когда красные побѣдятъ и вездѣ Совѣтская власть установится, во всѣхъ городахъ и селахъ... вотъ тогда – пожалуйста, вернемъ! Вернемъ съ нашимъ удовольствіемъ! И опять ржутъ... кони...

– И что – ты?

Изъ кухни на нихъ глядѣли изъ-за занавѣси, но ему было уже все равно.

Онъ обнималъ ее и притискиваль къ себѣ – горячо, властно.

– Я-то? А ничего. Развернулась къ двери и – ать-два. Вышла вонъ. Строевымъ шагомъ.

- И даже... ни до свиданья, ни прощайте? Ничего?
- Ничего. А зачѣмъ прощаться?
- И то вѣрно. Можетъ, съ Ленинымъ и встрѣтимся когда?
- Можетъ.

Сама вдругъ къ нему взяла да прижалась. Сама руку за шею крѣпкую, бычью – закинула.

- Тогда – что ему скажешь?

Положила голову ему на плечо, закинула лицо вверхъ, выгнула шею.

- А песь знаетъ, что ему скажу. Что – за лучшую жизнь бьемся. За счастье!

- Это... вѣрно...

Опять цѣловались. И смѣялись опять.

И снова папаха Пашкина падала въ снѣгъ.

И снова они ее ловили.

* * *

Лямину сказалъ Мерзляковъ: сегодня прибудетъ чрезвычайный уполномоченный изъ Москвы.

- Комиссаръ Яковлевъ, поглядимъ на него!

- Поглядимъ. А что глядѣть? Мало мы комиссаровъ видали?

Мерзляковъ похрустѣлъ черной кожей куртки, поднявъ широкія плечи и подергавъ ими.

- Да мы сами можемъ ими стать.

- Можемъ, кто спорить.

...въ это самое время Николай печально говорилъ Аликсъ:

– Солнышко, дѣти узнали, что придетъ уполномоченный изъ Москвы, и сожгли въ печкѣ всѣ письма. И, знаешь...

Умолкъ. Царица нѣжно провела рукой по его волосамъ. Онъ опустилъ голову, будто самъ нашкодилъ и нечѣмъ оправдаться.

- Что?

- Машка и Настя... сожгли свои дневники...

Изъ глазъ Аликсъ быстро выкатились двѣ слезы и растаяли подъ кружевнымъ воротникомъ. Она оправила строгое сѣрое платье.

- Жаль, – только и сказала она.

- Мнѣ самому жаль.

...а въ это самое время полковникъ Кобылинскій вель вновь прибывшаго комиссара Яковлева въ Домъ Свободы, и, подходя къ дому, они видѣли – окна распахнуты въ холодъ, вѣтеръ и синь.

Вошли. Ляминъ пошелъ имъ навстрѣчу.

- Боець Ляминъ, охрана гражданина Романова!

Яковлевъ, сдвинувъ папаху на затылокъ, разсматривалъ Михаила.

«Хорошо глядитъ. По-доброму. Бреетъ рожу, какъ и я же».

– Комиссаръ Василій Яковлевъ, чрезвычайный уполномоченный ВЦИК!

- Слушаю васъ, товарищъ комиссаръ!

- Доложи обо мнѣ... – запнулся.

«Хотѣлъ сказать: его величеству. Ну не забылъ же, какъ царя зовуть!»

- Есть доложить!

Ляминъ четкимъ шагомъ направился въ комнаты царей. Прямо передъ дверью ему навстрѣчу метнулось бѣлое, метельное, нѣжное, лилейное. Марія.

- Вы къ папа?

«Сама заговорила. Первой».

Лямину и доложить надо было, и случай такой представился – съ ней перемолвиться парой словъ.

«Такъ это рѣдко. Надо что-то сказать. Что-то... хорошее... все равно...»

- Маша, – голосъ его осипъ, какъ послѣ болѣзни. – Я вамъ... я васъ... ваше...

Забылъ всѣ слова; и мысли; и чувства.

Осталось только оно, это свѣтлое, свѣтящееся лицо, мотающееся передъ нимъ въ туманной утренней дымкѣ.

- Что, что?

«Она что-то сказала? Почему я ничего не слышу?»

Душный красный жаръ обволокъ щеки, подкатилъ колесомъ къ сердцу.

- Маша, вы меня простите... неученый я.

Она стояла слишкомъ близко.

«Такъ не бываетъ».

Кто-то другой за него, не онъ, жалко поднялъ руку и взялъ ее за руку. Сначала робко, потомъ крѣпко.

«Она не отнимаетъ руки!»

Стояли, взявшись за руки. Изъ пальцевъ въ пальцы странно, медленно и сильно, перетекали тепло и жизнь.

Ляминь, совсѣмъ ополоумѣвъ, положилъ другую руку ей на руку.

Чувствовалъ, какъ мирно, тихимъ звѣрькомъ лежитъ ея рука въ его рукахъ.

«Такое чудо больше не повторится. Полонъ домъ народу, внизу комиссары стоятъ, ждутъ, а я – великую княжну за руку держу!»

Внутри него медленно и неуклонно раскручивалась плотная, страшная пружина; будто кто-то съ натугой отворялъ тяжелую дверь, а за дверью ждало неясное, мерцающее счастье.

Тихо сходя съ ума, онъ шепнулъ:

– Маша... Вечеромъ приходите во дворъ, къ козламъ... ну, туда, гдѣ вашъ отецъ и вашъ братецъ бревна пилятъ... Придете?

Онъ не понималъ, что свиданіе назначаетъ ей.

Зато она – понимала.

Тоже густо, страшно покраснѣла. И все не отнимала руки.

Снизу поднималась, какъ опара, мѣшанина людскихъ голосовъ и табачный дымъ.

– Приду.

И все, и онъ сошелъ съ ума, и самъ выдернулъ руку, и рванулъ на себя дверь, и грубо крикнулъ въ темную, пугающую глубину ихъ царскаго, нищаго жилья:

– Гражданинъ Романовъ! Васъ съ супругой уполномоченный изъ Москвы требуетъ!

...Онъ вышелъ въ залъ, вчерашній царь, а бывшая царица еще одѣвалась, на ней еще затягивали корсетъ и втискивали ей ноги въ разношенные англійскіе башмаки, а дѣвица Демидова успѣла зажечь въ залѣ всѣ свѣчи – въ шандалахъ, въ узкихъ подсвѣчникахъ, хотя надъ затылками горѣлъ этотъ модный электрической свѣтъ, далекій и злобный, какъ глазъ медвѣдя-шатуна.

– Здравія желаю, господинъ... товарищъ уполномоченный. Ваше имя-отчество?

– Василій Яковлевъ... – и, помедливъ немного: – Ваше величество.

Николай вздрогнулъ. Вздрогнуло въ немъ все – волосы, пальцы, сердце подъ ребрами, подъ чисто выстиранной гимнастеркой.

Глазами онъ сказалъ московскому комиссару: спасибо! – и комиссаръ глазами отвѣтилъ: вамъ спасибо, ваше величество.

И разговоръ пошелъ свободно, тепло; они поняли другъ друга.

Ляминь, вытянувшись по стойкѣ смиренно, стоялъ у дверей. Полковникъ Кобылинскій и красноармейцы сгрудились у открытаго въ холодную синюю весну окна, смѣялись непонятно и невнятно, будто около ихъ лицъ вспыхивали блуждающіе болотные огни.

Царь смотрѣлъ на гладко выбритое лицо Яковлева. Яковлевъ смотрѣлъ на бородатое, со впалыми страдальческими щеками, лицо царя.

– Ваше величество, довольны ли вы охраной и домомъ?

Николай глядѣлъ на его смущенную улыбку.

– Я счастливъ, что я живу въ Домѣ Свободы.

Яковлевъ оцѣнилъ царскую шутку. И смутился еще больше.

– Какъ себя чувствуете... вашъ сыночекъ?

И опять вздрогнулъ Николай. Это ласковое, такое простое «сыночекъ» рѣзануло его по сердцу не хуже казацкой шашки.

– Благодарю, товарищъ Яковлевъ. Сейчасъ – лучше.

– Вы меня простите...

«Онъ говоритъ царю – простите!»

Ляминь чиркалъ по бритому лицу Яковлева любопытными глазами.

– Можеть-быть, я лѣзу не въ свою епархію... Но... Какъ вы лѣчите наслѣдника? Хороши ли доктора? И, главное, можеть ли сейчасъ вашъ сыночекъ перенести тяготы пути?

Царь опять вздрогнулъ и выпрямился не хуже Лямина.

– Какого пути?

– Вполнѣ возможно, вамъ придется помѣнять мѣсто жительства.

– Это какъ?

– Переѣхать въ другой городъ.

– Въ какой же?

Пропѣла дверь, и въ залъ вошла Александра.

Она надѣла для встрѣчи московскаго гостя темносинее, цвѣта моря въ грозу, платье. Бѣлый воротникъ мерцалъ куржакомъ на морозѣ. Царица глядѣла строго, прямо и печально,

руки ея жили отдѣльно отъ нея – она мяла ихъ передь грудью, распухшіе пальцы, въ венахъ и узахъ, чуть подергивались.

– Здравствуйте!

Яковлевъ взялъ руку Аликсъ и легко прикоснулся къ ней губами.

И она вздрогнула, какъ и мужъ.

– Здравствуйте, ваше... величество.

Какъ быстро глаза могутъ наполняться слезами!

«Какъ мало надо человѣку для радости...»

– Могу ли я увидать вашего сыночка?

Аликсъ отерла ладонью мокрую щеку.

– Разумѣется. Идемте.

Царица пошла впереди, Яковлевъ сзади. Царь провожалъ ихъ глазами.

Ляминь, въ открытую дверь, видѣль, какъ комиссаръ и царица зашли въ спальню цесаревича. Оттуда раздался звонкій голось мальчика: «Нѣтъ, нѣтъ, я уже совсѣмъ здоровъ!»

Вышли и шли мимо Михаила, и Яковлевъ, хватая себя рукой за гладкое бритое лицо, хмурился и говорилъ:

– Да нѣтъ, нѣтъ, конечно, ваше величество, онъ ѣхать теперь не можетъ. Да, я вижу, все серьезно. Я сдѣлаю выводы. Конечно, мы не будемъ никого трогать съ мѣста. Подождемъ. Обстановка такова, что... города передаются изъ рукъ въ руки, вы сами понимаете... И неизвѣстно, что станется съ Тобольскомъ завтра.

Царица шагала рядомъ съ Яковлевымъ мелкими, но твердыми, почти военными шагами. Старья англійскія туфли жали ей въ щиколоткахъ. Ея ноги по утрамъ опухали. Докторъ Боткинъ велѣлъ ей заваривать и пить хвощъ, и она исправно заваривала и пила – передь ѣдою – по маленькой мензурочкѣ.

– Ваше величество, можно, я осмотрю комнаты вашихъ дочерей?

На скулахъ Аликсъ игралъ, какъ въ болѣзни, яркій румянецъ.

– Пожалуйста.

Она остановилась около двери, пріоткрыла ее и звонко, какъ молодая, крикнула въ комнату:

– Маша! Оля! Встрѣчайте гостей!

И Яковлевъ всталъ у царицы за плечомъ, и улыбнулся выходящимъ въ коридоръ великимъ княжнамъ, и громко воскликнулъ:

– Извините за беспокойство! Осмотрю комнаты!

Ольга пожалала плечами. Ея молчащее лицо говорило: мнѣ все равно.

Марія, лукаво улыгнувшись, сдѣлала комиссару книксенъ.

...Пронаблюдавъ комнаты княжонъ, Яковлевъ снова зашелъ къ цесаревичу. Мальчикъ сидѣлъ въ подушкахъ. Онъ самъ съ собою игралъ въ шахматы.

– И кто выигрываетъ, ваше высочество? – спросилъ Яковлевъ весело.

Мальчикъ обернулъ къ комиссару серьезное лицо.

– Бѣлые, – тихо сказалъ онъ.

И тогда вздрогнулъ Яковлевъ.

Впервые за это синее апрѣльское утро.

* * *

Пашка и Ляминь ѣхали верхомъ въ Тобольскій Совѣтъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Яковлевъ послалъ ихъ туда: надо было выписать очередную партію продуктовъ – деньги на это припасены были, – и разузнать про движеніе поѣздовъ отъ желѣзнодорожнаго вокзала въ Тюмени. Зачѣмъ Яковлеву было расписание движенія литерныхъ и товарняковъ – никто не зналъ, и они оба меньше всего.

Гнѣдой конь подь Пашкой чуть гарцовалъ, будто бы вставалъ на пуанты, какъ изящная балеринка; конь подь Ляминимъ шелъ жестко и мрачно, низко склонивъ большую длиннolобую вороную голову. Коней имъ все время мѣняли, они не успѣвали къ звѣрямъ привыкнуть.

– Представь, что мы съ тобой господа и что мы съ тобой на верховой прогулкѣ. Гдѣ-нибудь въ англійскомъ паркѣ, – вдругъ тихо, вкрадчиво сказала Пашка. Вродѣ бы надь холкой, надь гривой коня вымолвила, вѣтру и снѣгу, – а онъ услышалъ.

– Представилъ...

– Это – жизнь. Люблю коня. Люблю верхомъ.

Пашка съ наслажденіемъ раздувала ноздри, въ нихъ втекалъ зимній вѣтеръ. Со стрѣхъ валились пуховыя снѣговыя подушки. Горнымъ хрусталемъ блестяли на солнцѣ друзья сосулекъ подь крышами – на солнечной сторонѣ.

- Да, любо.
- Казачью пѣсню знаешь? Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить?
- Кто жъ не знаетъ.
- И я – знаю. А я ее вспомнила... когда меня чуть не разстрѣляли.
- Кто?
- Свои, кто. Русскіе.

Кони качали головами. Ихъ выпуклые сливовые глаза, какъ лупы, ловили ясный солнечный лучъ. Гривы индивѣли.

- Гдѣ?
- На войнѣ, гдѣ.
- То-то ты тогда въ поѣздѣ такая злая фхала.
- Я? Злая?! Обозлѣешь тутъ со всѣми вами.

Крутила въ пальцахъ прядку конской гривы, иней таялъ. Снѣгъ чуть похрустывалъ подь копытами. Пашка слегка подпрыгивала въ сѣдлѣ въ тактъ шагу коня.

- А ты будь доброй.
- Чушь какая! – весело обернула къ нему красное на морозѣ лицо. Солнце путалось въ кудряхъ ея папахи. – Они тогда такъ тоже говорили, мои разстрѣльщики. Мы, брешутъ, добрые! Такіе добрые! Мы васъ будемъ казнить не просто такъ, а со слѣдственной комиссіей! И – съ главнокомандующимъ!

– За что они хотѣли... тебя?

Жмурился отъ солнца.

– За то, что я хотѣла защищать Россію отъ врага. Они такъ вопили! Я думала, оглохну. «Разстрѣлять ее! Разстрѣлять ее!» Какъ глотки только не надорвали. Со мной былъ тогда нашъ офицеръ Пироговъ. Онъ хотѣлъ меня спасти. Но не зналъ, какъ. Лепеталъ жалко: вотъ, у меня приказъ... за пазухой былъ... только я его потерялъ... но наизусть помню!.. чтобы Бочарову доставить въ штабъ и содержать тамъ... А знаешь, какъ я спаслась?

Кони шли тихо, ровно. Снѣгъ блестялъ разноцвѣтно: синимъ, зеленымъ, алымъ, – какъ стеклышки лампадъ въ праздничномъ храмѣ.

– Ни за что не угадаешь. Одинъ мужикъ изъ слѣдственной комиссіи глядѣлъ, глядѣлъ на меня. Буркалы выкатывалъ. Потомъ какъ вскочить, какъ заоретъ и пальцемъ показывать: ты Пашка! Пашка! Ты Пашка! Откуда вы меня знаете, пожимаю плечами. Все оттуда, кричить! Съ войны этой вонючей! Ты жъ мнѣ жизнь спасла! Ты жъ меня – на своихъ плечахъ – вотъ на этомъ своемъ загривкѣ – съ поля боя – раненаго вытащила! Я тебя помню, помню, ты Пашка... Пашка, Пашка! И какъ обернется ко всѣмъ этимъ сучьимъ судьямъ, и какъ заблажить: нельзя ее стрѣлять! У нея Георгій – за сотни спасенныхъ жизней! А если зачнете стрѣлять, тогда меня – перваго! И встанетъ передъ всѣми, и гимнастерку на груди рветъ. Пуговицы мѣдныя – летать въ разные стороны!

Кони шли себѣ и шли. Снѣжная улица смѣнялась другой, третьей. Времена смѣстились, и Ляминъ самъ выскакивалъ впередъ, передъ строемъ орущихъ: «Смерть ей!» – и самъ кричалъ: «Убейте меня сперва!»

– И что... дальше-то?

– А ничего, – вдругъ сдѣлалась сухой, черствой коркой. Ссутилась на конѣ. Вцѣпилась въ узду замерзшими, безъ голицъ, руками. – Меня обступили тѣ, кто не желалъ мнѣ смерти. Кричали судьямъ: мы уведемъ ее, нынче же! Имъ въ отвѣтъ орали: да идите, скатертью дорожка! И мы пошли... только отошли... слышу сзади приказъ: стрѣлять по колѣнямъ! И – выстрѣлы... И товарищи мои падаютъ, валятся... И ихъ топчутъ сапогами, колютъ штыками, глаза выкалываютъ... Тутъ, Мишка, я... разумъ потеряла...

Солнце, какъ назло, било и играло предвесенней, синей ясной радостью. Било лучами поперекъ бѣлой улицы, по хрусткому снѣгу, по хрустальнымъ пластинамъ сосулекъ.

Ляминъ слушалъ, боясь хоть слово упустить.

– Пришла въ себя... и стукъ колесъ. Въ поѣздѣ фду. Колеса грохочутъ. Пахнетъ чайной заваркой... и – до сихъ поръ помню – булкой... такой свѣжей булкой, сладкой, сдобной... думаю: откуда на войнѣ булки?... я ужъ забыла ихъ вкусъ, запахъ... А въ ухахъ – тѣ дикіе крики, мольбы о пощаду... Я закричала сама... и смолкла... поѣздъ трясется... Оглядѣлась: купѣ... и кружевныя занавѣски на окнѣ... Рядомъ со мной Пироговъ. И онъ... держитъ меня за руки... и плачетъ... все лицо мокрое...

«А ты съ тѣмъ Пироговымъ – часомъ, не переспала?..»

Хотѣлъ спросить, да постыдился. Самъ чуть не плакалъ. Кони подошли къ широкому, высокому каменному крыльцу съ рѣзными деревянными колоннами и встали.

– А я ему руки жму, да, чтобы утѣшить... развеселить ли... пою, такъ тихонечко, какъ во снѣ: любо, братцы, любо... любо, братцы, жить... А поѣздъ трясется, трясется...

На крыльцо вышелъ часовой, пристукнулъ прикладомъ о каменную плиту.

– Здравія желаю! Какъ прикажете доложить?
 – Изъ Дома Свободы! За бумагами на пищу для царей! – звонко крикнула Пашка.
 Плотно сидѣла въ сѣдлѣ, не слѣзала съ коня.
 Первымъ прыгнулъ Ляминь.

* * *

...Задумка была проста, какъ лапоть.

Шая Голощекинъ позвалъ чекистовъ въ «Американскую гостиницу». Всѣ свои, и всѣмъ не надо долго объяснять. Темнымъ Екатеринбургомъ шли, будто дикими степями. Куревомъ запаслись вдосталь. Дымъ завивался подъ потолкомъ, какъ облака на старинныхъ японскихъ гравюрахъ. Въ большихъ блюдахъ на столѣ красовалась нарѣзанная семга. Водка въ запотѣлыхъ бутылкахъ блестяла серебряно, только-что изъ погреба. Говоръ то усиливался и взмывалъ до крика, то падалъ, растекаясь по столу и по полу вкрадчивой поземкой. Послѣ молчанія опять поднимался галдежъ. Изъ-за стѣны слушать – такъ обычная гульба. Пьютъ, курятъ, окна настежь, хоть и морозъ. Въ хрустальныхъ пепельницахъ горы пепла. Хрустальные узоры на стеклахъ. Хрусталь вѣтокъ ломаетъ вѣтеръ. Они, крича и дымя, сейчасъ обсуждаютъ, какъ сломать старый мѣръ. Какъ разбить его фамильный хрусталь.

Старый мѣръ – это были они, семеро.

Два старѣющихъ челоуѣка, четыре дѣвушки и одинъ отрокъ.

Пава Хохряковъ, полосатая тѣльняшка, кудри выются золотымъ дымомъ, глаза бѣшено-синіе, брови кустами; дѣвушки млѣютъ. Да вотъ она, дѣвушка, у него подъ мышкой. И курить вмѣстѣ со всѣми. И тоже въ тѣльняшкѣ – ему подражаетъ. Думали, шалава, оказалась невѣста. Такъ и представилъ: моя невѣста Танюша! Читалъ стихи, вѣрно, самъ сочинилъ, про нее: хороша была Танюша, краше не было въ селѣ... Глаза и зубы у Пава блестятъ жестоко. Самый злой на свѣтѣ большевикъ, говоритъ о немъ Шая и довольно щелкаетъ пальцами. Пава, въ ярости, однажды вывелъ изъ домовъ на улицу челоуѣкъ сто – и всѣхъ положилъ изъ пулемета: за то, что не выдали тѣхъ, кто прятался въ тѣхъ домахъ отъ ЧеКа. А прятались бѣлые: они взорвали склады, гдѣ хранилась провизія для Уралсовѣта. Люди падали, кричали о пощаду, ползли, недобитые, по мостовой, а Пава косилъ всѣхъ огнемъ, шерился и оралъ: вотъ вамъ, сволочи, за нашу вѣду! за нашихъ людей! за нашу красную Совдепію!

Голоса схлестывались и взвивались, таяли и набѣгали на берегъ тишины. Внутри голосовъ рождались мысли. Внутри мыслей – рѣшенія и приказы. Пава Хохряковъ ярился. Его невѣста Таня гладила его по полосатому плечу. Она тоже курила и сыпала пепель въ хрустальную громадную пепельницу въ видѣ листа кувшинки. Командиръ Красной Арміи Авдеевъ сначала кричалъ громче всѣхъ, потомъ молчалъ и слушалъ.

...тайно прибыть въ Тобольскъ... уничтожить прежнюю власть... смахнуть ее, какъ крошки со стола!.. установить нашу власть... большевики во главѣ города... проникнуть въ губернаторскій домъ... а охрана?.. что, мы не заломаемъ охрану?.. прощупать настроенія бойцовъ... разъяснить имъ... Ленинъ говоритъ – надо вести разъяснительную работу въ массахъ... подкопаться, не спѣшить... каво не спѣшить, когда тутъ каждый день дорогъ!.. нельзя попередь батьки... ты Ленина имѣешь въ виду?.. а кого же еще... а кого пошлемъ въ Тобольскъ первыми?.. да вотъ ихъ и пошлемъ... ихъ?.. любовничковъ?.. эй, Пава, ты слыхалъ?.. мы съ Таней согласны... завтра же выѣзжаемъ... а потомъ кто, послѣ развѣдки?.. а потомъ пойдеть отрядъ Авдеева... товарищъ Авдеевъ, ты каво молчишь, какъ воды въ ротъ набралъ?..

Авдеевъ вздохнулъ очень громко, на весь гостиничный номеръ, и началъ говорить, и установилась полная тишина. Въ тишинѣ усами лимонника вился табачный дымъ и звучалъ голосъ краснаго командира: я возьму шестнадцать челоуѣкъ. Войду въ городъ. Остальное – по ходу дѣйствія. Остального я ничего не знаю, не обезсудьте.

...и закурилъ, и опять молчалъ.

И вли красную семгу съ чернымъ хлѣбомъ.

* * *

– Аликсъ, ты слышала?
 – Что, родной?
 – Изъ Омска прибылъ отрядъ этой, какъ это у нихъ сейчасъ называется... Красной Гвардіи.
 – И что? Уже убиваютъ?
 – Нѣтъ. Но я думаю – Омскъ, это неспроста.
 – Отчего?
 – Омскъ – центръ Сибири. Ея сердце.

Александра поднесла руки къ вискамъ. Она сидѣла за столомъ, передъ ней на столѣ въ желѣзной мискѣ стояла недоѣденная яичница. Еще лежалъ клубокъ бѣлой шерсти – она вязала сыну рукавички. Еще разложенъ былъ недоконченный пасьянсъ «Марія Стюартъ».

– Сердце...

Мужъ погладилъ ее по покрывшейся цыпками, огрубѣлой рукѣ.

– Лишь бы твое сердечко ровно билось, мое солнышко. Какъ здѣсь холодно!

– Да. Какъ на Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ.

– О тѣхъ, заполярныхъ, холодахъ лучше всего зналъ нашъ адмиралъ Колчакъ.

– Колчакъ... да. Онъ же былъ такой вѣрнопопданный!

– Одинъ изъ лучшихъ нашихъ морскихъ офицеровъ. Я самъ сдѣлалъ его адмираломъ флота. Самъ.

– Ты хочешь сказать, а вдругъ это люди Колчака? И они спасутъ насъ?

– О чемъ ты говоришь, милая. Адмиралъ Колчакъ сейчасъ за границей.

– Откуда ты знаешь?

– Я – газеты читаю.

– Вотъ видишь, всѣ умные, вѣрные тебѣ люди – уѣзжаютъ... А почему мы...

– Что – мы?

Печальной птицей глядѣлъ, журавлемъ, что прощался съ осенней землей.

– Мы почему не можемъ уѣхать?

– Мы... мы...

Не могъ выдать слова.

– А Ленинъ? – внезапно спросила царица.

– Что – Ленинъ?

– Если написать письмо – Ленину?

Царь долго глядѣлъ на жену, потомъ отвернулся къ окну. Спина его вздрагивала.

И жена не знала, смѣется онъ или плачетъ.

– Какія письма, солнце. Онъ мое письмо порветъ... сожжетъ. Ленинъ – нынѣ властелинъ. Ленинъ хочетъ править и править. Я это чувствую и знаю. Я для него – помѣха на этомъ пути.

– Но ты же помазанникъ! Какъ онъ смѣетъ! Онъ долженъ тебѣ пятки лизать!

– Пятки? Аликсъ, сейчасъ всѣ другъ другу пули пускаютъ въ грудь.

Николай медленно наклонилъ густоволосую сѣдѣющую голову и долго молчалъ. Аликсъ нѣжно прикоснулась къ его локтю. Онъ плотнѣе запахнулся въ китель.

– Милый, ты мерзнешь. Надѣнь подъ китель теплую безрукавку.

– О да. Пожалуй. Я ее очень люблю. Ты же ее мнѣ связала.

Поцѣловалъ ей руку и кинулъ взглядъ на карты.

– Не закончила пасьянсъ? Или не сошелся?

– Не закончила, – голосъ Аликсъ былъ странно глухъ и нѣженъ. Какъ въ молодости. – Ждала тебя.

Взяла колоду и начала раскладывать карты. Отъ холода у нея сводило распухшія красныя руки. Она то-и-дѣло грѣла ихъ дыханьемъ.

– Милая, я принесу твою шубу, накину на тебя?

– Не надо. Сейчасъ пошевелюсь... и согрѣюсь.

– Ты знаешь, что каждый вечеръ къ намъ въ домъ привозятъ пулеметъ?

Царица вздрогнула и бросила карты. Онѣ, какъ живыя, поползли на край стола, валились на полъ, разсыпались чортовымъ пасьянсомъ. Ея глаза искали его глазъ, она стремилась спросить его глазами, что случилось, что грядетъ и чего надо опасаться; къ ея щекѣ прилипли двѣ выпавшія рѣсницы, она смахнула ихъ уже узловатымъ, старческимъ пальцемъ.

– Пулеметъ? Зачѣмъ?

– Развѣ ты не понимаешь?

Николай улыбался грустно.

– Ты еще улыбаешься.

– Пока имѣю силу надъ этимъ смѣяться.

– Ждутъ нападенія?

– Милая, все смѣшалось въ нашемъ домѣ.

– Ты хочешь сказать, въ Россіи?

– И мы несчастны. Но по-своему. Не такъ, какъ несчастны Германія, Франція. Мы – особы. Мы если и болѣемъ, такъ празднично сгораемъ въ великомъ жару, а веселимся – весь міръ стонетъ отъ боли.

...Ночью къ Губернаторскому дому прибыли бойцы изъ Омска. Они окружили домъ и пытались вломиться въ него. Неподалеку отъ дома стояли конные стрѣлки екатеринбуржца Авдеева. Они наблюдали эту картину: комендантъ Кобылинскій выставилъ пулеметъ, а оми-

чи взводили затворы, потрясали винтовками и нещадно матерились. Авдеевъ тоже сквернословилъ: ему нельзя было бить своихъ, красныхъ омичей, и онъ хорошо понималъ, зачѣмъ тутъ омичи: они пришли за царями. Прядали уши его коня. Цари – добыча! Цари – волки, медвѣди въ тайгѣ! И Авдеевъ напрягалъ ухо: пытался слышать, о чемъ говорятъ бойцы изъ Омска.

И слышалъ.

Они сильнѣе. Ихъ больше. У нихъ тоже есть пулеметы, тачанки, да они сегодня не притащили ихъ сюда, къ дому; побоялись. У нихъ есть и пѣшие, и конные. Затопчуть лошадьми. Надо уѣзжать. Кутузовъ тоже сдалъ Москву; въ любомъ дѣлѣ стратегія важна.

...Ляминъ сидѣлъ на койкѣ. Звякали пружины. Рядомъ сидѣла Пашка. Она держала руку на Мишкиномъ колѣнѣ. Впервые за много дней. Они просто сидѣли рядомъ, какъ два старыхъ супруга, какъ два лебедя, крыло къ крылу. Ничего не говорили. Сжатые рты. Глаза въ одну точку уставлены. Они и смотрѣли на что-то одно, и одинаково смотрѣли: тоскливо и долго. Пашкина рука на колѣнѣ Лямина – милость, радость. Давно не было такой радости. И она вотъ-вотъ исчезнетъ. Желанья, тетеревиной тяги не было внутри. Были: покой, тоска, легкое счастье, и вотъ-вотъ улетитъ. Пашка казалась ему райской птицей, присѣвшей на его колѣно: сейчасъ вспорхнетъ.

А на самомъ дѣлѣ она была – солдатъ, привыкшій къ смертямъ и пороху.

* * *

- Заславскій въ городѣ! Большевицкая власть!
- Да ну, ребята! Быстро же!
- Поздравляться-то будемъ ай нѣтъ?!
- Такъ ить иначе и быть-то не могло!
- Вся власть большевикамъ! Ур-ра-а-а-а!
- Выпить нельзя, такъ хоть закурю.
- А кто верховодить-то?
- Хохряковъ предсѣдатель, Заславскій при емъ, и еще какой-то Авдеевъ подъ ногами путается!
- Стопъ, стопъ! Авдеевъ-то – кажись, изъ уральцевъ?
- Теперя они сюда примчатся! Помяни мое слово!
- Какъ бы не такъ.
- Такъ, такъ!
- Но мы жъ ихъ не пустимъ. Мы же – не имъ подчиняемся!
- И то вѣрно. Пушай Кобылинскій рѣшаетъ!
- Пусть уральцы насъ боятся.
- Дыкъ они насъ и бояцца. Ищо какъ.
- Оружія у насъ довольно. Отобьемся хоть отъ чорта!
- Ну омичей прогнали же.
- Намъ приказъ данъ – сторожить, мы и сторожимъ! И весь сказъ!
- Охъ, боюся, сказъ тотъ только начинацца.
- А ты не бойся. Ничего не бойся.
- Я-то? А хто тибѣ сбрехалъ, што я боюся?
- Да ты же самъ и сказалъ. Кури лучше и молчи въ тряпочку!

* * *

Они всѣ жить не могли безъ церковныхъ службъ. Родители и дѣти, всѣ жили и дышали молитвой, иконы были нужнѣй и важнѣе хлѣба. Каждую субботу въ Губернаторскомъ домѣ служили Всенощное бдѣніе, и вся семья то опускалась на колѣни, то поднималась, безостановочно крестилась, и иконы со стѣнъ глядѣли на нихъ строгими и любящими, громадными, какъ озера за Турой, и ночными, и солнечными глазами. Ночь и свѣтъ, солнце и луна, бывшая боль и будущія слезы – все лежало на днѣ иконъ, въ нихъ они ныряли, какъ въ темную рѣку, какъ въ едва затянутую хрусткимъ ледкомъ іордань. Аллилуія!

Тусклъ новомодный электрическій свѣтъ, мотается лампа подъ потолкомъ, а иконы горятъ сами, онѣ самосвѣтящіяся; сияютъ подъ слоємъ пыли, подъ слоємъ пороха и взорванной земли. Онѣ сияютъ изнутри ихъ разбитой въ мелкіе осколки жизни. Царица стоитъ и крестится и вспоминаетъ, какъ подносила иконы ко ртамъ умирающихъ солдатъ въ госпитальяхъ. Солдаты, корчась въ агоніи, уже въ безсознаньи цѣловали икону и шептали: Господи, въ руки Твои предаю духъ мой. Вотъ Онъ, Спаситель – у нея надъ головой. Онъ свѣтитъ ярче всѣхъ на свѣтѣ лампъ, жалкихъ изобрѣтеній человѣка.

Они молились, за ними стояли дѣти, передь ними – батюшка и четыре монахини; ровно горѣли, еле слышно трещали свѣчи, отражались въ глазахъ дѣтей, и они понимали – вотъ этотъ огонь, онъ одинъ, царскій, изъ прежняго міра имъ и остался. Царь Іудейскій! Такъ называли Его люди, но такъ не называль Онъ Самъ Себя. Онъ говорилъ такъ: кто знаетъ Меня, знаетъ Отца.

На аналоѣ лежала вышивка царицы – синій, съ золотыми крыльями, попугай, вокругъ него розы и жасминъ; она вышила шелкъ бисеромъ, и это было одно изъ прекраснѣйшихъ ея рукодѣлій. Мужъ шутилъ: тебѣ надо быть златошвейкой, а не царицей. И царицы занимались золотнымъ шитьемъ, ласково возражала она. Свѣчи пылали, Татищевъ, Долгоруковъ и докторъ Боткинъ молились, докторъ молился истово, – у него явилось въ жизни неутѣшное горе, а Богъ его воистину спасъ. Каждый долженъ что-то вкусить сполна, прежде чѣмъ пойти и взять на вѣру. Вѣра – не знаніе; она первая ступень къ любви.

«Слава въ вышнихъ Богу, въ челоуѣцехъ благоволеніе!» – пѣлъ батюшка красивымъ басомъ, и передь царицей проходила вереница людей, которыхъ она любила и которыхъ не забыла. И царь молился и вспоминалъ: молодость, смѣхъ и слезы, дѣтей въ пеленкахъ, ожиданіе наслѣдника; безмѣрное счастье, когда мальчикъ родился, и безумное горе, когда они оба узнали, что у него большая кровь.

Кровь! Вино причастія, хлѣбъ любви. Все на крови – и храмы, и кладбища, и дома, и обѣды, и обѣдни. Въ день, когда они такъ горячо молились, красные прислали изъ Москвы телеграмму, а тамъ стояло: «ЗАПРЕЩАЕТСЯ ГРАЖДАНИНУ РОМАНОВУ Н.А. И ГРАЖДАНИНУ РОМАНОВУ А.Н. НОСИТЬ ПОГОНЬ». И молитва не помогла. Вотъ онъ, позоръ; и надо было съ честью снести этотъ позоръ, и возвыситься надъ униженіемъ. Если тебя ударятъ по правой щекѣ, подставь лѣвую, шептала мужу жена. На его погонахъ красовались вензеля Александра Третьяго; на погонахъ Алексѣя – его вензеля. Время передавало съ плечъ на плечи золотой воинскій факель. И вотъ его гасятъ.

Царь держалъ въ рукѣ телеграмму, Кобылинскій стоялъ рядомъ и терпеливо ждалъ, а царь не говорилъ ни слова. Кобылинскій переминался съ ноги на ногу, потомъ жестко спросилъ: вы прочитали? Вы поняли? Царь повернулъ къ Кобылинскому лицо. Кобылинскій съ ужасомъ увидалъ: у царя – лицо Нерукотворнаго Спаса. Да, я все прочиталъ и все понялъ, спокойно сказалъ царь, а вотъ поняли ли вы?

И полковникъ Кобылинскій растерялся. Не зналъ, что отвѣтить.

Царь, стоя передь холопомъ, медленно, сильно сорвалъ погоны, и нитки трещали, а глаза царя смотрѣли прямо и упрямо, и опять ужаснулся холопъ лицу своего царя: царь, срывая погоны, улыбался, и Спаситель на темной иконѣ за его спиной, на обшарпанной, съ сорванной штукатуркой, стѣнѣ улыбался тоже.

* * *

Платформа и ночь. Вагоны и бойцы.

Россія продолжаетъ сходить съ ума.

Красный командиръ на перронѣ стоитъ передь челоуѣкомъ въ мощномъ тулупѣ; изъ-подъ тулупа глядитъ матросская блуза; на головѣ папахъ; взглядъ острый и желѣзный – вмѣсто глазъ два ножа, и играютъ въ свѣтѣ весенней луны.

О чемъ говорятъ? Холодная апрѣльская ночь скрываетъ рѣчь. Конные и пѣхотинцы выходятъ изъ поѣзда. Командиръ глядитъ на бумагу въ рукахъ челоуѣка въ папахѣ. Въ свѣтѣ вокзальнаго фонаря съ трудомъ разбираетъ подписи. Свердловъ. Ленинъ. Голощекинъ.

Челоуѣкъ въ папахѣ козыряетъ командиру. Командиръ понимаетъ: уполномоченный ВЦИК можетъ приказывать ему все что угодно, и онъ долженъ будетъ это выполнять.

Мететь мокрый снѣгъ. Дуетъ рѣзкій вѣтеръ. Пробираетъ до костей. Скоро, уже сегодня, поскачутъ командиръ и челоуѣкъ въ папахѣ вмѣстѣ, рядомъ. Надъ головами коней будутъ переговариваться.

О бывшихъ царяхъ.

Важнѣе вопроса нѣтъ; самъ вождь ставитъ его во главу угла.

Солдаты впереди. Бѣлые? Красные?

Снѣгъ мететь красный. Дождь идетъ бѣлый.

Жизнь заметаешь, заливаешь, захлестываетъ вѣтромъ. Челоуѣкъ въ папахѣ подноситъ къ глазамъ морской бинокль.

Красное знамя у бойцовъ. На папахъ красныя ленты.

Впередъ, къ нимъ.

И – вмѣстѣ поскакали!

...это скачутъ комиссаръ Яковлевъ и два красныхъ командира – Авдеевъ и Бусяцкій.

Бусяцкій кричитъ: надо убить Романовыхъ! И какъ можно скорѣе! Яковлевъ молчитъ.

Авдеевъ слушаетъ. Бусяцкій гнетъ свое: когда повеземъ изъ Тобольска въ Екатеринбургъ эту семейку, я съ отрядомъ устрою засаду, будто бы освободить ихъ, мы будемъ стрѣлять, сами – въ воздухъ, а въ нихъ – въ упоръ. Уничтожимъ Кроваваго! Хватить ему небо коптить!

Копыта коней били по мокрымъ камнямъ, вязли въ нападавшемъ мокромъ снѣгу. Яковлевъ молчалъ. Бусяцкій свирѣпѣлъ. Авдеевъ натягивалъ поводья.

Весенняя холодная ночь кончалась. Наступало солнечное утро. Снѣгъ таялъ. Ледъ исчезалъ. Коней заводили въ конюшни. Казармы гудѣли.

Яковлевъ спѣшился, обернулся къ Авдееву и сказалъ: вы производите на меня хорошее впечатлѣніе. Я назначаю васъ комендантомъ Дома Свободы, гдѣ живутъ цари.

И Авдеевъ наклонилъ голову.

Съ уполномоченнымъ ВЦИК спорить бесполезно.

* * *

Алексѣй бодрый, веселый бѣгаетъ по дому. Мать еле успѣваетъ слѣдить за нимъ. У нея болитъ сердце за него, но она понимаетъ: лиши его призрака свободы – онъ зачахнетъ, угаснетъ свѣчкой. Гдѣ мудрость? Гдѣ золотая середина? Никто не знаетъ. И она – меньше всего.

Алексѣй играетъ и смѣется, кувырается и ведетъ себя свободно и опасно. Онъ кричитъ матери: мама, вѣдь это Домъ Свободы! Мать закрываетъ ротъ рукой. Это ея давній, еще дѣвичій жестъ: хочешь сказать что-то лишнее, ненужное – закрой ротъ ладонью, помолчи и досчитай до тридцати.

Цесаревичъ съѣзжалъ на деревянной лодкѣ по ступенямъ лѣстницы – со второго этажа онъ проскакивалъ въ дверь на улицу, и грохотъ стоялъ такой, будто бы среди снѣговъ гремѣлъ громъ. Отецъ молчалъ и сжималъ руки за спиной. Мать молчала и стискивала руки у груди. Они оба молились за него, одно это имъ и оставалось.

Еще были качели.

Качели его и погубили.

Алексѣй самъ ихъ сдѣлалъ – изъ бревна. Прикрѣпилъ къ толстымъ веревкамъ межъ двухъ деревьевъ. Качался съ упоеніемъ. Раскачивался, горячо, отчаянно, весело. Выше! Выше! Качели взлетали все выше. Небо было все ближе. Какъ онъ упалъ, онъ не помнилъ.

Помнилъ, какъ очнулся.

Онъ ушибъ голову и ногу. Обморокъ закончился обильнымъ потомъ, онъ пришелъ въ себя и заплакалъ отъ сильнѣйшей боли въ ногѣ. Колѣно стало опухать стремительно и страшно. Кровь изливалась подъ кожу, въ ткани, обволакивала круглую колѣнную косточку. Докторъ Боткинъ, дрожа, наклонился надъ нимъ, лежащимъ въ кровати. Алексѣй длинно, протяжно стоналъ. Потомъ оборвалъ стоны. Силился не стонать и не плакать.

И не сумѣлъ.

И плакалъ, и стоналъ.

А потомъ закричалъ.

И вмѣстѣ съ нимъ закричала его мать.

Она стояла рядомъ съ докторомъ, въ рукахъ у нея было чистое полотенце, на столѣ бѣлѣлъ кувшинъ съ холодной водой – она хотѣла сдѣлать сыну холодную примочку. Докторъ прошепталъ: лучше согрѣвающий компрессъ, компрессъ будетъ разсасывать гематому. Боль, что такое боль? Никто не знаетъ. Она разрѣзаетъ человѣка на-двое и вынимаетъ изъ него все самое драгоценное. Вынимаетъ и сгрызаетъ, какъ песь кость, счастье и чудо жизни.

Жизнь при боли перестаетъ быть счастьемъ и чудомъ. Она становится чѣмъ-то инымъ, уродливымъ и страшнымъ. И смерть чудится счастьемъ, а жизнь, полную боли, ненавидятъ и проклинаютъ. И хотятъ побыстрѣе разстаться съ ней.

Ночь, полная боли, смѣнялась днемъ, доверху налитымъ болью. И боль надо было отпить большими глотками, иначе она могла хлынуть черезъ край и залить глотку, и захлестнуть комнаты, лѣстницы и окна. И вылиться наружу, вонъ изъ дома, рѣкой крика, воплемъ обманутаго неба. Боткинъ шепталъ: этотъ мальчикъ – святой! Онъ терпитъ такое страданіе!

Это невыразимо, бормоталъ докторъ матери, снимая очки и вытирая слезы, это невозможно, я бы отъ такой боли просто сошелъ съ ума, а онъ...

...а онъ у меня очень разумный...

...Алешинька, пожалуйста, не кричи, сейчасъ принесутъ опій...

...лягте, ваше величество, у васъ же сердце...

...наплевать, я не чувствую уже никакого сердца, у меня его нѣтъ...

Матрость Климъ Нагорный, когда боль захлестывала разумъ и мальчикъ терялъ сознание, вынималъ его изъ кровати, бралъ на руки и такъ носилъ на рукахъ по всѣмъ комнатамъ Дома Свободы. Сестры молчали и молились. Цѣловали иконы. Дѣвица Демидова рыдала и перебирала четки. Нагорный не спалъ ночи напролетъ и валился съ ногъ. Когда матрость, какъ

песъ, засыпаль у изголовья цесаревича, приходили воспитатель Жильяръ и преподаватель Гиббсъ, и они попеременно читали мальчику все, что могли: изъ древней исторіи и изъ естественныхъ наукъ, сказки и поэмы, а потомъ приходила мать, блѣднѣ простыни, и читала ему изъ Священнаго Писанія.

А потомъ Алексѣй покрывался молочной блѣдностью и холоднымъ потомъ, и крѣпился, и не хотѣлъ кричать, и опять кричалъ, и мать медленно осѣдала на полъ, и докторъ Боткинъ бѣжалъ къ ней и хваталъ ея руку, и считалъ пульсъ, и вмѣстѣ съ царемъ они несли Аликсъ на кушетку, и женщина плакала такъ, какъ не плакала до нея ни одна женщина въ подлунномъ, нищемъ мірѣ.

А царь стоялъ рядомъ на колѣняхъ. Онъ наклонялся къ ней очень низко, щекоталъ усами и бородой ея морщинистую щеку, ея ухо и скулу и шепталъ: милая, Матерь Спасителя нашего тоже видѣла страданія Сына, и солью исходили Ея глаза, и вмѣсто сердца у Нея билась подъ ребрами кровавая, красная тряпка. И все же Сынъ Ея остался Сыномъ даже и на крестѣ; и она, Мать, осталась Матерью, созерцающая то, что живой человекъ не въ силахъ видѣть и не умереть. И что, родная? Они оба пребыли живы и еще пребудутъ. Всегда и навсегда. Развѣ ты не возьмешь съ Нея примѣръ? Развѣ ты не хочешь повторить Ее во всемъ? Вѣдь вотъ, смотри, юродивые Христа ради берутъ грѣхи міра, такъ же, какъ и Спаситель, и носятъ вериги, и терпятъ поношенія, чтобы повторить подвигъ Бога нашего. Развѣ не счастливо повторить подвигъ Богородицы нашей? Какъ думаешь? Вспомни о Ней! Прошу тебя!

...и покрывалъ поцѣлуями ея щеки, шею и руки. И глоталъ ея слезы.

Алексѣй же, подъ каплями опія, забывался ненадолго; и тогда докторъ Боткинъ тоже пилъ опій и закатывалъ глаза и на полчаса застывалъ въ старомъ креслѣ Дома Свободы съ потертымъ, дырявымъ сидѣньемъ и насмерть исцарапанной кошками штапельной спинкой – самъ старый, тоже поношенный, стоптавшийся, издерганный и все равно свѣтлый, свѣтлый.

* * *

Вотъ она, смѣна охраны. Товарищъ Авдеевъ ее дѣлаетъ, и надо вѣрить товарищу Авдееву.

Лица, лица и руки, руки и ноги. Вродѣ тѣ же люди, а – другіе.

Одно время смѣняетъ другое. Были солдаты изъ Царскаго Села – пришли другіе солдаты.

Красная Гвардія.

Царскіе гвардейцы уступаютъ мѣсто красногвардейцамъ.

Кто во что одѣтъ. Кто во что гораздъ. Кто какъ явился въ революцію. Пестротканое, лоскутное человѣчье одѣяло. Всякой твари тутъ по парѣ. Форма? Какая? Не до формы имъ. Кто въ тужуркѣ. Кто въ шинели съ чужого плеча, и по пяткамъ бьетъ. Кто въ невѣроятной кавказской буркѣ, а на башкѣ – кепка. Кто въ кудрявомъ бараньемъ тулупѣ. Кто въ вытертомъ на локтяхъ зипунѣ. Пальто и полушубки. Лапсердаки и пиджаки. Краденые кители. На ногахъ – боты, сапоги, катанки, у иныхъ – и опорки. Какъ твое имя? Оедька? Игнатъ? Сашка? Мишка? Эй, Мишка, Сашка, Игнашка, валяй сюда! Къ намъ! Въ картишки сразимся!

...это простой народъ. Возставшій народъ. И онъ захотѣлъ лучшей жизни.

Уважайте его желаніе.

Его желанье сыграть въ карты.

Слышите ли вы, гражданинъ Романовъ?

...Царь хорошо видѣлъ ихъ и видѣлъ, какъ они вооружены. Ему, царю и полковнику, было дико это: кто обвязанъ пулеметными лентами, кто сдергиваетъ съ плеча охотничій карабинъ, кто вертитъ въ рукахъ новѣйшій пистолетъ маузеръ и любитъ имъ, а у кого за однимъ плечомъ винтовка, а за другимъ – двустволка, а за поясомъ – старый наганъ, а за голенищемъ – ножъ!

Царь глядѣлъ, какъ уходятъ питерскіе гвардейцы. Царь слѣдилъ, какъ въ Домъ Свободы входятъ сибирскіе красногвардейцы.

А Ляминъ стоялъ одинъ – ни съ тѣми, ни съ другими; и чрезвычайный уполномоченный Яковлевъ кивнулъ ему: вставай съ ними! – и указалъ на Красную Гвардію.

И Михаилъ Ляминъ отмаршировалъ туда, куда ему указали.

И два глаза изъ-подо лба смотрѣли теперь туда, куда указывали ему: на врага.

...на дѣвушку по имени Марія, и на ея ногу, что высовывалась изъ-подъ шелковаго платья, изъ-подъ соннаго кружева.

Потеплѣло. Капель звенѣла, рушась съ крышъ. Птицы пѣли оголтѣло и вольно. Комиссаръ Яковлевъ пришелъ говорить съ прежней охраной.

Гвардейцы сердито смотрѣли на комиссара. Ворчали.

– Ишь, смѣстили насъ. Поставили какихъ-то охламоновъ.

- Ни въ строй встать не умѣють... ни по росту стоять...
- И что? Это они, разгильдяи, будутъ теперь царя охранять?!
- Смѣшно.
- Да много чего смѣшного щась у насъ въ Расеѣ!

Яковлевъ, пригладивъ на вискахъ волосы, выступилъ впередъ. Сегодня, въ теплый день, онъ снялъ папаху. И ходилъ съ голой головой. Весна, и птицы, и надежды. Солнечные лучи сияющими спицами вывязывали радость.

– Товарищи стрѣлки! Спасибо вамъ за отличную службу. Такъ, какъ вы, никто бы не справился съ задачей! Охрана гражданина Романова и его семейства была поручена вамъ, и вы съ честью выполняли свой долгъ! Настала пора, – онъ смущенно кашлянулъ, – вамъ отдохнуть. Ваша вѣрная служба закончена! Можете возвращаться домой. Къ женамъ и дѣтямъ! Молодая Совѣтская республика благодарить васъ...

- Ха, благодарить... что толку?!. лучше бь денежку кинула...
- ...и награждаетъ васъ жалованьемъ за полгода! Сразу за полгода! Вы вѣдь, товарищи, полгода денегъ не получали? Такъ вотъ вамъ!

Стоявшій за Яковлевымъ лысоватый, съ головой въ проплѣшинахъ, какъ въ проталинахъ, низкорослый человекъ съ портфелемъ въ рукахъ осторожно положилъ портфель на стулъ и шелкнулъ замкомъ. Гвардейцы вытянули шеи. Портфель былъ набитъ деньгами.

– А что за деньги? Керенки небось?

– Къ бѣсу керенки!

– Рубли давай!

– Здѣсь рубли, – сказала рѣдковолосый человекъ гордо и запустилъ въ портфель руку.

Гвардейцы подходили за рублями. На ихъ лицахъ свѣтилось изумленіе и довольство. Ропотъ прекратился. Раздавались слова одобренья. Совѣтская власть не обидѣла ихъ. И это грѣло изстывшую на сибирскихъ вѣтрахъ душу. Закончили сторожить царя; такъ это же хорошо! Пришли другіе. Теперь имъ придется попотѣть.

Труднѣй всего стоять и охранять; тоска, глухота, время не идетъ, а ползетъ червемъ. А персоны-то важные. Что съ ними случится – товарищъ Ленинъ съ тебя голову сниметъ.

...какой товарищъ Ленинъ, самъ же Авдеевъ подойдетъ и тебя – въ расходъ... въ распылъ...

– Товарищи! Слушай меня внимательно. Я долженъ увезти изъ Тобольска семью гражданина Романова.

Комиссаръ стоялъ во дворѣ передъ охраной.

Новая и старая охрана – обѣ были тутъ; и обѣ глядѣли на Яковлева, будто бы онъ былъ заморскій павлинъ и передъ солдатами яркій хвостъ распускалъ.

Полшубки, шинели, тулупы, зипуны, тужурки шевелились, шуршали, скрипѣли вокругъ.

Къ вечеру пошелъ снѣгъ, и апрѣль превратился въ февраль. Такая Сибирь: солнышкомъ поманить, снѣжкомъ накормить.

– Куды жь энтотъ?! – крикнулъ Сашка Люкинъ.

– Я не имѣю права съ вами объ этомъ говорить.

Люкинъ укусилъ нижнюю губу. Выкинулъ впередъ руку.

– Такъ пошто же съ нами объ энтотъ и балакать?!

Поднялся галдежъ, люди превратились въ сорокъ и галокъ и воронъ и взмыли съ крышъ и стрѣхъ, и летали надъ головой Яковлева, и кричали, и глотали дымъ, и верещали, и каркали, и хлопали крыльями.

– Намъ говорятъ, а мы знать не имѣемъ права!

– Дыкъ што жа, повезуть куды-то, а може, въ тайгу завезуть – и тамъ порѣшать?!

– Мы сторожили, сторожили... а насъ – пинкомъ подь задъ...

– Ничего! Мы нынче посторожимъ!

– А ежели намъ скажутъ – ихъ свезуть въ адъ, мы ихъ – въ адъ свеземъ?

Яковлевъ оглядывалъ орущія лица. Каждый изъ бойцовъ хотѣлъ, чтобы его уважали за его трудъ.

Ляминъ сидѣлъ на завалинкѣ. Мрачно слушалъ. Не оралъ, не блажилъ, не возмущался.

«А что ворчатъ! Все равно командиры скомандуютъ по-своему. Ты солдатъ, ты выполняй приказъ».

Яковлевъ подобрался – волкъ передъ прыжкомъ.

– Слушай меня! Восемь бойцовъ старой охраны я включаю въ новый караулъ! Этотъ караулъ будетъ сопровождать семью царя... – поправился: – бывшаго царя... до новаго мѣстожительства! Эти стрѣлки... – оглядѣлъ бойцовъ. – Мерзляковъ! Бочарова! Андрусевичъ! Дуроватовъ! Завьяловъ!

– Игнатъ или Глѣбъ? – крикнули ему.

Яковлевъ замѣшкался на мигъ.
 – Игнать! Дальше... Ереминь! Люкинъ!
 Пашка, за кеглями многихъ головъ, высоко поднимала гордую, коротко стриженую голову. Снѣгъ летѣлъ на ея волосы и ласково путался въ нихъ.
 Замолчалъ. Оглядывалъ, оглядывалъ лица, будто всѣ хотѣлъ навѣкъ запомнить.
 – Ляминъ!
 И Ляминъ взвился съ завалинки и поднялъ голову выше.
 Снѣгъ ужъ не летѣлъ нѣжно, а валилъ густо и грубо.
 Яковлевъ схлестнулся глазами съ Ляминимъ.
 Михаилъ сдѣлалъ шагъ, другой и втекъ горячимъ тѣломъ въ ряды красногвардейцевъ.
 – Слушаюсь, товарищъ комиссаръ!

* * *

– Ваше величество. Я имѣю вамъ сказать нѣчто важное.
 – Слушаю васъ, господинъ... товарищъ...
 Передъ Яковлевымъ ходилъ ходуномъ маятникъ настѣнныхъ массивныхъ часовъ фирмы «Павель Буре». Золотая голова маятника говорила, моталась: нѣтъ-нѣтъ, нѣтъ-нѣтъ, нѣтъ.
 Передъ Яковлевымъ и царемъ на столѣ стоялъ чай.
 Два стакана и два подстаканника. И цвѣтъ чая темный, густой, ночной. И пахнетъ крѣпко и терпко.
 Царь прихлебнулъ чаю и терпеливо ждалъ чужихъ важныхъ словъ.
 – Я долженъ увезти васъ и вашу семью отсюда.
 Царь поставилъ подстаканникъ на столъ. Склонилъ голову на-бокъ, на плечо, и сталъ похожъ на большую птицу – на журавля, цаплю.
 – Куда?
 – Я... не имѣю права вамъ это сообщить. Простите.
 Царь поднесъ ко лбу руки. Жестъ страстно молящагося, о чемъ-то просящаго небеса.
 И такъ сидѣлъ.
 До тѣхъ поръ, пока Яковлевъ, истомившись, не кашлянулъ громко и хрипло.
 Тогда царь отвелъ руки съ набухшими венами отъ сѣраго, цвѣта небѣленной холстины, лица и бессильно обронилъ:
 – Я... не поѣду. И... никто не поѣдетъ.
 Яковлевъ тихо сказалъ:
 – Вы поѣдете все равно.
 Царь ущипнулъ усъ. У него дрожали руки.
 – У меня сынъ боленъ! Тяжело. Вы сами сказали – онъ не можетъ сейчасъ никуда ѣхать!
 Его нельзя перевозить! Гематома вскрыется, и...
 Онъ не могъ продолжать – махнулъ рукой.
 Яковлевъ глядѣлъ, какъ царь плачетъ.
 – Не сопротивляйтесь. Это бесполезно. Если вы не дадите согласія, васъ всѣхъ увезутъ насильно. Свяжутъ вамъ за спиною руки и погрузятъ куда угодно. Въ телѣги... въ пролетки... въ грузовыя авто. И – повезутъ. Вы будете кричать, а васъ будутъ везти. Все равно. Простите меня, я говорю вамъ правду.
 – Правду, – шопотъ царя жегъ Яковлеву щеку, – правду...
 – Извините меня, если я васъ обидѣлъ.
 – Ну что вы... не стойте... я понимаю...
 – И... есть выходъ. Я предлагаю вамъ... ѣхать одному.
 Царь потеръ ладонью грудь. Гимнастерка сморщилась стиральной доской.
 – Одному?
 – Да, вы вполнѣ можете ѣхать одинъ.
 – Одинъ?
 Онъ все время переспрашивалъ Яковлева, какъ ребенокъ.
 – Хорошо... Это – и правда выходъ... Но...
 – Но?
 – Я долженъ быть увѣренъ, что съ моей семьей... здѣсь ничего не случится плохого...
 Яковлевъ видѣлъ, какъ бьется сердце царя подъ гимнастеркой.
 Его рука, лежащая на столѣ, подрагивала выловленной изъ-подо льда рыбой.
 Подался къ нему. Положилъ руку ему на руку.
 Ему трудно было это говорить, но вмѣстѣ съ тѣмъ и радостно, и хорошо. Будто бы, выговаривая это, онъ грузъ съ себя снималъ, сбрасывалъ тяжесть, что мучила и выкручивала его, какъ половую тряпку, долгое, безсчетное время.

– Ваше величество! Я... не могу вамъ назвать городъ. Но вы этотъ городъ хорошо знаете. Очень хорошо. Это... главный городъ Россіи. Главный, понимаете?

– Понимаю... – потрясенно шепталь царь.

– И, если все будетъ хорошо... все-все... въ дорогѣ... ну, вы понимаете...

– Да, да...

– Я увезу васъ... далеко... въ Скандинавію, можетъ... въ Норвегію... въ Данію... но... мнѣ запрещено объ этомъ говорить, и... запрещено это дѣлать... но я...

– Не объясняйте, – шепталь царь, и сѣрые прозрачные его глаза горѣли бѣлымъ пламенемъ, – и такъ все ясно...

– И... забудьте все, что я вамъ сказалъ...

– Да, я забылъ...

– Готовьтесь. Отъѣзжаемъ на разсвѣтѣ.

– Такъ быстро?

Глаза царя налились сырой пустотой.

– Нельзя медлить.

* * *

– Аликсъ, любимая. Мы уѣзжаемъ.

Она для него всегда была красива и желанна, и никогда для него, во вѣки вѣковъ, она не станетъ старухой.

Обернулась къ нему отъ зеркала; руки закинута за голову; втыкаетъ шпильки въ сѣдой пухлый пучокъ. Вчера была баня, и она чисто вымылась и вымыла волосы золой. Здѣсь всѣ такъ моютъ. Ей, послѣ французскихъ шампуней и душистой пѣны для ваннъ, печная зола казалась дивомъ, не хуже павлиньихъ перьевъ на шляпѣ.

Такъ стояла, застывъ, и руки – на затылкѣ. Не опускала. Глазами лицо его гладила.

– Я знаю.

– Что ты знаешь?! – почти выкрикнулъ Николай.

– Тебя увезутъ въ Москву.

Царь подошелъ къ креслу и тяжело, какъ въ гробъ, опустился въ него.

– Въ Москву ли?

– Мнѣ такъ Кобылинскій сказалъ.

– Яковлевъ тоже со мной говорилъ. Онъ не назвалъ городъ.

Вотъ теперь опустила руки. Такъ стояла съ повѣшенными вдоль тѣла руками, какъ съ безвольными, въ безвѣтріи, рукавами выстиранной рубахи на бѣльевои веревкѣ.

– А мнѣ комендантъ – сказалъ. Я въ шокѣ.

Пыталась сорвать съ руки перстень. Рука опухла, палецъ раздулся, и она все рвала, рвала перстень, и губы ея шевелились беззвучно, и морщилась отъ боли.

– Если честно, я тоже.

– Тебя будутъ судить?

– Скорѣй всего.

– Судъ – ложь! Красные лгутъ! Они лгутъ на каждомъ шагу! Они везутъ тебя въ Москву для того, чтобы ты подписалъ эту дьявольскую бумагу! Этотъ миръ! Мы теряемъ поль-Россіи!

– Уже не мы.

Наконецъ сдернула перстень. Красный палецъ крючился, она чуть не плакала.

– Нѣтъ, мы! Мы! Неизвѣстно, какъ все сложится дальше! Можетъ статься, насъ освободятъ! Тогда ты снова – царь! А сейчасъ имъ нужна твоя подпись! Если ты снова будешь царь, эта гадкая бумага будетъ имѣть силу! А безъ твоей подписи – не будетъ!

– Родная, не кричи.

– Какъ же не кричать! Я не знаю, какъ мнѣ быть! Мальчикъ боленъ! Я должна сидѣть у его кровати! Я ночи не сплю... И ты, какъ ты поѣдешь одинъ? Это невозможно! Они тамъ тебя... загрызутъ!

Николай вздохнулъ такъ длинно, что ему показалось – у него лопнуть легкія.

И выдыхалъ такъ же длинно и мучительно.

– Я не мозговая кость.

– Ты – это будущее Россіи!

– Будущее? Боюсь, что мы всѣ давно уже ея прошлое.

Она хотѣла зарыдать, вынула шпильки изъ пучка, сѣдя морозныя пряди неряшливо рассыпались, плечи поднимались.

– Боже! Неужели ты такъ и вправду думаешь!

– А ты – думаешь иначе!

– Я – надѣюсь!

– А я...

Хотѣлъ ее обнять, сказать что-то хотѣлъ; махнулъ рукой.

Царица подошла къ окну. За стекломъ неслись ополоумѣвшія отъ синяго тѣста весны, куда были вмѣстѣ запечены тепло и морозъ, крылатыя небесныя галки – налетѣвшія съ сѣвера облака. Сначала летѣли сѣрыми и сизыми и черными перьями, потомъ укрупнились, шли густо, плотной стѣной, потомъ неистово клубились и пузырились, и сквозь нихъ били солнечные лучи – призрачными спѣлыми, мощными снопами.

– Какая сумасшедшая весна... – тихо прошептала царь.

– Это я схожу съ ума, – такъ же тихо отозвалась жена.

– Молись. Господь насъ надоумить.

– Господи, – она стиснула руки на груди, – да будетъ воля Твоя, а не моя!

Стояла и отражалась въ зеркалѣ. Царь, изъ-за ея спины, смотрѣлъ на ея отраженіе.

И она видѣла его въ зеркалѣ: то, какъ онъ смотритъ, любовно охватывая ее тоскливымъ, затравленнымъ и нѣжнымъ взглядомъ, пытаясь смотрѣть спокойно, а глаза все вспыхиваютъ, все горятъ и тлѣютъ тоской, вѣчной тоской.

– Да будетъ такъ.

Она быстро повернулась къ нему. Теперь въ зеркалѣ онъ видѣлъ ея съ трудомъ утянутую въ корсетъ, раздавшуюся вширь спину.

– Я все рѣшила. Я ѣду съ тобой.

Онъ взялъ ея руки. Молчалъ.

Потомъ провелъ пальцемъ по ея щекѣ, по скулѣ, по выгибу уха.

– А ты... не ошибаешься?

Пилъ глазами, близкими губами ея улыбку, внезапно и страшно – молодую, яркую, безшабашную, какъ прежде, въ замкѣ Кобургъ, когда онъ качалъ ее, тростиночку, на весеннихъ качеляхъ.

– Нѣтъ.

– Откуда ты знаешь?

Лица уже слишкомъ близко. Это почти поцѣлуй. Еще немного осталось.

– Знаю.

Губы наложились на губы, и царь щекой чувствовалъ мокрую женскую щеку, и запахъ ландышевыхъ духовъ, и запахъ крахмальныхъ кружевъ, и запахъ этой сморщенной кожи за ушами и на шеѣ – она пахла сливочнымъ масломъ, и старымъ деревомъ, и ландышемъ, и сладкимъ воскомъ, и горькимъ, какъ горчица, свѣчнымъ нагаромъ, и сгорѣвшимъ домомъ, и сгорѣвшей жизнью.

* * *

– Мама! Мама! Мама!

Царица стояла въ коридорѣ, передъ спальней сына, и крѣпко зажимала руками уши.

Капель звенѣла, сердце стучало, стучали кости отмѣренныхъ мгновений.

– Мама! Мама! Мнѣ больно! Гдѣ ты!

Мать опускалась на колѣни передъ комнатою, на порогѣ. Но не входила.

Качалась, на колѣняхъ стоя, изъ стороны въ сторону.

Уши болѣли – она слишкомъ сильно на нихъ давила ладонями.

Крикъ не утихалъ.

– Мамочка! Пожалуйста! Мама-а-а-а!

Царь ходилъ по коридору, переступая съ пятки на носокъ, пытаясь ступнями раздавить сапоги. А кулаками, добѣла сжатыми за спиной, раздавить обѣ боли: свою боль и боль мальчика.

Подходилъ къ женѣ. Клалъ руки ей на плечи.

– Милая, войди къ нему...

Она мотала головой. Голова ея опускалась все ниже. Затылокъ вровень съ плечами. Плечи отвердѣли отъ боли.

– Ну тогда уйди! Уйдемъ! Тамъ же докторъ!

Сѣдья пряди, развившись, падали съ затылка на щеки, на лобъ.

Она казалась царю голодной узницей, приговоренной къ смерти. Тюремщики открыли дверь, пытаются накормить обреченную послѣдней ѣдой. Она отталкиваетъ миску.

– Невозможно такъ... Нельзя... Ты себя измучишь...

Она вздергивала голову.

– А онъ – не мучится?!

Мальчикъ кричалъ:

– Мама! Мама! Я слышу твой голосъ! Ты же тут! Ты тут! Войди! Прошу тебя!

Царь поднималъ жену подъ локти съ пола. Ея тѣло казалось ему обвисшей мокрой тряпкой. Ее можно было выкрутить, отжать.

И лицо все мокрое; она непрерывно плакала и дрожала, тряслась, какъ въ горячкѣ, лицо отъ слезъ не вытирала, кусала губы, и зубы блестѣли сквозь пріоткрытый, искушенный, въ коричневой засохшей крови, ротъ; она крѣпко прижималась къ мужу, онъ былъ единственный, кто еще могъ ее спасти отъ нескончаемой пытки желѣзнымъ, древнимъ отчаяньемъ.

Обхватывала мужа за шею. Колыхалась вся, будто подъ вѣтромъ, истаивала и гасла и возгоралась опять. Царь еле удерживалъ ее – она сама, вся, обращалась въ безумье, въ отчаяніе и рвалась, улетала у него изъ жесткихъ рукъ.

– Не можетъ быть... Не можетъ... Я молю Бога... а Онъ – не слышитъ... никто не слышитъ... умоли ты... у меня уже нѣтъ силъ... ночь... скоро утро... Господи, миленькій! – вдругъ истошно крикнула она, какъ кричатъ дѣти, и подняла вверхъ зареванное, опухшее, съ набрякшими синими вѣками, страшное, дикое лицо. – Сдѣлай такъ, родненькій Господи, чтобы не поѣхать! Сдѣлай намъ утромъ чудо! Разрушь все! Убей коней... сожги повозки! Домъ – сожги! А насъ всѣхъ – оставь! По дорогамъ поидемъ... – глотала слезы, икала, на щекахъ вспыхивали фонарями страшныя, какъ чахоточныя, алыя пятна. – Милостыню будемъ просить! За больными – ходить! Сухарь... глотать... только... только!.. завтра!.. не поѣдемъ...

Царь ловилъ ея руки, ея пальцы, царапающіе по соленнымъ мокрымъ щекамъ.

– Не поѣдемъ... нѣтъ!.. не поѣдемъ...

– Господи, чудненькій, великій Господи!.. Ты... пошли намъ ледеходъ! Пусть рѣки вскроются скорѣй! Нынче ночью... да... нынче... и пойдутъ льдины... и возстанутъ до неба... зашуршать... и мы – не переправимся... пожалуйста, Господи...

Такъ тряслась въ его рукахъ, что онъ сильно испугался и хотѣлъ ужъ доктора Боткина звать изъ спальни наслѣдника.

– Солнышко... успокойся, успокойся... я съ тобой...

– Да, да, – шептала царица, всѣмъ огрузнѣвшимъ тѣломъ прижимаясь къ мужу, и онъ гладилъ ее по головѣ, простоволосую, какъ мужикъ гладитъ отчаянно плачущую у постели умирающаго дитяти бабу свою.

– А что, если... намъ съ собою кого-то изъ дѣтей захватить? Она дернулась и замерла. Тѣло ея одеревенѣло. Она услышала. Думала.

– Да... о да... – Дрожь ослабѣвала. Вспухшій носъ едва дышалъ, она хватала воздухъ ртомъ и становилась похожей на сѣрую сѣду, въ пятнахъ, щуку, вытащенную изъ заводи въ камышахъ. – Кого-то... вѣрно... да!.. Но кого?

– Пусть они сами рѣшатъ...

– Мама! Мама! Мама!

Опять задрожала. Опять щедро, дико потекли слезы.

– Мамочка! Больно! А-а-а-а!

И тогда она тоже крикнула: а-а-а! – и отчаянно обняла мужа, и, чтобы заглушить вопль, вмяла губы и зубы ему въ твердое и горячее, безъ привычныхъ эполетовъ, плечо.

Дочери не спали.

Онѣ тоже слышали крики брата.

Скрипѣли ступени, скрипѣли половицы. Ходили по Дому Свободы сходящіе съ ума люди. Горе, счастье? Все равно. Нынче и здѣсь – ужасъ. И побороться съ нимъ нельзя, какъ Іаковъ боролся съ Богомъ.

Таточка, ѣдемъ съ нами? О мама, ты же знаешь, я веду хозяйство. И я такъ хорошо умѣю ухаживать за Алешинькой. Онѣ безъ меня не сможетъ. Олюшка, что ты такъ смотришь? Можетъ-быть, ты поѣдешь? О нѣтъ, милая, ты же знаешь, Оличка все время болѣетъ, она простудится въ возкѣ и закашляеть, дорога неимовѣрно тяжела, всюду вѣтра, сырость, сквозняки. Не хватало только ей захворать бронхитомъ. Евгений Сергѣичъ тогда съ ногъ собьется. Настя, ты какъ? Аликсъ, не сходи съ ума. Но я уже и такъ сошла! Настинька маленькая. Обречь ее на тяготы долгаго пути до Москвы! Пощади ребенка. Хорошо. Пощажу.

Они всѣ смотрѣли на Марію, и Марія, выпрямивъ спину точь-въ-точь какъ мать, смотрѣла на нихъ.

Ждали.

И Марія тихо сказала: я поѣду.

И стали укладывать вещи. Брали только самое нужное, безъ чего нельзя было жить. Ну вотъ иконы – развѣ безъ нихъ возможно прожить хотя бы день? Сумки распахнули рты. Чемоданы набивались и плохо застегивались. Нужно было все, и нельзя было обойтись безъ того, къ чему привыкли за долгіе годы. Мальчику кричалъ, плакалъ, потомъ бормоталъ, потомъ уснулъ. Въ тишинѣ, пока онѣ спалъ, собирались; въ комнаты вошелъ комиссаръ Яковлевъ, увидаль сборы и печально сказалъ: поторопитесь, господа, времени мало, уже утро

скоро.

Онъ сказалъ: господя! – радовались дѣвочки. Царица шептала мужу: я приняла вѣрное рѣшеніе, безъ меня они тебя замучать. Я же не Христось, страшно шутиль онъ, меня же не распнуть, а она зажимала ему ротъ ландышевой рукой. Яковлевъ шепталь: собирайтесь вни-мательно, не позабудьте самага важнаго, – и царь вспомнилъ про чемоданъ со своими дневниками и велѣль принести его; и принесли чемоданъ, и онъ открыль его и долго смотрѣль на кучу бесполезныхъ тетрадей, сплошь исписанныхъ имъ самимъ.

Растопка для печки, розжигъ, мусоръ. А можетъ, вѣчное слово, кто же пойметъ, что ты написалъ, покуда слово не перейдетъ въ-бродъ рѣку времени, эту весеннюю, во льдинахъ и бурунахъ, безумную рѣку: Туру, Иртышь, Тоболь.

Шопоть Яковлева леталь надъ ухомъ пчелой: я вернусь, я приѣду обратно, я возьму Ольгу, Настю, Татьяну и Алешу, я доставлю ихъ вамъ, я сохраню. Сохраню, онъ говорить о нихъ какъ о драгоценностяхъ, шепталь царь, отведя за локоть царицу въ сторону. Она усмѣхалась. У нея послѣ рыданій опухли вѣки, и глаза-щелочки съ трудомъ глядѣли сквозь комки набухшей плоти. Все было страшно, но всѣ другъ передъ другомъ дѣлали видъ, что нѣтъ, не страшно нисколько.

Никто въ Домѣ Свободы не спаль. Спать не хотѣлось никому. Спали только кошки на чердакѣ и воробьи подъ стрѣхами; а безсонный глазъ Луны между сизыхъ обгорѣлыхъ тучъ слѣдилъ за людьми – какъ и что они дѣлають, какъ надѣются жить, и глядь, задешево отдадутъ свои жизни.

Москва, шептала царица, бросая кофты въ чемоданъ, Москва, мы тамъ такъ давно не были! Какая она теперь, при красныхъ? Другая? Той уже нѣтъ, она мертва. Но это не значить, что новое хуже стараго. Можетъ, новое какъ-разъ лучше. Но мы старое любимъ больше. А то, что мы любимъ, неподвластно смерти.

Ночь шла и проходила, и, сложивъ вещи, они всю ночь сидѣли съ дѣтьми, бокъ-о-бокъ съ Ольгой и Татой, съ Настей и Машкой, а Алексѣй, преодолевъ страшную боль и переплывши рѣку слезъ, спаль въ слезахъ, тоже съ опухшимъ, отечнымъ лицомъ, закинувъ руки за голову, раскинувшись на мокрой отъ слезъ и пота подушкѣ, и докторъ Боткинъ у его изголовья шепталь самъ себѣ: Господи, я жъ такъ и собрался не успѣю, всѣ уже собрались, а я нѣтъ.

И вышелъ изъ спальни цесаревича и осторожно, на цыпочкахъ, прошель къ своей кровати, вытащиль изъ-подъ нея свой старый чемоданъ съ уголочками, обитыми посеребренной жестью, и быстро, будто пожарникъ на пожаръ собирался, побросаль въ него жилетки и манишки, брюки и рубахи, плащи и башмаки. И, побросавъ, закрывши чемоданъ на ключъ, сѣль на него и обнялъ лобъ ладонями, и такъ сидѣль.

А командиръ Авдеевъ ѣздиль по ночному Тобольску на конѣ, нанималъ кучеровъ, коней и повозки, торговался, злился, кричалъ, сговаривался. Били по рукамъ. Зло летѣли деньги, бывало, и наземь. А передъ Яковлевымъ стояль навтыжку командиръ Бусяцкій, и Яковлевъ жестко чеканиль ему: охраняйте дорогу! Я долженъ знать, что я ѣду въ полнѣйшей безопасности! Если что случится съ царями или со стрѣлками охраны – вы будете отвѣчать головой! Я васъ самъ разстрѣляю!

И Бусяцкій, виды видавшій, стояль передъ гладко выбритымъ московскимъ комиссаромъ, подгибая ноги, искаль глазами на лицѣ Яковлева хоть кроху сочувствія, человѣчности – и не находиль: это гладкое лицо сейчасъ было желѣзнымъ и оставалось стальнымъ и безстрастнымъ, объ него, если его ударить, можно было поранить руку, разбить въ кровь кулакъ. А Яковлевъ смотрѣль на сѣрое, какъ ломкій ледъ на Турѣ, лицо Бусяцкаго и думаль: блѣдный какой, значить, меня боится.

Страшна переправа черезъ Тоболь. Да глаза боятся, руки дѣлають. Переправу будутъ охранять. А отрядъ Заславскаго, тихо спросиль блѣдный Бусяцкій, его мы куда дѣнемъ? Яковлевъ молчалъ долго, потомъ сказалъ такъ же четко, желѣзно, и скулы его налились темнымъ желѣзомъ: вотъ и держите его въ городѣ, не выпускайте, тяните время, стрѣляйте, взрывайте, что хотите творите. Мы должны ѣхать. И мы – должны – уѣхать.

Васъ поняль, вышептываль Бусяцкій и вытираль потъ со лба, а въ ночи сверкала, наливаясь горькимъ молокомъ, Луна, горѣль надъ крышами звѣздопадъ, умирали отъ холода, голода и любви зимня птицы, не дождавшись новаго дня.

Продолжение следует